

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИРАН

ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

9(М)7
И77

Ответственный редактор
А. З. АРАБАДЖЯН

Книга состоит из четырех очерков-исследований, посвященных важнейшим по социально-политическому и экономическому содержанию периодам новейшей истории Ирана, определявшим его движение по пути преодоления отсталости.

И $\frac{10603-052}{013(02)-76}$ 63-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию читателя Очерки не охватывают всех этапов истории Ирана в новейший период. Однако тематика их позволяет увидеть как социально-экономическое, так и политическое содержание эволюции иранского общества в этот период его истории.

Великая Октябрьская социалистическая революция в самом прямом смысле слова положила начало новейшему и важнейшему периоду истории Ирана. Уже в первые дни после Октябрьской революции молодая Советская республика создала важнейшие международно-политические предпосылки для восстановления Ираном его фактически погнанного суверенитета. Иран стал одной из первых стран Востока, по отношению к которым социалистическая Россия начала проводить в жизнь принципы ленинской внешней политики — равноправие сторон, взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимную выгоду и сотрудничество. Советская Россия приняла непосредственное участие в борьбе иранского народа против господства империализма, оказав ему морально-политическое и материально-правовое содействие в том, чтобы он сумел положить конец периоду колониального закабаления и стать на путь преодоления отсталости.

Примерно полуторавековой период новой истории Ирана, в течение которого поздний иранский феодализм, отмеченный, как и в других странах Азии, печатью застойности, подвергался своеобразной гальванизации со стороны развитых капиталистических стран Европы, не прошел бесследно для Ирана. Более того, он в конечном итоге знаменовал даже шаг вперед в ходе исторической эволюции этой страны. Однако то был процесс глубоко противоречивый и чрезвычайно болез-

ненный. Достаточно вспомнить о том, что среди исторических, экономических, социально-политических слагаемых этих полутора веков, вытянувших иранское общество из застойного феодализма к преддверию капиталистического развития, были и следующие.

К концу XIX — началу XX в. страна оказалась превращенной в аграрно-сырьевой придаток империализма и рынок сбыта товаров развитых капиталистических стран.

Почти одновременно с первой русской буржуазно-демократической революцией 1905—1907 гг. и под непосредственным ее влиянием Иран также пережил свою первую буржуазную революцию (1905—1911 гг.). Эта революция вписала не одну героическую страницу в историю иранского народа и стала одной из провозвестниц той исторической полосы в жизни народов Востока, которую В. И. Ленин назвал временем «пробуждения Азии». И в своем взлете и в своем поражении она обнажила ту специфику, которую приобретает процесс общественно-экономического развития, когда он проходит в условиях господства феодального обскурантизма и колонизаторского своекорыстия. Иранская революция еще в своей предыстории имела значительные по условиям страны проявления буржуазного национализма. Своим острием этот национализм был направлен против иностранного засилья. Одновременно он содержал в себе требования буржуазных свобод и гарантии личности. Добившись замены деспотической власти монарха конституционной монархией, революция скорее поставила, чем решила, целую совокупность задач, которые были направлены на превращение страны в буржуазную монархию и многие из которых удивительным образом сохранили свою свежесть и по настоящее время. В борьбе же с колонизаторами революция, стремившаяся взять верх над ними, сама пала со сломленным хребтом.

В годы первой мировой войны, разделенная соперничеством английского империализма и русского царизма на юридически оформленные сферы влияния, опутанная кабальными займами этих держав, растоптанная войсками воюющих сторон, хотя и объявившая нейтралитет, страна эта становится, говоря словами В. И. Ленина, «почти полностью колонией».

С таким итогом пришел Иран к исходу большого отрезка времени, именуемого периодом новой истории. А между тем достаточно было послеоктябрьскому периоду истории человечества отсчитать свои первые недели и месяцы, как появились первые признаки того, что впредь история будет работать на преодоление старого порядка вещей в Иране, на преодоление полуколониальной придавленности, на преодоление отсталости. Вот почему новейший период истории Ирана, которому посвящены эти очерки, выше был назван важнейшим.

Как увидит читатель, прошедшие пять с половиной десятилетий новейшего периода истории Ирана оказались временем, весьма насыщенным как событиями, так и процессами, внешним выражением которых были эти события. В целом это было время ускоряющегося развития иранского общества, хотя оно, время это, знало и полосы, когда движение вперед замедлялось и даже сменялось попятным.

Если попытаться дать самую общую характеристику содержания упомянутых процессов, есть основание сказать следующее:

Начав полосу своей новейшей истории страной, все еще вступавшей в период, переходный от феодализма к капитализму, к 70-м годам Иран подошел страной, завершающей этот затянувшийся путь. Движение по этому пути (в рамках рассматриваемого в Очерках периода) не было равномерным, хотя процесс количественных и качественных изменений шел непрерывно.

Первым значительным проявлением этого процесса стали реформы 20—30-х годов, которые приобрели поистине хрестоматийную известность, пожалуй, прежде всего из-за той быстроты, с которой в ходе их осуществления старое, феодальное обличье страны менялось на новое, буржуазное. Вместе с тем не меньшей известности заслуживают они и по тому, как, меняя и облик, а в чем-то и существо старого, феодального, они бережно обходили то, что составляло, быть может, самое существенное в этом старом — всесилие землевладельца и хозяйственно-правовую немощь землепользователя. Если же эти реформы касались их, то лишь затем, чтобы вновь и вновь благоприятствовать сохранению этих отношений как основы, на которой предписывалось расти буржуазному новому. И действительно,

это новое росло, находя свое выражение в недвусмысленных атрибутах буржуазности как в экономике, так и в сфере общественной жизни. При этом проводником его, а иной раз и провозвестником оказывалось государство. Однако то было государство, само же обременявшее это новое веригами своей приверженности к сохранению экономического и общественного всемогущества землевладельцев, которые все более превращались в не показанный развивающемуся обществу симбиоз феодального и буржуазного начал.

И в смысле ускорения процесса перехода от феодализма к капитализму, и в смысле перехода количественных изменений в качественные несравненно более важной вехой стали 60-е годы. Для того чтобы открыть в указанное десятилетие дорогу таким превращениям, в Иране потребовалось проведение совокупности экономических и социальных реформ, объективный смысл которых заключается в обеспечении социально-экономических условий, создающих простор для развития капиталистических отношений как в городе, так и в деревне. В городе — такого развития, в результате которого центральной фигурой общественного производства должен стать капиталист-промышленник, которому, по мысли господствующих классов, будут созданы возможности невозбранной эксплуатации пролетария, чью политическую бдительность государство тщится усыпить идиллической «общности» интересов этих антиподов. В деревне — такого развития, вследствие которого на стремнину общественного производства должны оказаться вынесенными корпоративные формы капиталистического сельскохозяйственного производства, должна обрести свое содержание фигура помещика-капиталиста, а крестьяне — мелкие товаропроизводители, объединенные в потребительские и сбытовые кооперативы, наряду с широким участием в создании сельскохозяйственной продукции должны быть средой, из которой будут рекрутироваться как наемные рабочие для сельскохозяйственного производства (хотя не только для него), так и капиталистические предприниматели

Такое социально-экономическое содержание завершающегося перехода от феодализма к капитализму стало очень важным фактом биографии иранского общества 60-х годов. Однако не менее значительным об-

стоятельством явилось то, что реформы вошли в жизнь Ирана как чрезвычайное средство, призванное предотвратить социальный взрыв, на пороге которого оказалось иранское общество в самом начале 60-х годов вследствие постепенно назревавшего в течение ряда лет социально-экономического и политического кризиса, резко обострившегося во второй половине 50-х годов.

Огромный исторический и социально-политический смысл описанного выше процесса заключается в том, что он стал очевидным свидетельством своеобразной стратификации внутри самих господствующих классов, в основе которой лежало понимание неумолимости требований времени, диктующих необходимость отмены старого, феодального, или отсутствие такого понимания. В Очерках немало свидетельств этому. Происходя в различные периоды с разной интенсивностью, иной раз становясь зримой, в другое время проходя подспудно, эта стратификация привела к тому, что к началу 60-х годов и из среды помещичьего класса и из рядов буржуазии выделились определенные слои, элементы, личности, осознавшие классовую необходимость обеспечения буржуазного варианта понимания общенациональных интересов и реализации этого варианта. Оказавшись решающим фактором в формировании политики государства, его стратегии и тактических действий, эти силы стали олицетворять собою иранское государство 60—70-х годов.

Представленное этими силами государство сумело подняться до осознания необходимости отрешиться от заскорузлой политики, игнорирующей требования социально-экономического развития страны, только под тяжестью крупных неудач и провалов как в экономике, так и общественной жизни, под давлением социально-политической борьбы масс, накал которой и стал главным фактором, поставившим иранское общество на грань упоминавшегося выше социального взрыва.

В ходе реализации реформ понадобилась прямая инициатива государства, преодоление им сопротивления тех слоев господствующих классов, которые выступали против реформ (преодоление законодательное, административно-политическое, вплоть до применения оружия), для того чтобы реформы могли быть приняты как законодательные акты и началось бы их осуществление.

Анализируя реформы 60-х годов, можно увидеть достаточно оснований для того, чтобы сказать, что проведение их может быть названо своеобразным перехватом инициативы демократических сил иранского общества, мыслей, намерений, призывов, программ, всего того, что вызывало гнев властей предрержащих и оказывалось достаточными для того, чтобы эти силы подвергались остракизму. Отмеченное может и не бросаться в глаза, и это не удивительно: реформы представляли собою не только угодную государству интерпретацию идей и программ, исходивших от демократических сил. Они оказались «обогащенными» рядом таких социально-экономических и политических мер, которые направлены на укрепление позиций развивающегося капитализма.

В плане социально-политическом, общественном период новейшей истории весь пронизан неустанной борьбой трудящихся масс иранского общества и значительных слоев его интеллигенции, борьбой классовой, борьбой демократической, борьбой антиимпериалистической. Хотя эти формы движения имели периоды подъема и спада, побед и поражений, непреложным было и осталось наличие их, равно как и сохранение глубинных причин, порождающих эти формы борьбы.

Сегодня, оглядываясь уже на вереницу десятилетий, составляющих период новейшей истории Ирана, и пытаясь осмыслить уроки классовой борьбы трудящихся этой страны, их передового отряда, вооруженного научной идеологией рабочего класса, можно не только с отчетливостью увидеть победы и поражения, которыми была отмечена эта борьба, но и подметить некоторые изменения в соотношении в ней объективного и субъективного факторов.

Главным рубежом, обозначающим во времени изменения в указанном соотношении, также является начало 60-х годов. Нерешенность задач не только буржуазно-демократической, но и просто буржуазной революции, которые, как упоминалось ранее, были по существу лишь поставлены иранской революцией 1905—1911 гг., приводила к тому, что именно они прежде всего привлекали внимание многомиллионных масс города и деревни; города, в котором они были представлены в своем большинстве так называемыми средними слоями,

т. е. социальной средой, для которой буржуазность (со всеми колебаниями влево и вправо) является родной стихией; деревни, для подавляющего большинства населения которой предметом мечты были такого рода изменения, сущность которых заключалась в смене полуфеодальной придавленности мелкобуржуазным порядком. В этих условиях набор преобразований, проведение которых составляет задачу буржуазно-демократической революции, оказывался для этих масс таким частоколом насущных задач, который заслонял более широкую перспективу, оказывавшуюся доступной обзору рабочего класса. Свидетельством такой широты кругозора были на протяжении этих десятилетий стачечная борьба и его политические выступления. Однако в условиях охарактеризованной выше социальной среды города и деревни широта кругозора малочисленного рабочего класса, к тому же находившегося в стадии экономического, социального и политического формирования, ни для него, ни тем более для его передового отряда не должна была служить основанием к тому, чтобы хоть в какой-то мере сбрасывать со счетов эту специфику. Как показал анализ причин побед и поражений перечисленных ранее форм движений в Иране, во многом специфика эта игнорировалась. Следствием становилось искаженное восприятие как объективного, так и субъективного факторов. Степень их зрелости воспринималась преувеличенно, особенно степень зрелости субъективного фактора.

В 60-е годы, когда вместе с ускорением процесса развития народного хозяйства начала быстро расти численность пролетариата и он стал занимать все более важное место в общественном производстве, могли сложиться условия для быстрого созревания не только объективного, но и субъективного фактора. Однако государство в ходе реализации своих социально-экономических реформ и разработки официальной идеологии стало проводить в отношении рабочего класса такую политику, которая направлена на лишение его революционной потенции. Это, по мысли господствующих классов, должно дать возможность использовать созидательную силу эксплуатируемых для производства и накопления богатства и одновременно отводить угрозу революционного преобразования общества.

В какой степени удастся господствующим классам добиться своих желаний, покажет только жизнь в длительном ее проявлении. Сегодня же представляется, что можно говорить о своеобразном забегании вперед при оценке субъективного фактора передовым отрядом рабочего класса в 20—50-е годы. Для периода же 60-х и ныне идущих 70-х годов есть основание говорить о том, что в силу изложенной выше причины характерным становится опережение объективным фактором субъективного.

Существование непрерывной, хотя и имеющей периоды подъемов и спадов, демократической борьбы, движущей силой которой на протяжении всего рассматриваемого времени были и эксплуатируемые классы и так называемые средние слои, а временами даже более высоко стоящие социальные группы, сделало очевидным наличие непреходящего глубокого противоречия между потребностями иранского общества в демократическом развитии и реальными возможностями для него.

Примечательным явлением истории страны, подтверждающим это обстоятельство, стало то, что даже к концу 60-х — началу 70-х годов, когда реализация социально-экономических реформ привела к определенному спаду классовой борьбы, иранское общество продолжает оставаться политически заряженным. При этом водораздел социальной борьбы больше, чем в предшествующие годы, проходит внутри класса буржуазии, а главным лозунгом, под которым идет эта борьба, является требование реальных конституционных свобод.

Антиимпериалистическая борьба в отличие от борьбы классовой и демократической оказалась той формой общественного движения, к которой непосредственное отношение имело и государство, на различных этапах развития страны с различной степенью активности принимавшее непосредственное участие в ней. Однако в отличие от масс трудящихся государство, руководствуясь социальными интересами господствующих классов, вело эту борьбу, не выходя за пределы классового союза с империализмом, который фактически сложился еще в начале 20-х годов, в процессе подавления революционного и демократического движения на севере страны. Поэтому в некоторые периоды участие государства в

антиимпериалистической борьбе падало до нулевой отметки. Следствием такой позиции становился курс односторонней ориентации на всемерное расширение связей с империализмом, в частности после поражения широкого антиимпериалистического движения, связанного с борьбой за проведение в жизнь закона о национализации Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) в 1951—1953 гг.

Однако примечательнейшим фактом истории страны стало то, что когда возникла необходимость вызволять господствующие классы из социально-экономического и политического кризиса, когда натиск неоколониалистской политики империализма сделал очевидным, что поставлена под реальную угрозу реализация задачи преодоления отсталости, выход был найден в отказе от односторонней ориентации на Запад и в повороте к курсу расширения связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами, связей, главным содержанием которых стало взаимовыгодное экономическое и техническое сотрудничество.

История взаимоотношений Ирана с развитыми капиталистическими странами в 50-е годы и даже в первой половине 60-х годов дала немало примеров, способных убедить в том, что империализм, поддерживающий тесные связи с этой страной, придававший и придающий исключительно большое политическое значение сохранению в ней общественного строя, покоящегося на частной собственности, видящий в ней один из важнейших своих политических и военных форпостов на Ближнем и Среднем Востоке, тем не менее воспринимал и воспринимает Иран как объект эксплуатации, осуществляемой неоколониалистскими методами. Поэтому он не видел для себя резона считаться с тем, что страна поставила перед собой большую и сложную общенационального масштаба задачу, задачу преодоления экономической отсталости.

Между тем ряд событий второй половины 60-х годов, как и последующих лет, создал Ирану возможность избрать такой образ действий, который позволяет ему, хотя и выплачивая империализму немалую дань, использовать свои экономические связи с ним для решения задачи преодоления экономической отсталости, превращения в экономически развитую страну.

Событиями этими стали советско-иранские соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве и их реализация. Они сделали очевидным, что, несмотря на свои экономические связи с империализмом, экономическую помощь, поступавшую от него, использование технических услуг, поставляемых им, когда в порядок дня встала такая задача, как создание основ тяжелой промышленности и ломка старой, колониальной по своей сути отраслевой структуры народного хозяйства (чему упорно противился империализм), Иран приступил к ее решению, опираясь на экономическое и техническое содействие именно Советского Союза.

Это чрезвычайно символический факт, в котором нашла отражение историческая закономерность в отношениях великой страны социализма и развивающейся страны Востока, стремящейся к созданию развитой национальной экономики. Особую значимость ему придает то обстоятельство, что указанная закономерность пробилась себе дорогу сквозь многие трудности как объективного, так и субъективного характера.

Внешнеполитический курс, избранный Ираном в начале 60-х годов и разработанный не без учета идеи мирного сосуществования государств с различным общественным строем, дал ему очень многое. Он привел к заметному росту относительной самостоятельности его внешней политики как страны, находящейся в рамках мировой капиталистической системы. Он привел к укреплению суверенности экономической политики иранского государства как в внутривнутриполитическом, так и во внешнеэкономическом аспекте. В условиях, когда по объективным причинам страна вынуждена прибегать к широким экономическим связям с империализмом, указанное изменение дает возможность использовать эти связи для преодоления отсталости. Расширяющиеся связи с содружеством социалистических стран, экономическое и техническое сотрудничество с ними стали весьма серьезным фактором укрепления позиций Ирана в его отношениях с империализмом даже при сохраняющемся социально-политическом союзе между ними. Они вынудили империализм постоянно учитывать факт утраты им монополии на экономические и технические услуги, на технические знания.

Уже этих обстоятельств было бы достаточно, чтобы

60-е годы заняли особое место в истории Ирана. Используя этот отрезок времени также для проведения совокупности социально-экономических реформ, подойдя к концу десятилетия близко к превращению в страну аграрно-индустриальную, значительно подняв уровень здравоохранения и просвещения населения, Иран закрепил за 60-ми годами их особое место как периода, когда процесс преодоления экономической и социальной отсталости стал происходить нарастающими темпами.

В 70-е годы Иран вступил, наметив широкую программу дальнейшего роста и преобразований. Конечно, на этом пути встретятся трудности, как и при всяком движении вперед. Однако они выйдут за рамки обычных трудностей созидания, так как во многом будут иметь причиной определенную социально-политическую неустроенность иранского общества, снять которую не оказались в состоянии реформы. Атмосфера политической напряженности в стране, особенно в городах, находящая отражение на страницах разрешенных газет и журналов, сообщения правительственных официозов и полуофициозов о приговорах лицам, выступившим против режима, чувство подавленности и глубокой неудовлетворенности, испытываемое творческой интеллигенцией и находящее недвусмысленное выражение в произведениях прозы и поэзии, сообщения о трудовых конфликтах на предприятиях служат достаточным обоснованием высказанного выше суждения, равно как и свидетельством сохраняющейся политической заряженности иранского общества, о чем упоминалось ранее. Одновременно это подводит к мысли о том, что, несмотря на свою разносторонность, реформы 60-х годов и преобразования, продолжающиеся в 70-х годах, не воспринимаются многими слоями иранского общества, склонными довольствоваться так называемыми буржуазными свободами, как нечто равноценное этим свободам или способное подменить их.

Действие факторов, порождающих отмеченные выше явления (если эти факторы не будут сняты жизнью), и станет приносить в обычные трудности роста трудности специфические, устранить которые неспособны даже весьма благоприятные финансовые и материально-технические условия развития производительных сил, кото-

рые сложились у иранского государства к середине 70-х годов.

Печатью своеобразия, по всей вероятности, окажется отмеченной и судьба благоприятных финансовых возможностей: уже к середине 70-х годов государство, как бы вдогонку их лавинообразному росту, стало отчуждать гигантские суммы на непроизводительное потребление — на покупку новейших средств, используемых в случаях, когда межгосударственные конфликты начинают «решать» немирным путем. Эти действия сопровождались таким «обогащением» палитры внешнеполитических акций государства, которое привнесло в охарактеризованный выше курс 60-х годов отчетливо выраженный оттенок гегемонизма, по меньшей мере регионального.

Завершая это предисловие, автор полагает, что подтверждение многим высказанным здесь суждениям читатель найдет в Очерках.

ИРАН В ПЕРИОД МОНАРХИИ РЕЗА-ШАХА (1925—1941)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОНАРХИИ ПЕХЛЕВИ

Провозглашение 12 декабря 1925 г. Учредительным собранием Реза-хана наследственным шахом Ирана знаменовало смену феодальной династии Каджаров монархией Пехлеви, отражавшей в своей сути, несмотря на кажущуюся разнородность ее социальной опоры, интересы торгового капитала, и прежде всего полуфеодальных помещиков и торговой буржуазии. Приход к власти в стране монархии Пехлеви завершил цепь бурных политических событий, в основе которых лежали принципиальные сдвиги в социально-экономическом и политическом развитии Ирана в последней четверти XIX — первой четверти XX в.

Названные сдвиги по мере все более тесного включения иранского хозяйства в систему мировых экономических и общественных связей проявлялись в постепенном утверждении в стране переходных (в аспекте формационного развития системы многоукладного хозяйства) от феодального к капиталистическому способу производства общественных отношений. Особенности их заключались в том, что на рассматриваемом этапе, как, впрочем, и в последующие десятилетия, капиталистические отношения прослеживались преимущественно в сфере обращения и даже в городе лишь в незначительной степени охватывали область производства. Отражая рост международного разделения труда и создание мирового капиталистического хозяйства, этот путь социально-экономической эволюции, в принципе общий для

большинства стран Азии, обуславливался прежде всего резко усилившимся (с перерастанием хозяйства ведущих капиталистических держав в империалистическую стадию) подчинением хозяйств этих стран интересам мирового капиталистического хозяйства, превращением их в источник сырья и рынок сбыта для промышленности капиталистических держав¹.

В большинстве стран Азии интенсивность и нередко формы развития капиталистических отношений находились в тесной зависимости от степени, форм и методов вовлечения хозяйства этих стран в орбиту мирового капиталистического хозяйства, что, в свою очередь, в значительной мере предопределялось степенью колониального или полуколониального подчинения той или иной страны, а также ее географическим положением (главным образом с точки зрения проблемы рынка), уровнем развития, структурой и особенностями социально-экономического строя каждой конкретной страны и метрополии².

В мировой капиталистической системе конца XIX — начала XX в. Иран занимал своеобразное положение. Опутанный сетью неравноправных договоров, резко ущемлявших государственный суверенитет, Иран в значительной мере лишь благодаря соперничеству между Англией и Россией сохранял весьма призрачную политическую независимость. Фактически он уже стоял на пороге потери суверенитета. Прямым подтверждением этого было заключение между Англией и Россией в 1907 и 1915 гг. соглашений о разделе Ирана на сферы влияния; превращение в период первой мировой войны территории страны вопреки объявленному Ираном нейтралитету в арену военных действий армий империалистических держав; формирование британскими офицерами в южных и восточных районах страны воинских соединений из местных жителей; оккупация Ирана английскими войсками и попытка превращения его после окончания войны в британский протекторат. В 1915 г. В. И. Ленин писал об Иране как о стране, которая на $\frac{9}{10}$ стала колониальной³, а в 1918 г. говорил, что Англия «скупилась всю Персию»⁴.

Далеко зашедший (при остром соперничестве Англии и России) процесс политического закабаления Ирана, который сопровождался ослаблением и деморализацией

центральной власти, был одной из основных причин того, что последствия включения иранского хозяйства в систему мировых экономических связей сказывались в Иране (как с точки зрения интересов развития хозяйства в целом, так и особенно капиталистического предпринимательства) гораздо тяжелее, чем даже в колониальных странах, в частности в Британской Индии⁵. Если в Индии в значительной мере под воздействием более глубокого вовлечения хозяйства в орбиту мирового капиталистического рынка сложились известные предпосылки для развития капиталистического предпринимательства непосредственно в сфере материального производства, то в Иране наблюдалась, скорее, обратная картина. Рост экономической экспансии капиталистических держав во многом привел к подрыву уже складывавшихся в ходе социально-экономической эволюции Ирана предпосылок для капиталистического предпринимательства в промышленности, к почти полной ликвидации первых достижений этого предпринимательства⁶. И здесь ведущую роль сыграли политические факторы, и прежде всего быстрый, поставивший Иран на грань превращения в колониальную страну рост его политической зависимости от Англии и России, который необычайно усугублял отрицательные последствия включения иранского хозяйства в систему мирового капиталистического хозяйства. Рост политического закабаления Ирана, который сопровождался в конце XIX — начале XX в. дезорганизацией центральной власти, ростом сепаратистских тенденций губернаторов провинций и областей и особенно ханов племен и расцветом феодальной анархии, был во многом исходной базой для невероятного разгула произвола в самых различных формах, когда, по словам Л. Ф. Тигранова, решение всех вопросов в Иране «осуществлялось по принципу силы»⁷. В результате фактически были сведены на нет и без того весьма призрачные в условиях господства феодальной династии Каджаров гарантии личности и собственности — этой необходимой предпосылки капиталистического предпринимательства⁸. Вместе с тем установление в стране капитуляционного режима, который по сути дела не допускал принятия правительством сколько-нибудь серьезных решений без санкции официальных представителей Англии и Рос-

сии, фактически исключало возможность осуществления иранским государством эффективных протекционистских мероприятий в интересах развития национального хозяйства и создания предпосылок для капиталистического предпринимательства в условиях роста конкуренции иностранных товаров на внутреннем рынке. Более того, тесная политическая зависимость Ирана от Англии и России стала основой для навязывания соглашений, которые воздвигали дополнительные преграды для развития капиталистического предпринимательства⁹.

Все это во многом предопределяло особенности включения иранского хозяйства в систему мировых экономических и общественных отношений. Эти особенности заключались в том, что свойственный для монополистической эпохи развития мирового хозяйства вывоз капитала в экономических связях западных держав и России с Ираном осуществлялся преимущественно в ссудной форме и почти не затрагивал сферу материального производства, обычно не приобретал самостоятельного значения и направлялся главным образом в сферу обращения и обслуживавшие преимущественно эту сферу отрасли инфраструктуры с целью обеспечения прежде всего благоприятных условий для операций иностранного капитала во внешней торговле страны. Это позволило «в невиданных ранее масштабах усилить ограбление ее через каналы внешней торговли», которая играла «первенствующую роль в общей системе рычагов колониальной эксплуатации Ирана». В итоге происходило «интенсивное развитие товарно-денежных отношений», которое определялось главным образом «характером экономических связей Ирана с мировым капиталистическим рынком, а не внутренними факторами»¹⁰.

В сложившихся в конце XIX — начале XX в. внутренних и международных условиях рост экономической экспансии иностранных монополий особенно тяжелое воздействие оказывал на развитие промышленности в Иране. Под прямым влиянием усиления конкуренции иностранных товаров потерпело банкротство большинство национальных фабрично-заводских предприятий, которые с 50-х годов XIX в. эпизодически открывались в Иране «отдельными богатыми купцами и представителями феодальной верхушки»¹¹, различными «акцио-

нерными компаниями и обществами»¹². Равным образом закрылись фабрично-заводские предприятия, принадлежавшие русской и бельгийской буржуазии¹³. Вместе с тем и кустарное производство (за исключением его отдельных специфических отраслей, как ковроделие) в результате роста конкуренции изделий промышленности империалистических стран потерпело огромный ущерб.

В первой половине 20-х годов, с укреплением в Иране центральной власти и проведением ряда протекционистских мероприятий, условия для капиталистического предпринимательства в промышленности заметно улучшились. Среди купцов и помещиков возникла тенденция к использованию накоплений в отраслях промышленности, «опирающихся на внутренний рынок». Наиболее отчетливо эта тенденция проявлялась у купцов и помещиков северных областей, которые в первые годы после Великой Октябрьской революции несли крупные потери от разрыва и от неоднократных нарушений внешней торговли с Россией, кризисов сбыта в экспортных отраслях сельского хозяйства¹⁴. Однако и к концу 20-х годов капиталистическое предпринимательство еще мало затронуло сферу промышленности. В самой крупной отрасли промышленности — текстильной¹⁵ — в этот период на долю кустарного производства приходилось свыше 90% валовой продукции¹⁶.

Усиление втягивания иранской экономики в систему мирового капиталистического хозяйства оказывало глубокое (хотя в известных пределах в сравнении с промышленностью и противоположное) воздействие на развитие сельского хозяйства, которое в начале XX в. давало ориентировочно 80—90% валового национального продукта. В 1906 г. на сельское хозяйство и связанные с ним сферы деятельности приходилось около 90% и в 1926 г. — около 85% всех занятых¹⁷. Рост зависимости от мирового рынка проявлялся в быстром повышении товарности производства, увеличении удельного веса технических, садовых и иных экспортных культур и в ухудшении положения в производстве зерновых, которые шли преимущественно на обеспечение внутренних нужд страны.

Решающее воздействие на производство экспортных культур оказывал рост экономических связей с Россией, которая в значительной мере благодаря территори-

альной близости и удобству перевозок стала основным партнером Ирана во внешней торговле. В иранском импорте накануне первой мировой войны (1913/14 г.) на долю России приходилось 55%, а в вывозе, подавляющую часть которого составляла продукция сельского хозяйства, — 66,2%, тогда как на долю Англии — соответственно 27 и 12,5%¹⁸. Легко представить, какой ущерб при таких условиях потерпело иранское сельское хозяйство, и прежде всего его экспортные отрасли, в результате резкого сокращения в 1917/18 г. и почти полного прекращения в 1918/19—1921/22 гг. торговли через северные границы в связи с революционными событиями и гражданской войной в России, а также оккупацией страны британскими войсками.

Следует также отметить, что развитие сельского хозяйства (как и эволюция иранской экономики в целом) на протяжении почти всей первой четверти XX в. протекало в обстановке острых политических столкновений, в которых активное участие принимали как внутренние, так и внешние силы. Эти столкновения, зачастую проходившие в форме вооруженной борьбы и обычно сопровождавшиеся грабежами населения, приводили к запустению отдельных районов, опустошению полей, гибели скота и разорению селений. Особенно серьезный ущерб деревня потерпела в ходе военных действий войск империалистических коалиций на территории страны и внутривосточной борьбы в период мировой войны. Прибывший в Иран в 1922 г. американский советник А. К. Мильспо сообщал, что в результате разрушения селений и ирригационных сооружений отдельные местности превратились в пустыню. В одном из северо-западных районов, в котором насчитывалась 241 деревня, 106 селений лежали в руинах и были покинуты жителями¹⁹. В период войны и первые послевоенные годы резко сократились посевы и поголовье скота, намного возросли цены на хлеб и другие продовольственные товары. Внутривосточные потрясения, мировая война и нарушение внешней торговли после революции в России вызвали настолько серьезную экономическую разруху в Иране, какой, по словам иранского автора Реза-заде Шафака, в стране, возможно, не наблюдалось даже в период монгольского нашествия: «Постоянно в том или ином районе вспыхивают

голод, эпидемии, от которых ежегодно умирают сотни тысяч человек»²⁰.

Прекращение торговли с Россией нанесло огромный ущерб наиболее влиятельным слоям иранского торгового капитала северных и значительной части центральных областей, которые в своих коммерческих операциях опирались на русский рынок²¹. Неся серьезные убытки, буржуазия этих областей, несмотря на то что она в целом отличалась антикоммунистическими настроениями, выступила за установление дипломатических и экономических отношений с Советской Россией, невзирая на различия в политическом и общественном строе государств²². Отражая интересы торгового капитала и опасаясь социальных последствий экономического кризиса, официальная газета «Иран» еще в 1919 г. писала: «Перед Персией стоит дилемма: или скорейшее возобновление экономических отношений с Россией, или полное разорение. Третьего выхода быть не может»²³. Такова была экономическая подоплека установления советско-иранских отношений, что уже в первой половине 20-х годов принесло реальные плоды в развитии иранского хозяйства.

Экономические сдвиги, происходившие в Иране в последней четверти XIX — первой четверти XX в. с тесным включением его в систему мировых экономических связей, сопровождались принципиальными изменениями в общественном строе страны. Превращение Ирана в источник сырья (главным образом продукции растениеводства и животноводства) и рынок сбыта изделий промышленности империалистических держав в значительной мере обусловило то, что капиталистические тенденции в рассматриваемый период наиболее отчетливо проявлялись в деревне. Это находило выражение прежде всего в довольно быстром росте товарности сельского хозяйства, в формировании полуфеодального хозяйства²⁴, которое постепенно занимало преобладающее положение в деревне, и многоукладной социально-экономической структуре страны.

Утверждение полуфеодального хозяйства сопровождалось массовым введением, причем в значительной мере явочным порядком, принципа частной собственности на землю, который приходил на смену правам помещиков на «условное владение» и правам крестьян на

«вечную аренду». В результате распродажи и расхищения государственных и вакфных земель, а также захвата общинных земель около 90% обрабатываемых площадей в 20-х годах уже находилось в частной собственности²⁵. При этом около 50% частных обрабатываемых земель принадлежало крупным помещикам — собственникам имений размером более 100 га²⁶. Вместе с тем процесс формирования полуфеодального хозяйства сопровождался концентрацией земель в руках помещиков (включая ханов племен и представителей духовенства) и обнищанием и разорением крестьян.

Формирование полуфеодального хозяйства наблюдалось и ранее, но этот процесс не достиг таких масштабов, которые позволили бы говорить о серьезных переменах в аграрном строе Ирана. Между тем с последней четверти XIX в., когда расширение поставок продукции сельского хозяйства на экспорт охватывало нередко даже отдаленные центральные и юго-восточные районы страны²⁷, названный процесс получил такое развитие, что М. Павлович, например, в трансформации феодального хозяйства в полуфеодальное с сопутствовавшим этому процессу установлением господства частной собственности помещиков на землю увидел фактически возникновение «новой социальной формации»²⁸. Разумеется, нельзя говорить об утверждении в рассматриваемый период в деревне «новой социальной формации» в прямом смысле слова, но в известном смысле слова, учитывая в первую очередь то, что экономическое развитие Ирана уже протекало в тесной связи и взаимозависимости от эволюции мирового капиталистического хозяйства, несомненно, можно. В этом смысле возникновение полуфеодального хозяйства — своеобразное проявление по сути дела развития буржуазных отношений в деревне с усилением включения иранского хозяйства в единую систему мировых экономических и общественных связей.

В формировании полуфеодального хозяйства и сопутствующих ему процессах концентрации, а с начала XX в. и деконцентрации землевладения важную роль играло непосредственное вторжение торговой буржуазии в сферу землевладения²⁹. Этот процесс проявлялся во все более возрастающем приобретении обрабатываемых земель представителями торговой буржуазии и превра-

щении их в купцов-помещиков. Прямое вторжение торговой буржуазии в сферу землевладения, которое сопровождалось укреплением позиций товарного хозяйства, стимулировало все более активное участие феодальных помещиков в торговых операциях, трансформацию их в полуфеодальных помещиков-купцов. Этот процесс проявлялся в большинстве районов Ирана, а в областях со сравнительно слабым развитием товарных отношений, и прежде всего в зонах племен, стал основным путем складывания полуфеодального хозяйства. Но, естественно, процесс превращения помещика в купца, как и — особенно — купца в помещика, наиболее интенсивное развитие получил в районах товарного земледелия, и прежде всего в прикаспийских и центральных областях Ирана. Помещики, не сумевшие приспособиться к новым условиям ведения хозяйства, нередко были вынуждены расставаться со своими имениями, а остальные начали переходить к возделыванию товарных культур, ведению торгово-ростовщических операций. По словам В. П. Осетрова (Ирандуста), «персидский торговый капитал приобретает отчетливо два лика, друг от друга неотделимых. На протяжении нескольких десятков лет, — писал он в 1926 г., — мы видим последовательно купцов-помещиков и помещиков-купцов. Просматривая имена государственных откупщиков налогов и таможенных пошлин, туземных концессионеров, избирателей в торговые палаты и торговые суды, мы находим среди них все те же два лика персидского торгового капитала». Вместе с тем В. П. Осетров отмечал, что «мы не можем в настоящее время найти более или менее крупного персидского купца, который не являлся бы в то же время помещиком»³⁰. Хотя в этих заявлениях явно абсолютизируется процесс сращивания купца и помещика, тем не менее они во многом согласуются с преобладавшей в первой четверти XX в. в иранской деревне, и прежде всего в северных районах, тенденцией, вызванной резким ростом вторжения торгового капитала в сферу сельского хозяйства.

Насколько далеко зашел обоюдный процесс слияния купцов и помещиков, можно ориентировочно судить по данным о числе и размерах состояния «чистых» купцов и купцов-помещиков среди наиболее солидных держателей лицензий в прикаспийских и северо-восточных

областях Ирана. Так, в основных районах Гиляна — Реште и Пехлеви — среди крупных купцов было соответственно 27 и 14% помещиков, в Азербайджане — 25%, в Астрабаде — 44%, а их состояние, которое в значительной мере включало земли и лишь отчасти отражало участие этих помещиков в торговых операциях, превосходило капиталы остальных крупных купцов этих районов и оценивалось соответственно в 77, 52 и 85%³¹.

Процесс слияния помещиков и купцов проявлялся и в зоне племен, особенно в районах, расположенных не-вдалеке от городов — торговых центров. Однако вследствие прежде всего специфики кочевого и полукочевого хозяйства и общественного строя племен этот процесс носил преимущественно односторонний характер и находил выражение главным образом в превращении части вождей и других представителей родовой знати в непосредственных поставщиков продукции на рынок и иногда даже изделий городской промышленности подвластным им рядовым членам племен и зависимым от них крестьянам. В середине 20-х годов большинство племен Мазендерана, Курдистана, Хорасана и отчасти Фарса поддерживало постоянные связи с рынком. Племена Мазендерана молочную продукцию, которая была здесь основным предметом сбыта, направляли прямо купцам Тегерана. Родовая знать кашкайцев доставляла продукцию племен, в том числе ковры, в Шираз, где и продавала ее купцам-экспортерам. В Исфахане, Бахтиарии, Курдистане и ряде иных областей регулярно устраивались своеобразные ярмарки, на которые племена пригоняли скот, привозили продукцию животноводства, изделия кустарного производства, а городские купцы — сахар, чай, ткани и т. п.³².

Не следует, однако, преувеличивать (естественно, как и преуменьшать) значение развития товарных отношений и процесса слияния помещиков и купцов, что может привести к неточным и даже неправильным (в ту или другую сторону) выводам об уровне социально-экономической эволюции деревни и Ирана в целом. Развитие товарных отношений, и особенно процесса слияния помещиков и купцов, более или менее широкое распространение получили лишь в северных областях и в отдельных районах центральных и западных провинций. При этом торговые операции с сельскохозяйствен-

ной продукцией, и особенно экспортные и импортные сделки, осуществлялись главным образом профессиональными купцами, а не собственниками этой продукции. Основная масса землевладельцев (прежде всего мелких) не входила в прямое соприкосновение с рынком и осуществляла операции по купле-продаже через огромную армию посредников. Доля товарной продукции в основной массе хозяйств, поддерживавших более или менее регулярные связи с рынком, была (за исключением районов производства технических культур, отчасти риса и садовых) сравнительно невелика.

Вместе с тем (и это является, пожалуй, главным при установлении степени воздействия развития товарных отношений на эволюцию сельского хозяйства в странах, подобных Ирану) следует еще раз подчеркнуть, что невиданное доселе развитие товарных отношений в деревне и в стране в целом происходило в условиях крайней экономической отсталости Ирана, чрезвычайно ограниченного внутреннего рынка и преимущественно определялось интересами мирового хозяйства, а не было итогом национального экономического развития. В результате значительная часть товарной продукции, рост которой во многом находился в зависимости от развития товарного земледелия, «не участвовала в национальном обмене» и «для нее сфера обращения служила лишь звеном, опосредствующим ее утечку за границу»³³.

Рост товарности сельского хозяйства не сопровождался соответствующими изменениями в самом производстве. Далее помещения средств в землевладение, сопровождавшегося расширением производства товарных культур, торговый капитал (за отдельным исключением) в первой четверти XX в., как, впрочем, и в последующие десятилетия, как правило, не шел и ограничивался эксплуатацией крестьян старыми методами³⁴. Не прибегали обычно к инвестициям в свои хозяйства и помещики, принимавшие активное участие в торговых операциях. Иными словами, постепенного перерастания полуфеодалных хозяйств в капиталистические, как это наблюдалось, например, в ряде районов Турции³⁵, в Иране не прослеживалось.

Принципиальные сдвиги в развитии производства в иранской деревне, которые находили выражение прежде

всего в постепенном развитии процесса трансформации натурального сельского хозяйства в товарное, происходили главным образом за счет резкого усиления эксплуатации, ухудшения материального положения, обнищания и разорения основной массы крестьян. Особенно тяжелый гнет (со стороны как полуфеодалов помещиков, так и торгово-ростовщического капитала) испытывали крестьяне в районах развития товарного хозяйства, где на этой почве происходил быстрый рост социальных противоречий и формировались предпосылки для широкого антифеодалового движения крестьянства.

Таковы в целом основные изменения в социально-экономическом развитии Ирана в последней четверти XIX — первой четверти XX в., которые выдвинули на ведущие позиции в экономической и общественной жизни страны представителей торгового капитала и сопровождались резким ухудшением положения трудящихся города и деревни. Эти изменения в значительной мере предопределили расстановку классовых сил в стране и во многом послужили внутренней базой для тех бурных политических событий, которые на протяжении почти всей первой четверти текущего столетия сотрясали иранское общество и в конечном счете привели к свержению феодальной династии Каджаров.

Необычайно важным этапом этих бурных политических событий была массовая антифеодаловая и антиимпериалистическая борьба иранского народа — революция 1905—1911 гг., развернувшаяся под непосредственным влиянием революции 1905—1907 гг. в России и более известная в Иране под названием конституционного движения. Это было буржуазное движение, вовлекшее в свою орбиту самые широкие слои населения. Но оно вследствие слабого развития национального капитала и особенностей включения Ирана в систему мировых экономических и общественных отношений в своей сути выражало интересы торгового капитала, и прежде всего его наиболее состоятельных слоев в лице полуфеодалов помещиков и тесно связанных с внешним рынком компрадорских слоев торговой буржуазии, фактически захвативших руководство движением³⁶. Тем не менее участие в движении широких слоев трудящихся приводило к тому, что оно нередко выходило за пределы требований возглавлявших это движение сил. Одна-

ко демократические тенденции (в значительной мере благодаря вмешательству России и Англии) не сумели проложить себе дорогу и не были претворены в жизнь.

Нерешенность проблем демократического движения в условиях ухудшения положения широких слоев населения, вызванного ростом полуфеодального гнета и торгово-ростовщической эксплуатации и усугубленного экономической разрухой, в обстановке крайнего ослабления центральной государственной власти и роста засилья империалистических держав предопределила новый подъем демократического и национально-освободительного движения. Это движение, развернувшееся под прямым влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и побед молодого советского государства над своими внутренними и внешними врагами, постепенно наращивало силы и в 1920—1921 гг. приобрело массовый и боевой характер. В отличие от революции 1905—1911 гг. в движении активное участие приняло крестьянство, с самостоятельными требованиями выступил пролетариат во главе с Иранской коммунистической партией (ИКП), что придало борьбе более демократический характер и предопределило ее более сложное социальное содержание³⁷. В результате это движение, центром которого стала Гилянская провинция, получило, невзирая на свой локальный характер, название революции и под таким названием вошло в историю.

В ходе борьбы с демократическим движением в Гиляне, а также с протекавшим параллельно с ним демократическим и освободительным движением в Тебризе и соседних с ним районах (во главе с шейхом Мохаммедом Хиабани) и Хорасане (во главе с полковником Мохаммедом Таги-ханом) происходила консолидация сил еще не полностью утвердившихся у власти полуфеодальных помещиков и торговой буржуазии, блок которых и составил социально-экономическую основу пришедшей несколькими годами позже на смену династии Каджаров монархии Пехлеви.

Важным поворотным пунктом в борьбе крупной торговой буржуазии за участие во власти в союзе с полуфеодальными помещиками был переворот 3 хута (21 февраля 1921 г.)³⁸. Этот переворот и особенно последующее возвышение Реза-хана³⁹ явились внешним выражением

оформления и укрепления классового союза полуфеодалных помещиков и крупной торговой буржуазии. Этот блок, который возглавляли полуфеодалные помещики, с известными изменениями находился у власти вплоть до 60-х годов.

Возвращаясь к вопросу о расстановке классовых сил, не претерпевших в основных чертах принципиальных изменений на протяжении первых двух десятилетий XX в., следует остановиться на характеристике позиций различных слоев и групп в демократическом и национально-освободительном движении.

Во главе антикаджарской оппозиции, включавшей самые разнородные слои населения с их разноречивыми и нередко даже противоположными целями, стояли полуфеодалные помещики и крупные купцы, которые в принципе не возражали и даже поддерживали институт монархии и выступали (естественно, в известных пределах) за сотрудничество с иностранным капиталом. Вместе с тем интересы полуфеодалных помещиков и купцов требовали создания государства, способного покончить с феодальной анархией и обеспечить неприкосновенность частной собственности, ограничить экспансию иностранного капитала и обеспечить национальным предпринимателям по крайней мере равные с иностранными предпринимателями возможности на территории страны, предоставить полуфеодалным помещикам и купцам соответствующие их экономическому положению политические права, держать в прочной узде широкие слои трудящихся.

Интересы полуфеодалных помещиков и купцов, ратовавших за сотрудничество с иностранным капиталом и не требовавших реконструкции отечественного производства, вступали в противоречия с интересами национальной буржуазии (имеется в виду связанная главным образом с внутренним рынком торговая и зарождавшаяся промышленная буржуазия) и примыкавших к ней слоев иранского общества, устремления которых могли найти удовлетворение лишь на путях самостоятельного политического и экономического развития страны и перестройки хозяйства на новой базе.

Названные группы были носителями двух главных тенденций в развитии иранского общества на протяжении растянувшегося почти на столетие переходного от

феодалного к капиталистическому способу производства периода. Борьба между этими тенденциями и их носителями уже на рассматриваемом этапе постепенно становилась основной движущей и определяющей силой развития иранского общества. Правда, борьба между этими группами в первой четверти XX в. просматривалась еще недостаточно отчетливо и маскировалась под покровом общих задач борьбы с династией Каджаров и поддерживавших ее феодальных элементов иранского общества в лице прежде всего феодальной аристократии, высшего духовенства и ханов племен. При этом следует иметь в виду, что единство второй группы (хотя интересы входивших в нее слоев на данном этапе во многом совпадали) было весьма условным и уже тогда выглядело монолитным лишь сквозь призму борьбы между феодальной и капиталистической формациями, борьбы против засилья империалистических держав. Но даже в этой ситуации между различными слоями группы, и прежде всего национальной буржуазией и зарождавшимся рабочим классом, наблюдались серьезные противоречия, которые наиболее отчетливо проявлялись в оценке методов борьбы против феодального строя.

Идеологи иранской национальной буржуазии конца XIX — начала XX в., наиболее ярким представителем которых был Мальком-хан, по-видимому напуганные мощью и успехами мирового демократического и особенно рабочего движения, под воздействием западных реформистских течений уже на ранней стадии развития национальной буржуазии фактически провозгласили в своих сочинениях ненасильственный реформистский путь реконструкции феодального строя⁴⁰.

Это в дальнейшем, особенно после выхода в 20-х годах на политическую арену рабочего класса со своими самостоятельными требованиями, послужило базой для роста соглашательских тенденций, колебаний и нерешительности национальной буржуазии в борьбе против феодального строя, хотя в антиимпериалистической борьбе первой четверти XX в. она была достаточно последовательной. Такая политика национальной буржуазии наиболее ярко проявилась в ее негативном отношении к демократическому решению аграрного вопроса. Представители национальной буржуазии в своих программах по аграрному вопросу обычно не шли дальше требова-

ний распределения между крестьянами земель халесе, отмены натуральных повинностей, урегулирования арендных отношений между земледельцами и помещиками, оказания трудящимся деревни материальной помощи. Это предопределило ее неспособность возглавить борьбу крестьян за демократические аграрные преобразования и тем самым и общедемократическое движение иранского народа. Между тем отказ национальной буржуазии от демократического разрешения аграрного вопроса (естественно, в пределах ее интересов) во многом лишал ее поддержки крестьян, что при слабости национальной буржуазии в сравнении с компрадорской буржуазией и полуфеодальными помещиками, которые занимали преобладающее положение в деревне, в значительной мере обусловило ее неуспехи в борьбе за собственные политические и экономические интересы, а тем самым в какой-то степени и неуспехи Ирана на пути капиталистического развития.

В отличие от национальной буржуазии, революционность которой падала по мере роста демократического движения и которая не выдвигала сколько-нибудь радикальных требований по аграрному вопросу, иранский пролетариат уже в начале 20-х годов показал себя энергичным защитником интересов всех трудящихся, в том числе и крестьян. Особенно активизировалась деятельность пролетариата с созданием в 1920 г. Иранской коммунистической партии. Однако принятая I съездом ИКП, проходившим в г. Энзели с 23 по 25 июня 1920 г., программа партии фактически представляла собой «текстуальное повторение второй программы РКП(б)»⁴¹, что находилось в явном противоречии с уровнем социально-экономического развития Ирана тех лет и отражало левацкие настроения, которые преобладали в ИКП. В результате на заре своей деятельности партия допустила ряд серьезных ошибок. Представители ИКП «выдвигали лозунги немедленной социалистической революции и конфискации земель всех помещиков... проводили реквизиции продовольствия у мелких земледельцев-крестьян, а также вели левацкую линию в отношении мелких торговцев, ремесленников и других мелкобуржуазных слоев. Они выступали также против ремесленников, духовенства, требовали немедленного снятия женщинами чадры, отказывались сотрудничать с

национальной буржуазией и руководителем дженгелийцев Кучек-ханом»⁴².

Порожденные в значительной степени необъективной оценкой социально-экономического положения в Иране, эти ошибки нанесли заметный вред антиимпериалистическому и антифеодальному движению, и в частности вовлечению трудящихся деревни в демократическое движение. Они подверглись резкому осуждению на состоявшемся в Баку в сентябре 1920 г. съезде представителей народов Востока⁴³. Под влиянием решений съезда ИКП разработала и в июне 1921 г. опубликовала программу, которая в целом соответствовала сложившимся особенностям социально-экономического развития Ирана⁴⁴.

Активное участие в демократическом и освободительном движении принимали различные слои мелкой городской буржуазии (ремесленники, торговцы и т. д.), примыкавшая к ним городская беднота и значительная часть интеллигенции и низшего духовенства. Концентрируясь вокруг городских базаров, эти слои иранского общества, на положении которых непосредственно и очень тяжело отразились вызванные ростом экспансии иностранного капитала социально-экономические сдвиги, как правило, выступали в качестве основной ударной силы революции и зачастую выдвигали радикальные лозунги по аграрному и другим животрепещущим вопросам демократического движения.

Высшее и среднее духовенство, ханы и другие представители родовой знати кочевых и полукочевых племен в политической борьбе первой четверти XX в. нередко занимали двойственную позицию, но в целом выступали за сохранение старых порядков, хотя мотивы их участия в этой борьбе носили во многом разнородный характер.

Участие высшего и среднего духовенства, одного из наиболее влиятельных слоев иранского общества, в политической борьбе определялось прежде всего стремлением укрепить свое общественно-политическое положение, заметно пошатнувшееся под влиянием вторжения буржуазных идей в сферу общественно-политической жизни страны. В проникновении буржуазных идей верхушка духовенства справедливо увидела угрозу своему положению в качестве своеобразной законодательной

власти, роль которой она играла, обладая исключительными привилегиями на истолкование мусульманского права (им официально регламентировалась общественная жизнь страны), своей монополии в области судопроизводства и просвещения. И поэтому даже робкие попытки династии Каджаров ограничить «законодательную власть» и права духовенства в сфере судопроизводства, а также открытие нескольких светских школ вызывали резкое недовольство духовенства⁴⁵.

Таким образом, в отличие от иранской буржуазии и полуфеодалных помещиков, которые фактически высказывали недовольство слишком медленным и неуверенным приспособлением династии Каджаров к новым социально-экономическим условиям, верхушка духовенства выступала против нарушения феодальных традиций и обычаев, на которых покоилось его общественно-политическое благополучие. Однако весьма значительная часть высшего и особенно среднего духовенства наряду с другими состоятельными слоями иранского общества проявила завидную энергию в захвате земель государства и мелких собственников, присвоении вакфных имений, внедрении в деревне принципа купли-продажи земли и т. д., что трудно согласовывалось с борьбой духовенства за сохранение старых порядков. Следует сказать, что трудящиеся деревни такого рода духовных лиц, не уступавших по своим земельным владениям и имущественной состоятельности крупным помещикам, называли «лжемуджтехидами»⁴⁶. И хотя подобная деятельность части представителей духовенства в известной мере подрывала его авторитет среди населения Ирана, влияние духовенства в целом (как носителя ислама — религиозного мировоззрения, которое исповедовало подавляющее большинство населения страны) было очень велико и оказывало серьезное воздействие на характер участия различных слоев иранского общества, и прежде всего крестьян, в демократическом и освободительном движении. В этой связи следует отметить, что антифеодалная борьба крестьян нередко проходила под флагом возвращения к порядкам, завещанным Кораном и шариатом. Такие лозунги, например, выдвигали крестьяне, которые принимали участие в движении «лесных братьев» или «дженгелийцев»⁴⁷.

Встав фактически на путь утверждения частной собственности на землю, поддерживая борьбу за конституцию, созыв меджлиса и т. д., но протестуя против замены феодальных религиозных институтов буржуазными светскими институтами, высшее духовенство по сути дела пыталось примирить две противоположные тенденции. И естественно, здесь высшее духовенство ожидала неудача. Более того, подобные устремления послужили в дальнейшем исходной базой для углубления противоречий и своеобразного раскола в среде самого духовенства. В основе «раскола» лежали изменения в социально-экономическом положении отдельных слоев духовенства. Этот «раскол» (он проявился прежде всего в отношении различных групп духовенства к буржуазным преобразованиям и в соответствии с этим в участии их в политической борьбе) был одним из факторов, позволивших Реза-шаху (несмотря на неоднократные отступления) вести в 20—30-х годах довольно успешную борьбу с притязаниями высшего духовенства на ведущую роль в общественно-политической жизни Ирана.

Если высшее шиитское духовенство выступало в качестве главной идеологической опоры феодального строя, то основной вооруженной опорой этого строя были ханы и родовая знать кочевых и полукочевых племен с их отрядами, комплектовавшимися из рядовых членов племен и частично из подчиненного племенам оседлого населения. Располагая военной силой, ханы занимали в государстве полунезависимое положение, что уже само по себе превращало их в противников революции, ибо ее победа неизбежно вызвала бы установление твердой власти в стране, лишила бы родовую знать политических привилегий в качестве поставщиков военной силы и бесконтрольных представителей администрации в зонах расселения племен. Это, в свою очередь, привело бы к потере ею доходов за «военные услуги», от набегов, грабежей, «сбора налогов» и иных материальных выгод, которые на протяжении веков были одним из основных источников их благосостояния.

Сепаратистские тенденции вождей племен (эти тенденции заметно возросли на рубеже XIX—XX вв. с ослаблением центральной власти и развитием демократического и освободительного движения) весьма эффективно использовали для укрепления своих позиций

в Иране империалистические державы, и особенно Англия. Британские представители в Иране, сочетая подкуп, интриги и угрозы, привлекли на свою сторону значительную часть видных ханов южных племен. Идя на грубое нарушение суверенитета Ирана, британские официальные представители вели непосредственные переговоры с вождями племен, «поручили» бахтиарским ханам охрану нефтепромыслов, открыто вмешивались в назначение и смещение губернаторов южных городов, ставя своими действиями под сомнение верховную власть иранского государства в южных районах страны⁴⁸.

Сепаратистские выступления вождей южных племен, которые зачастую поддерживались и разжигались британскими представителями в Иране, как косвенно (борьбой ханов с демократическим движением и против центральной власти), так и прямо (совместными с Англией выступлениями против национальных сил) выливались фактически в борьбу с освободительным движением. Но особенно «прославили» себя ханы племен с их отрядами борьбой с демократическим движением, со стороны которого исходила главная опасность для феодального строя и олицетворявшей его династии Каджаров. Не будет преувеличением сказать, что выступления ханов племен с их отрядами в период революции 1905—1911 гг. в немалой степени обусловили то, что династии Каджаров все же удалось удержаться на престоле.

В развернувшейся в Иране в первой четверти XX в. политической борьбе (как и в дальнейших политических событиях) чрезвычайно важное значение имело то, какую позицию в этой борьбе займут трудящиеся деревни (земледельцы и скотоводы, сельские ремесленники, мелкие торговцы), составлявшие около 80% населения страны. Участие или неучастие их в демократическом и освободительном движении во многом предопределяло победу или поражение движения. Трудящиеся деревни, материальное положение которых в конце XIX в. в общей массе резко ухудшилось, составляли в целом благодатный горючий материал для демократического движения. Однако на пути активного участия крестьян в демократическом движении стоял ряд факторов, которые в совокупности в значительной мере

предопределяли место тех или иных слоев деревни в политической борьбе.

Ведущим среди этих факторов был, несомненно, чрезвычайно низкий уровень социального и особенно политического самосознания трудящихся деревни, что было отражением: экономической зависимости подавляющего большинства крестьян от феодальных и полуфеодальных помещиков, ханов племен и духовенства; забитости и сплошной неграмотности сельских жителей; отсутствия накануне революции 1905—1911 гг. и слабого распространения в дальнейшем деятельности буржуазных и рабочих партий и организаций, способных мобилизовать трудящихся деревни на участие в революционной борьбе. Естественно, в таких условиях выступления крестьян имели, как правило, стихийный характер и в целом ограничивались борьбой против отдельных помещиков. Только в северных областях Ирана — центрах демократического движения, испытывавших непосредственное воздействие революционных сдвигов в России, наблюдались заметные достижения, что проявлялось в более осознанном и активном участии крестьян в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе.

Вместе с тем трудящиеся деревни вопреки своим экономическим, социальным и политическим интересам нередко вовлекались в политическую борьбу на стороне феодальных кругов, что наряду с названными факторами в значительной мере объяснялось местом различных категорий крестьян в общественной структуре деревни. Так, крестьяне-скотоводы — рядовые члены кочевых и полукочевых племен в значительной мере находились в плену патриархальных пережитков и в определенном смысле занимали несколько более привилегированное положение, чем оседлые земледельцы. Влекомые обязанностями перед своими родовыми вождями и отчасти стремлением поживиться за счет грабежа населения, крестьяне-скотоводы обычно слепо шли за ханами, которые в политической борьбе первой четверти XX в. выступали преимущественно на стороне реакционных кругов. Среди крестьян-земледельцев, пусть и неосознанно, преобладали демократические тенденции, и они наряду с трудящимися и мелкой буржуазией города составляли в известных пределах массовую базу демократического движения. Тем не менее, несмотря на стихийный протест

против роста феодальной эксплуатации, крестьян-земледельцев также нередко использовали в своих целях реакционные силы.

Настоящая расстановка классовых сил во многом предопределила общественно-политические предпосылки и социальное содержание событий первой четверти XX в., завершившихся, как отмечалось, свержением династии Каджаров и приходом к власти монархии Пехлеви⁴⁹. В этом смысле конечным результатом и основным итогом революции 1905—1911 гг., если считать ее логическим завершением установление в Иране в 1925 г. монархии Пехлеви, был во внутривнутриполитическом аспекте приход к власти торгового капитала в лице полуфеодалных помещиков и купцов, связанных в первую очередь с мировым рынком и развитием капиталистических тенденций в сфере обращения⁵⁰. В результате носители отношений феодального способа производства вынуждены были уступить место у кормила власти носителям отношений не капиталистической формации, а переходного к капиталистическому способу производства периода. В этом заключается основная особенность революции 1905—1911 гг. и дальнейших политических событий, которые в значительной мере были следствием и продолжением революции.

В сложившихся в Иране в первой четверти XX в. социально-экономических условиях полуфеодалные помещики и купцы были, пожалуй, единственной реальной общественной силой, способной взять власть и удержать ее в своих руках⁵¹. Придя фактически к власти еще до официального установления монархии Пехлеви, они уже в начале 20-х годов развернули деятельность по централизации государственной власти и восстановлению попранного суверенитета Ирана. Эта борьба протекала в принципиально новых исторических условиях и международной обстановке, созданных победой Великой Октябрьской революции в России. Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Ираном в мае 1920 г., а затем и подписание советско-иранского договора 1921 г. подвели реальную основу под решение этих задач.

В укреплении независимости Ирана важную роль сыграло провозглашение и сразу же после установления Советской власти в России незамедлительное претворе-

ние в жизнь Советским государством как на международной арене в целом, так и особенно в отношениях с Ираном ленинских принципов внешней политики, которые основываются на признании равноправия, уважении суверенитета и национальных интересов, поддержке освободительной борьбы угнетенных народов. Уже на следующий день после свержения Временного правительства, 8 ноября 1917 г., Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, в котором говорилось о безусловной и немедленной отмене всех неравноправных договоров. В опубликованном 3 декабря 1917 г. Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока Советское правительство, заклеймив позором систему империалистического закабаления народов, заявило, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен». В ноте от 27 января 1918 г. на имя поверенного в делах Ирана Асад-хана Советское правительство, подтвердив отмену англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния и доведя до сведения Асад-хана о расторжении всех сколько-нибудь ущемлявших права иранского народа договоров, высказало непреклонную решимость строить отношения с Ираном только на таких основах, которые базируются «на взаимном уважении народов»⁵². В подкрепление дружественных намерений Советское правительство предприняло энергичные шаги для эвакуации русских войск из Ирана. В направленном в Тегеран в августе 1919 г. Обращении к правительству и народу Персии оно объявило об отмене задолженности Ирана России, отказе от концессий и передаче иранскому народу всего имущества России на территории Ирана, отказе от капитуляционного режима и консульской юрисдикции и т. д.⁵³.

Со своей стороны иранское правительство еще 30 января 1918 г. в ноте Советскому правительству выразило «полную готовность вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов»⁵⁴. Тем не менее, невзирая на неукоснительное выполнение Советским государством принятых на себя обязательств, установление добрососедских отношений между Ираном и Советской Россией оттянулось на несколько лет из-за непоследовательности иранского правительства, что отражалось в значитель-

ной степени его антикоммунистические тенденции и проявлялось в неоднократном нарушении им взятых на себя обязательств. Проведение иранским правительством политики, противоречившей интересам самостоятельного развития Ирана, наносило ему серьезный политический и экономический ущерб. Правда, во многом это было результатом давления на Иран британского правительства, отличавшегося своими антисоветскими устремлениями. Оккупировав в 1918—1920 гг. значительную часть территории страны и заключив в августе 1919 г. с правительством Восуга од-Доуле соглашение, которое фактически оформляло установление над Ираном протектората Англии, британское правительство всячески препятствовало установлению дружественных отношений между Ираном и Советской Россией⁵⁵.

Однако эти преграды были успешно преодолены благодаря развитию освободительной борьбы иранского народа, которая в 1920—1921 гг. достигла небывалого размаха и заставила правительство в известной мере пересмотреть свои взгляды. Этому в немалой степени способствовала ликвидация антисоветского плацдарма в северных провинциях страны, когда в мае 1920 г. в результате энзелийской операции советской Каспийской флотилии военному престижу Англии на Востоке был нанесен серьезный удар. Под прямым воздействием этих событий, сопровождавшихся эвакуацией британских войск из северных провинций страны, а также под влиянием требований представителей торгового капитала и экономических интересов Ирана в целом иранское правительство пошло на возобновление переговоров о заключении дружественного договора с Советской Россией.

Эти переговоры завершились подписанием 26 февраля 1921 г. в Москве дружественного договора, значение которого для развития политических, экономических и культурных отношений между Ираном и СССР трудно переоценить. «Для Советской России оно означало прорыв организованной международным империализмом дипломатической изоляции страны, а вместе с тем и определенную гарантию столь необходимого и желанного мира и безопасности на южных границах»⁵⁶. Для Ирана, говоря словами бывшего посла Ирана в СССР Абдель Хосейна Масуда Ансари, этот договор

сыграл очень важную роль в улучшении политического и экономического положения страны и «создал крайне благоприятную почву для достижения полной независимости и свободы Ирана и экономического развития страны». Заключение этого договора, по словам М. Ансари, позволило Ирану «аннулировать договор 1919 г., который фактически превращал Иран в страну, подобную протекторату», а также добиться ликвидации капитуляционного режима⁵⁷. Уже в день подписания советско-иранского договора правительство Сеид Зия од-Дина опубликовало декларацию о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г. и «отмене капитуляционного режима после реорганизации системы юстиции»⁵⁸.

Договор от 26 февраля 1921 г. наряду с безоговорочным признанием полной независимости Ирана провозглашал «право каждого народа на свободное и беспрепятственное разрешение своих политических судеб» и возлагал на Советскую Россию и Иран обязательства, предусматривавшие отказ обеих сторон от вмешательства во внутренние дела друг друга. Договор оформил: отмену Советской Россией «всех трактатов, договоров, конвенций и соглашений, заключенных бывшим царским правительством с Персией и приводивших к умалению прав персидского народа»; отказ Советского государства от платежей по займам, предоставленным Ирану Россией; он подтвердил также передачу иранскому государству всего имущества России на территории страны. Договор намечал конкретные пути для восстановления экономических связей, предусматривал заключение торгового соглашения, консульской и почтово-телеграфных конвенций, обмен постоянными дипломатическими представителями⁵⁹.

Однако заключение договора и последующий рост советско-иранских связей, обеспечивая предпосылки для укрепления позиций Ирана на международной арене и улучшения экономического положения страны, ни в коей мере не свидетельствовали об отходе иранского государства от традиционного лавирования между Англией и Россией, но на этот раз уже Советской Россией. Несмотря на острые противоречия с империализмом и очевидные преимущества советско-иранского сотрудничества, правительство Ирана в целом придерживалось прозападной ориентации. При этом следует, однако, от-

метить, что в это время в Иране наблюдалось заметное ослабление британского влияния, что было прямым следствием роста антианглийского движения в стране и улучшения советско-иранских отношений. Немалое значение имело и стремление иранского государства не допустить усиления позиций Англии в Иране, что, как показал опыт предшествующих лет, грозило ему потерей суверенитета.

Таковы были внутренние и внешние предпосылки установления в Иране династии Пехлеви.

История Ирана 1925—1941 гг. отчетливо подразделяется на три основных этапа. Первый охватывает период до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда основные усилия правительства Ирана были направлены на ликвидацию наиболее позорного наследия колониализма — капитуляционного режима, а также на укрепление государственного аппарата, борьбу с феодальным сепаратизмом вождей племен и т. д. Второй этап охватывает годы кризиса, в связи с которым на первое место выдвинулись задачи хозяйственного развития, направленные на повышение экономического потенциала страны, ослабление ее зависимости от иностранных монополий. Эти тенденции не утратили значения и на третьем этапе (1934—1941 гг.). Однако на протяжении этого этапа по мере усиления режима диктатуры и сближения монархии Реза-шаха с фашистской Германией в общественной и политической жизни страны сгущалась гнетущая атмосфера застоя и наблюдался постепенный спад преобразований.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МОНАРХИИ ПЕХЛЕВИ В 1925—1928 гг.

С установлением монархии Пехлеви не произошло серьезных изменений во внутренней политике правительства, направленной прежде всего на установление «порядка» и устойчивого положения в стране и укрепление позиций полуфеодалных помещиков и торговой буржуазии. Эти задачи осуществлялись путем подавления демократического движения, выступлений полунезависимых племен и насаждения власти военной администрации в провинциях. Выполнение названных задач

требовало увеличения и перевооружения армии, полиции и жандармерии и создания централизованной системы государственного управления. Вместе с тем на первых порах новый режим, вынужденный считаться с демократическими настроениями, старался заверить общественность в том, что монархия Пехлеви не только не имеет ничего общего с деспотизмом Каджаров, но, наоборот, призвана претворить в жизнь поправленную ими конституцию. Для привлечения различных буржуазных слоев, которые выражали недовольство его узурпаторскими тенденциями, Реза-шах не упускал случая подчеркнуть свое уважение к парламенту и заложенным в конституции буржуазным свободам. Высочайший указ, опубликованный 16 января 1926 г., во время подготовки к выборам в меджлис VI созыва, гласил о запрете какого-либо вмешательства властей в избирательную кампанию «под страхом строжайшего наказания». Тем не менее военные круги оказывали негласное давление на выборы. В результате на выборах в меджлис VI созыва, состоявшихся в июле—августе 1926 г., сторонники Реза-шаха получили большинство. Меджлис постепенно стал превращаться в орган, послушный воле монархии, а ответственность правительства перед парламентом во многом сводилась к «пустой формальности». Участились случаи, когда шах претворял свои решения в жизнь, не дожидаясь утверждения меджлисом. На страницах прессы, призывавшей к решительному и быстрому проведению преобразований, нередко восхваляли такие действия шаха и высмеивали меджлис, где «сотня депутатов делилась на дюжину фракций», тормозивших бесплодными дискуссиями осуществление различных проектов⁶⁰.

И все же, хотя, как писала газета «Экдам» от 3 ноября 1926 г., депутаты «изъявляли готовность слепо, как солдаты, повиноваться любому приказу», деятельность Реза-шаха на первых порах встречала серьезное сопротивление оппозиции в меджлисе, включавшей как представителей буржуазных, так и феодально-клерикальных группировок. Лидер правого крыла феодально-клерикальной группировки Модаррес, прикрываясь высоким духовным саном и популярностью среди базарного люда, подвергал острой критике деятельность правительства. Выступая под флагом защиты ислама и

фактически отрицая «движение вперед», Модаррес при случае выдавал себя за сторонника реформ и заявлял, что они должны осуществляться постепенно, в соответствии с конституцией и без «неуместного вмешательства армии в дела страны»⁶¹. Однако после покушения на жизнь Модарреса в октябре 1926 г., виновники которого «остались невыявленными», выступления его приверженцев стали сдержаннее.

Выступления Модарреса по ряду вопросов встречали поддержку депутатов буржуазно-помещичьих группировок, представленных прежде всего членами созданной в начале 1926 г. партии «Таракки» («Прогресс») во главе с депутатом меджлиса Таги-заде и основанной еще в 1922 г. партии «Теджаддод» («Обновление») во главе с Тедайоном. Эти умеренные группировки, «желающие реформ, но последовательных и не нарушающих установленных традиций», пользовались довольно широким влиянием в Иране, «поскольку они всегда выставляли лозунги национальной независимости Персии и требовали борьбы с империализмом». Вместе с тем они настаивали на соблюдении конституции, реконструкции системы юстиции, финансов и просвещения, осуществлении административной реформы⁶². В деятельности Реза-шаха, направленной на ограничение влияния духовенства, феодальной аристократии и укрепление суверенитета страны, буржуазно-помещичьи группировки видели осуществление своих давних чаяний, но с тревогой смотрели на рост личной диктатуры шаха и усиление роли армии. Непосредственным следствием этого было объединение левых группировок, в том числе представителей левого крыла партий «Таракки» и «Теджаддод», в партию «Иран-е джаван» («Молодой Иран»), созданную в период подготовки выборов в меджлис в марте 1926 г. в целях борьбы против режима диктатуры и правых феодально-клерикальных группировок.

Призывая к поддержке реформ шаха, партия в то же время ратовала за укрепление парламента и гражданской власти, настаивала на ликвидации капитуляционного режима и проведении самостоятельной внешней политики. В своей социальной программе партия, однако, не выходила за рамки требований раздела государственных земель между крестьянами⁶³.

Порожденный во многом сложностью переходного периода разброд среди буржуазно-помещичьих кругов, составлявших социальную опору монархии Пехлеви, коснулся даже искренних сторонников реформ Реза-шаха и вызвал серьезное беспокойство правительства. С целью преодолеть этот разброд и в противовес партии «Иран-е джаван» видные политические деятели из окружения шаха (Теймурташ, Давер, Фируз Мирза и др.) в августе 1927 г. создали партию «Иран-е ноу» («Новый Иран»). Ей отводилась роль «правительственной партии» большинства наподобие Народно-республиканской партии Мустафы Кемала в Турции. Появление на политической арене «Иран-е ноу», писал В. П. Осетров, выражало абсолютистские стремления монархии Пехлеви, желавшей «упрочить свою диктатуру не путем закрытия парламента, а его организованного завоевания современными политическими методами». В этом, по его мнению, заключалось «своеобразие персидской политической жизни, основные элементы которой представляют пестрое сочетание пережитков средневековья с методами политической борьбы, заимствованными из политического арсенала современных капиталистических держав». Партия «Иран-е ноу» объявила себя верной опорой шаха и орудием претворения в жизнь его прогрессивных планов. Она призвала «просвещенные классы» объединиться в ее рядах в целях содействия преобразованиям, способным «приблизить Иран к условиям нынешнего века». Партия включила в свою программу пункты о немедленной ликвидации капитуляционного режима и проведении самостоятельной внешней политики. Она подвергла резкой критике деятельность в стране американской миссии Мильспо. Выступления лидера партии Теймурташа содержали как выпады против феодальной аристократии, так и критику «бессмысленных мечтаний» приверженцев республиканского строя. Адресуясь к духовенству, партия подчеркивала, что она уважает принципы ислама и, более того, усматривает в исламе «одно из эффективнейших средств достижения единства нации». В то же время партия пропагандировала необходимость борьбы с религиозным фанатизмом⁶⁴. В «Иран-е ноу», пользовавшуюся покровительством шаха, потянулись представители различных фракций и группировок. Партия «Иран-е джа-

ван» и фракция Модарреса потеряли значительную часть членов и фактически прекратили деятельность. В сентябре 1927 г. «Иран-е джаван» заявила, что отказывается от политической части своей программы и сливается с «Иран-е ноу»⁶⁵. Последняя быстро разбухла и превращалась в составленную из разношерстных и порой враждовавших между собой элементов организацию, которая оказалась неспособной выполнять роль эффективного политического орудия правящего режима. К концу 1928 г. «Иран-е ноу», утратив поддержку шаха, распалась.

Разуверившись в возможностях создания прочной общественной опоры монархии в лице партии большинства, Реза-шах усилил укрепление военной основы режима и взял курс на открытое установление военной диктатуры. Прогрессивные партии и организации были в то время не в состоянии оказать сколько-нибудь энергичное сопротивление проведению такой политики. Социал-демократическая партия, поддерживавшая в 1924 г. Реза-шаха, была обескуражена установлением монархии вместо республиканского строя и фактически отошла от политической деятельности. Лидер партии Сулейман-мирза, который пользовался известной популярностью в левых кругах, запятнав свое имя сотрудничеством с Реза-шахом, лишился былого авторитета⁶⁶.

ИКП после поражения освободительного и демократического движения в Гиляне, Азербайджане и Хорасане, массовых арестов летом и осенью 1925 г. ушла в подполье и не смогла мобилизовать силы на борьбу в новых условиях. Все эти неудачи приводили к росту внутренних трений, чему способствовало преобладание мелкобуржуазных элементов в партии. Среди активистов ИКП выявились серьезные разногласия в оценке социального содержания монархии Реза-шаха, что препятствовало правильной ориентации в борьбе с установлением военной диктатуры. Ряды ИКП намного поредели — в 1927—1928 гг. в ее составе насчитывалось лишь 400—500 членов, или в 5 раз меньше, чем в 1922 г.⁶⁷ Контакты ИКП с трудящимися и различными слоями национальной буржуазии города и деревни ослабли⁶⁸, а это предопределило то, что партия не имела возможности направить стихийное антифеодальное и демократическое движение в русло сознательной борь-

бы против режима. Такое положение наблюдалось в 1926—1927 гг. даже в Гиляне — одном из центров демократического движения. По свидетельству члена партии А. Аванесяна, местные комитеты ИКП не принимали никакого участия в происходивших там стихийных выступлениях крестьян против помещиков. Правда, отдельные члены партии предпринимали шаги по установлению контактов с различными кругами базара и представителями национальной буржуазии, которые стояли во главе выступлений за осуществление конституции. По словам А. Аванесяна, это были попытки создания своего рода единого национального фронта борьбы за демократические преобразования. К сожалению, констатировал А. Аванесян, это сотрудничество было не результатом политики ИКП, а лишь итогом личной инициативы членов партии⁶⁹.

Политика ИКП, направленная фактически на изоляцию буржуазии в освободительном и демократическом движении, отражала в своей сути тенденции, отчетливо проявившиеся в середине 20-х годов в международном рабочем и коммунистическом движении и сводившиеся к утверждению того, что достижение политической независимости возможно только под руководством рабочего класса⁷⁰. Эти ошибочные тенденции (хотя и не в полной мере) наблюдались уже на II съезде ИКП, который состоялся в Урмии (Резайе) в сентябре 1927 г. В отличие от I съезда, созванного в Энзели в июне 1920 г., в период подъема революционного движения, II съезд состоялся в условиях репрессий и спада демократической борьбы. Съезд собрался в глубоком подполье в составе лишь 20 депутатов, представлявших главным образом партийные организации Тегерана, Тебриза, Ардебиля, Решта и Энзели⁷¹.

Осудив взгляды правого и левого уклонов в партии, II съезд тем не менее по кардинальным вопросам социальной революции в Иране принял решения, которые носили печать догматизма и сектантства, не соответствовали расстановке классовых сил в стране и отличались явным «забеганием вперед»⁷². Съезд взял курс на свержение монархии и установление в Иране революционной федеративной независимой республики. Общественно-политической опорой этой республики должен был стать революционный союз рабочих, крестьян и

мелкой буржуазии города, оформленный в виде национально-революционной партии. Ядро этой партии должна была составить ИКП, сохраняя при этом свою организационную и политическую самостоятельность⁷³. Таким образом по сути дела ставился вопрос о гегемонии в буржуазно-демократической революции в Иране пролетариата в лице его авангарда — ИКП. Это означало в корне неверное сбрасывание со счетов демократического и особенно освободительного движения национальной буржуазии, игнорирование того, что в сложившихся в Иране условиях, при слабости иранского пролетариата и самой ИКП, при незначительном развитии связей партии с трудящимися города и при почти полном отсутствии контактов с крестьянами⁷⁴, ИКП не имела реальных возможностей для руководства демократическим движением.

Весьма призрачными были и надежды ИКП на аграрную революцию, которой отводилась ведущая роль в буржуазно-демократическом движении. Такие расчеты ИКП основывались фактически только на учете усиления эксплуатации трудящихся деревни, обострении противоречий между помещиками и крестьянами, росте антиправительственных выступлений в деревне. При этом, однако, фактически не принималось во внимание, что большинство крестьян находилось в тесной зависимости от помещиков и под их влиянием; что антиправительственные выступления в деревне в значительной части приходились на долю восстаний племен, которые отличались сепаратистскими тенденциями и проходили, как правило, под руководством родовых вождей; что рабочий класс и его партия не поддерживали сколько-нибудь регулярных связей с трудящимися деревни и не пользовались влиянием среди крестьян, и, наконец, не учитывался опыт гиланской революции, когда несвоевременное выдвижение лозунгов аграрной революции и особенно попытки ее осуществления послужили одной из главных причин раскола единого национального фронта и поражения движения⁷⁵.

Вскоре после II съезда ИКП для ЦК партии, вероятно, стала очевидной шаткость социальной платформы программы в вопросе о характере иранской революции, поскольку в обращении ЦК ИКП, опубликованном летом 1928 г., в период выборов в меджлис VII созыва,

фактически был провозглашен курс на сотрудничество с национальной буржуазией⁷⁶. Это означало в известной степени возвращение ИКП к курсу, намеченному в документах, принятых партией в 1920—1921 гг. и базировавшихся на более трезвом учете конкретной действительности и расстановки классовых сил в стране. Так, в изданной в начале 1921 г. «программе-минимум» ИКП говорилось, что выполнения своих основных задач по борьбе с империализмом и свержению власти шаха и помещиков ИКП будет добиваться путем сотрудничества со всеми партиями и политическими группировками, которые придерживаются идентичных взглядов по этим вопросам⁷⁷.

Однако такие позиции партия занимала очень недолго, ибо уже в конце 1928 г. ЦК ИКП признал свои требования в защиту национальной буржуазии ошибочными и фактически отказался от сотрудничества с национальной буржуазией, допуская оказание ей «содействия» только в случае выступления ее «против реакционного режима Пехлеви и Англии»⁷⁸. Это был шаг к полному разрыву сотрудничества партии с национальной буржуазией. Забегая вперед, скажем, что этот разрыв окончательно оформился в период мирового экономического кризиса. В своем обращении от 14 декабря 1929 г. ЦК ИКП заявил «о прекращении всякого сотрудничества» с политическими партиями и организациями не только крупной буржуазии, но и мелкой буржуазии, в том числе с «социал-демократической партией». Несколько позже, на втором пленуме ЦК ИКП (январь 1930 г.), эти действия оценивались как устранение ошибок, допущенных в период выборов в меджлис VII созыва⁷⁹.

Не приходится говорить, что политика изоляции национальной буржуазии, и в том числе революционных слоев мелкой буржуазии, хотя в значительной мере и была ответом ИКП на соглашательские тенденции иранской буржуазии, тем не менее наносила серьезный вред делу создания единого антиимпериалистического фронта и общенациональному делу борьбы с режимом диктатуры. Проведение такой политики по своей сути было попыткой перескочить через незавершенный этап буржуазно-демократической революции. В результате зачастую сводились на нет самоотверженные и героич-

ческие усилия партии в борьбе за радикальные демократические преобразования. Это также воздвигало серьезные преграды в борьбе партии за укрепление ее влияния среди широких слоев трудящихся, и в том числе среди пролетариата, представленного преимущественно рабочими мелких кустарных или полукустарных предприятий мануфактурного типа⁸⁰ с преобладающей в их рядах во многом еще мелкобуржуазной идеологией.

Тем не менее ИКП добилась известных сдвигов в организации профсоюзов, которые в 1923—1925 гг. были разгромлены и почти полностью прекратили деятельность. В 1927—1928 гг., несмотря на непрекращавшиеся репрессии властей, в Тегеране, Реште, Пехлеви, Тебризе и ряде других городов были восстановлены или основаны профсоюзы с общим числом членов (не считая членов профсоюзов, занятых на предприятиях АПНК) более 1 тыс.⁸¹ Между тем в конце 1921 г. в Иране было до 20 тыс. членов профсоюзов рабочих и служащих⁸². Такие незначительные успехи в развитии профдвижения в Иране, как отмечалось в решениях IV конгресса Профинтерна, объяснялись не только мероприятиями властей против демократического движения, но и ошибочной политикой ИКП в руководстве профсоюзами. В своем стремлении к форсированию событий партия в значительной мере пренебрегала насущными требованиями рабочих и предпринимала попытки к превращению профсоюзов в «чисто политические организации», что «оттолкнуло многих трудящихся от активного участия в профдвижении». В связи с этим Профинтерн указывал на необходимость акцентировать усилия на борьбе за улучшение материального положения рабочих и облегчение их труда⁸³. Отражая рекомендации Профинтерна, «Сетаре-йе сорх», центральный орган ИКП, подчеркивал, что борьба за насущные нужды трудящихся позволит объединить в профсоюзах — классовых организациях пролетариата — широкие массы рабочих. Это, в свою очередь, будет способствовать созданию рабочей основы партии, превращению ее в мощную общественную силу, преодолению в партии «состояния сектантства»⁸⁴.

В соответствии с рекомендациями Профинтерна ИКП развернула деятельность на промыслах АПНК, где со-

здание профсоюзов допускалось лишь с одобрения администрации компании. Тем не менее на промыслах в подполье еще с 1925 г. действовали профсоюзы, основанные при участии отдельных активистов ИКП. Эти профсоюзы послужили базой для создания в начале 1927 г. нелегального Общества нефтяников юга Ирана, которое в ноябре 1927 г. провело конференцию с участием около 200 представителей рабочих. Конференция призвала пролетариат к рабочей солидарности и борьбе против национальной розни, а через меджлис предъявила администрации АПНК требования об улучшении условий труда и жизни рабочих нефтяных промыслов, предоставлении им права на организацию профсоюзов и участие в общественной деятельности. Конференция способствовала сплочению рабочих АПНК и объединению их в профсоюзы, которые к январю 1929 г. насчитывали около 3 тыс. членов⁸⁵.

Несмотря на известное расширение влияния среди рабочих, ИКП по-прежнему не была в состоянии оказать сколько-нибудь серьезное противодействие установлению режима диктатуры в стране.

Укрепление режима диктатуры происходило в обстановке непрекращавшейся войны с племенами, а также в условиях развития демократического движения, которое было ответом на резкое усиление эксплуатации трудящихся и проявлялось преимущественно в стихийных выступлениях крестьян, рабочих, ремесленников и различных слоев мелкой буржуазии.

Восстания племен были непосредственным откликом на политику централизации, которая, отражая объективные потребности социально-экономического развития Ирана, сопровождалась разоружением племен, установлением в зонах племен власти военной и гражданской администрации, лишением ханов прав на сбор налогов и иных посреднических функций. Все это вело к ослаблению политической власти ханов и сокращению их доходов и вызывало резкое недовольство родовой знати. Восстания, возглавлявшиеся ханами, происходили на протяжении всех 20-х годов. В этих восстаниях принимали участие большинство рядовых членов племен, вовлекавшихся зачастую в выступления во имя выполнения родовых «обязанностей», защиты «вольностей» и т. п.

Иногда, особенно на первом этапе осуществления политики централизации, оседлое население зоны племен поддерживало ханов. Однако в целом оседлое население с одобрением встречало меры по ограничению власти ханов-помещиков.

Независимо от мотивов и непосредственных поводов выступлений оседлого и кочевого населения в основе всех этих выступлений лежал, за ничтожным исключением, протест против усиления эксплуатации со стороны помещиков, купцов и ростовщиков. Усиление это в значительной мере обуславливалось развитием процесса трансформации феодального натурального хозяйства в полуфеодальное товарное хозяйство, внедрением буржуазных форм управления и налогообложения при сохранении во многом старой феодальной структуры деревни и прежних методов производства. Общие причины «всех восстаний племен», писал В. Таги-заде, коренились прежде всего в постепенном распространении процессов «разложения патриархально-родового строя» племен под воздействием «проникновения товарно-денежных отношений, превращения родовой верхушки в помещиков, купцов и ростовщиков в одном лице, а родовой массы... в батраков, издольщиков и пастухов», замены общинной собственности на землю «частной собственностью ханов, беков, старейшин». Эти процессы приводили к быстрому обнищанию «родовой массы», но еще не сопровождались достаточно высоким уровнем социального расслоения, чтобы рядовые члены племен обратили недовольство против ханов. Основной источник бедствий рядовые члены племен видели «в том новом, что надвигалось с централизацией». К тому же во многом оставались в неприкосновенности родовое право и родовая организация. Именно поэтому во главе восстаний племен «в подавляющем большинстве случаев» стояли ханы⁸⁶.

К активному проведению политики централизации государство приступило еще до воцарения Реза-шаха, сразу же после подавления осенью 1921 г. основных очагов демократического и освободительного движения в Азербайджане, Гиляне и Хорасане. Мероприятия по ликвидации полунезависимого положения ханов правительство начало с операций против племен северо-западных районов, где население в значительной мере

было оседлым и оказывало активную поддержку государству в борьбе с сепаратистскими устремлениями родовой знати. В то же время избрание этих районов с их сильными демократическими настроениями в качестве первых объектов политики централизации, очевидно, вызывалось необходимостью введения здесь твердой власти с целью воспрепятствовать развитию революционного движения. В 1921—1925 гг. проводились операции по подавлению восстаний и разоружению племен в Гиляне, Азербайджане, Курдистане, Хузестане, Лурестане, Хорасане и Астрабаде. Различными посулами перетянув на свою сторону или добившись нейтралитета ряда видных ханов, военным властям удалось погасить основные очаги восстания в Хорасане и Астрабаде лишь к декабрю 1925 г. Тем не менее отдельные группы туркмен продолжали сопротивление и в 1926 г., и даже в начале 1927 г.⁸⁷

Подавлением восстания племен туркмен и курдов Астрабада и Хорасана закончился в целом первый этап централизации, в ходе которого завершилось «умиротворение» племен Северного Ирана. С воцарением Реза-шаха правительство поставило на очередь подчинение племен южных районов — луров, бахтиар, кашкайцев, арабов, белуджей, которые во многом еще оставались оплотом ханов, феодальных помещиков и реакционного духовенства.

Учитывая опыт борьбы с племенами Северного Ирана, правительство в период подготовки кампании против племен южных районов предприняло шаги по укреплению армии, увеличив ее численность (к апрелю 1928 г.) до 60 тыс. человек. Вместе с тем возросли закупки за границей военной техники. В 1926 г. на вооружении армии уже имелось 20 самолетов, десятки броневиков и танков, горная артиллерия. Очень важное значение придавалось строительству дорог, что подрывало политическую и экономическую изоляцию племен, делало возможным установление над ними эффективно-го контроля. Вдоль дорог возводились военные форты⁸⁸.

В ходе военных кампаний проводилось разоружение племен. Под видом возмещения расходов на подавление восстаний племена облагались тяжелыми контрибуциями, что фактически означало безудержный грабеж имущества и скота незащищенных жителей. Помимо то-

го, вождей племен обязывали погасить налоговые недоимки, всю тяжесть уплаты которых ханы перекладывали на плечи подвластного населения. Над племенами устанавливались контроль и мелочная опека военных властей и чиновников, произвол которых нередко заставлял племена вновь браться за оружие. В то же время правительство занимало все более жесткую позицию по отношению к ханам. Их отстраняли от управления племенами, лишали судебной власти, права сбора налогов и т. д. Многие ханы, причастные к восстаниям, были казнены, сосланы или содержались в городах под надзором полиции. Земли и имущество вождей племен конфисковывались. Для того чтобы подорвать влияние ханов-помещиков, власти зачастую принуждали их к обмену своих владений в зоне племен на земли в других районах страны⁸⁹.

Проведение политики централизации и особенно попытки взыскания налогов после голодной зимы уже в начале 1926 г. вызвали волнения арабских племен Хузестана. Волнения прекратились лишь после того, как власти отменили сбор налогов с поднявшегося на восстание арабского племени айяйше и сумели договориться с его вождями. Ранней весной вспыхнуло восстание луров, которые уничтожили несколько отрядов правительственных войск, перерезали важную дорогу Дизфуль — Хорремабад и стали совершать набеги на соседние районы. Восстание прекратилось так же стихийно, как и возникло⁹⁰. Весной же в ответ на усиление политики централизации в Систане развернулось восстание белуджей, которые еще в 1925 г., подвергнув осаде расположенные в провинции гарнизоны, заставили правительство признать права своих вождей на управление провинцией. Аналогичные события наблюдались в Систане и в 1926 г., когда ханы белуджей со своими отрядами обезоружили гарнизоны и изгнали из области представителей центральной администрации.

Летом 1926 г. вновь вспыхнуло сепаратистское движение среди курдов, которое на первых порах охватило обширную территорию от Лурестана до внутренних районов Азербайджана. В ходе восстания опять всплыл националистический лозунг борьбы за «независимый Курдистан». Однако правительству (не без помощи Англии) удалось сначала внести разлад в руководство

восстанием, а затем обратить против восстания часть видных вождей курдов и с их помощью к 1927 г. полностью покончить с движением.

В 1927—1928 гг. основные очаги восстаний племен переместились в центральные и южные районы Ирана, что было, очевидно, прямым следствием распространения политики централизации на эти районы. В конце 1927 г. происходило восстание племен районов Дашти и Тенгистана в Фарсе. Военная экспедиция, направленная на покорение этих племен, после нескольких неудачных столкновений с их отрядами возвратилась ни с чем. Зимой 1927/28 г. происходили волнения среди племен в Хузестане, а весной 1928 г. — в Лурестане. Летом 1928 г. восстали племена мамасани и бойерахмеди. Военные власти, прибегнув к помощи бахтиар, с трудом подавили это выступление. Осенью 1928 г. вспыхнуло крупное восстание белуджей.

Одновременно с восстаниями племен происходили выступления оседлого населения деревни, которые не прекращались со времени гилианской революции, когда крестьянство впервые (хотя в значительной мере и под флагом выдвинутых Кучек-ханом религиозных лозунгов восстановления патриархальных порядков, возвращения к завещанной Кораном десятины, запрещения поборов и злоупотреблений) приняло широкое участие в демократическом движении. С гилианской революции борьба трудящихся иранской деревни постепенно приобретала классовую окраску. Этому в немалой степени способствовало то, что вернувшиеся в Гилян вслед за поражением движения помещики приняли самые решительные меры для восстановления прежних порядков, совершенно не считаясь с введенной Кучек-ханом десятиной и выколотив с крестьянства «задолженность» за период революции. Это послужило «лучшей пропагандой для крестьянства против религиозных иллюзий», когда оно постепенно стало утверждаться во мнении, что права собственности «помещика на землю несовместимы при современных условиях с патриархальными отношениями, установленными Кораном»⁹¹. И хотя после гилианской революции выступления крестьянства по-прежнему зачастую носили религиозную окраску, тем не менее уже наблюдались случаи, когда крестьянство даже поднимало вопрос о ликвидации десятины. Так,

крестьянство Кермана в 1925 г. выдвинуло предложение об использовании на общественные нужды «божьей грядки»⁹². В связи с этим следует отметить, что в буржуазной печати в конце 20-х годов муссировался вопрос о необходимости конфискации вакфных имений⁹³.

С проведением политики централизации, которая зачастую сопровождалась разорением селений и разрушением производительных сил, возложением на трудящихся деревни налоговых и иных дополнительных тягот, ростом эксплуатации крестьянства со стороны полуфеодалов и помещиков и торгово-ростовщического капитала и т. д., недовольство крестьянства все возрастало и нередко переходило в открытые выступления. Основными требованиями крестьянства были отмена натуральных повинностей и незаконных поборов, сокращение арендной платы и ликвидация феодального суда.

Низкий уровень политического самосознания крестьянства нередко использовали в своих целях реакционные элементы. Ярким примером тому служат «терьячные бунты» в Исфахане в 1923—1924 гг., когда помещики и другие скупщики опиума направили недовольство крестьянства, возросшее в связи с резким понижением цен на опиум в результате запретительных мер Лиги наций, против правительства. Попыткам введения акциза на реализуемый на внутреннем рынке опиум «оптовые скупщики опиума противопоставляли крестьянские массы производителей терьяка, объявив им, что правительство хочет обложить налогами все крестьянское имущество». На этой почве в Исфахане, хотя акциз касался лишь продукции скупщиков, хранившейся на городских складах, произошли столкновения между полицией и войсками, с одной стороны, и крестьянами окрестных селений — с другой, которые сопровождалась «применением огнестрельного оружия и жертвами». В развязывании «терьячных бунтов» значительную роль сыграли не только скупщики опиума, но и реакционное духовенство, рассчитывавшее упрочить свое влияние выдвижением лозунгов «священной войны» и борьбы против «еретических новшеств»⁹⁴.

В 1924—1925 гг. наблюдались волнения крестьян в Хамадане, Кермане, Азербайджане и других районах; в ряде случаев эти выступления сопровождалось изгнанием помещиков из селений. В 1926—1928 гг. отдель-

ные выступления трудящихся деревни против помещиков и властей происходили почти во всех провинциях Ирана.

Недовольство охватило и армию — опору режима диктатуры. Волнения в армии были вызваны лихоимством офицеров, их произволом в отношении нижних чинов, постоянной задержкой и даже невыплатой солдатам денежного и вещевого довольствия. В городах Северного Ирана — Реште, Астрабаде и др. — нередко «можно было видеть солдат, бродящих по городу, на базаре и возле казарм, продающих солдатское белье, обувь и прочее»⁹⁵. Росло число дезертиров. С бежавшими из армии солдатами связаны попытки возрождения дженгелийского движения в Гиляне. Летом 1926 г. в богатом лесами Фумене они при поддержке крестьян и ремесленников создали партизанские отряды, которые вели борьбу с помещиками и властями. Повстанцы (около 400 человек) во главе с бывшим унтер-офицером Ибрагим-ханом нападали на административные учреждения и чиновников, призывали крестьян не вносить помещикам арендную плату. Крестьяне снабжали повстанцев продовольствием, скрывали их от полиции и войск. Часть помещиков, чиновников и даже старост отдельных селений бежала в города. Повстанцы установили связи с тайными мелкобуржуазными организациями Решта и Энзели. Накалялась обстановка в городах, где «обычная система назначения депутатов в меджлис сверху... встретила не в меру резкий отпор... городской буржуазии и ремесленников базара». Опасаясь антиправительственных выступлений, власти отказались от выборов депутатов от Решта. После бесплодных попыток подавить движение в Фумене с помощью небольших отрядов правительство осенью 1926 г. направило туда крупную карательную экспедицию, которая жестоко расправилась с повстанцами и положила конец своеобразной стихийной попытке создания (хотя и в миниатюрном виде) единого национального фронта борьбы с режимом диктатуры. В Реште и Фумене в октябре 1926 г. казнили 20 повстанцев, в том числе 12 солдат, одного офицера и семь крестьян. В феврале 1927 г. власти схватили и казнили Ибрагим-хана⁹⁶.

Почти одновременно с движением в Гиляне происходили волнения солдат в других областях Ирана. Так,

24 июня 1926 г. вспыхнуло восстание солдат в Дильменском районе округа Салмас, которое вскоре распространилось и на остальные районы округа. Число повстанцев достигло 700. Они заняли Хой, где их ряды пополнились солдатами местного гарнизона, ремесленниками и городской беднотой, крестьянами окрестных селений. Повстанцы вступили в переговоры с ханами курдов об организации похода на Тебриз. Однако вожди племен не только не пошли им навстречу, но даже оказали помощь войскам в подавлении восстания⁹⁷.

В конце июня 1926 г. вспыхнуло восстание солдат в Хорасане, которое на первых порах возглавил сподвижник Мохаммеда Таги-хана демократически настроенный офицер Бовенд, получивший почетный военный титул «Салар Дженг». Восстание охватило Боджнурд, Ширван, Кучан. Комитет возмездия, вставший у руководства восстанием в процессе его развития, выдвинул лозунги свержения монархии Реза-шаха, конфискации земель помещиков и передачи их крестьянам, реформы налогообложения. Комитет раздавал населению запасы продовольствия из государственных складов и т. п. Эти мероприятия способствовали укреплению социальной базы восстания, обеспечивали ему поддержку крестьян, ремесленников и мелкой буржуазии города. Наряду с этим руководство восстанием с целью укрепления его военной основы предприняло попытки привлечь на свою сторону ханов племен, что, однако, было заранее обречено на неудачу, ибо находилось в явном противоречии с его аграрной программой. Уже при занятии Кучана произошли столкновения повстанцев с отрядами местных ханов, которых власти обеспечили оружием. В дальнейшем ханы курдов и отчасти туркмен вместе с переброшенными из других провинций войсками сыграли ведущую роль в разгроме повстанцев.

Восстание Салар Дженга, вписавшее славную страницу в историю демократического движения иранского народа, вызвало глубокое беспокойство у правительства, которое наряду с наказанием повстанцев арестовало и предало суду значительную группу военных и гражданских лиц, своими злоупотреблениями вызвавших обострение положения в Хорасане. Вместе с тем власти предприняли решительные шаги к разоружению своих «временных союзников» — ханов племен⁹⁸.

В сентябре 1926 г. власти раскрыли заговор среди офицеров—приверженцев республиканского строя во главе с командиром полка «Пехлеви» Пулад ад-Дином. Было арестовано и приговорено к десяти годам тюремного заключения около 60 человек. В конце 1927 г. Пулад ад-Дин был умерщвлен в тюрьме⁹⁹.

Волнения в армии не получили эффективной помощи от демократического движения Ирана, которое в чрезвычайно сложной политической обстановке в рассматриваемый период не имело фактически общей программы и носило, как правило, стихийный характер. Разрозненные выступления различных слоев населения города и деревни не принимали обычно сколько-нибудь широкого размаха, и их требования не выходили за рамки узкоклассовых интересов.

Кроме непрекращавшихся мелких волнений крестьян можно отметить лишь два довольно крупных выступления трудящихся деревни. Первое из них вспыхнуло весной 1926 г. в Дерезез-Келатском районе Хорасана. Крестьяне выдвинули требования отмены «всех прав помещиков» и внесения арендной платы, основываясь на нормах шариата, непосредственно государству. Для крестьян, которые в виде арендной платы и различных повинностей отдавали «от 50 до 75% продукта своего труда», возвращение к нормам шариата «имело бы значение революционного переворота в аграрных отношениях»¹⁰⁰. Второе восстание поднялось в октябре 1926 г. среди луров-землепашцев и скотоводов племени бейравенди, которые после голодного 1925 г. отказались от внесения налогов правительству и выполнения своих обязательств перед вали Поштекуха. Плохо вооруженные и малочисленные отряды повстанцев дважды с успехом пресекли попытки правительственных войск и отрядов вали Поштекуха прорваться в горы и силой принудить крестьян к повиновению. Замирения луров власти добились необычным для того времени путем: они выдали бедствующим крестьянам продовольствие и обеспечили их семенами для посева; после этого восстание прекратилось.

В 1927—1928 гг. постепенно возрождалось рабочее движение. В 1927 г., например, состоялась забастовка докеров Насери. Администрация уволила 66 человек и с помощью полиции подавила забастовку. Наблюдались и

выступления служащих, которые обычно выдвигали требования улучшения материального положения. В мае 1927 г. в Тегеране 800 служащих государственных учреждений в ответ на решение меджлиса о снижении им на 10% заработной платы объявили забастовку. В ноябре происходила забастовка почтовых служащих Мохаммеры. Обе забастовки были подавлены полицией. 1 мая 1928 г. иранские трудящиеся активно участвовали в политических манифестациях. ИКП издала к 1 мая воззвание, в котором призывала трудящихся сплотиться в борьбе против монархии и империализма¹⁰¹. В пригородном парке Тегерана состоялся митинг рабочих, ремесленников и других представителей трудящихся — всего собралось около 2 тыс. человек. Они выдвинули требования об установлении восьмичасового рабочего дня, о свободе организации профсоюзов, повышении заработной платы, улучшении условий труда, допуске в меджлис представителей трудящихся и т. д.

Таким образом, демократическое движение прежде всего в силу своей разобщенности и ряда иных объективных и субъективных причин не приостановило оформления в Иране режима диктатуры, который упрочил свои позиции в ходе проведения политики централизации, отвечавшей интересам капиталистического развития страны и в своей основе пользовавшейся поддержкой различных слоев буржуазии.

Довольно последовательное проведение политики централизации позволило государству приступить к осуществлению серии мероприятий, призванных обеспечить рост экономического потенциала Ирана, укрепление института частной собственности и отчасти перестройку хозяйства страны на капиталистической основе. Проведение таких мероприятий диктовалось необходимостью ускорить развитие производства, так как экономическая отсталость страны сама по себе представляла серьезную угрозу для правящих кругов. Объективно осуществление этих мероприятий повышало сопротивляемость Ирана экспансии империалистических держав и вело к упрочению его независимости.

Созданию реальных возможностей для реконструкции хозяйства Ирана, внедрения более продуктивных форм производства в значительной мере способствовала политика молодого Советского государства, передавше-

го Ирану крупные материальные ценности, объявившего об отмене неравноправных договоров и аннулировании задолженности России. Только освобождение от задолженности России сохранило Ирану фактически 62,2 млн. золотых рублей и привело к улучшению финансового положения страны ¹⁰².

Между тем вопрос об изыскании средств для осуществления экономических проектов превратился в 20-х годах в одну из самых жгучих проблем иранской действительности. Освобождение Ирана от значительной части платежей по внешним займам улучшало возможности финансирования экономического строительства, но, естественно, не решало проблему. В результате на повестку дня был поставлен вопрос о путях финансирования экономических проектов. Вокруг этого вопроса в стране развернулась острая борьба. Демократические слои выступали за осуществление экономического строительства без внешних займов, за ликвидацию эксплуатации страны иностранными монополиями вообще и прежде всего через каналы внешней торговли. Возникшие в 20-х годах организации национальной буржуазии требовали упорядочения внешней торговли и сокращения импорта, рост которого отрицательно сказывался на развитии внутреннего производства. В то же время связанные с внешним рынком помещики и компрадоры настаивали на укреплении сотрудничества с иностранными монополиями, на осуществлении экономического строительства с помощью западных держав ¹⁰³. Такой точки зрения придерживалось и иранское правительство, которое еще в первой половине 20-х годов предприняло попытки получить иностранные займы и привлечь иностранный капитал для экономического строительства. Однако эти попытки правительства, которые оно сделало вопреки официально провозглашенному им курсу, предусматривавшему освобождение страны «от задолженности и порабощения иностранным капиталом» ¹⁰⁴, по различным причинам завершились провалом ¹⁰⁵.

Основную ставку в изыскании средств для экономического строительства иранское правительство делало на США, которые еще не успели в достаточной мере скомпрометировать себя в стране ¹⁰⁶. Учитывая недовольство в стране политикой старых колониальных держав и памятуя о тяжелых условиях, на которых они предоста-

вляли займы, иранское правительство с крайней осторожностью относилось к помощи государств Западной Европы. К тому же эти государства были сильно ослаблены в ходе первой мировой войны и интервенции в Советскую Россию, а также борьбы, которую им пришлось вести против народов своих подопечных территорий, где под влиянием Великой Октябрьской революции разгорелось национально-освободительное и демократическое движение. В такой обстановке иранское правительство наилучший выход из положения видело в обращении за помощью к США. Оно рассчитывало не только на получение займов в Соединенных Штатах, но и на привлечение американского капитала к строительству железных дорог и ирригационных сооружений, разведке и разработке месторождений нефти и иных полезных ископаемых, эксплуатации лесных богатств. Тем не менее неоднократные обращения иранского правительства к США за помощью не увенчались успехом. Правда, США не отказывались выделить Ирану кредит, но оставляли его предоставление условиями, неприемлемыми для иранского правительства. Принятие этих условий означало признание капитуляционного режима, с которым в стране велась решительная борьба. Завершились провалом и переговоры с американской компанией «Улен», с которой иранское правительство в апреле 1924 г. даже заключило предварительное соглашение на строительство железных и шоссейных дорог. Банки Соединенных Штатов, не желая подвергать риску свои капиталы в обстановке неустойчивого политического положения в Иране, отказали ему в займе на финансирование этого строительства¹⁰⁷. Безрезультатно закончились в 1924 г. и почти трехлетние попытки иранского правительства привлечь американские монополии для разработки нефтяных месторождений в северных районах страны.

Неудачи переговоров с американскими монополиями, казалось, должны были заставить иранское правительство распрощаться с надеждами на получение на сколько-нибудь приемлемых условиях помощи от империалистических держав. Однако во второй половине 20-х годов оно предприняло еще ряд попыток к привлечению в страну иностранного капитала. В частности, оно вступило в переговоры с группой иностранных компаний для

привлечения их к осуществлению проектов по обеспечению Тегерана питьевой водой и электроэнергией, по организации добычи каменного угля и производства цемента. Но, как и следовало ожидать, эти переговоры зашли в тупик ¹⁰⁸.

В то же время иранское государство настороженно относилось к развитию экономических связей с СССР. Такая политика во многом, правда, вдохновлялась Англией, взявшей еще весной 1925 г. курс на укрепление экономического сотрудничества с Ираном ¹⁰⁹, и США, которые немало сделали для того, чтобы затормозить развитие экономического сотрудничества между СССР и Ираном. Особенно преуспела в этом приглашенная в Иран еще в 1922 г. для реорганизации финансовой системы страны американская миссия во главе с Мильспо, которая, по признанию самого Мильспо, активно противодействовала укреплению экономических связей Ирана с СССР ¹¹⁰. Между тем Советский Союз неоднократно выражал готовность к развитию взаимовыгодных экономических связей с Ираном и на деле подтвердил свое стремление. Так, советские специалисты вели на территории Ирана борьбу с сельскохозяйственными вредителями, и особенно с саранчой — этим бичом иранского растениеводства; смешанные общества (учрежденные для упорядочения и развития торговли между обоими государствами) проводили мероприятия по поднятию продуктивности хлопководства и шелководства и т. д. Положительное влияние на платежный баланс страны имело подписание 1 октября 1927 г. советско-иранского торгового договора и таможенной конвенции, которые установили принцип нетто-баланса в торговле между Ираном и СССР ¹¹¹. При обмене письмами, сопровождавшем заключение конвенции, Советский Союз заверил Иран, что в случае введения им автономного таможенного тарифа этот договор будет приведен в соответствие со статьями нового тарифа. Этим актом СССР создал фактически прецедент для введения Ираном автономного таможенного тарифа, что способствовало окончательной ликвидации капитуляционного режима в стране ¹¹². 1 октября 1927 г. состоялось также подписание соглашения об эксплуатации рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря смешанной советско-иранской компаний.

Тем не менее иранское правительство, ориентировавшееся в своей экономической политике на помощь империалистических держав, не использовало в сколько-нибудь достаточной мере неоспоримых преимуществ экономических связей с СССР. Вместе с тем западные державы фактически отказали Ирану в помощи, а с наступлением мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. фактически рухнули даже надежды на привлечение иностранного капитала для экономического строительства в стране.

Таким образом, Иран был поставлен перед необходимостью осуществления экономического строительства за счет внутренних ресурсов, что потребовало реорганизации финансовой системы страны, и в первую очередь сбора налогов — основного источника поступлений в казну. Выполнение этой задачи было возложено на американскую миссию Мильспо, получившую обширные полномочия, которые фактически ограничивали экономический суверенитет иранского государства. Без одобрения миссии, в частности, правительство не имело права санкционировать сколько-нибудь серьезные финансовые операции. Миссия использовала свое положение для распространения влияния США в Иране. Она насаждала американских советников в различные отрасли хозяйства, а сам Мильспо добился от Реза-шаха разрешения присутствовать на всех заседаниях правительства, т. е. по сути дела получил право принимать участие даже в обсуждении политических вопросов¹¹³. Вместе с тем миссия всячески препятствовала расширению деятельности в Иране монополий иных империалистических держав, и прежде всего АПНК и Шахиншахского банка. Однако здесь миссия встретила мощный отпор британских монополий и правительства Англии¹¹⁴.

На первых порах деятельность миссии, сопровождавшаяся притоком средств в казну, снискала расположение Реза-шаха, который был особенно доволен тем, что Мильспо не жалел денег на укрепление армии. Однако по мере упрочения положения миссии Мильспо перешагнул дозволенные рамки. Он перестал считаться не только с рядовыми чиновниками центрального административного аппарата и местными властями, но и с членами кабинета. Эти факты и недовольство общественности вмешательством Мильспо во внутренние дела страны

заставили правительство пересмотреть договор с миссией в сторону ограничения ее полномочий. Такая позиция правительства получила поддержку Англии, которая была обеспокоена ростом влияния США в Иране. Мильспо, надеясь на содействие шаха, отклонил новые условия договора. Но поскольку с реорганизацией финансовой системы и укреплением армии Реза-шах уже не испытывал серьезной нужды в услугах Мильспо, в июле 1927 г. он принял его отставку. Место отбывших в США сотрудников американской миссии, но с гораздо более узкими правами, заняли в апреле 1928 г. германские советники во главе с Линденблаттом.

Мероприятия американской миссии по реконструкции финансовой системы Ирана ставили целью централизацию доходов и расходов государства и изыскание новых источников поступлений для укрепления армии и административного аппарата и осуществления экономического строительства. Проведение этих мероприятий продолжалось и после отставки Мильспо и проявлялось в соответствии с классовой природой монархии Реза-шаха в необычайно высоком росте косвенного обложения, которое тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся слоев населения. Поступления от сбора косвенных налогов со 118 млн. кранов в 1923/24 г. возросли до 254 млн. кранов в 1928/29 г., а их доля в общей сумме налогов увеличилась с 67 до 85% ¹¹⁵. Такое повышение удельного веса косвенных налогов было главным образом результатом роста эффективности обложения предметов иранской внешней торговли, и в первую очередь импорта. Это достигалось, во-первых, повышением ставок таможенных пошлин и, во-вторых, введением дополнительных налогов, которые взимали помимо регулярных пошлин. Наиболее важное значение имело введение в мае 1925 г. монопольного налога на сахар и чай, а в феврале 1926 г. — дорожного налога, который взимался почти со всех товаров импорта и экспорта.

Особенно возросли поступления от обложения предметов внешней торговли с принятием 3 мая 1928 г. автономного таможенного тарифа, введение которого знаменовало собой окончательную ликвидацию капитуляционного режима. Однако этот тариф в известной мере имел еще конвенционный характер, ибо не запрещал заключения с иностранными державами специальных

договоров и применения в таком случае к товарам этих держав более льготного обложения. Таким образом, Иран фактически добился признания империалистическими державами отмены капитуляционного режима ценой значительных уступок. В то же время западные державы, хотя и относились неприязненно к ликвидации капитуляционного режима, в создавшейся на международной арене обстановке не имели возможности воспрепятствовать его отмене и поспешили с подписанием с Ираном специальных договоров, которые обеспечивали им заметные выгоды.

Таким образом, реорганизация системы косвенного обложения, которое всей тяжестью ложилось на плечи трудящихся, обеспечила значительный приток средств в казну. Мероприятия же по упорядочению и повышению эффективности прямого обложения, которое распространялось прежде всего и преимущественно на сельское население и в значительной части на его состоятельные слои, дали ничтожные результаты. Подавляющую часть поступлений от прямых налогов составляли доходы от обложения земли: в 1923/24 г. они составили 97% поступлений от прямых налогов¹¹⁶. Самым важным актом в реорганизации прямого обложения было принятие 10 января 1926 г. закона об установлении единого налога на земли помещиков и хордемалеков, который устанавливался в размере 3,5% валового дохода с обрабатываемых площадей, 10% дохода от эксплуатации лесов и пастбищ, 5% — мельниц, 15% — ирригационных сооружений¹¹⁷. Вводился также налог на скот в размере от 1 до 10 кранов с головы¹¹⁸ в зависимости от вида скота. Принятие закона не вызвало роста поступлений в казну, ибо из-за сопротивления помещиков и задержки с составлением кадастра (это было обязательным условием обложения) к сбору нового налога в 20-х годах приступили лишь со сравнительно незначительной части обрабатываемых площадей. В результате доходы государства от обложения земли сократились с 60,5 млн. кранов в 1925/26 г. до 45 млн. кранов в 1928/29 г. И в целом доходы от прямого обложения оставались невелики, а их доля в общей сумме поступлений уменьшилась с 25% в 1923/24 г. до 11,8% в 1928/1929 г.¹¹⁹

Из прочих мероприятий государства по реорганизации финансовой системы чрезвычайно важное значение

имело открытие 8 сентября 1928 г. Национального банка Ирана¹²⁰. Серьезную роль в его создании сыграло длившееся со времени революции 1905—1911 гг. широкое движение в Иране, в первую очередь средней и мелкой буржуазии, за учреждение отечественного банка. Эти слои иранской буржуазии надеялись с открытием банка обрести опору в борьбе против иностранных монополий и тесно связанных с ними крупных купцов-компрадоров. Однако возможности Национального банка (он начал операции с уставным капиталом 20 млн. риалов при оплаченном капитале 8 млн. риалов) были невелики и не удовлетворяли в сколько-нибудь заметной мере интересов иранских предпринимателей. Тем не менее сам факт создания банка свидетельствовал о решительном вмешательстве государства в сферу денежного обращения и кредита, что, естественно, вызывало тревогу британских монополий, которые незамедлительно открыли «военные действия» против Национального банка. Так, Шахиншахский банк задерживал выдачу ссуд купцам и тем самым заставлял их обращаться за кредитами к своему сопернику, испытывавшему нехватку средств, искусственно повышал и понижал курс фунта стерлингов при расчетах с Национальным банком и т. д. Однако положение Национального банка, который пользовался полной поддержкой государства, не только не ослабло, но даже и упрочилось, что проявлялось, например, в изъятии правительством и частными лицами своих вкладов из Шахиншахского банка и передаче их в Национальный банк¹²¹.

Из других отраслей иранского хозяйства серьезные изменения наблюдались лишь в области развития транспорта и коммуникаций, что также было результатом активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Эти изменения находили выражение прежде всего в расширении сети автомобильных дорог и увеличении объема перевозок при помощи современных средств транспорта. Если в начале 20-х годов строительство автомобильных дорог проводилось главным образом в интересах централизации страны, то по мере осуществления этой политики на первый план выдвигались экономические мотивы — интересы развития торговли, расширения внутреннего рынка и создания предпосылок для повышения производства в промыш-

ленности и сельском хозяйстве. Важное политическое и экономическое значение, которое придавалось созданию современного транспорта, обусловило то обстоятельство, что государство, испытывавшее нехватку средств и безуспешно пытавшееся пополнить казну за счет займов у западных держав, выделяло крупные суммы на сооружение автомобильных дорог. Во второй половине 20-х годов на обеспечение этого строительства шло от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ поступлений от сбора дорожного налога. Общая протяженность дорог, пригодных для автомобильного сообщения, увеличилась с 1 тыс. км в 1913 г. до 8,5 тыс. км в 1928 г.¹²² Расширение сети автомобильных дорог и выгодность перевозок на современных средствах транспорта вызвали значительное увеличение импорта автомашин: с 242 в 1913/14 г. до 632 в 1924/25 г. и 3152 в 1928/29 г. Общее число автомашин в Иране достигло в 1928/29 г., по приблизительным данным, 6—8 тыс., причем 55% их составляли грузовые автомашины¹²³. Важной вехой в развитии коммуникаций было принятие меджлисом 9 февраля 1926 г. решения о строительстве Трансиранской железной дороги, что возводилось в Иране в символ достижения независимости, ибо ранее царская Россия и Англия фактически не допускали подобного строительства¹²⁴.

Наряду с расширением сети коммуникаций правительство принимало меры по стимулированию производства в иранской деревне. В 1925 г. на десять лет было отменено взимание пошлин с импорта сельскохозяйственных машин. По закону от 10 января 1926 г. на срок в пять лет с начала возделывания освобождались от обложения земли под посевами конопли, кенафа, шафрана, индиго, марены, сахарной свеклы и тростника, чая, посадками тутовых и оливковых деревьев, а также осваиваемые участки¹²⁵. Правительство разработало проект повышения эффективности использования земель халесе. Выполнение этой задачи было возложено на созданное в 1925 г. в составе министерства финансов Управление государственных земель, которое, в частности, в соответствии с изданными в 1927 г. инструкциями освобождало от налогов (за исключением выплаты $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{5}$ урожая) государственные земли в Хузестане (в случае их орошения). Управление приступило также к строительству и реконструкции ирригационных сооружений

на землях халесе, импортировало сельскохозяйственные орудия для снабжения ими государственных имений ¹²⁶.

Подобные мероприятия в сочетании с ростом использования современных средств транспорта, а также укреплением правопорядка в ходе проведения политики централизации способствовали развитию сельского хозяйства, и прежде всего его товарных отраслей, ориентировавшихся по-прежнему преимущественно на внешний рынок. Ведущую роль в развитии этих отраслей сыграл рост экономических связей с СССР, под влиянием которого наблюдалось быстрое восстановление в центральных и особенно северных областях Ирана хлопководства, рисоводства, садоводства и иных экспортных отраслей. Это, в свою очередь, приводило к расширению в этих областях товарного производства зерновых культур, а также стимулировало развитие промышленности по первичной переработке продукции сельского хозяйства. В развитии этих отраслей промышленности по первичной переработке продукции сельского хозяйства, представленных помимо кустарных мастерских главным образом небольшими предприятиями с числом рабочих от 5 до 20, прямое или косвенное участие принимали в северных и отчасти центральных районах страны советско-иранские смешанные общества ¹²⁷.

Наряду с развитием отраслей по первичной переработке продукции сельского хозяйства заметные сдвиги наблюдались в ковровой промышленности, которая также основную массу своих изделий поставляла на экспорт (главным образом в США и Западную Европу). Вывоз продукции ковроделия возрос в стоимостном выражении с 1913/14 по 1927/28 г. почти в 3 раза ¹²⁸. В этой отрасли наблюдались вложения иностранного капитала, который в общем выказывал отрицательное отношение к инвестициям в иранскую обрабатывающую промышленность. Германский капитал открыл ковровое предприятие в Азербайджане, а британский — в Эраке и Курдистане. В 20-х годах в целях обеспечения ковровой промышленности сырьем иранские предприниматели построили небольшие шерстопрядильные фабрики в Тебризе, Исфахане, Казвине и Мешхеде.

В отраслях, обслуживавших внутренний рынок, успехи были еще более скромными, хотя в 1925—1926 гг.

правительство с целью поощрения строительства фабрик и заводов освободило от пошлин и дорожных сборов поставки оборудования и сырья для таких предприятий. Правда, как раз в этих отраслях функционировали два наиболее крупных предприятия обрабатывающей промышленности — текстильная фабрика Казеруни в Исфахане и спичечная фабрика Хойли в Тебризе, пользовавшиеся прямой финансовой поддержкой государства ¹²⁹.

Активное вмешательство государства в экономическую жизнь, и особенно осуществление под его руководством и при прямом участии различных мероприятий, создавало предпосылки для развития буржуазных отношений и свидетельствовало о вступлении Ирана на путь государственного капитализма. В условиях экспансии империалистических держав и общей социально-экономической отсталости вступление Ирана на этот путь было, пожалуй, единственным средством, способным при энергичной поддержке всех национальных сил вывести страну из состояния экономической отсталости или хотя бы обеспечить достаточный уровень развития производства. Однако осуществление политики госкапитализма, вынужденное всем ходом социально-экономической эволюции страны и развитием международных отношений, происходило в очень ограниченных, а зачастую и уродливых формах, в известной мере искажавших самую суть госкапитализма и приводивших к ослаблению заложенных в нем антиимпериалистических тенденций. Это объяснялось прежде всего тем, что крупные помещики и купцы, пользовавшиеся огромным влиянием в высших исполнительных и законодательных органах страны и самой логикой общественного развития поставленные у руля политики госкапитализма, стремились направить его развитие в русло прежде всего собственных интересов. Тем не менее в 30-х годах объективные нужды общественного развития и конкретно-историческая ситуация (в частности, мировой экономический кризис и его последствия для Ирана) заставили правительство проводить более последовательную и жесткую политику госкапитализма.

Параллельно с экономическими мероприятиями государство в 20-х годах приступило к осуществлению серии общественных реформ, поставленных в своей значительной части на повестку дня еще революцией 1905—

1911 г. В ряду этих реформ, призванных прежде всего закрепить ведущее положение полуфеодалных помещиков и торговой буржуазии в социально-экономической жизни Ирана, обеспечить благоприятные возможности для предпринимательской деятельности этих слоев в формах, не выходящих в целом за рамки их социально-экономической природы, одно из главных мест занимали мероприятия по упрочению в иранской деревне позиций частной собственности. В условиях, когда помещикам (включая шаха и ханов племен) фактически принадлежало около 80% обрабатываемых площадей, а у крестьян оставалось лишь несколько более 10% возделываемых земель, проведение этих мероприятий практически означало закрепление прав частной собственности помещиков на земли, разными путями перешедшие в их руки в последней четверти XIX в. — первой четверти XX в. По сути дела это также было юридическим закреплением крестьянского безземелья и малоземелья. К осуществлению названных мероприятий правительство толкало и то, что царившие в иранской деревне хаос и неразбериха в установлении прав собственности приводили к серьезным социальным осложнениям и наносили прямой ущерб фискальным интересам государства.

Все это вызывало острую необходимость в немедленном составлении кадастра и проведении регистрации сельскохозяйственных угодий. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1922—1927 гг. комиссией фирманов, работавшей под руководством Мильспо. В качестве основного признака для оформления права частной собственности комиссия взяла право давности непрерывного владения. Принятыми в 1928 г. законами срок давности владения устанавливался в зависимости от официального статуса тех или иных земель в пределах от 20 до 40 лет¹³⁰. В то же время комиссия приступила к разграничению государственных и частных земель. Однако эти мероприятия вследствие противодействия крупных помещиков, которые претендовали на значительную часть земель халесе и фактически нередко возделывали эти земли на правах собственников, в ряде провинций так и не удалось довести до конца. Обширные участки обрабатываемых земель халесе формально перешли в разряд «оспариваемых имений», а по сути

дела оставались в руках помещиков. Но если здесь комиссия добилась все же заметных успехов, то в отношении определения прав собственности на частных землях она мало продвинулась вперед.

Правительство предприняло попытки разрешить этот неотложный вопрос путем осуществления серии законов и постановлений о регистрации недвижимого имущества. С 1928 по 1933 г. правительство издало 10 таких актов. В 1928 г. был открыт нотариат, в котором наряду с другим недвижимым имуществом подлежали регистрации все частные сельскохозяйственные угодья и ирригационные сооружения. Документы на право собственности выдавались землевладельцам на основании заявлений, подкрепленных соответствующими документами или свидетельствами соседних землевладельцев. Не приходится говорить, что такой способ регистрации, учитывая неграмотность крестьян, влияние помещиков и т. д., послужил дополнительным средством для экспроприации прав крестьян. В результате регистрация охватила преимущественно земли мелких и отчасти средних помещиков, которые рассчитывали таким образом предохранить свои участки от насильственных захватов. Крупные помещики и особенно ханы племен, стремившиеся избежать налогообложения своих обширных имений, как правило, или уклонялись от регистрации, или давали в заявлениях заведомо искаженные сведения о размерах сельскохозяйственных угодий. В итоге на протяжении 20—30-х годов регистрация частных сельскохозяйственных угодий в значительной части так и не была завершена ¹³¹.

В числе важнейших мероприятий первых лет монархии Пехлеви было претворение в жизнь закона о всеобщей воинской повинности, утвержденного меджлисом VI созыва в июле 1927 г. Закон предусматривал введение всеобщей воинской повинности для молодежи в возрасте от 21 года на срок от двух до пяти лет. Освобождались от призыва лишь лица духовного звания, ученики богословских школ, христиане и представители других немусульманских религиозных меньшинств. Введение воинской повинности было настороженно и даже враждебно встречено населением, в котором глубоко укоренилось недоверие к воинской службе. Армию не любили и к людям в военной форме относились с антипати-

ей и опасением. Рекрутские наборы вызывали сильное сопротивление городского населения, ранее фактически избавленного от тягот воинской службы, к которой привлекались главным образом жители деревень. Осенью 1927 г. в ряде городов Ирана произошли крупные волнения. Движение за отмену воинских наборов вдохновлялось духовенством. Видные муджтехиды призывали население бойкотировать наборы в армию и в знак протеста отказывались от богослужения в мечетях. Представители духовенства в меджлисе во главе с Бехбехани, получив поддержку ряда депутатов, обрушились с нападками на введение воинской повинности. В Тегеране, Мешхеде, Ширазе, Исфахане и Куме закрывались базары, устраивались бесты во дворах мечетей, происходили демонстрации с антишахскими лозунгами, иногда сопровождавшиеся вооруженными столкновениями с войсками. Престиж шаха заметно падал. Серьезное противодействие наборы в армию встретили и в зоне племен. Осенью 1927 г. в Хузестане против введения воинской повинности восстали арабы племени бени-тороф. Власти вынуждены были пойти на уступки, и в Куме состоялись переговоры шаха с высшими духовными авторитетами, в результате которых слово «обязательная» было изъято из положения о воинской службе. Впрочем, и до этого состоятельные семьи находили всяческие лазейки для уклонения от воинских наборов. Так, в прессе отмечалось, что жители аристократических кварталов Тегерана фактически были избавлены от несения военной службы.

Сравнительно меньшее сопротивление наборы в армию встречали в деревне. С отменой прежней системы набора — «бонице» — отпадали обязательные для крестьян платежи на содержание солдат и семей рекрутов. Поэтому сельское население в основном спокойно встретило введение воинской повинности. Более того, сельская молодежь нередко усматривала в поступлении на военную службу возможность избавиться от беспросветной нужды и гнета помещиков¹³².

Следует отметить, что укрепление армии в 20—30-х годах стимулировало и проведение других реформ. Так, потребность армии в медицинских кадрах стала одним из стимулов для развития здравоохранения. Армейские госпитали были первыми и длительное время единствен-

ными современными медицинскими учреждениями в Иране. Задача укрепления армии отразилась и на преобразованиях в системе просвещения. В школах создавались военизированные организации бойскаутов, через которые учащимся старались привить чувство преклонения перед армией. Официальная идеология пропагандировала культ армии, ее вождя и покровителя Реза-шаха. Введение воинской повинности, по словам шаха, само себе должно было содействовать «правильному духовному воспитанию общества... Военный является для общества образцом патриотизма и истинно иранского духа»¹³³.

Проведение регулярных призывов в армию дало толчок для постоянного учета возрастного состава населения, а следовательно, и организации записи актов гражданского состояния и введения паспортной системы. Подданные Ирана обязывались «получить виды на жительство», фиксировать браки, разводы, рождения, смерти, иметь фамилию¹³⁴. Хотя вследствие несовершенства административного аппарата эти мероприятия распространялись главным образом на население городов, их осуществление усиливало возможности военно-полицейского контроля над населением.

С введением фамилий отменялись громкие феодальные титулы для военных и гражданских чинов. Пример подал сам Реза-шах, который, будучи еще премьером, выбрал фамилию Пехлеви в качестве символа возрождения величия древнего Ирана. Его примеру последовали видные государственные деятели. Председатель меджлиса Мутемин од-Доуле стал именоваться Хосейном Пирния, Мошир од-Доуле — Хасаном Пирния, Сардар Муаззам — Абдул Хосейном Теймурташем. Впрочем, за отдельными политическими деятелями по традиции сохранялись и их прежние имена; Ахмед Кавам, например, был более известен под именем Кавама ос-Салтане¹³⁵. Среди знати началось повальное увлечение благозвучными фамилиями, выбор которых облегчал специально изданный словарь. Позднее, с отстранением ханов от управления племенами, были аннулированы и феодальные титулы вождей племен («ильхан», «сардар», «бек» и т. п.). Упразднение титулов и введение фамилий зачастую воспринималось как одно из мероприятий по демократизации общества. Однако прежде всего

это нововведение преследовало цель упростить отношения в армии и государственных учреждениях. Одновременно запрещалось употреблять в официальной переписке архаичные высокопарные выражения и величания.

Из прочих мероприятий по модернизации общественной жизни следует отметить переход Ирана с марта 1925 г. на новое летосчисление по солнечному календарю. При этом арабские названия месяцев были заменены древнеиранскими. Месяцы первой половины года содержали по 31 дню, а второй половины года — по 30 дней (12-й месяц — 29 дней). Переход на новое летосчисление был враждебно встречен муллами, признанными знатоками прежней, крайне путаной и длительное время господствовавшей в Иране системы летосчисления. Одновременно правительство пыталось унифицировать систему мер и весов в соответствии с мировыми стандартами, но потерпело неудачу из-за сопротивления торговцев.

Важной составной частью политики централизации была административная реформа, к проведению которой приступили еще в начале 20-х годов. Структурной перестройке подверглись прежде всего министерства финансов, внутренних дел, юстиции, налоговое ведомство. Эта перестройка сопровождалась систематическими перемещениями в составе высшей администрации, которая при этом пополнялась военными. Аппарат управления на местах также все более подпадал под контроль армии. В провинциях командиры дивизий, корпусов и гарнизонов вмешивались во все дела государственного управления; что служило причиной постоянных трений между гражданскими и военными властями. Посты губернаторов провинций все чаще замещались военными из числа сподвижников Реза-шаха. Огромное значение приобрело министерство внутренних дел, установившее строгий надзор над деятельностью городских и сельских органов власти и ведавшее назначениями основной массы чиновников. Выдвижения на высшие административные посты контролировал сам Реза-шах.

В результате проведения такой политики быстро росло общественное значение новой социальной прослойки — чиновной военщины, быстро обогащавшейся путем захватов земель, взяточничества, вымогательства и предпринимательства. Приказами по армии Реза-шах

тщетно старался сдерживать «чрезмерное стремление офицеров к приобретению имений, недвижимости, к вступлению пайщиками в торговые дома, банки и т. п.»¹³⁶. Новое офицерство быстро приобщалось к интересам различных слоев буржуазии и полуфеодалных помещиков.

В процессе административной реформы создавалась централизованная, но громоздкая и постоянно усложнявшаяся бюрократическая система с центром в Тегеране. «Возникают новые департаменты, — писала 30 ноября 1930 г. газета „Туфан“, — заполненные тунеядцами и паразитами, которых содержат за счет совершенно обезземеленного и переобремененного налогами крестьянства». В то же время Тегеран становился центром деловой жизни страны, чему способствовали порядок выдачи лицензий, банковских кредитов и различные предписания, заставлявшие купцов и предпринимателей провинций по разным поводам обращаться в учреждения столицы. Все это создавало благоприятную почву для взяточничества и канцелярской волокиты.

Правительство настойчиво пыталось упорядочить работу государственных учреждений. Были введены таблицы о рангах, шкала продвижения по службе, конкурсные экзамены на замещение должностей и т. д. Открывались курсы для повышения квалификации чиновников. Для неграмотных доступ на государственную службу был закрыт, а малограмотных обязали посещать вечерние курсы для взрослых. Суровые постановления были приняты против взяточничества и казнокрадства. Создавались государственные инспекции и специальные суды. Указ министра юстиции Давера призывал жителей доносить за крупное вознаграждение о лихоимстве служащих. Один за другим следовали громкие процессы, в которых по обвинению в хищениях и взяточничестве фигурировали и видные государственные лица. Реза-шах совершал инспекционные поездки по стране для обследования деятельности гражданских и военных учреждений. Однако все эти меры были бессильны покончить с продажностью, прочно укоренившейся в административном аппарате. Мелкие же чиновники без подношений на мизерное жалованье не могли прокормить семьи. Особенно процветали злоупотребления в жандармерии и полиции.

Реорганизация государственного аппарата включала и перестройку архаичной, крайне запутанной системы юстиции. Основу судопроизводства составляло мусульманское феодальное право (шариат), т. е. совокупность весьма расплывчатых религиозных и юридических норм, допускавших самое широкое толкование. Отсутствие твердой гарантии имущественной и личной безопасности было серьезной помехой для успешного развития социально-экономических отношений на основе принципа буржуазной частной собственности. Отсутствие современного гражданского и уголовного законодательства, несовершенство всей судебной системы не только препятствовали участию национального капитала в различных торгово-промышленных обществах, но и затрудняли привлечение иностранного капитала. Иранская пресса писала, что до тех пор, пока не создана «эффективная судебная система», нет смысла рассчитывать на успех экономических преобразований, ибо «никто не рискнет вкладывать капиталы в предприятия акционерного типа». Убеждая «стародумов» не препятствовать проведению судебной реформы, министр юстиции Давер подчеркивал: «В страну, где нет управы на мошенников и злостных банкротов и т. п., иностранный капитал не пойдет»¹³⁷. Несовершенство иранского правосудия облегчало империалистическое вмешательство во внутренние дела страны, длительное время служило предлогом для сохранения одной из основ позорного капитуляционного режима, который ставил иностранных подданных вне юрисдикции местных властей.

В ходе реорганизации суда и системы юстиции, растянувшейся почти на весь период правления Реза-шаха, обветшалые шариатские уложения заменялись нормами буржуазного права, вводились западноевропейские юридические институты. За образец были взяты французские и бельгийские кодексы, приспособленные к местным условиям и дополненные в конце 30-х годов заимствованиями из кодексов фашистской Италии. Так, почти без изменений иранская юстиция восприняла многие статьи уголовного и процессуального кодекса Франции. Большую роль в выработке судебных кодексов и реорганизации системы юстиции сыграли видные иранские юристы Давер и Мостафа Адль, имевшие европейское образование.

Введение нового законодательства сильно ограничивало судебные функции духовенства, что не только лишало мулл значительных источников дохода, но и в известной мере подрывало их общественное положение. Хотя шариатские суды и были сохранены, но их деятельность ограничивалась вопросами, связанными с семейными отношениями и соблюдением религиозных норм. При этом светские суды получили право апелляционного рассмотрения решений шариатских судов. Претворению в жизнь этой акции предшествовала кампания по преданию гласности «вопиющих беззаконий и злоупотреблений» шариатских судов, выявлявшихся специальными комиссиями министерства юстиции.

На протяжении 1928—1940 гг. в Иране разрабатывался гражданский кодекс, определивший и намного расширивший полномочия светского суда. Были учреждены различные судебные инстанции, прокурорский надзор, адвокатура, нотариат, специальные суды (военный трибунал, суды по делам государственных служащих, коммерческие суды и пр.). Особое внимание уделялось мерам по укреплению частной и государственной собственности, а также мерам наказания за преступления против государственного порядка, монархии и религии.

Как и прочие реформы, реконструкция системы юстиции была неполной и непоследовательной. Многие статьи шариатского права, в частности о правах женщин и т. д., были восприняты светским законодательством. Формальным оставалось и отделение суда от исполнительной власти. Реформа суда не устраняла, а отчасти даже усиливала, вводя многоступенчатость судебных инстанций, такие изъяны судопроизводства, как волокита, крючкотворство и т. д. Кроме того, из-за недостатка в кадрах реформа не была осуществлена повсеместно. В провинциальных городах значительная доля судопроизводства была оставлена в руках духовенства. В окраинных областях, в частности в Белуджистане, судебных органов нового типа фактически не было до 40-х годов.

Несмотря на недостатки, реорганизация системы юстиции была прогрессивным явлением в развитии иранского общества. Шариатский принцип «равенство перед богом» вытеснялся новым для Ирана буржуаз-

ным принципом «равенство перед законом». Давая формальное основание требовать исполнения законов, реформа уже этим в известной степени создавала препятствия для феодального произвола.

Административная реформа и реорганизация системы юстиции усиливали руководящую роль государства в экономической и общественной жизни страны, способствовали укреплению государственного единства и ее политической самостоятельности.

В процессе государственной и хозяйственной перестройки все более насущной становилась потребность в квалифицированных кадрах. Лишь небольшая часть государственных служащих имела высшее образование; главным образом это были выходцы из богатых и знатных семей, окончившие миссионерские колледжи в самом Иране или получившие образование за границей. В таких условиях правительство было вынуждено прибегать к найму иностранных специалистов, что сопровождалось крупными затратами и задевало национальные чувства иранцев. Призывы печати к замене иностранных специалистов иранцами стали особенно настойчивыми в связи с конфликтом с главой американской миссии Мильспо, вызванным ее грубым вмешательством в вопросы государственного управления. В вину миссии ставилось и то, что она не выполнила взятых на себя обязательств по подготовке кадров иранских специалистов в сфере финансов. Подготовка национальных кадров становилась первоочередной задачей, связанной с решением ряда общественных и хозяйственных проблем.

К реформе системы просвещения правительство Реза-шаха приступило лишь во второй половине 20-х годов после завершения первого этапа централизации страны. В 1927 г. меджлис принял закон о всеобщем начальном образовании, который в целом, однако, по ряду причин так и остался на бумаге. Особенно остро стояла проблема педагогических кадров. В 1928 г. меджлис утвердил фонд для обучения студентов за границей, 35% которого предназначалось для студентов, изучающих педагогические науки. Постепенно в стране формировалась единая система образования путем унификации программ начальных и средних учебных заведений. Сеть школ быстро расширялась. Большое вни-

вание в обучении стало уделяться естественным и точным наукам, которые преподавались по французским учебникам, переведенным на персидский язык, а также физкультуре и спорту. Тем не менее качество обучения оставалось низким. С 1927 г. началась кампания за установление контроля и ограничение деятельности школ иностранных духовных миссий, закрытие школ религиозных и национальных меньшинств. Газеты обвиняли их в попытках подрыва основ ислама и воспитания у учащихся чувства «пренебрежения ко всему иранскому»¹³⁸. Циркуляр министерства просвещения от 24 мая 1927 г. предписывал миссионерским школам придерживаться установленных программ, вводил обязательное преподавание ислама для учеников-мусульман и персидского языка для всех учащихся этих школ.

Подобно реорганизации системы юстиции, реформа школы наносила серьезный ущерб общественному и материальному положению духовенства. В пользу светского просвещения были значительно урезаны доходы с вакфных имений. Деятельность медресе (богословских училищ) и мектебов (начальных духовных школ) была поставлена под контроль министерства просвещения. Секуляризация школы, хотя и ограниченная, вызвала упорное противодействие духовенства, которое религиозные призывы сочетало с либеральной и националистической демагогией, обвиняло правительство в попрании ислама, деспотизме, низкопоклонстве перед европейцами и т. п.

Духовенство всегда оказывало серьезное влияние на общественную жизнь Ирана, его культуру и быт населения. До реформ 20—30-х годов духовенство занимало ведущее положение в системе образования и судопроизводстве, скрепляло имущественные и торговые сделки, выступало в качестве блюстителя семейных отношений и нравственности. В условиях культурной отсталости населения духовенство было главным проводником общественной идеологии. Высшие духовные авторитеты — улемы и муджтехиды шиитских святынь: Кума, Мешхеда, Кербелы и Неджефа, претендовавшие на роль духовных наставников общества, — считали своим «священным правом» вмешательство в политическую жизнь страны. К их мнению прислушивался двор, иностранные миссии и политические группировки.

Духовенство пользовалось громадным авторитетом среди неграмотного населения деревень, городских низов, ремесленников и торговцев базара. Само право предоставления убежища в зданиях мечетей и святынь (бест) лицам, преследуемым законом, ставило духовенство в особое положение в отношениях с государственной властью. Иранская конституция формально закрепила за духовенством право контролировать с позиций ислама законодательную деятельность. Встревоженное развитием демократического движения в Иране в начале 20-х годов, а также антиклерикальными реформами в Турции, духовенство оказывало энергичное противодействие республиканскому движению и тем самым помогло утвердиться на престоле династии Пехлеви. Естественно, духовенство рассчитывало сохранить влияние и при новом режиме.

Духовенство по составу не было однородным и вследствие этого единодушным в своем отношении к реформам. Наиболее враждебную монархии Пехлеви группировку составляло высшее духовенство. Вместе с тем среди либеральной интеллигенции было немало лиц духовного сословия, одни из которых старались примирить происходившие перемены с догмами ислама, а другие, более радикальные, считали, что социальные преобразования обязывают к осуществлению религиозного реформизма, призванного приспособить мусульманские учреждения к новым условиям.

В своих действиях, направленных на ограничение влияния феодальных группировок и духовенства, Резашах во многом опирался на поддержку средних городских слоев, буржуазию и интеллигенцию, которым осуществление реформ давало возможность утвердиться на общественно-политической арене. Из сторонников преобразований выделились молодые политические деятели и популярные публицисты во главе с Давером, Дашти, Рахнема, Серешк-заде, которые находились в авангарде борьбы с феодально-клерикальным блоком. На первых порах, когда еще сохранялась видимость буржуазного демократизма, правительство терпимо относилось к критике реформ реакционными газетами. В то же время оно не препятствовало нападкам на «стародумов», следя лишь за тем, чтобы критика духовенства не принимала антирелигиозную направленность

Первый серьезный конфликт между правительством и духовенством произошел по поводу введения осенью 1927 г. воинской повинности. Духовенство воспользовалось недовольством населения наборами в армию для того, чтобы попытаться добиться не только отмены закона о воинской повинности, но и пересмотра всей программы реформ. Правительство, занятое в то время подавлением племенных, крестьянских и солдатских восстаний, вынуждено было пойти на уступки. В декабре 1927 г. в Кум на переговоры с религиозными авторитетами была направлена делегация во главе с министром двора, которая заверила улемов в том, что правительство считает долгом «охранять величие ислама и почетное положение духовенства» и соблюдать статью конституции о введении пяти улемов в состав меджлиса в качестве наблюдателей за законодательной деятельностью. В угоду улемам власти запретили издание сатирического журнала «Нахид», помещавшего карикатуры на мулл.

Ободренное уступками правительства духовенство стало вести себя более вызывающе. Оно усилило в печати и в меджлисе критику реформ и нападки на партию «Таракки», которую обвиняло в низкопоклонстве перед Европой и неуважении к исламу. Муллы призывали население бойкотировать светские школы и новые судебные учреждения. Правительство было вынуждено одернуть зарвавшихся мулл специальной декларацией, в которой предупреждало, что будет строго карать лиц, спекулирующих «священными понятиями ислама в корыстных целях и вносящих раскол в единство нации»¹³⁹.

В печати появились статьи с резкими нападками на духовенство, с которыми выступали главным образом партии «Иран-е джаван» и «Иран-е ноу», включившие в свои программы пункты о борьбе с суевериями и призывавшие к ограничению влияния мулл. Духовенству был закрыт доступ в ряды этих партий. Модарресовская фракция пыталась в противовес названным партиям создать «клерикальную» партию, но успеха не имела. Более крутые меры по отношению к религиозным мракобесам правительство стало принимать после инцидента в кумской мечети (в апреле 1928 г.), когда фанатики, подстрекаемые проповедником, подвергли

оскорблениям мать шаха и ее спутниц за то, что их чадры были короче, традиционного размера. Солдаты, срочно вызванные в Кум, ворвались в мечеть, арестовали и избили мулл.

В то же время происходили ожесточенные споры между «западниками» и защитниками старины. Группа левых либеральных «националистов» во главе с Дашти, Рахнема, Таги-заде и другими призывала все переделывать на новый лад, начиная с домашней утвари, одежды, способов приготовления пищи и поведения в обществе и кончая перестройкой национальной экономики и методов государственного управления. Не касаясь сущности ислама, эта группа публицистов высмеивала уродливые религиозные обряды и традиции, например «вредящие здоровью» чередования постов и невоздержания в пище в дни рамазана, «варварское» жертвенное закалывание скота в дни курбан байрама, «разорительные излишества» в семейных обрядах и праздниках и т. д. Газеты осуждали «склонность иранцев» к суевериям, их веру в гороскопы, приметы и т. п. Особенным нападкам подверглись «роняющие престиж нации» изуверские самоистязания молящихся в траурные дни мохаррама. В 1928 г. власти в крупных городах начали запрещать публичные самоистязания и траурные процессии¹⁴⁰.

В печати и школах пропагандировались европейский уклад жизни, новые правила поведения в обществе и быту. Иранцев призывали отказаться от обычая украшать речь высокопарными словами, покончить с апатией к общественным делам и ценить время. Однако европейский уклад жизни прививался медленно и преимущественно среди образованных городских слоев населения.

Дискуссии в печати о необходимости перестройки старого быта неизбежно выдвигали вопрос о снятии чадры, раскрепощении женщин и их участии в общественной жизни. Однако правительство длительное время не рисковало приступить к решению этой проблемы и даже противодействовало попыткам эмансипации. Первое появление на улицах женщин без чадры расценивалось в печати как «неуместная демонстрация». На просьбы женщин о найме их на работу в государственные учреждения неизменно отвечали отказом. Сам Ре-

за-шах назвал «несерьезными» предложения допускать на заседания меджлиса женщин в качестве гостей. С большими оговорками женщинам разрешалось посещать кинотеатры. Тем не менее в печати все чаще появлялись призывы к снятию чадры, сопровождавшиеся выпадами против духовенства. Исключительно популярным стало написанное в 1928 г. блестящее стихотворение поэта Шахрияри, призывавшее женщин «заговорить о своих правах, разорвать тенета, сплетенные из черных петель, явить, как солнце, свое лицо миру»¹⁴¹.

Успешному проведению общественных преобразований в Иране в немалой степени способствовала благоприятная международная обстановка, сложившаяся вследствие углубления кризиса мировой капиталистической системы после победы Октябрьской революции. Советский Союз с пониманием и сочувствием встретил общественные преобразования правительства Реза-шаха, оказывал дружественную поддержку Ирану в периоды обострения его отношений с империалистическими державами. Выступая в марте 1925 г. на III сессии ЦИК СССР, Г. В. Чичерин заявил: «Дружественные отношения с Советской республикой являются для Персии обеспечением ее тыла при ее борьбе за создание модернизированного централизованного государства и ее борьбе за полную политическую и экономическую независимость»¹⁴². В силу ряда объективных причин в эти годы ослаб нажим на Иран со стороны западных держав, еще не оправившихся от глубоких внутренних и внешних потрясений, вызванных мировой войной и Октябрьской революцией в России.

С начала 20-х годов внешняя политика Ирана стала заметно более самостоятельной и активной. Вступление в 1920 г. Ирана в Лигу наций в известной мере свидетельствовало об укреплении его суверенитета. В 1925 г. Иран добился через Лигу наций бесконтрольного приобретения оружия и отмены досмотра иранских судов в Персидском заливе английским морским патрулем. Отстоял он и право оставаться в числе государств — производителей опиума, важной экспортной культуры Ирана. Расширилась и сфера его внешнеполитических связей, куда вошли многие государства, с которыми ранее он не поддерживал дипломатических отношений. Иран был участником ряда международных

конвенций и соглашений, заключенных под флагом Лиги наций в 20-х годах.

Но основную роль в укреплении международного положения Ирана сыграла неизменная дружественная поддержка Советским Союзом борьбы иранского народа за упрочение независимости и отмену капитуляционного режима. Правда, необоснованная подозрительность, проявлявшаяся порой правительством Реза-шаха, и антисоветские происки империалистической агентуры в Иране подчас омрачали добрососедские отношения с Советским Союзом, препятствуя Ирану эффективнее использовать их выгоды. Придерживаясь в целом традиционной политики маневрирования между великими державами, правительство Ирана под давлением внутренних реакционных сил и из-за внешнеполитических конъюнктурных соображений иногда проявляло и откровенную отчужденность по отношению к своему северному соседу.

Возникали объективные трудности и в экономических связях с Советским Союзом, вызванные прежде всего тем, что крупная торговая буржуазия зачастую встречала в штыки принципиально новые условия советской внешней торговли, основанной на государственной монополии и внедрении товарообмена за счет сокращения валютных операций. И хотя такие отношения были безусловно выгодны для экономического развития Ирана в целом, они не удовлетворяли часть купечества, и в первую очередь компрадорскую буржуазию, которая была заинтересована в валютных поступлениях. Задевало это и интересы помещиков северных районов, хозяйство которых ориентировалось преимущественно на советский рынок и связывалось с ним через сеть маклеров и перекупщиков.

Еще летом 1926 г. Советское правительство выступило с инициативой заключения нового торгового договора и решения других неурегулированных вопросов советско-иранских отношений. Но переговоры сторон затянулись вследствие давления на правительство Ирана реакционных сил внутри страны, а также интриг английской дипломатии¹⁴³. Кроме того, и сама иранская сторона выдвигала неприемлемые для Советского Союза требования, на которых настаивала компрадорская буржуазия. В целях давления на Советский Союз иран-

ское правительство пыталось даже использовать кампании бойкота советских товаров, организованные частью купечества, а также антисоветскую деятельность остатков белогвардейских и басмаческих отрядов, осевших в Иране.

С начала 1927 г. ирано-советские отношения стали постепенно улучшаться. По настоянию Советского правительства иранские власти приняли меры по пресечению активных действий белогвардейских и басмаческих групп на территории Ирана. Со своей стороны, Советский Союз, учитывая особенности внешней торговли Ирана, предоставил иранскому купечеству ряд льгот, в частности при вывозе товаров на Бакинскую и Нижегородскую ярмарки. Последствия упадка советско-иранской торговли, особенно тяжело отражавшиеся на хозяйственном положении северных провинций, вынуждали правительство Ирана к урегулированию спорных вопросов с северным соседом. В речи, произнесенной в Тебризе в сентябре 1927 г., Реза-шах обещал ускорить подписание торгового соглашения с СССР в целях облегчения хозяйственных затруднений¹⁴⁴. К переговорам вынуждала и начатая в Иране подготовка к отмене режима капитуляций.

1 октября 1927 г. в Москве был подписан договор о гарантии и нейтралитете, который подтверждал «все статьи и постановления» договора 1921 г. Договор предусматривал взаимные обязательства воздерживаться от вмешательства во внутренние дела, а также от участия в политических союзах, экономических блокадах и бойкотах, направленных против одной из сторон. В тот же день были подписаны советско-иранское торговое соглашение и таможенная конвенция.

Опираясь на дружественную поддержку СССР, Иран довольно твердо отстаивал свое право на проведение независимой внешней и внутренней политики, что в известной мере отражало и глубокие антиимпериалистические и особенно антианглийские настроения в стране. С уходом царской России с политической арены Англия в глазах широких масс оставалась главным олицетворением враждебных Ирану сил империализма. Однако престиж британской мощи заметно упал в стране, особенно после того, как в конце 1924 г. Англия не решилась оказать обещанную поддержку своему ставлен-

нику — шейху Хазалю¹⁴⁵. И хотя экономическая зависимость от Англии не уменьшилась, дружественная позиция Советского Союза помогала Ирану противостоять попыткам возродить традиционную политику «британских интересов в Иране». Со второй половины 20-х годов на страницах печати все чаще и резче звучала критика деятельности Англо-персидской нефтяной компании, Шахиншахского банка и всей британской политики в Иране.

В конце 1926 г. правительство Реза-шаха отказалось от утверждения заключенного в 1925 г. соглашения с английской авиакомпанией «Импириэл Эйруэйз», ставившей своей целью создание имперского воздушного сообщения между Ираком и Индией транзитом через Южный Иран. Таким образом, действия правительства Ирана препятствовали не только планам укрепления английского господства на юге страны и в зоне Персидского залива, но и развитию коммуникаций в системе колониального управления Англии.

Англо-иранские отношения еще более осложнились после того, как в ноябре 1927 г. Иран поставил на суд Лиги наций вопрос о признании своего суверенитета над Бахрейном, ссылаясь на то, что архипелаг с XVII в. находился под властью Ирана. Это признавалось фактически и правительством Англии, что, однако, не мешало ему навязать местным шейхам обязательства (договоры 1880 и 1892 гг.), которые впоследствии стали основой для установления британского протектората над островами. Британский губернатор, выступавший в роли «советника» шейха, был подлинным правителем Бахрейна. В 1925 г. на Бахрейне были открыты залежи нефти, что сразу повысило интерес к архипелагу со стороны иностранных монополий и в то же время побудило Иран «вспомнить» о своих суверенных правах. В ноябре 1927 г. правительство Ирана направило Англии резкую ноту протеста по поводу упоминания Бахрейна как британского протектората в тексте ее договора с Саудовской Аравией. Однако Англия оставила без внимания протест Ирана, как и его последующие апелляции по этому вопросу в Лигу наций.

Стремясь ослабить в стране позиции Англии, иранское правительство воздерживалось от размещения там промышленных заказов и найма специалистов, предпо-

читая обращаться к Соединенным Штатам, Франции и Германии. Из США была приглашена упоминавшаяся выше финансовая миссия Мильспо, а из Франции советники для реорганизации системы юстиции и просвещения. Армейское вооружение закупалось преимущественно во Франции и Чехословакии. Особенно заметным с середины 20-х годов стало сближение с Германией, которая к этому времени полностью восстановила свои довоенные позиции на иранском рынке. Большинство предприятий, созданных в Иране к началу 30-х годов, было оборудовано германскими станками. С 1924 г. в Иране действовала германская компания «Юнкерс», которой была предоставлена концессия на организацию внутреннего и внешнего авиасообщения Ирана. На службе в иранской армии находились германские летчики-инструкторы. Германская пароходная компания с 1924 г. взяла на себя значительную часть морских перевозок Ирана. В различные отрасли промышленности Ирана привлекались германские специалисты. Германо-американский консорциум в 1928 г. взял подряд на изыскательские работы и строительство трансиранской железной дороги. Топографические и межевые работы в большинстве случаев предоставлялись также германским специалистам. Происходил рост деловых и коммерческих связей между германскими и иранскими фирмами.

Вместе с тем Иран старался упрочить свои международные позиции путем укрепления дружественных связей с сопредельными государствами Востока — Турцией, Афганистаном, а позднее — с Ираком. Наиболее благоприятно складывались отношения с Турцией, правительство которой проводило внутренние преобразования, в значительной мере аналогичные тем, какие осуществлялись в Иране. К тому же турецкое правительство было заинтересовано в добрососедских отношениях с Ираном и согласовании с ним своей внешней политики. В ирано-турецком сближении важную роль сыграл Советский Союз, при посредничестве которого 22 апреля 1926 г. между странами был заключен договор о дружбе и безопасности, дополненный впоследствии рядом таможенных, транспортных и почтовых соглашений. Турция была первой после СССР страной, признавшей отмену капитуляционного режима в Иране. Однако в отношениях сторон возникали и серьезные трения, вы-

званные главным образом пограничными инцидентами в связи с повстанческим движением курдских племен в смежных районах. Карательные экспедиции иранских и турецких войск часто заставляли пограничные племена курдов уходить за кордон. Урегулировать спорные пограничные вопросы удалось лишь в 1930 г., после того как стороны пришли к соглашению о совместных действиях против непокорных курдских племен.

Постепенно укреплялись дружественные отношения с Афганистаном. Еще в 1921 г. между странами был заключен договор о дружбе, создавший основу для последующих соглашений. Как и с Турцией, основным предметом разногласий были пограничные вопросы, в частности споры по поводу использования вод пограничной реки Гильменд. При посредничестве СССР 28 ноября 1927 г. в Кабуле между Ираном и Афганистаном был подписан договор о дружбе и безопасности. Согласно договору Иран и Афганистан обязывались не участвовать в каких-либо политических и военных союзах, направленных против одной из сторон. Укрепление дружественных отношений между Ираном, Турцией и Афганистаном содействовало разрядке политической напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, укрепляло международное положение этих стран.

Сложнее складывались отношения Ирана с Ираком (в то время британская подмандатная территория), который во многом послушно следовал в фарватере британской политики. И хотя Англия настойчиво добивалась ирано-иракского сближения, Иран противился этому и даже не шел на признание Ирака как самостоятельного государства. Кроме того, сближению препятствовали острые разногласия по вопросу об использовании вод Шатт-эль-Араба. Англо-русская разграничительная комиссия в 1914 г. определила пограничную линию по иранской береговой кромке, оставляя воды реки во владении Ирака, что затрудняло Ирану сообщение с городами Южного Хузестана и побережья Персидского залива. Трения возникали и по вопросу о паломничестве к шиитским святыням на территории Ирака, в городах Кербела и Эн-Неджеф, о статусе лиц иранского происхождения, постоянно проживавших в Ираке. Иран обвинял Ирак в попустительстве подрывательской деятельности религиозных авторитетов Кер-

белы и Эн-Неджефа, которые, поощряя клерикальную реакцию в Иране, объявляли «безбожными» проводившиеся там реформы. Однако постепенно намечались тенденции к улучшению ирано-иракских отношений, и спорные вопросы решались в ходе непосредственных контактов официальных представителей обеих сторон. Вопрос о признании Ирака самостоятельным государством входил в арсенал средств, которыми довольно искусно пользовалась иранская дипломатия для оказания давления на Англию при решении неотложного вопроса отмены капитуляций.

Движение за отмену капитуляций возникло в Иране задолго до прихода к власти нового режима. Громадным стимулом для его развития послужила Октябрьская революция в России и первый равноправный договор 1921 г. с Советским Союзом. Требование уравнивания Ирана в правах с великими европейскими державами стало лозунгом всех прогрессивных и национальных сил. Учитывая антиимпериалистические общественные настроения, правительство Ирана поставило задачу отмены капитуляций во главу угла своей внешней политики. Оно прекратило возобновление истекших договоров, заключенных на империалистических началах. Важное значение имело введение Ираном автономного таможенного тарифа, чему империалистические державы, в первую очередь Англия, особенно противились. Решающую роль сыграл безоговорочный отказ Советского Союза от капитуляционных договоров. Газета «Туфан» 10 февраля 1927 г. писала: «Мы ожидаем, что примеру Советского правительства, объявившего во имя уважения к суверенитету Ирана аннулированными капитуляционные права, последуют и другие державы». 26 апреля 1927 г. был обнародован указ шаха о принятии необходимых мер для окончательной отмены капитуляций, что было встречено в стране единодушным одобрением. 10 мая 1928 г. правительство приняло решение об отмене неравноправных договоров и предложило заинтересованным державам пересмотреть условия своих отношений с Ираном. Вместе с тем правительство наложило запрет на консульские суды, функции которых передавались губернаторам провинций.

Правительство Ирана, используя противоречия между империалистическими державами, довольно твердо

противостояло их нажиму. В то же время использование объективных предпосылок, возникших в результате Великой Октябрьской революции, а также благоприятных условий (создававшихся внешней политикой СССР), открывших возможность для ослабления позиций империализма, нередко сводилось монархией Резашаха к сделкам с империализмом и выторговыванию «уступок». Это намного снижало эффективность внешней политики Ирана.

С начала мая 1928 г. иностранные державы одна за другой стали заключать новые договоры с Ираном. Во второй половине 1928 г. торговые договоры и соглашения с Ираном подписали почти все государства Европы и ряд государств Азии.

Ликвидация унижительного режима, капитуляций, достигнутая в итоге длительной борьбы иранского народа при непосредственной поддержке СССР и освободительного движения народов сопредельных стран Азии, имела прямым следствием упрочение международного положения Ирана и проведение им более самостоятельной внешней политики. Это, в свою очередь, в заметной степени предопределило то, что в тяжелую пору разразившегося в 1929 г. мирового экономического кризиса Иран вступил по сравнению со значительной частью стран Азии более огражденным от посягательств империалистических держав, стремившихся переложить на эти страны гнетущее бремя кризиса.

ИРАН В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929—1933)

Невиданный по мощи и размаху мировой экономической кризис, разразившийся в 1929—1933 гг. и поразивший ведущие империалистические державы, оказал глубокое влияние и на Иран, связанный с этими державами тысячами нитей и превращенный ими в источник минерального и сельскохозяйственного сырья и рынок сбыта для своей промышленности. Отрицательное воздействие кризиса на отсталые страны Востока усугублялось стремлением империалистических держав, используя находившиеся в их распоряжении ры-

чаги экономического и даже политического давления, переложить тяготы кризиса на эти страны. Однако Иран благодаря близости Советского Союза и его искреннему стремлению к развитию взаимовыгодных связей со своим соседом имел по сравнению с большинством отсталых стран Востока довольно благоприятные возможности для ослабления губительного влияния кризиса на свое хозяйство.

Разрушительное воздействие кризиса на экономическое положение Ирана проявлялось прежде всего в резком ухудшении состояния финансов и внешней торговли — отраслей, которые служили связующим звеном между иранским и мировым капиталистическим хозяйством.

Через финансы и внешнюю торговлю кризис оказал серьезное влияние и на иные отрасли иранского хозяйства, особенно на растениеводство и животноводство, которые (если не учитывать производство пшеницы и ячменя) выбрасывали на мировой рынок свыше 20% валовой продукции, а также ковроделие, на которое приходилось до 30% иранского экспорта¹⁴⁶.

В период кризиса в значительной степени из-за падения на мировом рынке стоимости серебра происходило быстрое обесценение крана. С 1928/29 по 1931/32 г. его курс в отношении иностранных валют понизился вдвое. Обесценение крана сопровождалось уменьшением поступлений иностранной валюты, спрос на которую к началу мирового кризиса намного возрос в связи с развитием экономического строительства в стране. В результате иностранная валюта превращалась в предмет беззастенчивой спекуляции на внутреннем рынке¹⁴⁷.

В такой обстановке правительство приступило к осуществлению мероприятий, направленных на централизацию купли и продажи иностранной валюты и укрепление национальной валюты. 25 февраля 1930 г. меджлис утвердил закон о введении государственного контроля над всеми операциями с иностранной валютой. Правда, идя навстречу требованиям западных монополий и компрадоров, правительство в феврале 1932 г. издало закон о свободной купле и продаже иностранной валюты, извлекаемой вне сферы внешней торговли. В целях укрепления национальной валюты 18 марта 1930 г. был принят закон, согласно которому основной единицей денеж-

ной системы Ирана вместо серебряного крана стал золотой риал ¹⁴⁸.

В непосредственной связи с этими мероприятиями правительства следует рассматривать и отмену 14 мая 1930 г. монополии Шахиншахского банка на денежную эмиссию и передачу этого права Национальному банку, на который было также возложено выполнение казначейских функций государства. Этот акт иранского правительства, ликвидировавший одно из наиболее тяжелых наследий капитуляционного режима, наряду с устранением контроля иностранных держав над таможенными доходами страны позволил Ирану во многом восстановить свой суверенитет в области финансов ¹⁴⁹. Однако это обошлось Ирану очень дорого. Государство внесло в кассу Шахиншахского банка 200 тыс. ф. ст. в качестве компенсации за передачу права эмиссии Национальному банку, а также пошло на предоставление ему ряда привилегий. Шахиншахский банк был освобожден от уплаты концессионных платежей (в размере 6% чистого годового дохода) и сдачи государству вырученной на внутреннем рынке иностранной валюты; ему разрешалось брать в залог недвижимое имущество, а в случае непогашения ссуды и приобретать его в собственность. Иран обязывался хранить в банке 50% поступлений от сбора таможенных пошлин на южных границах страны. Банк получил право в случае разногласий с иранским правительством прибегать к арбитражу Лиги наций, послушной исполнительницы воли западных держав. Предоставление банку такого права не только гарантировало ему сохранение привилегий в Иране, но и создавало прецедент для вмешательства западных держав, и прежде всего Англии, во внутренние дела страны. Помимо того, Шахиншахский банк благодаря выкупу его банкнот получил около 1,3 млн. ф. ст. ¹⁵⁰.

Передача Национальному банку права денежной эмиссии, перевод в его кассу вкладов государства из Шахиншахского банка и предоставление ему казначейских функций вызвали быстрое повышение роли Национального банка в экономической жизни страны. Уже в период кризиса банк путем выдачи кредитов государству на осуществление различных проектов стал принимать активное участие в реконструкции иранского хо-

зайства. Значительные суммы выделялись на финансирование частного сектора, но использовались они главным образом не на экономическое строительство, а на развитие внешней торговли¹⁵¹. В итоге основная масса кредитов, которая выделялась частному сектору, попадала в руки крупных купцов — компрадоров, которые к тому же нередко использовали их для предоставления ссуд, но уже на более тяжелых условиях¹⁵².

Не улучшило положение в области кредита и открытие в 1930 г. при Национальном банке специального отделения для финансирования земледельцев и помещиков, ирригационного строительства, различных мероприятий в области растениеводства и животноводства. Это отделение по закону от 14 июня 1933 г. было преобразовано в Сельскохозяйственный и промышленный банк Ирана с капиталом 20 млн. риалов¹⁵³. Не говоря уже о мизерности сумм, которые находились в распоряжении банка, он основные средства выделял для предоставления ссуд богатым помещикам, расходовавшим их по своему усмотрению, но никак не на развитие сельскохозяйственного производства. В результате главным и почти единственным источником кредита для подавляющего большинства населения деревни оставались купцы и ростовщики, которые, как правило, выдавали ссуды под залог будущего урожая и нередко на необычайно тяжелых условиях. Так, они иногда выделяли ссуды из расчета 20% в месяц¹⁵⁴.

Одной из основных причин обострения финансового и особенно валютного положения Ирана в период мирового кризиса было серьезное ухудшение состояния внешней торговли. Это проявлялось прежде всего в резком сокращении ее объема. С 1928/29 по 1932/33 г. он уменьшился почти в 3,3 раза. При этом индекс импорта понизился со 100 до 26,6, а экспорта — до 36,9. Вместе с тем в первые годы кризиса дефицит внешней торговли намного увеличился, несмотря на гораздо более быстрое по сравнению с экспортом падение физического объема импорта. Это было главным образом следствием роста цен на ввозившиеся в Иран в период экономического кризиса товары¹⁵⁵.

В таких условиях правительство встало перед необходимостью проведения мероприятий по улучшению условий внешней торговли. Наиболее важным из них

было принятие 25 февраля и 11 марта 1931 г. законов о монополии внешней торговли, согласно которым частным лицам разрешались экспорт и импорт различных товаров лишь по лицензиям государства и в рамках установленных контингентов. Ввоз иностранных товаров допускался лишь в том случае, если он покрывался вывозом иранских товаров. Размеры импорта ежегодно определялись правительством. Вырученная от экспорта валюта подлежала продаже государству¹⁵⁶. Установление государственного контроля над внешней торговлей позволило Ирану уже в 1931/32 г. свести ее не только без дефицита, но и с активным балансом. Введение государственной монополии на внешнюю торговлю поставило серьезные преграды для беспрепятственного ввоза в страну иностранных товаров и тем самым способствовало переливу национального капитала из сферы обращения в промышленность и иные отрасли хозяйства. Газета «Шефаг» 11 марта 1931 г. приравнивала введение монополии на внешнюю торговлю к проведению политики протекционизма. Однако осуществление этой монополии было настолько далеко от идеала, что высказанное утверждение следует учитывать с большими оговорками.

Передача внешней торговли в монополию государства сразу же получила признание Советского Союза. На этой базе СССР 27 октября 1931 г. заключил с Ираном торговый договор, который заменил собой соглашение от 16 марта 1929 г., подписанное в соответствии с требованиями автономного таможенного тарифа. Следует отметить, что СССР еще перед кризисом вышел на первое место во внешней торговле Ирана и удерживал его в годы кризиса. Удельный вес Советского Союза во внешней торговле страны составлял в среднем около 35% общего оборота. Это обстоятельство в совокупности с тем, что СССР вел торговлю с Ираном на базе нетто-баланса, имело для Ирана в условиях тяжелых для него валютных затруднений особенное значение. К тому же Советский Союз приобретал иранские товары по ценам выше мировых, а свои товары продавал Ирану по ценам ниже мировых¹⁵⁷. Структура торговли с Советским Союзом также отвечала интересам Ирана. СССР удовлетворял значительную часть его спроса на сахар (около 75% импорта) и хлопчатобумажные ткани

(свыше 50%), поставлял ему иные потребительские товары и широкий контингент товаров производственного назначения (оборудование, автомашины, цемент и т. д.), в которых Иран испытывал острую нужду в связи с развернувшимся экономическим строительством. СССР обеспечивал сбыт продукции ряда отраслей иранского сельского хозяйства, которым вследствие падения спроса на их товары на мировом рынке грозил полный упадок. Так, в СССР в период кризиса направлялось почти 100% экспорта риса, свыше 90% хлопка, около 90% шерсти и т. д.¹⁵⁸.

Установление монополии государства на внешнюю торговлю вызвало неприязненное отношение империалистических держав. Они встретили в штыки попытки Ирана осуществлять торговлю с ними на базе нетто-баланса и других принципов, которым он руководствовался в торговле с Советским Союзом. Западные державы получили поддержку компраторов, которые особенное недовольство выражали обязательной сдачей вырученной валюты государству¹⁵⁹. Используя нехватку товаров на внутреннем рынке (из-за падения импорта и неспособности национальной промышленности удовлетворить спрос населения), а также развитие в связи с этим контрабанды, компраторы добились ослабления монополии государства на внешнюю торговлю. По закону от 10 июля 1932 г. расширялся контингент товаров, к импорту и экспорту которых допускались частные лица. При этом правительству разрешалось увеличивать объем импорта. Таким образом открывалась лазейка для ввоза иностранных товаров без покрытия его вывозом иранских товаров. Обязательная сдача валюты государству для купцов, которые занимались экспортом товаров, переданных им в монополию, была сокращена со 100 до 55%¹⁶⁰. Результаты ограничения государственной монополии на внешнюю торговлю не замедлили сказаться. Уже в 1932/33 г. импорт превысил экспорт на 89 млн. риалов, а в 1933/34 г. — на 149 млн. риалов¹⁶¹.

Уступки частному капиталу во многом объяснялись и тем обстоятельством, что государство без привлечения частных средств было не в состоянии выполнить стоявшие перед ним задачи. Для более эффективного использования частного капитала и подчинения его своему контролю государство выступило инициатором объеди-

нени, купцов в компании — ширкеты. После утверждения закона о монополии внешней торговли учреждение ширкетов приобрело массовый характер: в 1931/32 г. было зафиксировано 93 ширкета с капиталом 143 млн. риалов, а в 1933/34 г. — 641 с капиталом 353,7 млн. риалов. Таким образом, степень централизации торгового капитала, учитывая, что капитал всех иранских купцов оценивался в 1931/32 г. в 800 млн. риалов¹⁶², была в период кризиса очень высокой.

Сельское хозяйство Ирана в период кризиса переживало упадок. Это проявлялось прежде всего в быстром росте разрыва цен на продукцию растениеводства и животноводства и изделия промышленности. При этом на первых порах в связи с падением спроса на продукцию сельского хозяйства на мировом рынке наиболее пострадали производство хлопка, шерсти и т. д., т. е. те отрасли, значительная часть продукции которых шла на экспорт. В дальнейшем воздействие кризиса в той же мере отразилось и на производстве зерновых, обслуживавшем преимущественно внутренний рынок. Покупательная способность крестьян, занимавшихся производством зерновых культур, на втором этапе кризиса сокращалась скорее, чем на землях, на которых возделывались технические культуры. И уже в 1931 г. в тегеранском и ряде других районов наблюдалась тенденция к замене посевов зерновых техническими культурами, в частности хлопчатником¹⁶³. Такое положение объяснялось главным образом осуществлением правительственных мероприятий, направленных на поощрение экспорта, а также было результатом регулярных закупок Советским Союзом крупных партий хлопка, шерсти и т. д.

В то же время упадок, который наблюдался в растениеводстве и животноводстве в целом, свидетельствовал об органическом кризисе сельского хозяйства, вызванном несоответствием господствовавших в иранской деревне феодальных и полуфеодальных форм производства потребностям экономического развития страны. Газета «Шефаг» 15 февраля 1932 г. прямо писала, что деградация сельского хозяйства происходила не только под влиянием кризиса, но и вследствие отсталости аграрного строя. В иранской прессе все чаще говорилось о неспособности помещиков обеспечить достаточ-

ный уровень развития сельского хозяйства и даже раздавались требования о необходимости выкупа у помещиков имений и передачи их за определенную сумму крестьянам. При этом отмечалось более эффективное по сравнению с помещиками ведение хозяйства хорде-малеками ¹⁶⁴.

Убытки, понесенные в период кризиса, помещики стремились компенсировать не за счет вложения дополнительных средств с целью повышения рентабельности имений, а за счет усиления эксплуатации крестьян полупфеодальными методами. Они произвольно повышали свою долю урожая, увеличивали обложения крестьян натуральными повинностями. В случае сопротивления крестьян зачастую сгоняли с участков и подвергали физическим наказаниям. В таких условиях продажа урожая вперед купцам и ростовщикам приняла настолько массовый характер, что нередко вызывала вмешательство властей. Широкое распространение получило отходничество, которое, свидетельствуя о росте разорения трудящихся деревни, превратилось в связи с развернувшимся экономическим строительством в важный источник дохода крестьян ¹⁶⁵.

В то же время помещики продолжали всячески уклоняться от налогообложения, чему в немалой степени способствовала неупорядоченность прав собственности на землю. Попытки законодательного утверждения частной собственности предпринимались еще в период революции 1905—1911 гг. в связи с активизировавшимися в последней четверти XIX в. развитием товарно-денежных отношений и укреплением позиций торгового капитала в иранской деревне. В 1929 г. рядом статей гражданского кодекса было объявлено о неприкосновенности частной собственности на землю и воду, установлен порядок приобретения недвижимого имущества на базе буржуазного принципа частной собственности, условия купли-продажи, аренды и иных сделок на это имущество. Таким образом, в Иране в отличие от большинства стран Азии еще в конце 20-х годов было юридически оформлено право безусловной частной собственности на землю и воду. «Эта ликвидация старых земельных порядков, — писал в 1937 г. один из ведущих специалистов по аграрному вопросу в Иране, В. Тардов, — не означает еще, что в Иране произошла уже полная ликвидация феода-

лизма как формы производственных отношений. Напротив, в Иране, в связи с особенностями обстановки, с воздействием империализма, сохраняются даже до наших дней огромные пережитки таких отношений между помещиком и крестьянином, такие формы эксплуатации, которые свойственны феодализму, сохраняются, уживаясь с частной собственностью на землю»¹⁶⁶. Это находило прямое отражение в гражданском кодексе, который фактически закрепил положение издольной аренды в качестве основной формы землепользования и эксплуатации крестьянства.

Тем не менее гражданский кодекс, утвердивший право частной собственности, создавал предпосылки для развития предпринимательства под защитой центральной власти. Однако в условиях социально-экономической отсталости Ирана, распространения и живучести традиционных институтов, феодальных и религиозных норм, сохранения глубоких родовых пережитков и т. д. практическое осуществление буржуазного права частной собственности наталкивалось на очень серьезные преграды. Введение этого права, отражая переходное состояние иранского общества от феодализма к капитализму, в конкретных условиях того времени прежде всего удовлетворяло интересы полуфеодальных помещиков и купцов, а также других групп состоятельных землевладельцев, вступивших в компромисс с этими слоями иранского общества. Все это проявилось и при осуществлении монархией Пехлеви всех других мероприятий в иранской деревне, в том числе при составлении кадастра, отсутствие которого не только препятствовало урегулированию вопроса о правах собственности, но и создавало серьезные помехи к взиманию податей. Старый кадастр, составленный в 30-х годах XIX в., вследствие значительных перемещений в сфере землевладения уже давно не отвечал действительному положению вещей. Не дала заметных результатов и частичная опись земель, проведенная в соответствии с законом об установлении единого налога с земель помещиков и крестьян от 10 января 1926 г. Помещики по-прежнему присваивали суммы, причитавшиеся казне.

3 ноября 1930 г. был утвержден закон о кадастре, который помимо завершения описи земель намечал повсеместное введение денежных налогов, «за исключе-

нием тех пунктов, где правительство, учитывая продовольственные потребности, найдет нужным сохранить натуральные налоги». Закон предусматривал суровые наказания за нарушение сроков внесения налогов. Так, при задержке выплаты налогов в течение более 120 дней разрешалась продажа с аукциона урожая должников и даже основной части их имущества. Дополнительный закон о кадастре, принятый меджлисом 4 января 1933 г., отменял взимание натуральных налогов на всей территории страны¹⁶⁷.

Введение денежного поземельного налога при слабой связи крестьян с рынком и его неустойчивой конъюнктуре прежде всего пагубно отражалось на положении хордемалеков. Вместе с тем помещики, стремясь за счет крестьян компенсировать «убытки» от выплаты поземельного налога, повышали ренту (переводя ее на денежное исчисление) и таким образом полностью или частично перекладывали тяжесть налогообложения на арендаторов-издольщиков. Все это усиливало недовольство крестьян. Высказывали недовольство налогом и многие помещики, которые по-прежнему всячески уклонялись от обложения. В результате, невзирая на повышение норм обложения (ставки налога с обрабатываемых земель возросли с 3,5% сначала до 5%, а затем и до 8% валового дохода), поступления в казну от поземельного обложения сократились с 45 млн. риалов в 1928/29 г. до 41 млн. риалов в 1934/35 г.¹⁶⁸.

Не добилось правительство и роста поступлений с государственных имений. Для повышения рентабельности этих имений оно в апреле 1930 г. приняло решение о передаче в аренду на срок от 3 до 10 лет земель халесе во всех областях Ирана, кроме Систана и Тегерана. В то же время правительство приступило к разработке различных проектов распределения земель халесе среди крестьян, надеясь таким путем не только избавиться от убыточных хозяйств, но и ослабить рост недовольства трудящихся деревни. Эти проекты довольно широко освещались в печати, причем в ходе их обсуждения выдвигались рекомендации частным лицам, которые по тем или иным причинам не могли непосредственно заниматься сельским хозяйством, «продать свои запущенные в силу этого имения главному управлению сельского хозяйства по сходной цене» с тем, чтобы оно

разделило их «между крестьянами и получало бы выкуп по частям»¹⁶⁹.

В 1933 г. правительство, стремясь ослабить недовольство крестьян и воспрепятствовать распространению влияния местных ханов-помещиков, распределило государственные земли в Систане. Однако значительная часть их из-за допущенных при разделе злоупотреблений попала в руки чиновников и ханов-помещиков, у которых ранее эти земли находились в аренде. В свою очередь, крестьяне, которые получили участки, из-за нехватки средств были вскоре вынуждены продать свои земли по низким ценам тем же помещикам¹⁷⁰. В остальных районах Ирана к разделу земель халесе в период кризиса фактически так и не приступили.

В то же время фонд государственных земель и личный домен Реза-шаха значительно увеличились вследствие экспроприации имений непокорных ханов и так называемого обмена земель, означавшего фактически конфискацию имений неугодных помещиков за частичную компенсацию. 7 июня 1932 г. был издан закон об обмене земель и водных источников в Фарсе, принадлежавших Эбрахиму Каваму, на государственные имения в Семнани, Дамгане, Нишапуре, Кашане и Тургузабаде. 20 октября 1932 г. был одобрен закон, разрешавший в течение двух лет обмен земель частных лиц, «перевод которых из одного района в другой диктуется политическими интересами страны», на земли халесе в иных районах страны. В ходе этих и других мероприятий Реза-шах сосредоточил в своих руках обширные площади обрабатываемых земель в различных районах Ирана, и прежде всего в Мазендеране.

Наряду с отдельными мероприятиями по урегулированию аграрных отношений правительство предприняло попытки по осуществлению мероприятий, призванных стимулировать рост производства технических, и прежде всего экспортных, культур. При этом в северных районах с благоприятным для возделывания различных культур климатом эти мероприятия фактически носили принудительный характер. Так, в соответствии с пятилетней правительственной программой, опубликованной официозом «Иран» 9 ноября 1931 г., землевладельцы и земледельцы Гиляна и Мазендерана (центры производства риса) обязывались к тому, чтобы посеы техниче-

ских культур (хлопка, кенафа, табака и т. д.) на возделываемых участках составляли не менее 10% от посевов риса. Лица, уклонявшиеся от выполнения этой программы подлежали наказанию¹⁷¹. Подобные мероприятия, естественно, не могли привести к укреплению позиций сельского хозяйства, а тем более к улучшению положения трудящихся деревни. Не вызывали они и роста производства экспортных культур, что во многом объяснялось тем, что в результате бойкота, организованного (при поддержке официальных представителей) крупным купечеством, советско-иранская торговля почти полностью прекратилась. Кампания бойкота, протекавшая с декабря 1932 г. до августа 1933 г. и отражавшая, невзирая на все неудачи, стремление верхушки купечества к расширению экономических связей с западными державами, ликвидации стеснявшего его спекулятивные операции нетто-баланса и в известной мере возросшие антисоветские тенденции в иранском правительстве, нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству северных провинций. На складах в Гиляне в 1933 г. скопилось до 1,5 млн. пудов непроданного риса, в Азербайджане — крупные партии нереализованной шерсти и т. д. Происходило резкое падение цен на продукцию сельского хозяйства, что прямо ударило по интересам непосредственных производителей, мелкого и среднего купечества. Наблюдалось сокращение посевов технических и других товарных культур. Все это вызвало массовое недовольство широких слоев населения северных провинций. После переговоров советских и иранских представителей, а также жалобы купечества на имя Реза-шаха за 120 подписями шах 30 июля 1933 г. дал указание о немедленном прекращении бойкота¹⁷².

Иранская промышленность в отличие от сельского хозяйства в гораздо меньшей степени подверглась отрицательному воздействию мирового кризиса. Упадок наблюдался только в производстве ковров и обслуживавших его отраслей из-за падения спроса на внешнем рынке и введения запретительных пошлин США — основным покупателем иранских ковров¹⁷³. В результате экспорт ковров с 14,6 тыс. т в 1928/29 г. сократился до 5 тыс. т в 1931/32 г. и 4 тыс. т — в 1933/34 г., а цены на них понизились более чем вдвое¹⁷⁴. Иностранные фирмы изымали капиталы из этой отрасли промышлен-

ности и вывозили их из страны. Число ткачей в ковроделии сократилось приблизительно на $\frac{2}{3}$ ¹⁷⁵.

В то же время мировой кризис, обнаживший все противоречия иранского общества, воочию показавший, какую опасность таит в себе экономическая отсталость страны, подтолкнул государство к форсированию планов создания современной промышленности. Помимо непосредственного участия государства в сооружении фабрик и заводов важное значение приобрело предоставление льгот при импорте технического сырья, машин и оборудования, а также активное вмешательство государства в организацию акционерных обществ для создания и эксплуатации различных предприятий. В период кризиса ввоз машин и оборудования заметно увеличился и удовлетворял спрос вступивших в строй в этот период фабрик и заводов. В 1931 г. в Иране было 43 ширкета, в которых объединяли свои средства купцы, государство и даже помещики. И хотя капитал этих ширкетов (48 млн. риалов) намного уступал капиталу, сконцентрированному в акционерных обществах в области торговли, но и этот капитал с помощью государства дал возможность еще в период кризиса обеспечить ввод в эксплуатацию довольно значительного числа предприятий. В результате к концу 1933 г. в Иране функционировало 12 ткацких и прядильных фабрик; сахарные заводы в Кехризке и Кередже; джутовая фабрика в Реште; кожевенные предприятия в Хамадане, Зенджане, Сабзеваре, Кашане, Тебризе, Казвине, Баболе, Мешхеде; мыловаренные — в Тегеране, Тебризе, Казвине и Мешхеде и ряд других предприятий в различных районах ¹⁷⁶.

Продолжались и работы по расширению коммуникаций. Центральное место занимало сооружение трансиранской железной дороги, строительство которой с 1928 г. велось синдикатом из американских и немецких фирм. К 1933 г. этот синдикат проложил лишь около 400 км дороги. В 1933 г. из-за низкого качества строительства, задержки работ по сооружению дороги и возникших на этой почве разногласий с американскими и немецкими фирмами правительство расторгло контракт с синдикатом и заключило договор на завершение строительства с консорциумом в составе датских и шведских компаний ¹⁷⁷.

Средства на экономическое строительство правительство по-прежнему черпало главным образом из внутренних источников и преимущественно путем усиления налогового обложения. При этом по-прежнему доминировало косвенное обложение. Такая политика правительства, учитывая общее ухудшение в период кризиса материального положения широких слоев населения Ирана, во многом усугубляла и без того тяжелое положение трудящихся города и деревни. Таким образом, правительство в значительной мере переложило тяготы кризиса на трудящихся и добилось за их счет осуществления довольно крупных экономических проектов.

Известное значение в обеспечении средств для экономического строительства имело использование поступлений от АПНК. В связи с этим отдельные буржуазные авторы пытались поставить сдвиги в экономическом развитии страны в прямую зависимость от эффективности операций компании¹⁷⁸. Подобные утверждения, не говоря уже о том, что АПНК лишь небольшую часть доходов, полученных от эксплуатации национальных богатств страны, передавала Ирану, совершенно не соответствовали действительности. Во-первых, доля поступлений от АПНК в доходах Ирана была сравнительно невелика, и, во-вторых, отчисления компании лишь в незначительной степени расходовались на экономическое строительство. Так, в 20-е годы эти поступления использовались преимущественно на создание запасного валютного фонда, а в 30-е годы — в значительной мере на приобретение за границей оружия.

Низкий уровень отчислений АПНК (она вместо 16% чистой прибыли по договору выплачивала Ирану в среднем только около 6,5%)¹⁷⁹ был основной причиной конфликта между британскими монополиями и иранским правительством. Конфликт назревал давно, но кульминационного момента достиг в начале 30-х годов в связи с острой нехваткой средств для экономического строительства. В марте 1931 г. газета «Шефаг» по указанию свыше открыла в печати кампанию за пересмотр договора о концессии, мотивируя свои требования тем, что британские монополии получили концессию от «продажных Каджаров», в условиях политического закабаления страны и поэтому она не имеет законной силы. В прессе появилось множество статей с разоблачением

жупльнических махинаций АПНК, описанием бесправно-го положения рабочих на предприятиях компании, их ужасающей нищеты и т. п. Иран настаивал на изменении условий договора, и прежде всего на установлении минимальной суммы отчислений в размере 2,7 млн. ф. ст. в год. Ссылаясь на неблагоприятную экономическую конъюнктуру, компания отказывалась удовлетворить иранские требования и затягивала переговоры. Более того, в начале 1932 г. АПНК объявила о сокращении отчислений Ирану за 1931 г. до 306,8 тыс. ф. ст. в связи с уменьшением доходов компании. Снижение доли Ирана было весьма ощутимым, особенно если учесть, что в 1930 г. он получил от компании 1288,3 тыс. ф. ст., а в 1929 г. — 1437 тыс. ф. ст.¹⁸⁰. Между тем английскому казначейству в 1931 г. компания уплатила в виде подоходного налога 800 тыс. ф. ст. Правительство Ирана высказало решительный протест, а 27 ноября 1932 г. информировало АПНК об аннулировании концессии. Шах заявил в меджлисе, что будет добиваться заключения нового соглашения, предусматривавшего повышение доли Ирана до 40% чистых прибылей и установление его контроля над всеми предприятиями компании в Хузестане¹⁸¹.

Весть об аннулировании договора с АПНК всколыхнула всю страну, вызвав в народе прилив патриотизма и чувства национальной гордости. Столичная пресса публиковала поздравительные телеграммы из провинций от ассоциаций купечества, духовенства и т. д., изощрялась в панегириках шаху, называя его национальным героем, вернувшем Ирану его нефтяные богатства. Отмена концессии была отмечена двухдневным праздником, во время которого в городах была устроена иллюминация. Престиж Реза-шаха возрос даже среди скрытых противников режима диктатуры из числа буржуазии.

Правительство Англии в ответ на аннулирование концессии ввело в Персидский залив военные корабли. В то же время Англия 14 декабря обратилась в Лигу наций с жалобой на действия иранского правительства, которое отменой концессии якобы создало угрозу делу мира. В свою очередь, правительство Ирана, которое в своих справедливых требованиях по нефтяному вопросу получило политическую и моральную поддержку Совет-

ского правительства и мировой общественности¹⁸², 17 декабря обратилось в Лигу наций с протестом против действий Англии, указав, что оно еще раньше намеревалось само поставить Совет Лиги в известность о «политике запугивания и угроз, которую правительство Его Величества сочло для себя уместным проводить в отношении Ирана»¹⁸³. Вместе с тем иранское правительство постаралось «заинтересовать» Германию разработкой нефтяных месторождений страны. Этот и ряд иных аналогичных шагов иранского правительства способствовали тому, что Англия и Иран в начале февраля 1933 г. отказались от посредничества Лиги наций и вступили в прямые переговоры.

21 апреля 1933 г. председатель правления АПНК Дж. Кэдмен вручил иранскому правительству новый проект соглашения, который в обмен на финансовые уступки Ирану предусматривал увеличение срока концессии. Этот проект вначале был решительно отвергнут иранской стороной. Однако после того, как британский посланник в частной беседе с шахом дал понять, что отказ заключить новое соглашение повлечет разрыв отношений между двумя странами, шах был вынужден принять предложение Англии. 28 апреля 1933 г. министр финансов Таги-заде подписал договор, который 28 мая был ратифицирован меджлисом.

Согласно новому договору площадь концессии сокращалась с 1925 тыс. до 259 тыс. кв. км, АПНК обязывалась возместить потери, понесенные Ираном в 1931—1932 гг. в результате произвольного сокращения компанией концессионных отчислений, выплачивать ему по 4 шиллинга с каждой тонны нефти, проданной в стране или вывезенной из нее, а также 20% прибылей, подлежащих распределению по простым акциям сверх прибылей в 671 250 ф. ст. Срок концессии продлевался до 1993 г.

Таким образом, правительство Ирана за довольно незначительное увеличение платежей на длительное время оставляло в руках британских монополий богатые нефтяные месторождения. Л. Элвелл-Саттон характеризовал новое соглашение как «пиррову победу» Ирана. Но в то же время он подчеркивает, что «рассмотрение Лигой наций англо-иранского спора способствовало повышению престижа этой малой нации и дало новый

стимул чувству национального достоинства и национального самосознания, в чем, возможно, и заключается самое большое значение этого события»¹⁸⁴.

Борьба Ирана против АПНК (с 1935 г. — АИНК), преследовавшая прежде всего цель добиться повышения доходов от эксплуатации нефтяных месторождений, в известной мере, по-видимому, была призвана ослабить демократическое движение, направив его энергию против британских монополий. Перекладывая в определенной степени ответственность за ухудшение положения широких слоев населения страны в годы кризиса на британские монополии, государство пыталось отвлечь трудящихся от участия в демократическом движении. Тем не менее под влиянием тягот мирового кризиса, которые государство и состоятельные слои населения стремились преодолеть главным образом за счет трудящихся, в городе и деревне возрастало недовольство, зачастую принимавшее формы открытых выступлений против помещиков, предпринимателей и властей.

В 1929 г. наметился подъем рабочего движения. Общество нефтяников юга Ирана, в которое входило около 3 тыс. человек, в конце января 1929 г. созвало вторую конференцию нефтяников, которая проходила под лозунгом усиления борьбы рабочих за свои права. Невзирая на арест группы активистов общества, 4 мая 1929 г. в Абадане началась забастовка нефтяников, которые потребовали увеличения заработной платы, официального признания профсоюза и праздника Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая, участия представителей рабочих в найме и увольнении, оказания помощи потерявшим трудоспособность, введения семичасового рабочего дня для лиц в возрасте моложе 18 лет, освобождения взятых под стражу товарищей и т. д. В забастовке, учитывая и присоединившихся к рабочим жителей, участвовало около 20 тыс. человек¹⁸⁵. Это была самая грандиозная в истории страны забастовка, которая парализовала нефтепромыслы. Даже торговцы в поддержку рабочих закрыли лавки. О солидарности с нефтяниками объявили рабочие Исфахана и Тегерана. Для подавления стачки администрация компании привлекла отряды полиции, а затем и армейские части; 20 рабочих и 15 полицейских были ранены. Для «усмирения» рабочих англичане вызвали военные суда

из Басры (Ирак). Продолжавшаяся три дня забастовка с их помощью была разгромлена. Власти арестовали и бросили в тюрьму в Хорремабаде около 200 рабочих¹⁸⁶.

В 1929 г. объявили забастовку и рабочие тегеранской конки. В начале 1930 г. состоялись две забастовки рабочих железнодорожных мастерских Мазендерана. Произошли волнения на спичечной фабрике в Тебризе и на ковровых предприятиях Мешхеда и Кермана¹⁸⁷.

В условиях роста рабочего движения ИКП совместно с профсоюзами предприняла попытки возрождения в стране демократической прессы¹⁸⁸. Однако из-за репрессий властей эти попытки завершились неудачей. Тогда ИКП в 1929 г. приступила к изданию в Австрии, а затем в Германии теоретического журнала «Сетаре-йе сорх» («Красная звезда»). Этот журнал сыграл важную роль в распространении идей марксизма-ленинизма в Иране в тяжелые годы кризиса. Однако в оценке текущего момента и, исходя из нее, в определении насущных задач партии допускались зачастую серьезные ошибки. Так, в 1929 г. журнал «Сетаре-йе сорх» утверждал, что ИКП «победу иранского рабочего класса считает несомненной и обязательной в самое ближайшее время». Подобные высказывания нередко встречались на страницах изданий ИКП. В прямой связи с такими высказываниями находились и явно ошибочные тактические установки ИКП, которая по-прежнему не шла на какое-либо сотрудничество с буржуазными партиями и организациями, что вело к сужению фронта демократической и освободительной борьбы иранского народа. Эти и другие «необоснованные заявления», писал А. М. Агахи, объективно покоились на «нереальной оценке» сложившегося в Иране положения и расстановки классовых сил «центральным органом партии и ее печатью, находившимися в эмиграции» и не поддерживавшими «тесной и повседневной связи с раздробленными партийными организациями Ирана, с народными массами». И хотя призывы ИКП имели целью укрепление «революционного настроения масс в стране», тем не менее «переоценка прогрессивных и недооценка реакционных сил, разумеется», наносили вред как делу партии, так и демократической и освободительной борьбе в целом¹⁸⁹.

При идеологической и организационной слабости ИКП в своей практической деятельности ограничивалась главным образом ведением пропаганды среди рабочих. Созванный в январе 1930 г. второй пленум ЦК ИКП в качестве основной и неотложной задачи выдвинул задачу создания и укрепления профсоюзов в индустриальных центрах страны¹⁹⁰. В конце 1930 — начале 1931 г. ИКП проявила инициативу в создании в Реште, Энзели, Астаре, Тебризе рабочих профсоюзов и молодежных организаций¹⁹¹. Однако вследствие репрессий властей эти попытки не принесли ощутимых результатов.

В мае 1931 г. на фабрике «Ватан» в Исфахане под руководством коммунистов и местного профсоюза была проведена крупная забастовка текстильщиков. Забастовка вспыхнула в ответ на попытки администрации навязать текстильщикам контракт, по которому рабочий не имел права уволиться без предупреждения администрации за месяц до своего ухода с фабрики. В случае нарушения этого правила рабочему грозила потеря месячного заработка. Вместе с тем контракт разрешал администрации за каждый день невыхода на фабрику брать штраф в размере трехдневного заработка. Профсоюз отверг требования администрации и выдвинул контртребования. В ходе забастовки, в которой участвовало большинство из 500 занятых на фабрике, рабочие добились удовлетворения основных требований: сокращения рабочего дня с 12 до 9 часов, увеличения заработной платы на 20%, улучшения условий труда и, что было весьма важным, отказа администрации от контракта. В 1931 г. на предприятиях АПНК происходили волнения из-за массового увольнения рабочих и ухудшения условий труда. В 1931 г. состоялись две забастовки на строительстве северного участка Трансиранской железной дороги. В забастовках участвовало около 1500 человек¹⁹².

Усиление рабочего движения вызвало новую волну репрессий. В 1930—1931 гг. власти разгромили прогрессивные организации в Тегеране, Тебризе, Исфахане, Казвине, Реште, Пехлеви, Абадане и других городах страны. Были проведены массовые аресты, в тюрьмы брошено большинство руководителей ИКП. В середине 1931 г. в тюрьмах томилось свыше 2 тыс. политзаключенных.

ченных. Значительная часть профсоюзов прекратила деятельность, а число их членов сократилось вдвое¹⁹³.

Репрессии против демократического, и прежде всего рабочего, движения особенно возросли с принятием меджлисом 3 мая 1931 г. закона об оскорблении монарха (нарушители закона карались заключением на срок от 2 месяцев до 10 лет), а 15 июня 1931 г. — закона о «противниках конституции». По этому закону коммунистическая деятельность иранских граждан как внутри страны, так и за рубежом каралась тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет¹⁹⁴.

В сложившейся обстановке ИКП перенесла центр деятельности за рубеж, где с 15 февраля 1931 г. наряду с журналом «Сетаре-йе сорх» стала издавать газету «Пейкар» («Борьба»), выходящую до 1932 г. в Берлине, а с 1932 по 1933 г. в Вене. «Пейкар» активно откликалась на внутренние и международные события, в доступной для масс форме давала анализ социально-экономических и политических процессов, призывала трудящихся к борьбе за свои права, публиковала воззвания и протесты. Чтение «Пейкар» жестоко каралось полицией. Достаточно сказать, что в 1931 г. в Астаре и Ардебиле только по подозрению в чтении «Пейкар» арестовали более 100 человек. Значительную работу проводила ИКП среди иранской молодежи в европейских странах, где (в основном в Германии и Франции) обучалось около 3 тыс. иранских студентов. В начале февраля 1931 г. в Кельне состоялась конференция учащихся, которая вынесла резолюцию о необходимости вести самую решительную борьбу против деспотического режима¹⁹⁵.

Невзирая на отдельные успехи в развитии рабочего движения в период кризиса, когда в Иране сложились довольно благоприятные условия для роста демократической борьбы, ИКП в значительной степени из-за организационной и идеологической слабости не смогла мобилизовать народные массы на борьбу против режима диктатуры. «К тому же непрерывные репрессии обессиливали партию и профсоюзы. В итоге рост рабочего движения приостановился на несколько лет»¹⁹⁶.

В 1929—1930 гг. по Ирану прокатилась волна крестьянских выступлений, вызванных в значительной мере введением 17 июля 1928 г. опиумной и 20 марта 1929 г.

табачной монополии. Волнения охватили Азербайджан, Хорасан, Фарс и другие области. При этом в борьбе против монополий, особенно в центральных и южных районах Ирана, крестьяне нередко объединялись с племенами. Такие выступления, например, происходили весной и летом 1929 г. в Фарсе, где крестьяне совместно с отрядами племени бахарлу расправлялись с чиновниками опиумной монополии, громили усадьбы помещиков и т. д.¹⁹⁷

Наиболее показательным было выступление крестьян летом 1929 г. в Хорасане, где восстание возглавил Зольфу — курд из Кучана, которого прозвали «странствующим падишахом». Поводом для восстания послужили вымогательства чиновников, требовавших с населения выплаты прежней суммы налогов с посевов опийного мака, хотя площадь под этой культурой намного сократилась вследствие ограничений, введенных монополией. С отрядом в 70 человек Зольфу громил терьячные склады, раздавал крестьянам отобранный у них опиум, расправлялся с налоговыми чиновниками. В начале июля 1929 г. Зольфу в перестрелке с войсками был ранен и схвачен солдатами, а 10 июля повешен. Тем не менее восстание продолжалось еще несколько месяцев¹⁹⁸.

Во второй половине 1929 г. происходили выступления крестьян в Кермане, Мазендеране, Гиляне, Керманшахе и ряде других областей страны.

Движение крестьян не миновало и имений, принадлежавших семье Пехлеви. Летом 1930 г. крестьянские волнения охватили Савадкух (Мазендеран), где около 2 тыс. крестьян оказали сопротивление отводу воды с их полей на поля шаха. Из Пехлеви прибыл отряд карателей, около 100 крестьян бежало в леса и продолжало борьбу¹⁹⁹.

В ответ на рост движения крестьян правительство в 1930—1931 гг. издало в дополнение к уголовному кодексу (он предусматривал суровые наказания за так называемый аграрный бандитизм) серию законов и постановлений, еще более усиливавших ответственность жителей деревни за сопротивление властям и покушение на «священные права» частной собственности. Эти законы и постановления возлагали на специальные военно-полевые суды обязанность наказывать «либо смертной казнью», либо «пожизненным тюремным заключе-

нием с каторжными работами» лиц, «виновных в какой бы то ни было форме бандитизма на дорогах», и лиц, входивших в состав какой-либо вооруженной группы²⁰⁰. По данным иранской прессы, только с июля по декабрь 1932 г. военно-полевыми судами было привлечено к ответственности 153 человека, из которых 36 были расстреляны, 19 приговорены к пожизненному заключению и 98 получили в общей сложности 355 лет заключения²⁰¹.

Несмотря на жестокое подавление крестьянских выступлений, они наблюдались и в 1931—1933 гг. С 1928 по 1933 г. в стране, судя по опубликованным иранской прессой сведениям, произошло 25 выступлений крестьян и наблюдалось 98 случаев вспышек «аграрного бандитизма»²⁰².

Широкий и грозный размах приобрели в первые годы кризиса восстания племен, и прежде всего вооруженные выступления племен центральных и южных областей Ирана. В середине апреля 1929 г. в Фарсе, в округах Феса, Дараб и Джахрум, вспыхнуло восстание племени бахарлу, к которому вскоре присоединились кашкайцы и большинство остальных племен провинции. Повстанцы требовали отмены воинской повинности, опиумной монополии, разоружения племен, передачи сбора налогов вождям племен и т. д. В первой декаде июня повстанцы окружили Шираз и прервали сообщение с Тегераном²⁰³. Почти одновременно происходило крупное восстание бахтиар, которые угрожали походом на Исфахан. В обеих областях к восстанию племен в ряде районов примкнули крестьяне. Высшее шиитское духовенство Эн-Неджефа и Кербелы выпустило воззвание, благословлявшее повстанцев на борьбу с «еретическим правительством». По призыву духовенства в Исфахане закрывались базары, а население собиралось в мечетях в «богоугодной, праведной одежде и чалме»²⁰⁴.

Правительство бросило на борьбу с восстанием крупные контингенты войск, сосредоточив в Фарсе до 20 тыс. солдат. Им противостояло около 11 тыс. вооруженных повстанцев. Борьба протекала с переменным успехом, причем войска несли серьезные потери. И на этот раз правительству удалось внести раскол в ряды повстанцев. Объявив амнистию в случае явки с повинной, правительство вступило в переговоры с видными вождями

племен. В результате большинство вождей кашкайцев, а затем и часть ханов других племен перешли на сторону властей. К осени 1929 г. большинство племен Фарса и Исфахана прекратило сопротивление²⁰⁵. Тем не менее выступления племен этих провинций наблюдались и в дальнейшем, но они уже никогда не приобретали такого размаха, как в 1929 г.

В 1929—1932 гг. происходили выступления племен в Белуджистане, Лурестане, Керманшахе, Курдистане. И все же к 1933 г. замирение зоны племен, сопровождавшееся их разоружением, было завершено. Для того чтобы раз и навсегда покончить с восстаниями племен, власти более последовательно и решительно стали отстранять ханов от участия в делах племен и в то же время принимать меры к ликвидации кочевого уклада путем насильственного перевода племен на оседлость. Еще в 1928 г. власти запретили перекочевки и на их маршрутах расставили заградительные отряды. Это повлекло за собой массовый падеж скота от бескормицы. Так, отдельные племена луров лишились до $\frac{4}{5}$ поголовья скота. Серьезный ущерб потерпело коневодство у бахтиар. За короткий срок даже зажиточные семьи были разорены. Наиболее беспокойные племена власти выселяли в районы, расположенные далеко от мест их прежнего обитания. На обустройство хозяйства отпускались мизерные средства, которые к тому же разворовывались администрацией. Кочевники расселялись на землях халесе или на землях, конфискованных у ханов. Во время дебатов в меджлисе указывалось, что, пользуясь неосведомленностью кочевников, чиновники заставляли их платить за участки, которые предназначались им безвозмездно. Большинство кочевников, не имея нужного инвентаря, семян и достаточных технических навыков, было не в силах поднять хозяйство. К тому же кочевникам зачастую отводились малоценные и расположенные в районах с нездоровым климатом земли. На почве голода и болезней смертность в племенах быстро росла, а рождаемость падала²⁰⁶. Возникла реальная угроза вымирания отдельных племен. В результате мероприятия по ликвидации сепаратизма племен, направленные на укрепление государственного единства и развитие производительных сил, вследствие применения порочных методов к решению этой задачи обернулись величай-

шим народным бедствием и привели к упадку скотоводства в тяжелые годы кризиса. В конечном итоге правительство пришло к пониманию всей несостоятельности и несвоевременности форсирования мероприятий по переводу племен на оседлость. Уже в 1933 г. оно было вынуждено частично допустить перекочевки, а после отречения Реза-шаха большинство племен вернулось к прежнему образу жизни.

Политика правительства в отношении племен, которая была составной частью политики централизации, проводилась под лозунгом создания «национального единства», что подразумевало насильственную ассимиляцию национальных меньшинств. Официальная пропаганда говорила о «единой иранской нации», в которую включалось все население страны, за исключением христиан. В печати утверждалось, что «иранские турки в расовом отношении тождественны фарсам», что курды, луры и представители других племен являются «чистыми персами с общим языком, различающимся лишь диалектами», и т. п.

Среди населения национальных окраин насаждался персидский язык, а отдельные газеты предлагали разработать закон, запрещающий употребление тюркских и арабских языков²⁰⁷.

В то же время развернулась кампания за очищение языка фарси от заимствований из европейских, тюркских и арабского языков. Взамен этих заимствований вводилась искусственно возрождавшаяся древнеиранская терминология. Инициатором этой кампании, проводившейся с 1926 г., было Литературное общество. Позднее выполнение этой задачи было возложено на открытую в 1931 г. Академию языка и литературы, которая выпускала сборники производственных и научных терминов и идиом, заменявших иноязычные. С 1928 г. в печати стали появляться проекты латинизации персидского алфавита, построенного на арабской графике. Предполагалось, что это не только облегчит ликвидацию неграмотности, но и ускорит ассимиляцию неперсидского населения. Однако эти проекты вызвали серьезное сопротивление и не были осуществлены. Противники латинизации алфавита считали, что эта реформа ослабит культурное влияние Ирана на соседние страны Востока.

Во имя «национального единства» правительство в 1928 г. начало кампанию за единообразие и европеизацию одежды. До этого в Иране носили около ста видов одежды, которая подчеркивала не только национальные, но и социальные особенности. Различались костюмы и головные уборы цеховых ремесленников, чиновников, мелких торговцев и богатых купцов, духовенства и сеидов («потомков пророка»). Эта кампания встретила решительное сопротивление духовенства. Особенно оно противодействовало внедрению головного убора «пехлевийской шапки» под предлогом того, что ее козырек препятствует мусульманину отбивать поклоны во время молитвы. Фанатики под предводительством мулл и учеников богословских школ избивали людей в европейской одежде, насильно брили им головы на персидский лад, преследовали женщин, которые осмеливались появляться на улицах в туфлях и чулках.

Шах заявил, что все жители Ирана «должны носить одинаковую одежду и говорить на одном языке», что позволит добиться «единства мыслей»²⁰⁸. Шумихой об «упрочении национального единства» сопровождалось осуществление экономических проектов, реформа крайне запутанной и разнообразной системы мер и т. д. Кампании за укрепление «национального единства» сопутствовала пропаганда расового и культурного превосходства персов, что наглядно проявилось в фетишизации прошлого Ирана, и особенно монархии Ахеменидов и Сасанидов, в возрождении «величия» которых якобы и состоит историческая миссия династии Пехлеви. Постоянным напоминанием о «величии» доисламского Ирана призваны были служить древние географические названия, присваивавшиеся городам и селениям, и прежде всего тем, которые имели названия неперсидского происхождения. Только в Курдистане и Горгане было изменено 64 географических названия²⁰⁹.

В первые годы мирового кризиса монархия Реза-шаха несколько сократила программу развития просвещения, здравоохранения, административных и прочих преобразований как вследствие финансовых трудностей, так и из-за усиления сопротивления реформам феодально-клерикальных кругов. Деятельность духовенства оживилась в 1929 г. в связи с падением эмира Амануллы в Афганистане и крушением его программы реформ. Ре-

акционное духовенство отметило эти события благодарственными молебнами. Наиболее ярким нападкам духовенства подверглось движение за снятие чадры и европеизацию одежды, а также школьные и судебные реформы. В борьбе с новшествами духовенство искало опору у племен и базарного люда, причем в ряде случаев ему, как уже указывалось выше, удавалось придать движению племен (в частности, восстаниям курдов и бахтиар) оттенок борьбы в защиту религии, попираемой «безбожным правительством Реза-шаха»²¹⁰. Весной 1929 г. во многих городах были закрыты базары, группы жителей сели в бест в знак протеста против реформы, на улицах произошли беспорядки, в которых активную роль играли возглавлявшиеся муллами банды «поножовщиков» («чагукешан»).

Встревоженное афганскими событиями и ростом народного движения правительство пошло на уступки духовенству. Оно приостановило кампанию за снятие чадры и другие реформы быта. Стали приниматься меры против нарушителей поста и прочих религиозных обрядов, были отданы под суд представители власти, допускаящие злоупотребления в отношении мулл²¹¹.

Афганские события и отрицательное воздействие на хозяйство Ирана мирового кризиса вызвали у сторонников преобразований определенное разочарование в целесообразности промышленного развития и внедрения в Иране европейского уклада жизни. Соппротивление новшествам нашло отклик у либеральных кругов и интеллигенции, которые, хотя и с оговорками, выступали за сохранение культурных традиций и национального уклада жизни, против низкопоклонства перед Западом. В Иране разгорелась борьба мнений по вопросу о путях дальнейшего развития страны.

Наиболее ярко отражение этой борьбы прослеживается в полемике известного историка Ахмеда Кесрави с «прогрессистами» во главе с Дашти, Рахнема и Лигвани. Популярностью в кругах интеллигенции и учащейся молодежи пользовалась изданная в 1932 г. книга Кесрави «Аин» («Доктрина»), в которой подверглись критике уродливые стороны технического прогресса Запада. В статье «Путь силы и коварство» Кесрави призывал расстаться с «иллюзорными представлениями» о благах европейской цивилизации и отмечал такие присущие ей

черты, как империалистические войны, деградацию буржуазной демократии, ее бессердечие и вероломство, безработицу, жестокие экономические кризисы и т. п.²¹²

В то же время в трудах Кесрави в завуалированной форме содержалась критика реформ Реза-шаха. Правительство, однако, терпимо восприняло эту критику, поскольку автор горячо поддерживал политику государства в отношении духовенства, считая его главным виновником отсталости страны. По мнению Кесрави, ислам нуждался в оздоровлении.

Противники Кесрави объявляли его идеи чрезвычайно вредными для реконструкции страны. В подкрепление своих доводов они указывали на опасность социально-экономической отсталости Ирана перед Западом и приводили Японию в качестве примера благотворного влияния промышленного развития на положение страны. Более умеренные сторонники реформ стояли за внедрение технических и организационных достижений Запада при сохранении старых традиций, в которых они видели базу для укрепления национального единства и духа. Эта точка зрения была воспринята шахом и его окружением, которые в насаждении культа «истинно иранского духа» широко пользовались ссылками на блистательное историческое прошлое Ирана, особенно Ирана доисламского. Литературное общество устраивало конкурсы на лучшее стихотворение о величии царя Дария, о Персеполисе и т. д. Правительство не жалело средств на реставрацию памятников домусульманской эпохи. В прессе порицалось увлечение переизданием суфийской средневековой поэзии²¹³.

Необычайный рост национализма в стране в период мирового экономического кризиса в значительной мере стимулировался успехами Ирана на международной арене. Обострение противоречий между империалистическими державами в этот период создавало предпосылки для проведения Ираном более самостоятельной внешней политики. Показательным в этом отношении был конфликт с Англией в 1932—1933 гг., когда, спекулируя на «возможностях» допустить к разработке нефтяных месторождений другие державы, Иран настоял на пересмотре условий концессии АПНК. Нефтяной конфликт Ирана с АПНК знаменателен не столько материальными уступками со стороны Англии, сколько самим фактом

вызова, брошенного мощной империалистической державе, что необычайно стимулировало чувства национальной гордости иранцев и в то же время способствовало росту международного престижа страны.

Однако Иран потерпел неудачу в попытке восстановить свои права на Бахрейнские острова, вопрос о статусе которых опять стал на повестку дня в период обострения нефтяного конфликта. К этому времени вопрос об их принадлежности получил новое звучание в связи с тем, что на архипелаге, как уже упоминалось, были обнаружены нефтяные месторождения. На разработку этих месторождений предъявляли притязания сначала британские, а затем и американские монополии. Невзирая на протесты Ирана, они в 1930 и 1934 гг. получили от шейха Бахрейна концессии на эксплуатацию нефтяных месторождений на архипелаге. Более успешными были шаги Ирана, направленные на укрепление своих суверенных прав в прибрежной зоне Персидского и Оманского заливов. К 1930 г. Иран добился полной замены британских служащих портовых учреждений иранскими. Все суда, заходившие в южные порты Ирана, должны были придерживаться международных правил посещения портов независимых государств. В мае 1928 г. иранский флаг был поднят на о-ве Хенджам в Персидском заливе, находившемся ранее фактически во владении Англии. В 1933 г. был восстановлен суверенитет Ирана над о-вом Кешм, на котором была расположена британская угольная база.

Ухудшение англо-иранских отношений сопровождалось ростом влияния в Иране Германии, экономическую помощь которой шахское правительство рассматривало как средство ослабления в стране английских позиций. Германские фирмы получили подряды на строительство предприятий легкой промышленности, приняли участие в создании смешанных обществ по закупке иранских ковров и сельскохозяйственной продукции. С помощью Германии была налажена чеканка монет в Тегеране, обновлено оборудование оружейного завода. Иранское правительство охотно приглашало из Германии различных специалистов, советников, преподавателей учебных заведений. Правда, мировой кризис вызвал спад германо-иранской торговли. Если в 1929/30 г. ее объем превышал 120 млн. риалов, то в 1932/33 г. он

составлял лишь 92,95 млн. риалов. Заметный ущерб ирано-германскому сближению нанесли скандальные разоблачения злоупотреблений германских финансовых советников, сменивших с 1928 г. американскую миссию Мильспо. В 1932 г. иранское правительство аннулировало контракт с Линденблаттом, Шнивендом и другими германскими советниками, замешанными в финансовых аферах. В то же время сближение с Германией несколько осложнил и отказ Ирана от продления концессии авиакомпания «Юнкерс», срок которой истекал в 1932 г. Формальным предлогом послужила задержка компанией выполнения обязательств по подготовке иранских летных кадров. Однако истинная причина разрыва в большей степени была связана с политическими обстоятельствами. Фактически разрыв с компанией «Юнкерс» был своеобразной реакцией Реза-шаха на оправдательный приговор, вынесенный германским судом по делу четырех журналистов, обвиненных в оскорблении «иранского монарха и иранского народа» на страницах газет. Сам по себе конфликт с компанией «Юнкерс» не имел для Ирана принципиального значения, ибо уже в 1933 г. концессия на обслуживание авиационных линий Ирана без существенных изменений была передана германской компании «Люфтганза».

Политические трения в отношениях с Германией, отражавшиеся подчас и на экономических связях сторон, вызывались помимо прочего «попустительством» германских властей деятельности патриотических и антишахских эмигрантских организаций, нашедших убежище в Германии с середины 20-х годов. В начале 30-х годов по настоянию шаха иранская дипломатия в Германии не раз возбуждала судебные дела против эмигрантских изданий, что в конечном счете облегчало германским властям преследование прогрессивных эмигрантских организаций.

Трения в ирано-германских отношениях не препятствовали проникновению в Иран идеологии национал-социализма, влияние которой в стране становится ощутимым после прихода к власти в Германии Гитлера. Уже в 1933 г. в Иране образовалась небольшая, крайне националистическая группировка из представителей офицерства, городской буржуазии, интеллигенции, объединившихся вокруг газеты «Иран-е бастан», которая приспособ-

сабливала фашистскую идеологию расизма к пропаганде воинствующего панианизма. Газета, публиковавшаяся со знаком свастики, пропагандировала как идеал национал-социализм Германии, с народом которой, по ее словам, иранцы имеют расовое и духовное родство²¹⁴.

Несколько возросло, хотя и менее ощутимо, проникновение в Иран фашистской Италии, которая в глазах правительства Реза-шаха была «нейтральной» в отношении Ирана страной. Сам Реза-шах неоднократно высказывал сочувствие фашистскому движению в Италии и свое восхищение Муссолини. Тем не менее Италия помимо постройки военных судов для Ирана взяла на себя лишь организацию военно-морской службы и подготовку иранских морских экипажей. Итальянские специалисты были приглашены на строительство трансиранской железной дороги и отдельных промышленных объектов.

В период мирового экономического кризиса отмечался рост торговых связей с Японией, которая успешно теснила европейских конкурентов на иранском рынке, неуклонно снижая цены на ввозимые товары. Цены на японские ткани, однако, устанавливались порой почти на демпинговом уровне, что создавало затруднения для развития иранской текстильной промышленности²¹⁵. Это в конечном счете заставило правительство Ирана ответить в 1933 г. отказом на домогательства Японии заключить долгосрочный торговый договор на льготных условиях.

В годы мирового кризиса Иран продолжал активно участвовать в деятельности Лиги наций, что содействовало укреплению его международного положения. Иран был членом арбитражных комиссий и различных комитетов. На Конференции по разоружению иранская делегация выступила с протестом против предложений о реорганизации Лиги наций, исходивших главным образом от Германии и Италии, занятых подготовкой к агрессии. В Лиге наций по ряду вопросов иранская и советская делегации выступали согласованно. Иран неизменно встречал поддержку СССР, когда поднимался вопрос об ущемлении его суверенитета империалистическими державами.

Однако усиление антикоммунистических тенденций во внешней политике Ирана оставляло отпечаток на его отношениях с Советским Союзом. Длительное время

Иран уклонялся от принятия предложений Советского Союза по урегулированию спорных пограничных вопросов. Местная иранская администрация сквозь пальцы смотрела на диверсионные рейды на советскую территорию остатков банд дашнаков, мусаватистов и басмачей, укрывавшихся на территории Ирана до конца 20-х годов. Взаимовыгодные предложения СССР об использовании под пастбища приграничных земель, о совместной борьбе с сельскохозяйственными вредителями и прочие принимались Ираном с проволочкой или встречали отказ.

Под влиянием части крупного купечества, интересы которого расходились с устремлениями основной массы торговой буржуазии, связанной с внешним рынком, правительство Ирана в течение двух лет затягивало переговоры о подписании нового советско-иранского торгового соглашения. Однако потери, которые нес Иран в результате противодействия империалистических держав претворению в жизнь закона о монополии внешней торговли, вынудили иранское правительство ускорить заключение торгового соглашения с СССР. 27 октября 1931 г. в Тегеране была подписана конвенция о торговле, поселении и мореплавании, а также ряд других соглашений. Тем не менее решение отдельных вопросов, в частности о спорных участках советско-иранской границы, было отложено на будущее. В рассматриваемый период наблюдалось дальнейшее улучшение отношений Ирана с сопредельными странами Востока, и в первую очередь с Турцией. В апреле 1929 г. в Анкаре были заключены конвенции о безопасности границы и торговое соглашение. Подписанием 23 января 1932 г. специального соглашения успешно завершились затянувшиеся переговоры между Ираном и Турцией о демаркации границы. Соглашение связывалось с необходимостью совместных действий по подавлению движения приграничных курдских племен.

Под активным нажимом британской дипломатии происходило и улучшение отношений с Ираком. В апреле 1929 г. Иран официально признал правительство Ирака, после того как в результате освободительного движения народов Ирака Англия вынуждена была отказаться от мандатных прав. Было удовлетворено и требование Ирана об юридическом уравнивании в правах иран-

ских подданных, проживавших на территории Ирака. В 1930 г. были установлены прямые ирано-иракские дипломатические отношения. В сближении сторон важную роль сыграла их общая заинтересованность в подавлении повстанческого движения пограничных арабских и курдских племен. В начале 30-х годов иранские и иракские войска не раз предпринимали согласованные действия против повстанцев. Однако ирано-иракское сближение было непрочным; спорными оставались вопросы, связанные с судоходством по Шатт-эль-Арабу, паломничеством иранцев к шиитским святыням в Ираке и т. д. Попытки урегулировать эти вопросы во время официального визита короля Ирака Фейсала в Тегеран в 1932 г. были малоуспешны.

Отношения Ирана с Афганистаном в рассматриваемые годы в целом оставались дружественными, хотя порой они осложнялись. Тревогу в Афганистане вызывали аннексионистские притязания на Герат, выдвинутые правительством Ирана в 1929 г. в качестве условия оказания помощи эмиру Аманулле во время гражданской войны в Афганистане. Но после признания Ираном правительства нового короля, Надир-шаха, отношения сторон значительно улучшились.

Таким образом, несмотря на определенные противоречия, особенно в отношениях с Ираком, происходило постепенное сближение Ирана с сопредельными странами Востока, что содействовало укреплению безопасности восточных и западных границ страны.

ИРАН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Постепенное преодоление последствий мирового кризиса и стабилизация внутривосточного положения позволили правительству уделять более серьезное внимание претворению в жизнь намеченных преобразований: реорганизации административного аппарата, системы юстиции, просвещения, здравоохранения, быта, муниципальным реформам и реконструкции городов, экономическому строительству.

Среди этих преобразований по-прежнему важное место занимали мероприятия по совершенствованию административного аппарата, что обуславливалось как возрастающими задачами экономического строительства,

так и стремлением правительства повысить руководящую роль государства в хозяйственной и общественной жизни страны. Выделенные в 1931 г. из министерства экономики департаменты промышленности и торговли в 1937 г. были превращены в министерства²¹⁶. Много новых ведомств было создано в министерстве внутренних дел. Чиновный мир быстро разрастался, пополняясь выходцами из средних слоев, которые теснили представителей аристократии даже на высших должностях.

Продолжалась реорганизация системы юстиции. В декабре 1936 г. был принят закон, запрещающий вершить суд лицам без специального юридического образования, таким образом закон еще более ограничивал судебные функции духовенства. В 1935—1940 гг. в гражданский кодекс были включены статьи по вопросам семейных отношений, брака, развода, наследования имущества и т. п., которые до этого решались на основе шариата. Были несколько расширены права женщин в сфере семейных отношений, увеличена доля женщин в наследовании имущества, оговаривались случаи, когда инициатива развода могла исходить от жены, предусматривалось согласие девушки при вступлении в брак и т. д. Женщинам запрещалось вступление в брак с иностранцами и иноверцами, что было явной данью националистическим тенденциям и духовенству. Однако новшества мало затронули традиционные семейные устои, особенно сельского населения. Фактически сохранились положения шариата о многоженстве и институт временных браков.

В области уголовного законодательства в соответствии с усилением режима диктатуры увеличили наказания за действия, определявшиеся как политические преступления, причем классификация их была заметно расширена. Были введены суровые наказания за совершавшиеся в Иране и за границей действия, подрывавшие международный и национальный престиж страны, содержавшие выпады против монархии, правительства, религиозных чувств и святынь. Особенно жестокие меры предусматривались против прогрессивных лиц и организаций, в деятельности которых власти видели стремление к ниспровержению монархии насильственным путем.

В 30-х годах заметно активизировалась деятельность правительства по реорганизации системы просвещения.

Эта кампания проводилась под флагом национализма и даже шовинизма. Еще в период кризиса были закрыты все иностранные начальные школы и ограничено число средних школ, а в 1940 г. — остальные средние школы и иностранные высшие учебные заведения. Исключение было сделано лишь для немецкого политехнического училища, которое пользовалось покровительством правительства в связи с укреплением связей Ирана с фашистской Германией. Вместе с тем было запрещено преподавание на армянском, ассирийском, азербайджанском и арабском языках, закрыты школы бехаитов и других религиозных меньшинств. Сохранены были лишь школы парсов, поскольку правительство, пропагандировавшее среди населения чувства преклонения перед культурой древнего Ирана, не считало удобным подвергать гонениям приверженцев зороастризма. Прекратили работу и все частные школы, так как министерство просвещения стало строго придерживаться указа, принятого в 1930 г. и признававшего действительными лишь аттестаты и дипломы, выданные государственными школами. И тем не менее в результате быстрого расширения государственной сети просвещения общее число начальных и средних школ в стране резко возросло. Если в 1922 г. в Иране было 612 школ, то в 1936 г. — 4,9 тыс. школ с 257 тыс. учащихся, в 1940 г. — 8,2 тыс. с 497 тыс. учащихся²¹⁷. Расширилось и женское обучение, но оно ограничивалось, как правило, лишь начальной школой. С помощью иностранных инструкторов в школах создавались бойскаутские организации, участие в которых с 1938 г. стало обязательным для всех учащихся, начиная с пятого класса. Рост сети школ тормозился из-за нехватки преподавателей, хотя к 1939 г. действовало уже около 25 педагогических училищ. К обучению в этих училищах привлекались и женщины, для которых преподавание в школе было почти единственным полем общественно полезной деятельности.

Увеличение потребностей в квалифицированных кадрах обусловило открытие ряда отраслевых институтов и профессиональных курсов (Сельскохозяйственного института в Кередже, курсов железнодорожных, почтовых, финансовых и судебных служащих) и военных учебных заведений. В мае 1936 г. был издан указ о создании Тегеранского университета, который открылся в составе

шести факультетов. Университет не пользовался автономией и был подчинен министерству просвещения, обладавшему правом назначения ректора и преподавательского состава. Обучение велось на базе французской системы высшего образования и по учебникам, в большинстве переведенным с французского языка. В отличие от молодежи, обучавшейся за границей и более склонной к демократическим идеям и скептицизму в отношении установленного в стране режима, тегеранское студенчество в значительной мере было заражено идеологией национализма и культом личности шаха.

С 1936 г. министерство просвещения стало использовать студентов в борьбе с неграмотностью среди взрослого населения. В 1937 г. в стране действовали 1,5 тыс. вечерних курсов ликбеза. Владельцам предприятий предписывалось посылать на эти курсы рабочих. Наряду с выполнением своих прямых обязанностей студенты читали на курсах ликбеза лекции о патриотизме, величии эпохи Пехлеви и т. п.²¹⁸. Борьба с неграмотностью, однако, совершенно не коснулась деревни. Помещики не только оставляли без внимания призывы газет к созданию подобных курсов, но зачастую даже препятствовали властям открывать школы в сельских районах²¹⁹. По официальным сведениям, в конце 30-х годов грамотность в стране не превышала 10—12%. Государственные ассигнования на просвещение составляли ничтожную сумму по сравнению с военными расходами и никогда не превышали 4% бюджетных затрат²²⁰.

Подготовка кадров происходила стихийно, без учета реальных потребностей в специалистах того или иного профиля. В результате возникали затруднения с трудоустройством получившей образование молодежи. К тому же, не доверяя знаниям иранских специалистов, директора и предприниматели предпочитали нанимать иностранцев. Поэтому иранские специалисты нередко оставались без работы или шли на канцелярскую службу в департаменты.

Менее ощутимы были сдвиги в области здравоохранения. Важным шагом в его развитии было основание еще в 1923 г. Пастеровского института, руководимого приглашенной в Иран группой французских специалистов. Институт наладил производство вакцины и сыворотки, приступил к борьбе с инфекционными заболе-

ваниями и эпидемиями. Однако деятельность института ограничивалась недостатком средств и медицинского персонала и не принесла заметных результатов. С начала 30-х годов при городских управах создавались санитарные надзоры, следившие за состоянием боен, базаров, бань, продовольственных лавок и т. п. Расширили деятельность Общество Красного Льва и Солнца и Общество содействия матери и ребенку, занимавшиеся благотворительностью и пропагандой правил гигиены. В 1930 г. был расширен медицинский колледж в Тегеране; студентам вопреки религиозным запретам было разрешено заниматься анатомированием трупов. В стране появились больницы с современным оборудованием, в большинстве находившиеся в ведении различных министерств. В 1932 г. вышел указ об обязательных прививках оспы, а в 1936 г. — о регулярном медицинском освидетельствовании учащихся в городских школах ²²¹.

Но в целом система здравоохранения находилась еще в зародышевом состоянии. Аптечное дело страдало из-за острой нехватки медикаментов, ввозимых в рамках государственной монополии. Широкие слои населения пользовались, как правило, снадобьями знахарей. Жители деревень и мелких городов фактически были лишены медицинского обслуживания. Один врач в Иране приходился в среднем на 11 тыс. жителей ²²². «При обилии всевозможных болезней, — писала 18 октября 1928 г. газета „Эттелаат“, — мы фактически не имеем врачей, медикаментов, аптек и больниц». Мало в чем изменилось положение и в 30-х годах. До 1940 г. в Иране не было министерства здравоохранения. Его функции делили между собой Пастеровский институт и министерство внутренних дел, но их постановления зачастую оставались декларативными. Так, власти оказались бессильными искоренить курение опиума и ограничились запретами употреблять его в общественных местах. Фактически не соблюдались установленные в 1928 г. санитарные правила для ковровой промышленности, где по-прежнему ткачи, весь день не разгибаясь, сидели за станками в пыльных и душных мастерских.

В 30-х годах правительство предприняло шаги по развитию в стране массового спорта. Занятия физкультурой стали обязательными в школах. В 1933 г. при министерстве просвещения был создан совет физического

воспитания. Современные спортивные игры и состязания, которые на первых порах прививались в воинских частях и школах, постепенно завоевывали популярность. В крупных городах создавались спортивные общества, клубы, стадионы. Обычными становились физкультурные парады школьников и бойскаутов. Наряду с заимствованием западных видов спорта возрождались и древнеиранские спортивные игры — борьба с применением классических приемов в особых спортивных клубах («зурхане»), конная игра, игра в поло, джигитовка.

Стремление к буржуазному переустройству страны проявилось и в реконструкции архитектурного облика крупных городов, прежде всего Тегерана. Однако реконструкции подвергались только центральные кварталы, откуда беднота выселялась на окраины. На месте узких улочек и глинобитных построек возникали асфальтированные улицы и площади со стандартными монументами Реза-шаху, здания учреждений, особняки богачей, отели, кафе, кинотеатры. Утверждался вычурный и помпезный архитектурный стиль, представлявший смесь псевдоклассической монументальности доисламского периода с архитектурным модернизмом фашистской Германии. Налаживалось и городское хозяйство. На центральных улицах появилось электрическое освещение, автобусные линии. Вопреки яростным протестам духовенства кладбища и гробницы святых выносились за черту города. Прочие кварталы не имели заметных признаков благоустройства и оставались скученными нагромождениями мазанок, запутанными лабиринтами грязных улочек. В результате элементы модернизма в Тегеране стали еще более подчеркивать резкий контраст между роскошью и нищетой. Новый облик столицы должен был поражать воображение приезжих. Но Тегеран давал преувеличенное представление о культурных переменах в стране. Перестройке лишь отчасти подверглись другие крупные города, такие, как Тебриз, Мешхед, Исфахан. За исключением Мазендерана, родины Реза-шаха, реконструкция почти не коснулась мелких и даже средних городов, где помимо зданий жандармерии и почты мало что возводилось. Совершенно не затронута была деревня, на которую падало основное бремя расходов на градостроительство в виде «хиабанных» (уличных) сборов и т. д. Страна, как отмечалось в иранской

прессе, «уподоблялась злосчастной колонии погружённого в испорченность Тегерана, который, не заботясь о ее благосостоянии, высасывает из нее последние соки»²²³.

По мере осуществления буржуазных реформ все более остро назревала проблема окончательного определения реальных прав и функций духовенства в общественной жизни. В удобных случаях правительство не забывало демонстрировать уважение к религии. Но вместе с тем оно пренебрегало санкциями духовных авторитетов при проведении важнейших мероприятий. В середине 30-х годов власти предприняли шаги по дальнейшему ограничению роли духовенства в общественной жизни. Проповедникам запрещалось выходить за рамки религиозных тем, касаться политики и критиковать действия властей. Правительство призывало духовенство очистить ряды от «недостойных элементов». Отдельные проповедники и муллы были лишены духовного сана. Вместе с тем правительство покровительствовало «прогрессивным» муллам и тем самым вносило раскол в ряды оппозиционного духовенства. При высшем богословском училище были открыты курсы для проповедников, где в программу обучения входили лекции о созвучии реформ духу ислама и т. п.²²⁴. Выпускники курсов, как правило, направлялись в армию на должности полковых мулл и в учебные заведения преподавателями богословия.

В то же время власти начали наступление на экономические позиции духовенства. В начале 30-х годов последовала серия ревизий вакфных владений, которые вскрыли «вопиющие беззакония лжемолебельщиков». Газеты призывали завещать имущество не мечетям, а непосредственно министерству просвещения. По закону, утвержденному в декабре 1934 г., имущества общественных вакфов были переданы в ведение министерства просвещения, которое за попечительство получало вознаграждение в виде отчислений с доходов в размере 3% и за надзор — 2%. В дополнение к закону правительство в мае 1935 г. издало указ, который предусматривал выделение 40% доходов с вакфных владений на постройку начальных школ, 20% — на приобретение учебников, книг и одежды для неимущих учеников, 10% — на непредвиденные расходы министерства просвещения²²⁵.

Осуществление закона 1934 г. не привело к значительному ограничению экономической базы духовенст-

ва. На протяжении последующих лет наблюдался рост поступлений от вакфного имущества. Если в 1936/37 г. эти доходы составляли 2,31 млн. риалов, то к 1941 г. они достигли 10 млн. риалов, т. е. увеличились более чем в 4 раза. По закону от 4 мая 1941 г. министерству финансов разрешалась продажа земель общественных вакфов. Доходы от их реализации предполагалось использовать для финансирования больниц и школ. Однако действие закона не распространялось на имения наиболее крупных и авторитетных религиозных центров, которые Реза-шах взял под личное покровительство ²²⁶.

В то же время правительство приняло решительные меры по осуществлению постановлений о ношении одежды и головного убора европейского образца, в 1934 г. издало постановление о запрещении женщинам появляться в чадре в общественных местах, что вызвало особенно серьезное недовольство духовенства.

Запрещение носить чадру было крупным общественным событием и важной вехой в развитии женского движения в Иране. На первых порах, в 1934 г., это постановление коснулось лишь учительниц и школьниц, а также жен офицеров. На физкультурных парадах стали появляться отряды школьниц в спортивной форме. В январе 1936 г. запрещение носить чадру было распространено на всех женщин и, таким образом, Иран стал второй после Турции мусульманской страной, осуществившей это мероприятие. 8 января, когда шах выступил на торжествах по случаю вручения дипломов преподавательницам с призывом расстаться с чадрой, отмечается в Иране как день «освобождения женщин».

При претворении в жизнь названных постановлений применялись крутые меры, которые с особенным недовольством были встречены базаром. Полицейские вылавливали на улицах одетых по старинке мужчин и вырезали у них куски материи из архалуков, задерживали женщин в чадре и отводили в участок. Многие женщины бедняцких кварталов, не имея средств на покупку платья, вынуждены были не выходить из дому. Негодование мулл вызвало постановление властей о подаче заявлений на право ношения духовной одежды, установление контроля над проповедями и другие меры, воспринятые ими как прямое вмешательство государственной власти в дела духовенства.

Назревал конфликт с духовенством. Весной 1936 г., в дни паломничества к гробнице Имама Резы, духовенство Мешхеда организовало крупную демонстрацию под лозунгом отмены «антирелигиозных» постановлений и законов. Войска открыли пулеметный огонь по паломникам, засевшим во дворе мечети. Духовенство обвинило Реза-шаха в величайшем оскорблении святыни и обратилось за помощью к религиозным авторитетам Кербелы и Эн-Неджефа. Оттуда последовала адресованная ко всем шиитам декларация, в которой шах и правительство Ирана обвинялись не только в оскорблении святыни, но и в нарушении норм шариата, притеснениях духовенства и т. п. Власти были вынуждены отказаться от экстремистских мер в отношении духовенства. В дальнейшем монархия Пехлеви при каждом удобном случае подчеркивала уважение к исламу и в официальных призывах первое место отводила вере (бог, шах, родина).

Экономическое развитие Ирана в середине и второй половине 30-х годов, как и ранее, происходило при активном вмешательстве государства в экономическую жизнь страны. Однако в 1934—1940 гг. оно, хотя и осуществлялось по-прежнему под флагом укрепления национальной независимости страны, уже протекало в условиях вовлечения Ирана в орбиту влияния фашистской Германии. Это налагало свою печать на экономическую политику правительства, но в целом она оставалась без изменений. Германия, стремясь заручиться помощью Ирана в борьбе за укрепление своих позиций на Ближнем Востоке, обещала содействовать планам экономического строительства в стране, в частности созданию металлургического завода. В то же время Германия с целью обеспечить себя сырьем и продовольствием в надвигающейся второй мировой войне выкачивала из Ирана огромное количество продукции растениеводства и животноводства.

Наиболее серьезные сдвиги в хозяйстве Ирана в 1934—1939 гг. наблюдались в промышленности и транспорте, где было завершено строительство значительного числа крупных объектов. В 30-х годах в Иране было построено 25 ткацких и прядильных хлопчатобумажных фабрик, 9 шерстяных, 1 шелковая, 2 джутовые; 8 сахарных заводов, 7 кожевенных, 7 спичечных; 9 мылова-

ренных и маслобойных предприятий, 4 стекольных завода, 1 табачная фабрика, 1 цементный завод, 4 элеватора, 5 деревообделочных предприятий. Помимо того, в стране было открыто значительное число предприятий по очистке риса, хлопка, мойке шерсти, 21 чулочн-трикотажная мастерская. На 8 предприятиях было занято свыше 1000 рабочих (на каждом), на 7 — от 500 до 1000, на 26 — от 100 до 500, на 20 — от 50 до 100 рабочих. Эти предприятия, как правило, были оснащены машинами и оборудованием, доставленными главным образом из Германии (48%), Англии (11%), Чехословакии (10%), СССР (8%). Остальные представляли собой преимущественно механизированные мастерские²²⁷.

Преобладающее место в промышленности занимало текстильное производство, в котором было занято около 70% рабочих цензовых предприятий и сосредоточено приблизительно 70% мощностей двигателей. Текстильное производство в 1940/41 г. удовлетворяло 25% внутреннего спроса по сравнению с 3% в 1930 г. Намного возросло и значение сахарной промышленности, которая перед войной примерно на 30% обеспечивала нужды страны. Табачная фабрика почти полностью удовлетворяла внутренний спрос, а цементный завод — на 50%²²⁸.

Несмотря на значительные успехи в развитии отдельных отраслей промышленности, Иран даже в снабжении населения товарами широкого потребления оставался в сильной зависимости от поставок иностранных держав. Но особенно эта зависимость проявлялась в импорте продукции тяжелой промышленности, и в первую очередь промышленности по производству средств производства, которая совершенно отсутствовала в Иране. Металлургия фактически была представлена лишь медеплавильным заводом в Ганиабаде мощностью 300 т продукции в год. В горнодобывающей промышленности производство велось, как правило, ручным способом и в отдельных случаях с применением простейшего оборудования, что, естественно, приносило незначительный эффект. Достаточно сказать, что добыча каменного угля в Иране составляла в 1939/40 г. только 75 тыс. т²²⁹.

Тем не менее изменения, которые наблюдались в промышленности в 30-х годах, заслуживают весьма высокой оценки. Основные заслуги в создании очагов совре-

менной промышленности в Иране принадлежали государству, которое не только обеспечило около 50% инвестиций в строительство фабрик и заводов и стало собственником наиболее крупных предприятий, но и добилось довольно активного участия представителей частного сектора в промышленном строительстве. На это указывает быстрый рост акционерных обществ в области промышленности. Так, если в 1931 г. в Иране было 43 таких общества с капиталом 48 млн. риалов, то в 1939 г. — 415 с капиталом 464,7 млн. риалов и в 1940 г. — 460 с капиталом 527 млн. риалов²³⁰.

Однако на инвестиционных возможностях государства и частного сектора отрицательно сказывалась деятельность британских монополий и особенно Англо-иранской нефтяной компании. Ожидавшийся рост поступлений в казну в результате повышения доли Ирана в доходах от нефти по договору 1933 г. и роста ее добычи на предприятиях компании не произошел, ибо это увеличение сопровождалось резким сокращением затрат АИНК на территории страны²³¹. АИНК стала удовлетворять свои потребности преимущественно за счет поставок из Англии, что еще более превращало компанию в инородное тело на территории Ирана. В итоге деятельность АИНК не стимулировала развития промышленности и сельского хозяйства, и, более того, переводя подавляющую часть прибылей за границу, АИНК замедляла темпы роста накопления и тормозила развитие внутреннего рынка. К тому же приток самодельного населения на предприятия АИНК в Хузестане в известной мере обусловил упадок сельского хозяйства в этой провинции²³².

Прямое вмешательство государства в экономическую жизнь страны еще более ярко, чем в промышленности, проявилось в области транспорта. Наиболее крупным мероприятием здесь было завершение в 1938 г. строительства Трансиранской железной дороги, соединившей Бендер-Шахпур (на побережье Персидского залива) с Бендер-Шахом (на побережье Каспийского моря). Эта дорога, представлявшая собой сложное инженерное сооружение, на своем пути протяженностью 1394 км проходила через 224 тоннеля общей длиной 84,3 км и 4772 моста. На строительстве дороги ежедневно было занято около 45 тыс. рабочих. Сооружение дороги обошлось го-

сударству в громадную сумму — 2,26 млрд. риалов, которые были получены за счет поступлений от монополий на сахар и чай, из отчислений из запасного валютного фонда, кредитов Национального и Сельскохозяйственного и промышленного банков. В результате в руках государства оказалось грандиозное по иранским масштабам хозяйство со значительным числом станций, подсобных мастерских и подвижным составом в 60 локомотивов и 817 товарных и пассажирских вагонов. В 1941 г. вступили в строй две ветки Трансиранской дороги: Тегеран — Зенджан (315 км) и Гярмсар — Шахруд (315 км), что довело общую протяженность железных дорог Ирана (исключая узкоколейные дороги в районе промыслов АИНК) до 2132 км и превратило их в важный фактор экономического развития страны²³³.

В 30-х годах в целом было закончено и осуществление программы правительства по созданию сети автомобильных дорог. Общая длина их в начале 1941 г. составляла около 25,1 тыс. км²³⁴. На этих дорогах, которые связали Тегеран с основными районами страны, ведущим средством транспорта стали автомашины. Их число в 1937 г. достигло 16 170 (8433 грузовых и 7737 легковых)²³⁵. Перевозкой грузов и пассажиров занимались специальные ширкеты, число которых в начале 1941 г. составляло 89 с капиталом 29,4 млн. риалов. Наряду с этим в области автомобильного транспорта развернули деятельность мелкие дельцы — собственники одной или нескольких автомашин. Участие государства в этой области ограничилось организацией службы по наблюдению за содержанием автомобильных дорог и поддержанию их в надлежащем состоянии, а также принятием мер к обеспечению безопасности движения, установлению порядка перевозок грузов и пассажиров и т. д.²³⁶.

Таким образом, одним из крупных достижений экономического строительства 20—30-х годов было то, что для основных перевозок в Иране стали применять механизированный транспорт. Однако если с политической точки зрения (т. е. осуществления контроля правительства над территорией страны) сооружение сети железных и автомобильных дорог в значительной мере удовлетворяло интересы государства, то с экономической точки зрения результаты этого строительства были далеко не достаточными. Нехватка дорог ощущалась и в

дальнейшем и послужила одной из причин экономической отсталости Ирана.

Значительные масштабы экономического строительства вызвали резкий рост расходов казны и стали одним из основных факторов, определявших финансовую политику правительства. Ассигнования государства на экономические цели достигли за 15 лет (1926/27—1940/41), по подсчетам В. С. Глуходода, 6,7 млрд. риалов, или более 42% всех затрат государства. Из этой суммы 2 млрд. риалов составили расходы на реорганизацию и содержание экономических учреждений, затраты на непроизводительные цели (покупку земли и пр.), оплату услуг иностранных специалистов и т. д. и 4,7 млрд. риалов — капиталовложения в различные отрасли хозяйства (3,2 млрд. риалов — на строительство железных и автомобильных дорог, 1 млрд. риалов — на развитие промышленности и 0,5 млрд. риалов — на инвестиции в остальные отрасли хозяйства). Экономическое строительство, потребовавшее огромных по иранским масштабам ассигнований, происходило почти полностью на базе использования внутренних источников, в которых преобладающее место занимали налоговые поступления, возросшие с 1928/29 по 1940/41 г. в номинальном выражении более чем в 7 раз. Незначительное сокращение удельного веса этих поступлений в доходах государства во второй половине 30-х годов (с 77% в 1928/29 г. до 65% в 1940/41 г.) объяснялось определенным ростом отчислений АИНК и увеличением иных неналоговых доходов²³⁷. Тем не менее, как подчеркивал Х. Пирния, государство все средства на осуществление планов экономического строительства и даже таких дорогостоящих проектов, как сооружение Трансиранской железной дороги, изыскивало за счет налоговых поступлений²³⁸.

Небывалый рост налоговых поступлений в 30-х годах был результатом прежде всего роста косвенного обложения путем быстрого увеличения значения фискальных монополий. Их число в 1936 г. достигло 20, среди них монополии на импорт сахара, хлопчатобумажных и шелковых тканей, автомашин, спичек, галантереи, консервов, экспорт хлопка, сухих фруктов, шерсти, ковров, кож, гуммидраганта, а также операции с другими предметами внешней торговли. Исключение составляла та-

бачная монополия, связанная преимущественно с внутренним рынком. Доля фискальных монополий в косвенном обложении (на него приходилось приблизительно 90% налоговых доходов) составляла в среднем около $\frac{2}{3}$ всех поступлений. Деятельность фискальных монополий настолько взвинтила цены на товары широкого потребления ²³⁹, что это привело, как отмечала 30 сентября 1941 г. газета «Эттелаат», к резкому сокращению покупательной способности трудящихся.

Усиление косвенного обложения проявлялось и в повышении ставок дорожного сбора, а также таможенных пошлин. Решающую роль здесь сыграло принятие в 1936 г. полностью автономного таможенного тарифа, введение которого сразу же вызвало рост поступлений от обложения предметов внешней торговли ²⁴⁰. В то же время в области внутреннего косвенного обложения наблюдалось повышение ставок старых акцизов и введение ряда новых, в частности на потребление нефтепродуктов.

Государство предприняло также шаги по реорганизации прямого обложения. В 1934 г. оно издало закон о подоходном налоге, который распространялся на различные слои населения городов. Этот закон в сравнении с действовавшим с марта 1930 г. законом о подоходном налоге ²⁴¹ понизил необлагаемый минимум с 5 тыс. до 2,4 тыс. риалов и повысил исходные ставки с 0,5 до 1%. В итоге поступления от сбора подоходного налога намного возросли и заняли ведущее место в прямом обложении. Так, с 16 млн. риалов в 1934/35 г. они увеличились до 230 млн. риалов в 1940/41 г., или приблизительно в 14,4 раза ²⁴². Таким образом, рост поступлений от сбора подоходного налога был результатом перенесения тяжести обложения на менее состоятельные слои населения. 15 декабря 1934 г. поземельный налог был аннулирован, а вместо него установлен акциз (со ставкой в размере 3% стоимости товара) на товарную продукцию сельского хозяйства ²⁴³. Экономическое содержание этой реформы сводилось к замене прямого обложения косвенным и свидетельствовало о серьезной уступке государства помещикам ²⁴⁴. На практике непосредственным следствием введения акциза на продукцию растениеводства и животноводства было возложение дополнительного бремени на крестьян.

В налоговой политике правительства в 30-х годах, как никогда ранее, проявилась классовая природа монархии Реза-шаха — государства полуфеодальных помещиков и компрадоров, вынужденных на известных условиях делиться частью своих привилегий с представителями национальной буржуазии. Это получило наглядное выражение — хотя и не в такой степени — и в деятельности государства во внешней торговле. В этой связи наиболее серьезное значение имело введение монополий на основные операции по экспорту и импорту и в значительной мере и по оптовым заготовкам и реализации продукции в стране. Объединенные в акционерные общества купцы (число ширкетов в 1939/40 г. достигло 1157 с капиталом 1013,7 млн. риалов²⁴⁵) через монополии захватили узловые позиции во внешней и внутренней торговле и обеспечивали себе достаточно стабильные и высокие прибыли. Увеличение роли монополий в экономической жизни страны постепенно привело к тому, что советско-иранские общества, внесшие немалый вклад в развитие иранского хозяйства, прекратили деятельность (за исключением общества по эксплуатации рыбных промыслов на Каспийском море).

Вместе с тем в создании монополий правительство видело важное средство укрепления экономического положения страны. Вследствие этого ряд монополий наряду с фискальными функциями имел протекционистские черты. Отдельные монополии занимались регулированием цен в стране и т. д., распространяли свой контроль на производство сахара и табачных изделий²⁴⁶.

Той же цели упрочения экономического положения страны служили и мероприятия правительства по валютному регулированию. Правда, проведение этих мероприятий отчасти вызывалось конъюнктурными соображениями, т. е. стремлением правительства преодолеть валютные затруднения, усилившиеся в 1935 г. в связи с новым падением цен на серебро на мировом рынке и непомерными затратами государства на модернизацию армии и экономическое строительство. Законы от 1 марта и 8 ноября 1936 г. запрещали без санкции правительства осуществление любых валютных сделок, причем размеры обязательной сдачи государству валютной выручки от экспорта возросли до 100%. Эти законы предусматривали не только установление контроля прави-

тельства над валютными операциями, но и централизацию их в дальнейшем в руках государства в лице Национального банка, на который возлагалась задача поддерживать в равновесии платежный баланс страны²⁴⁷.

В политике иранского правительства в области внешней торговли во второй половине 30-х годов находило яркое выражение стремление монархии Реза-шаха к сотрудничеству с империалистическими державами, и прежде всего с фашистской Германией. Используя это стремление монархии Реза-шаха и валютные затруднения иранского правительства, Германия, которая все более проявляла заинтересованность в укреплении своих политических и экономических позиций в стране, в 1935 г. добилась заключения с Ираном клирингового соглашения, послужившего базой для экономической экспансии немецких монополий в стране. В городах Ирана открыли отделения и агентства различные немецкие фирмы, в экономических и финансовых учреждениях возросло число прибывших из Германии советников и экспертов. В ходе осуществления клирингового соглашения удельный вес Германии во внешней торговле Ирана с 14% в 1935/36 г. увеличился до 39% в 1939/40 г. и 45,5% в 1940/41 г.²⁴⁸. Закупки немецкими монополиями сырья и продовольствия, необходимых Германии в развязанной ею второй мировой войне, достигли в 1939/40 — 1940/41 гг. такого размера, что их просто не успевали вывозить. Так, после вступления советских войск в Тебриз там были обнаружены крупные партии кож, шерсти и сухих фруктов, предназначенные для отправки в Германию²⁴⁹. К тому же следует отметить, что в стране в то время ощущалась нехватка продовольствия, а Германия в результате осуществления клирингового соглашения задолжала Ирану более 200 млн. риалов²⁵⁰.

Несмотря на быстрые темпы роста во второй половине 30-х годов удельного веса Германии во внешней торговле Ирана, Советский Союз вплоть до 1938/39 г. неизменно занимал первое место в экспорте и импорте страны. На СССР, который вел торговлю с Ираном сначала на базе договора 1931 г., а затем на базе договора 1935 г., предусматривавшего рост экономического сотрудничества между обеими странами, приходилось в среднем 34% общего оборота иранской внешней торговли. Однако в результате сближения Ирана накануне

второй мировой войны с фашистской Германией и окончания трехлетнего срока действия договора 1935 г. доля Советского Союза во внешней торговле страны упала до 11,5% в 1938/39 г. и 0,5% в 1939/40 г., т. е. практически оказалась равной нулю. И лишь после подписания в 1940 г. нового договора между обеими странами удельный вес СССР во внешней торговле Ирана поднялся до 11% ²⁵¹.

Вовлечение Ирана в орбиту влияния фашистской Германии сопровождалось сокращением темпов экономического строительства в стране, на что косвенно указывает падение импорта машин и оборудования. Их ввоз в количественном выражении с 13 тыс. т в 1937/38 г. понизился до 5 тыс. т в 1938/39 г. и 2 тыс. т в 1939/40 г., а в стоимостном выражении — соответственно с 97 млн. риалов до 41 млн. и 21 млн. риалов ²⁵². Активный баланс внешней торговли Ирана в 1939/40—1940/41 гг. в известной мере носил искусственный характер, ибо был следствием общего сокращения импорта, а также роста экспорта в Германию сырья и продовольствия в размерах, наносивших ущерб внутренним потребностям страны.

В финансовой жизни Ирана наблюдалось дальнейшее укрепление позиций государства. Это проявилось прежде всего в упрочении положения Национального банка. В 1935 г. правительство за счет золотого фонда государства увеличило уставный капитал банка до 300 млн. риалов (при оплаченном капитале в 226 млн. риалов). Наряду с эмиссионной деятельностью Национальный банк развернул операции по предоставлению кредитов правительству и его учреждениям, а также частным лицам и ширкетам, главным образом в области торговли ²⁵³. Увеличил объем операций и Сельскохозяйственный и промышленный банк. В 1939 г. для развития городского строительства государство открыло Ипотечный банк.

В 30-х годах государство провело ряд мероприятий по аграрному вопросу. 7 января 1934 г. меджлис одобрил закон, по которому правительству разрешалось в течение десяти лет реализовать все государственные имения, за исключением земель халесе Тегеранского округа, Миандооба, Систана, Белуджистана, Поштекуха, Лурестана, Бени-Торофа и Хендиджана, портов и побе-

режья, а также земель, отводившихся под опытные участки. Суммы, вырученные от продажи имений, предусматривалось израсходовать на интенсификацию помещичьих хозяйств, расширение возделывания товарных культур и т. д. Именья ценой ниже 10 тыс. риалов подлежали продаже за наличные, а свыше 10 тыс. риалов — в рассрочку не более чем на пять лет при условии, что по крайней мере четверть стоимости, если она составит не менее 10 тыс. риалов, будет уплачена наличными. Часть земель халесе названных районов намечалось реализовать в рассрочку или безвозмездно передать племенам в связи с переводом их на оседлость.

В условиях иранской действительности — при экономической немоги крестьян и произволе чиновников и помещиков — эффективность подобных мероприятий практически сводилась на нет. Примером тому может служить «распределение» имений халесе в Систане в 1932 и 1937 гг., когда разделенные земли оказались в конечном счете в руках прежних владельцев — ханов племен и помещиков, а также государственных чиновников²⁵⁴. В ноябре 1937 г. был принят закон о продаже в течение десяти лет земель халесе Тегеранского округа, за исключением опытных полей²⁵⁵. Именья ценой 50 тыс. риалов и ниже подлежали реализации только за наличные, а остальные — в рассрочку на пять лет при взносе наличными $\frac{1}{4}$ стоимости, но не менее 50 тыс. риалов. Таким образом, условия продажи земель халесе фактически были рассчитаны на приобретение их зажиточными слоями населения. В результате немало государственных имений, особенно в районах Азербайджана, Хорасана, Арака и Тегерана, перешло в руки помещиков²⁵⁶.

В целях стимулирования производства в деревне, серьезно пострадавшего в годы кризиса, закон от 7 января 1934 г. предусматривал выдачу ссуд Сельскохозяйственным и промышленным банком на выращивание чая, сахарной свеклы, фисташек, миндаля, кенафа и других технических и садовых культур, улучшение породы скота и состояния животноводства в целом, развитие оросительной системы и т. д. Кредиты выдавались только под обеспечение недвижимостью. В положении банка об условиях выдачи ссуд говорилось, что кредиты не должны превышать 30% стоимости закладываемой земли и что они предоставляются также хор-

демалекам и иным собственникам под залог зарегистрированного имущества, но в размере не более 10 тыс. риалов. Испрашивающие ссуды обязаны были также дать поручительство²⁵⁷. Последнее обстоятельство в связи с неустойчивым положением большинства хордемалеков, как правило, служило препятствием для получения ссуд.

В целях поощрения производства технических культур правительство выделяло крестьянам кредиты, создавало на землях халесе опытные участки, предпринимало попытки по внедрению передовой агротехники, строительству крупных ирригационных сооружений и т. д.

Наряду с этим правительство стимулировало объединение капиталов помещиков и купцов в акционерных обществах, занимавшихся преимущественно реализацией продукции растениеводства и животноводства. На Сельскохозяйственный и промышленный банк возлагалась организация ширкетов и финансирование их либо путем участия в обществах своим капиталом, либо путем выдачи им кредитов. Такая политика привела к известному росту ширкетов. Если в 1937 г. в Иране было 26 сельскохозяйственных обществ с капиталом 33,6 млн. риалов, то в 1941 г. — 32 с капиталом 94,5 млн. риалов²⁵⁸. Несмотря на относительно небольшой рост числа обществ, происходило их значительное укрепление за счет централизации капиталов, что привело к появлению ряда крупных ширкетов, которые монополизировали в отдельных районах реализацию продукции различных отраслей.

Вместе с тем правительство предприняло попытки добиться повышения выхода сельскохозяйственной продукции в рамках сохранения полуфеодальной базы иранской деревни. Однако эти усилия не дали ожидавшихся результатов. Главная причина этого состояла в том, что сохранение прежней системы аграрных отношений обеспечивало помещикам достаточно высокие доходы без сколько-нибудь значительных затрат. Крупные полуфеодальные помещики предпочитали жить в городах, довольствуясь получением ренты со своих имений, хотя в 30-х годах уже отчетливо выявилась неспособность полуфеодальных хозяйств удовлетворять нужды страны в продовольствии и сырье. Государство даже не пыталось затронуть интересы полуфеодальных помещиков, почти полностью игнорировавших потребности

производства в иранской деревне и тем самым во многом и в стране в целом. Более того, принятыми в сентябре и ноябре 1939 г. законами, изданными якобы в интересах крестьян, оно фактически закрепило господствующее положение полуфеодалных хозяйств в иранской деревне. Эти законы утверждали, в частности, сохранение издольной аренды в качестве основной формы землепользования. Правда, законы предусматривали разработку инструкций об упорядочении распределения урожая между помещиками и крестьянами²⁵⁹. Однако осуществление этого постановления, как и прочих решений, связанных с созданием «справедливых условий» для иранских крестьян, оставалось лишь пустой декларацией, призванной в какой-то мере ослабить недовольство трудящихся деревни. В целях усиления контроля над общественной жизнью деревни правительство предприняло шаги по укреплению положения сельской администрации, в том числе деревенских старост (кедхода). Закон от 11 декабря 1935 г. определял кедхода как представителя землевладельцев и ответственного за выполнение постановлений и инструкций правительства. Староста в государственных деревнях назначался местными финансовыми органами, в вакфных — попечителями имений или их представителями, в помещичьих — собственниками имений, а в селениях хордемалеков — «избирался» достойными, т. е. зажиточными, крестьянами.

Важной вехой в сельскохозяйственной политике монархии Реза-шаха была разработка пятилетнего плана (1940—1944) развития производства в деревне. План предусматривал осуществление широкой программы ирригационных работ и проведение других мероприятий с целью добиться увеличения производства основных культур: пшеницы и ячменя — на 500 тыс. т, хлопка — на 25 тыс., сахарной свеклы — на 120 тыс., кенафа — на 2 тыс. т и т. д.²⁶⁰ Однако в связи с началом второй мировой войны осуществление этого плана, которое частично началось в 1940 г., было приостановлено.

Таковы основные итоги экономического развития Ирана в 30-х годах. Эти итоги свидетельствуют о заметных успехах государства в экономическом развитии страны. Однако к концу 30-х годов довольно четко обозначилась тенденция к затуханию экономического строительства, чем Иран в немалой степени был обязан своему

сближению с фашистской Германией и сокращению экономических связей с Советским Союзом.

Тем не менее в середине 30-х годов монархия Реза-шаха еще поддерживала дружественные отношения с СССР. 16 октября 1935 г. вступил в силу договор о торговле и мореплавании между Ираном и СССР, заключенный на трехлетний срок. Договор предусматривал поставки Ираном традиционной сельскохозяйственной продукции и вывоз на ту же сумму из СССР товаров широкого потребления, оборудования для элеваторов, мельниц, электростанций и т. д. Договор облегчал транзит иранских товаров в страны Европы, а также подтверждал право иметь на Каспийском море корабли только под флагами СССР и Ирана²⁶¹. В тот же день меджлис ратифицировал соглашение об оказании Советским Союзом помощи Ирану в борьбе с сельскохозяйственными вредителями. В северных провинциях Ирана советские специалисты с помощью самолетов, снабженных ядохимикатами, организовали регулярную службу охраны посевов и садов от опустошительных налетов саранчи. Тем не менее Иран пошел на свертывание экономических связей с СССР, что было отражением роста антикоммунизма во внутренней и внешней политике и упрочения контактов с фашистской Германией.

После разрешения нефтяного конфликта 1932 — 1933 гг. отношения между Ираном и Англией заметно улучшились. Однако они оставались прохладными, ибо британская политика уже настолько скомпрометировала себя в глазах иранской общественности, что попытки к более тесному сотрудничеству неизбежно вызвали бы падение престижа правительства. Англия стала придерживаться политики «умиротворения» Реза-шаха, беря на себя «неприятную обязанность считаться с самолюбием иранцев и притворно платить дань духу национального возрождения Ирана»²⁶². Такая политика британского правительства давала возможность АИНК негласно укреплять свои позиции в Иране и расширять операции.

Позиции США в Иране были значительно слабее британских и германских, но их проникновение, как и Франции, встречало в целом благожелательное отношение иранского правительства. Резкие дипломатические выпады, которые в 30-х годах Иран иногда позволял

себе против США и Франции, не были выражениями протеста против политики этих держав, а следствием чисто субъективных причин — болезненно раздражительного отношения Реза-шаха к малейшей критике западной печати в его адрес или, например, по таким поводам, как нарушение дипломатического этикета или употребление в дипломатической корреспонденции названия «Персия» вместо принятого в 1935 г. названия «Иран» и т. д.

После установления фашистского режима в Германии активизировалась ее борьба за влияние в странах Ближнего и Среднего Востока. Богатые сырьевые и продовольственные ресурсы, выгодное стратегическое положение на подступах к южным границам СССР и зонам британского господства в Ираке и Индии обусловили особое внимание к Ирану гитлеровской Германии. Несмотря на обострение англо-германских противоречий, британское правительство не оказывало серьезного сопротивления экспансии немецких монополий в Иране, рассчитывая использовать Германию против Советского Союза, а также воспрепятствовать с ее помощью проникновению США в страны Ближнего и Среднего Востока.

В условиях напряженной международной обстановки, созданной агрессией фашистской Италии в Эфиопии (Абиссинии), гражданской войной в Испании, гонкой вооружений в странах Европы, возникновением империалистических коалиций, Иран по-прежнему придерживался политики лавирования между великими державами, отдавая явное предпочтение гитлеровской Германии в ущерб дружественным связям с Советским Союзом, по отношению к которому монархия Реза-шаха занимала все более неблагоприятную позицию.

Во второй половине 30-х годов заметно улучшились отношения Ирана с соседними странами — Афганистаном, Ираком и особенно с Турцией. Сам Реза-шах, если не считать его неодобрения политики турецких властей в отношении к духовенству, в целом сочувственно относился к реформам Мустафы Кемалья Ататюрка и отчасти подражал его методам управления. В мае 1934 г. состоялся визит Реза-шаха в Турцию, встретившего чрезвычайно теплый прием. Главы государств называли друг друга не иначе, как «мой брат». Этот визит положил начало заключению серии ирано-турецких договоров и кон-

венций, в том числе соглашений о «разрешении» курдской проблемы, о транзите, воздушном сообщении и т. д. Важное значение правительство Ирана придавало возможности транзита через Турцию своих товаров в целях расширения связей с западными державами, и особенно с Германией. Эта идея поддерживалась английской дипломатией. Не без содействия Турции укреплялись связи Ирана с Афганистаном. В 1934 г. при посредничестве Турции были урегулированы ирано-афганские взаимные претензии по поводу использования вод пограничной реки Гильменд. Оставались нерешенными ирано-иракские пограничные разногласия. Обе стороны не раз обращались с жалобами в Совет Лиги наций. Но и в этой затянувшейся тяжбе наметились определенные сдвиги, в значительной мере благодаря обращениям Мустафы Кемалю к правительствам Ирана и Ирака с призывом ускорить урегулирование спора с тем, чтобы «обсудить более крупную проблему региональной безопасности Среднего Востока».

4 июля 1937 г. между Ираном и Ираком был подписан договор о границе по Шатт-эль-Арабу, позволивший 18 июля заключить договор о дружбе, 24 июля — конвенцию о мирном разрешении разногласий и 7 декабря 1937 г. — конвенцию о пограничных комиссарах ²⁶³

В результате улучшения отношений между Ираном, Турцией, Афганистаном и Ираком складывались предпосылки для создания региональной политической группировки этих стран. Планы создания такой группировки встречали одобрение британской дипломатии, которая рассматривала ее как возможную антисоветскую коалицию. В то же время официальные круги Лондона рассчитывали укрепить влияние Англии в этих странах и использовать создаваемый союз в качестве орудия британской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Сами страны, готовившие региональный пакт, имели общее стремление упрочить свое положение на мировой арене и обезопасить свои границы в чреватой военными конфликтами международной обстановке, в условиях падения престижа Лиги наций. В сентябре 1935 г. состоялись переговоры о заключении регионального пакта между министрами иностранных дел Ирана, Турции и Ирака. Они выработали проект договора, к которому в ноябре 1935 г. присоединился и Афганистан. Ухудшение международ-

ной обстановки в связи с агрессией Италии в Эфиопии и гражданской войной в Испании ускорило заключение пакта. 8 июля 1937 г. министры иностранных дел Ирана, Турции, Ирака и Афганистана в Саадабадском дворце, летней резиденции Реза-шаха под Тегераном, подписали четырехстороннее соглашение, получившее название Саадабадского пакта. Участники пакта обязывались взаимно воздерживаться от вмешательства во внутренние дела стран — членов союза, уважать неприкосновенность общих границ, консультироваться по всем международным вопросам, касающимся совместных интересов. Тогда же в Тегеране состоялась первая и последняя сессия Постоянного совета, который должен был собираться не менее одного раза в год. Способствуя временному укреплению связей между участниками четырехстороннего соглашения, Саадабадский пакт в сложной и напряженной международной обстановке конца 30-х годов не играл сколько-нибудь серьезной роли в силу все более усугублявшегося различия внешнеполитических позиций стран — его членов.

Параллельно со сколачиванием Саадабадского пакта происходило укрепление германо-иранских отношений. Расширялись личные контакты между правительствами обеих стран. Начало было положено визитом в Иран в 1936 г. министра экономики Германии Яльмара Шахта, возглавлявшего экономическую делегацию. С ответной миссией в Берлине побывал председатель меджлиса Хасан Эсфендиари, имевший встречи с Гитлером. Профашистской ориентации придерживалось склонное к военным авантюрам влиятельное иранское офицерство, часть помещиков и торгово-промышленных кругов, связанных с немецкими монополиями. Сотни гитлеровских агентов рассеялись по стране под видом различных специалистов, коммерсантов, туристов и т. п. Их деятельность направляли Радович, Майер, Гамотта и другие опытные разведчики, выдававшие себя за представителей германских фирм и связанные с разведцентром в Анкаре во главе с Папеном. Используя связи с профашистскими элементами в меджлисе, государственном аппарате, армии и в деловых кругах, гитлеровская агентура не только занималась сбором информации, но и оказывала влияние на политику правительства. Приспосабливаясь к официальной доктрине правящих кругов Ирана, фашист-

окая пропаганда встречала у них благосклонный прием. Декрет рейха, изданный в 1936 г., признавал иранцев чистыми арийцами. С кафедры Тегеранского университета гитлеровские профессора читали лекции по расовой теории, призывали крепить духовное родство между нордической и иранской группами арийцев. Библиотеки Ирана получали в дар из Германии пропагандистскую литературу. Германское посольство в Тегеране бесплатно распространяло специальные бюллетени на фарси, устраивало просмотры пропагандистских фильмов, помещало в иранской прессе материалы о военной мощи Германии, речи нацистских лидеров и т. п. Делались попытки сплотить профашистские элементы и вовлечь иранских учащихся в фашистское движение. В 1937 г. Иран посетил руководитель гитлеровской молодежной организации Бальдур фон Ширах, которому власти предоставили возможность выступать с речами среди учащихся. Однако попытки создать в Иране фашистскую организацию оказались малоуспешными. Была основана лишь небольшая группа иранского фюрера Сейфа Азада, редактора выходявшего под знаком свастики журнала «Иран-е бастан». Журнал призывал к созданию «великой иранской империи», постоянно упоминал о «расовом единстве иранского и германского народов» и «бескорыстии немецкой политики в Иране», требовал очистить иранскую почву от марксистских идей и «чужеродных элементов», «отдавать предпочтение персам в национальных и торговых делах». Журнал предлагал всем жителям приветствовать друг друга словами «Зенде бад шах» («Да здравствует шах»), что вполне соответствовало принятому в Германии «Хайль Гитлер»²⁶⁴. Однако журнал почти не имел подписчиков и существовал лишь благодаря материальной поддержке германских монополий. По мнению газеты «Морнинг Пост» от 18 октября 1935 г., журнал почти целиком составлялся и печатался в Германии²⁶⁵.

Попытки к укреплению позиций в Иране предприняли во второй половине 30-х годов и США. Уступая нажиму США, правительство Реза-шаха в 1937 г. предоставило американским монополиям право на разведку и разработку нефти в Хорасане и Горгане. В 1939 г. меджлис утвердил концессию на разведку и эксплуатацию полезных ископаемых в ряде районов Северного и Юж-

ного Ирана дочерней компании англо-голландского концерна «Ройял Датч — Шелл». Первые две концессии были аннулированы вследствие решительных протестов СССР, основанных на обязательствах, принятых Ираном по договорам 1921 и 1927 гг., а третья концессия не была реализована в связи с началом второй мировой войны²⁶⁶.

В то же время монархия Реза-шаха, как уже отмечалось выше, взяла курс на свертывание отношений с СССР. В июле 1938 г. она отказалась продлить ирано-советский торговый договор, что привело к резкому сокращению товарообмена с Советским Союзом. Вместе с тем в Иране развернулась разнузданная антисоветская пропаганда, что создавало серьезные помехи для нормальной деятельности советских представителей в стране. Советское правительство в таких условиях резко сократило сеть своих консульств в Иране и потребовало от правительства Реза-шаха закрытия иранских консульств на территории СССР.

Сближение с фашистской Германией все более отчетливо проявлялось в общественной жизни Ирана. Как неизбежное следствие усиления влияния офицерства и создания разветвленного бюрократического аппарата сгущалась атмосфера казенщины и военно-полицейского гнета, замораживавшая общественную инициативу. Жесточайший контроль, установленный над прессой, лишил ее остатков призрачной независимости. Распространение информации и материалов для печати было возложено на правительственное агентство «Парс», открытое в 1934 г. Газеты превращались в рупор официальной идеологии паниризма, культа шаха и армии. Число изданий намного сократилось. Если в первые годы монархии Реза-шаха в стране выходило 100—150 газет и журналов, то к 1940 г. их число уменьшилось до 50²⁶⁷.

Усиление режима диктатуры свело к нулю влияние меджлиса на общественную жизнь страны. Оппозиция в парламенте фактически отсутствовала. Фракции полностью восприняли платформу правительства. Меджлис превратился по сути дела в один из отделов канцелярии шаха, предназначенный формально утверждать его единоличные решения. Отошли в прошлое жаркие и длительные споры депутатов, поскольку шах не любил и презирал их «пустозвонство». Меджлис X созыва, собравшийся в июне 1935 г., заявил в своей декларации,

что он согласно пожеланиям шаха будет работать, «избегая лишних словопрений», под девизом «дело и активность»²⁶⁸. Меджлис, как и прежде, состоял в значительной части из представителей крупных помещиков и буржуазии, хотя соотношение между этими группировками заметно изменилось. Анализ социального состава меджлиса, содержащийся в статье иранского автора Зохра Ходжи²⁶⁹, показывает, что с 1926 по 1940 г. (в период «деятельности» меджлисов VI—XIII созывов) удельный вес депутатов-помещиков возрос с 52 до 57,14%, а представителей торгово-предпринимательских кругов с 7,2 до 17,91%. Увеличение произошло главным образом за счет вытеснения депутатов-клерикалов, доля которых сократилась с 23,2 до 5,97%²⁷⁰.

В гнетущей обстановке военно-полицейской диктатуры увеличивался разброд среди либеральных кругов, демократически настроенной интеллигенции и средних слоев. Часть их отказалась от своих убеждений и восприняла официальную идеологию. Признавая режим диктатуры необходимым и неизбежным, они выдвигали лозунг «национализм без либерализма»²⁷¹. Многие представители либеральной буржуазии всецело посвящали себя научно-просветительской деятельности или становились безучастными ко всему чиновниками департаментов.

В 1932 г. шах вернулся к планам создания сильной партии, способной стать опорой режима и глашатаем реформ. В октябре он обратился к депутатам меджлиса с предложением сформировать партию «из убежденных националистов». В печати пропагандировалось, что «отныне проведение реформ будет опираться на общественную мысль и долгом каждого гражданина является участие в общественных делах»²⁷². В условиях диктатуры подобное заявление было чистой демагогией. Кампания, начатая за создание необходимой режиму партии, не имела успеха и вскоре заглохла. Между тем меджлис, безоговорочно поддерживая шаха, уже сам по себе представлял своего рода правительственную «партию большинства». Реза-шах перед роспуском меджлиса X созыва заявил об удовлетворении его работой и особенно тем, что «депутаты смогли избежать бесполезных словопрений и обструкций правительству, неизбежных в парламентах других стран»²⁷³. Реза-шах постепенно перестал считаться не только с меджлисом, но и с кабинетом ми-

нистов. Он становился все более нетерпимым к советам и подозрительным по отношению к способным политическим деятелям из своего окружения. Реза-шах постепенно избавился от прежних соратников по проведению реформ, хотя успехи преобразований конца 20-х—начала 30-х годов в значительной степени были связаны с деятельностью нескольких талантливых и образованных приближенных шаха — Теймурташа, Давера, Фируза Мирзы, Тадайона. Они разрабатывали и осуществляли реформы, во многом отвечавшие национальным интересам страны. Первой жертвой был министр финансов Фируз Мирза, руководивший перестройкой финансовой системы, один из подлинных учредителей Национального банка. В 1929 г. Фируз Мирза был отдан под суд по обвинению во взяточничестве. По тому же обвинению в 1929 г. был арестован министр юстиции Тадайон. В октябре 1933 г. опала постигла Теймурташа, занимавшего пост министра двора со дня основания династии Пехлеви и оказывавшего серьезное влияние на внешнюю политику государства. Официальная пресса обвинила Теймурташа в попытках сорвать переговоры с Англией в 1933 г. по вопросу о нефти путем предъявления «чрезмерных» требований АИНК, а также в симпатиях к Советскому Союзу. Теймурташ был отдан под суд и вскоре умер в тюрьме «от сердечного приступа»²⁷⁴. В октябре 1934 г. в тюремной больнице умер военный министр Джафар Кули Сардар Асад, оказавший монархии в 20-х годах большие услуги в умиротворении племен. В 1936 г. покончил с собой Али Акбар Давер, занимавший последовательно посты министра юстиции, просвещения, финансов, общественных работ. Под его руководством осуществлялась реорганизация системы юстиции, просвещения и многие административные реформы. Заслуги этих способных государственных деятелей из окружения шаха всячески замалчивались и приписывались ему самому. К концу 30-х годов культ шаха достиг небывалых масштабов. Газеты изощрались в славословии, называя шаха «преемником великого Дария», «величайшим реформатором и мыслителем», «создателем величия и славы Ирана». В распространении культа шаха и идеологии крайнего национализма серьезную роль играло созданное в 1937 г. Общество по воспитанию общественной мысли. Определяя задачи этого общества,

министр юстиции Дафтари указывал, что оно должно бороться за «идейное единство и укрепление национального духа иранского общества». Лозунгами общества были «вера в бога, любовь к шаху и патриотизм»²⁷⁵.

В условиях усиления режима диктатуры, роста репрессий и контроля над общественной жизнью ИКП, поставленная вне закона, не прекращала борьбы. В 1934 г. в Иране была восстановлена организация партии. Воссоздание организации ИКП в Иране тесно связано с тем, что в годы мирового экономического кризиса на родину вернулась группа обучавшейся или работавшей за границей молодежи, получившей в Европе революционную закалку, познакомившейся с идеями марксизма-ленинизма, тактикой и методами борьбы рабочего класса. Среди них был и доктор Таги Эрани, выдающийся иранский ученый-марксист и общественный деятель²⁷⁶.

По возвращении в Иран в 1930 г. Эрани работал на химическом предприятии военного министерства, затем преподавателем в системе просвещения, а с 1936 г. занимал должность начальника учебного отдела министерства промышленности. Наряду с научно-педагогической работой Эрани развернул широкую общественно-политическую и партийную деятельность. В начале 1934 г. по его инициативе был основан легальный ежемесячный журнал «Донья» («Мир»), фактически ставший теоретическим органом ИКП. На его страницах печатались статьи философского, общественно-политического, экономического и общепросветительского характера, разоблачались расизм и фашизм, буржуазная идеология, рассказывалось об успехах Советского Союза, его миролюбивой внешней политике. Важную роль играли публиковавшиеся в журнале философские произведения Эрани по различным вопросам диалектического и исторического материализма, призывавшие к творческому применению марксизма-ленинизма в Иране²⁷⁷. Однако уже в середине 1935 г. журнал был запрещен властями. Но и за этот короткий период журнал «Донья» сыграл значительную роль в распространении революционной мысли в иранском обществе²⁷⁸.

В соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.), которые «устраняли препятствия на пути к установлению единого фронта — антифашистского на Западе и антиимпериалистического

на Востоке»²⁷⁹, ИКП распространяла листовки и воззвания, призывавшие к слиянию «всех патриотов» в борьбе против иностранных монополий и внутренней реакции²⁸⁰.

В 1934—1937 гг. ИКП, невзирая на продолжавшиеся репрессии, удалось развернуть работу среди молодежи, в основном среди учащихся тегеранских вузов, школ и училищ. Главная роль в этом принадлежала самому Эрани, который был непосредственно связан с учебными заведениями и пользовался у молодежи авторитетом. Среди учащихся были созданы подпольные группы и кружки, где обсуждались острые проблемы внутреннего и международного положения, вопросы философии, литературы, искусства. В 1934—1937 гг. были организованы выступления студентов учебных заведений Тегерана²⁸¹.

ИКП, однако, не удалось развернуть сколько-нибудь широкую деятельность среди рабочих. Это объяснялось как слабостью партии, так и трудностями, вызванными, с одной стороны, жесткими условиями полицейского режима, а с другой — снижением безработицы в связи с промышленным и дорожным строительством. Известную роль сыграло и издание в августе 1936 г. закона об условиях основания фабрично-заводских предприятий. Закон предусматривал улучшение условий труда рабочих, но предприниматели, как правило, саботировали его выполнение. Осуществление закона фактически свелось к запрещению забастовок и профсоюзов.

Тем не менее в 1936—1937 гг. наблюдалось оживление деятельности среди рабочих Трансиранской железной дороги. В Мазендеране был создан нелегальный профсоюз²⁸².

В апреле 1937 г. были взяты под стражу руководители ИКП — Эрани, Камбахш, Ирадж Эскандери и др. Последовали повальные аресты. В тюрьму были брошены руководители профсоюза Мазендерана. В ноябре 1938 г. власти организовали «процесс 53-х» — официальную инсценировку «разоблачения коммунистического заговора» в целях дальнейшего наступления на демократические права трудящихся и укрепления режима диктатуры. Суд проходил при закрытых дверях. Зал суда был заполнен полицейскими. Во время процесса толпы народа окружили здание суда, чтобы выразить протест против затеянной расправы. С пламенной речью на про-

цессе выступил Таги Эрани. Его речь, продолжавшаяся несколько часов, была суровым обвинением режиму диктатуры. На конкретных и глубоко аргументированных фактах Эрани разоблачал внутренний и внешнеполитический курс правительства Реза-шаха. Речь Таги Эрани, которая была блестящей защитой идеи марксизма-ленинизма, прав иранского народа на построение демократического общества, получила огромный резонанс в стране. Власти жестоко расправились с патриотами, осудив их на различные сроки заключения: десять человек, в том числе и Эрани, были приговорены к десяти годам одиночного заключения. В январе 1940 г. Таги Эрани умер в тюрьме от тифа²⁸³.

ИКП в период монархии Реза-шаха приходилось вести работу в трудной обстановке подавления демократических свобод. Это требовало мужества и опыта конспиративной работы. Несмотря на то что в условиях диктатуры Реза-шаха ИКП не стала массовой общественной организацией, несмотря на серьезные недостатки в ее работе, она внесла значительный вклад в демократическую борьбу иранского народа. Деятельность ИКП и революционная закалка ее кадров послужили предпосылками создания Народной партии Ирана, сыгравшей в последующий период важную роль в освободительном и демократическом движении иранского народа.

Во второй половине 30-х годов, в обстановке роста антидемократических тенденций во внутренней и внешней политике монархии Реза-шаха, наблюдался спад буржуазных преобразований, наиболее способные сторонники которых постепенно сходили со сцены. Преобразования продолжались, но они, как правило, почти не содержали нового. Одной из последних крупных реформ была реорганизация административного устройства Ирана. В 1938 г. страну поделили на десять оstanов (провинций), а их, в свою очередь, на шахрестаны (области), бахши (округа, уезды) и дехистаны (сельские районы, волости). Эта перестройка, направленная на укрепление централизации страны, преследовала и националистические цели. Прежние названия административных единиц, отражавшие имена обитавших там народов, были заменены нумеративными названиями. Чтобы воспрепятствовать консолидации национальных меньшинств, новое административное устройство вводилось в нарушение

Сложившихся экономических связей, этнических и языковых общностей. Иранский Азербайджан, например, был поделен на два остана, причем в один из них были включены курды округа Мехабад, отделенные от остального Курдистана.

Затухание социально-экономических преобразований было обусловлено и ростом расходов на военно-полицейские цели. В 1940 г. они составили 40% бюджетных затрат, не считая скрытых ассигнований на армию. За вооруженными силами была зарезервирована часть валютных поступлений от АИНК, которые хранились на счету английских банков и не включались в государственный бюджет. Была создана огромная по масштабам Ирана армия, насчитывавшая 150 тыс. солдат и офицеров, что намного превышало потребности в вооруженных силах, необходимых для поддержания внутреннего порядка. Иран стал обладателем небольшого военно-морского флота, базировавшегося в портах Персидского залива. Флот состоял из двух эсминцев и нескольких канонерок, построенных для Ирана на верфях Италии. К 1940 г. в вооруженных силах Ирана имелось около ста самолетов, подразделения бронемашин и танков. Был создан самолетосборочный завод, открыто несколько летных училищ²⁸⁴. Военизацию Ирана поощряли как страны фашистского блока, так и соперничавшая с ними группировка империалистических держав, каждая из которых надеялась использовать его в своих целях.

Правящим кругам Ирана режим диктатуры, опиравшийся на сильную армию и централизованный бюрократический аппарат, казался незыблемым. Однако такое впечатление было весьма обманчивым. Это стало совершенно очевидным в сентябре 1941 г. Государства антифашистской коалиции с целью пресечь диверсионную и иную подрывную деятельность гитлеровской агентуры в Иране, проводившуюся при явном попустительстве властей, в августе 1941 г. ввели войска в Иран. В стране поднялась волна демократического движения. Реза-шах отрекся от престола, что свидетельствовало о крахе его политики. Происшедшие события лишний раз подтвердили как несостоятельность режима, так и ненадежность его военно-полицейской опоры, создание и содержание которой так дорого обошлось стране.

¹ О влиянии этого процесса на традиционные структуры стран Азии, главным образом страны ЮВА, см.: Н. А. Симония, Торгово-ростовщический капитал в Азии, М., 1973.

² Проблема взаимодействия в системе единого мирового хозяйства «передовых» и «отсталых» стран, выявление основных закономерностей этого процесса на различных ступенях исторической эволюции, а также социально-экономических и политических последствий названного процесса для зависимых стран с каждым годом все более привлекает внимание советских ученых. Важным шагом в устранении «белых пятен» в исследовании перечисленных вопросов является выход в свет подготовленной ИМЭМО коллективной монографии («Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», М., 1974), в которой (во многом в общей, теоретической форме) в применении к странам «третьего мира» в целом освещаются основные аспекты названных вопросов, поднятых советскими востоковедами еще в 20-х годах.

³ В. И. Ленин, О лозунге Соединенных Штатов Европы, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 352.

⁴ В. И. Ленин, Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г., — Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 7.

⁵ В классической колониальной стране Индии наряду с установлением довольно твердой центральной власти и строительством весьма широкой сети коммуникаций (т. е. с созданием важных предпосылок для капиталистического предпринимательства) администрация с переходом Англии в 70-х годах на стадию империализма в целях главным образом более интенсивной эксплуатации богатств и населения страны осуществила мероприятия, поощрявшие развитие в промышленности и ряде иных отраслей материального производства английского и отчасти местного предпринимательства (А. И. Левковский, Особенности развития капитализма в Индии, М., 1963, стр. 44—46). Невзирая на ограниченный характер этих мероприятий (инвестиции преимущественно в экспортные отрасли), дискриминационные акции в отношении национального предпринимательства и т. д., названные мероприятия, давая толчок предпринимательству вообще и тем самым ускоряя эволюцию индийской буржуазии, объективно способствовали укреплению позиций местной буржуазии в фабрично-заводской промышленности. Так или иначе, но капиталистическое предпринимательство в промышленности охватило как экспортные отрасли, так и отрасли, работающие на внутренний рынок. При этом инвестиции индийской буржуазии в промышленность к концу первой мировой войны уже превышали британские капиталовложения (Г. К. Широков, Индустриализация Индии, М., 1971, стр. 18—21).

⁶ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана (20—30-е годы), М., 1968, стр. 81.

⁷ Л. Ф. Тигранов, Из общественно-экономических отношений в Персии, Тифлис, 1905, стр. 56.

⁸ Ф. Энгельс, Внешняя политика русского царизма, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 33.

⁹ Таково было, например, заключенное Ираном с Россией в 1903 таможенное соглашение, предусматривавшее, в частности,

сокращение пошлин на импортные товары. Это соглашение, распространенное и на торговлю Ирана с другими государствами, стало «новым препятствием для развития промышленности страны» [«Тридцатилетняя история Национального банка Ирана, 1307—1337, Тегеран, 1959, стр. 60 (на перс. яз.)].

¹⁰ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 9—15, 57.

¹¹ М. С. Иванов, Рабочий класс современного Ирана, М., 1969, стр. 51.

¹² З. З. Абдуллаев, Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX — начале XX в., Баку, 1963, стр. 122—181.

¹³ G. Bharier, Economic Development in Iran, 1900—1970, London, 1971, стр. 170—171; М. К. Fateh, The Economic Position of Persia, London, 1925, стр. 49.

¹⁴ Ирандуст, Персия, М., 1928, стр. 33.

¹⁵ В 20-х годах в Иране были реконструированы две старые и вступили в строй пять новых текстильных фабрик (М. М. Раби-заде, Развитие капиталистического предпринимательства в промышленности Ирана в 30-х годах XX века, Баку, 1970, стр. 29).

¹⁶ H. Diourabtchi, La structure économique de l'Iran, Geneva, 1955, стр. 70.

¹⁷ G. Bharier, Economic Development in Iran..., стр. 34, 59.

¹⁸ Н. Н. Бобынин, Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля, 1901—1923, Тифлис, 1923, стр. 234, 236, 239—242.

¹⁹ A. C. Millspaugh, American Task in Persia, Washington, 1946, стр. 251.

²⁰ Реза-заде Шафак, Экономический трактат, Тегеран, 1922, стр. 22—29, 34 (на перс. яз.).

²¹ М. Сенджаби, Персидский торговый капитал и персидское купечество,—«Торговля России с Востоком», 1927, № 11—12, стр. 6—7.

²² С. Л. Агаев, Иран в период политического кризиса 1920—1925 гг. М., 1970, стр. 24—25; Ирандуст, Смена режима в Персии,—«Международная жизнь», М., 1926, № 2, стр. 15.

²³ Б. З. Шумяцкий, На посту советской дипломатии, М., 1960, стр. 17.

²⁴ Под полуфеодальным товарным хозяйством, постепенно заменявшим в иранской деревне феодальное натуральное хозяйство, подразумевается государственное или помещичье хозяйство, непосредственно или в конечном счете в более или менее значительной степени поставлявшее продукцию на капиталистический рынок, но использовавшее преимущественно прежние феодальные формы эксплуатации крестьян, сочетавшее экономические и внеэкономические методы принуждения трудящихся деревни. По словам А. З. Арабаджяна, эту двойственность экономической природы полуфеодального хозяйства не следует понимать как «половина на половину», так как «определяющим является не обмен, а производство» [А. З. Арабаджян, Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики (автореферат), М., 1952, стр. 10].

²⁵ В. Тардов, Из истории землевладения и земельной ренты в Иране, — «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 62.

²⁶ Л. С. Фришман, Изменения в аграрных отношениях Ирана в конце XIX — начале XX в., — «Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», т. XXXIX, Алма-Ата, 1959, вып. 5, стр. 89.

²⁷ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 42.

²⁸ М. Павлович, Экономическое развитие и аграрный вопрос в Персии XX века, М., 1921, стр. 20.

²⁹ О развитии этого процесса, в частности в Исфахане, см.: В. Тардов, Основные черты земледелия и аграрных отношений в Центральной Персии, — «Новый Восток», 1930, № 28, стр. 70—71.

³⁰ Ирандуст, Заметки о смене режима в Персии, — «Новый Восток», 1926, № 15, стр. 37.

³¹ М. Сенджаби, Персидский торговый капитал и персидское кучество, стр. 7.

³² В. Тардов, Основные черты производственных отношений у ауло-кочевых племен Персии, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933, № 3(9), стр. 161—163; «Сборник консульских докладов (Южная Персия)», М., 1933, стр. 64.

³³ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 57.

³⁴ Полуфеодальные хозяйства в иранской деревне, где отработочная рента не получила сколько-нибудь заметного распространения, велись преимущественно на базе издольной аренды, присущей сельскому хозяйству Ирана и других стран Азии.

³⁵ А. Д. Новичев, Крестьянство в Турции в новейшее время, М., 1959, стр. 161—162.

³⁶ Экономическую и социальную характеристику компрадорских слоев иранской буржуазии в рассматриваемый период см.: А. З. Арабаджян, Социально-экономические корни..., стр. 11—13.

³⁷ Подробнее см.: Ирандуст, Вопросы Гилянской революции, — «Историк-марксист», 1927, т. 5, стр. 124—146.

³⁸ В результате этого переворота, опираясь на поддержку офицеров казачьей дивизии во главе с Реза-ханом, премьер-министром стал Сеид Зия од-Дин. В условиях усиления в Иране антибританских настроений новое правительство, хотя его глава славился проанглийскими взглядами, сразу же после прихода к власти объявило о предстоящем расторжении кабального англо-иранского соглашения, заключенного 9 августа 1919 г. В Москве 26 февраля 1921 г. после советско-иранских переговоров, которые велись с ноября 1920 г., был подписан дружественный договор между РСФСР и Ираном. Тем не менее проанглийские симпатии Сеид Зия од-Дина вызвали серьезные разногласия между ним и отличавшимся резко выраженными националистическими настроениями Реза-ханом — командиром казачьей дивизии и военным министром. Реза-хан, сосредоточив реальную власть и используя недовольство проанглийскими взглядами Сеид Зия од-Дина со стороны самых широких слоев населения, добился его смещения. Сохраняя в последующих кабинетах пост военного министра и пользуясь решающим влиянием в правительстве, Реза-хан 29 октября 1923 г. стал премьер-министром. Упрочив свое положение, он предпринял решительные и жесткие шаги по разгрому демократического движения. В то же время Реза-хан приступил к осуществлению ряда важных и

объективно необходимых мероприятий в интересах буржуазного развития страны (централизация государства, дорожное строительство и т. д.). В сложившейся в рассматриваемый период социально-экономической обстановке эти мероприятия отвечали интересам прежде всего торгового капитала и способствовали утверждению его у кормила власти. В связи со всем этим приход к власти в 1921 г. Реза-хана — будущего родоначальника династии Пехлеви — в Иране официально отождествляется (во многом не без основания) с установлением в стране новой династии. К тому же со времени революции 1905—1911 династия Каджаров фактически лишь формально возглавляла государство.

³⁹ А. З. Арабаджян, Социально-экономические корни..., стр. 15.

⁴⁰ Мальком-хан, выступая против произвола чиновников, наследственных феодальных привилегий, системы откупов, за установление буржуазных свобод, против предоставления концессий иностранному капиталу и т. д., начал «с апелляции к мудрости и справедливости шаха», но затем пришел «к мысли о возможности использовать народные массы в своей борьбе». Однако при этом Мальком-хан совершенно исключал необходимость активного сопротивления. Так, на страницах газеты «Канун» он, призывая отказываться «платить налоги государству, не имеющему законов», проповедовал, что «никакое сопротивление народных масс в случае, если шахское правительство прибегнет к силе для сбора налогов, абсолютно недопустимо» (С. С. Сарычев, Из истории зарождения буржуазной идеологии в Иране в последней четверти XIX в., — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1963, 73, стр. 53—55).

⁴¹ С. Л. Агаев, II съезд РСДРП и важность опыта ленинской партии для мирового революционного движения, — «Рабочий класс и современный мир», 1973, № 4, стр. 23—24.

⁴² М. С. Иванов, Рабочий класс современного Ирана, стр. 199.

⁴³ Ирандуст, Классы и партии современной Персии, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 2, стр. 86.

⁴⁴ С. Л. Агаев, II съезд РСДРП..., стр. 24.

⁴⁵ М. Павлович, С. Иранский, Персия в борьбе за независимость, М., 1926, стр. 29.

⁴⁶ Атрпет, Мамед Али-шах, Народное движение в Крае Льва и Солнца, Александрополь, 1909, стр. 43.

⁴⁷ Ирандуст, Заметки о смене режима в Персии, стр. 61.

⁴⁸ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, М., 1956, стр. 31.

⁴⁹ Первым из советских авторов, который дал, на наш взгляд, в принципе верную и достаточно четкую оценку социальной подоплеке установления в Иране монархии Пехлеви, был В. П. Осетров (Ирандуст). Он показал, что монархия Пехлеви была плодом усилившейся в конце XIX — начале XX в. борьбы между феодальными и буржуазными элементами (в лице торгового капитала) иранского общества, борьбы, протекавшей в тесной связи и зависимости с социально-экономическими и политическими изменениями на внутренней и международной арене. В. П. Осетров писал: «В то время как Каджарская династия и в XIX в., когда она была формально абсолютной, и в XX в., когда она стала конституционной, являлась по существу феодальной системой, монархия

Пехлеви по своему происхождению и содержанию является отрицанием этой системы и вышла на политическую арену в результате борьбы с последней» (Иран dust, Смена режима в Персии, стр. 3).

⁵⁰ В 1908 г. В. И. Ленин писал: «Понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии)» (В. И. Ленин, К оценке русской революции,— Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 44).

⁵¹ Не меняет дела и компромисс, на который полуфеодалные помещики и купцы пошли с представителями феодальных кругов под воздействием роста демократического движения. Во-первых, противоречия между этими слоями иранского общества не носили еще антагонистического характера, ибо в их основе лежало прежде всего не развитие капиталистического способа производства, а процесс приспособления феодального способа производства к новым экономическим условиям. Во-вторых, экономическое развитие Ирана в этих условиях неизбежно сопрождалось по мере вовлечения отдельных районов в орбиту товарного хозяйства известным переустройством феодальных имений, что волей-неволей вызывало определенную перемену во взглядах феодальных собственников на роль государства, призванного защитить их торговые интересы, приводило к сближению позиций феодальных и полуфеодальных элементов иранского общества. Такова была социально-экономическая основа компромисса. Но главную роль в заключении негласного соглашения между феодальными и полуфеодальными элементами иранского общества сыграли политические факторы, и прежде всего рост демократического и освободительного движения.

⁵² «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 11—13, 34—35, 91—93.

⁵³ «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958, стр. 198—200.

⁵⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 92.

⁵⁵ Л. И. Ми ро ш н и к о в, Советский Союз и страны Центральной Азии: к вопросу об основах внешнеполитических отношений, М., 1972, стр. 4—5.

⁵⁶ Там же, стр. 11.

⁵⁷ «Иран сегодня». Информационный бюллетень МИД Ирана (на русск. яз.), Тегеран, 1969 (январь), стр. 14.

⁵⁸ С. Л. А г а е в, Иран в период политического кризиса, стр. 60.

⁵⁹ «Документы внешней политики СССР», т. III, М., 1959, стр. 536—548. Газета «Кейхан» 27 февраля 1971 г. в редакционной статье, посвященной 50-й годовщине заключения советско-иранского договора, писала: «Безусловное уважение суверенитета и не ограниченной никакими условиями независимости обоих государств составило абсолютно четкую основу этого договора. В те дни империалистической колониальной политики, тайной дипломатии и интриг появился но-

вый дух в международных отношениях». Заключение договора 1921 г., отмечалось также, «первый случай, когда новые идеи Ленина были претворены в жизнь в области международных связей... Договор покоится на принципах, которые впоследствии легли в основу Устава ООН». Проложив «путь к ликвидации капиталистического режима в Иране», договор создал благоприятные предпосылки к тому, что «Ирану, опираясь на этот договор, удалось обрубить корни империалистического влияния в стране».

⁶⁰ W. S. Haas, Iran, New York, 1946, стр. 152; «Шефаг-е сорх», 25.V.1927.

⁶¹ По словам В. П. Осетрова, Модаррес был «несомненно крупной политической фигурой» того времени. «Выдающийся оратор и демагог», он пользовался серьезным влиянием в среде реакционного духовенства, для которого был «оракулом», а также в темных низах базара, на фанатизме которого умело играл (Ирандуст, Персия, М., 1928, стр. 80).

⁶² О. С. Меликов, Установление диктатуры Реза-шаха в Иране, М., 1961, стр. 70; Ирандуст, Персия, стр. 79—81.

⁶³ «Иран-е джаван», 15.II.1927; С. Л. Агаев, Иран: внешняя политика и проблемы независимости (1925—1941), М., 1971, стр. 21.

⁶⁴ Ирандуст, Персия, стр. 87—88; «Шефаг», 25.IX.1927.

⁶⁵ «Иран-е джаван», 19.IX.1927.

⁶⁶ С. Л. Агаев, Иран: внешняя политика и проблемы независимости (1925—1941), стр. 20. Левая фракция в Учредительном собрании во главе с Сулейманом-мирзой, «хотя и не в прямой форме», высказалась «за пожизненную монархию» (В. А. Гурко-Кряжин, Размышления о перевороте в Персии,— «Новый Восток», 1926, № 15, стр. 3).

⁶⁷ А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение в Иране в 1906—1953 гг. (автореферат), Баку, 1967, стр. 49.

⁶⁸ «Документы. Два документа, принятых II съездом Коммунистической партии Ирана»,— «Донья», 1960/61, № 4, стр. 112 (на перс. яз.).

⁶⁹ А. Аванесян, Воспоминания о деятельности организации Коммунистической партии Ирана в Гиляне,— «Донья», 1969, № 3, стр. 89—90 (на перс. яз.).

⁷⁰ Подробнее см.: «Пробуждение Азии», М., 1968, стр. 239—240; «Коминтерн и Восток», М., 1969, стр. 156.

⁷¹ А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение..., стр. 49.

⁷² А. Камбахш в теоретическом органе Народной партии писал по этому поводу, что решения второго съезда ИКП страдали недостатками и особенно свойственными тому времени ошибочными тенденциями левого доктринерства [А. Камбахш, Из истории Коммунистической партии Ирана, — «Донья», 1960/61, № 3, стр. 57. (на перс. яз.)].

⁷³ «Документы. Два документа, принятых II съездом Коммунистической партии Ирана», стр. 113.

⁷⁴ Ренджбар, Журнал «Сетаре-йе сорх», орган иранской компартии (обзор № 1—11),— «Революционный Восток», 1932, 1—2 (13—14), стр. 373—374.

⁷⁵ Ирандуст. Пути и этапы крестьянского движения в Персии,— «За партию», Ташкент, 1927, № 1, стр. 52—55.

⁷⁶ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1928, № 4—5, стр. 84—85.

⁷⁷ «Программа-минимум Коммунистической партии Ирана», — «Донья» 1971/72, № 2, стр. 106—109 (на перс. яз.).

⁷⁸ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 1, стр. 5i—52.

⁷⁹ «Сетаре-йе сорх», 1930, № 7—8, стр. 66—69. Это было одним из ярких проявлений того положения, которое наблюдалось в большинстве компартий стран Востока. В условиях небывалых бедствий народных масс в годы мирового экономического кризиса и резко усиливающегося недовольства их своим положением в коммунистическом движении стран Востока «росло революционное нетерпение и связанные с ним тенденции к ускорению событий и их форсированию... В рядах компартий Востока, еще не добившихся успеха в борьбе за массы, возникли иллюзии насчет того, что пролетариат уже является или становится руководителем, гегемоном революции в этих странах», а все нерабочие партии «образуют более или менее общий, нерасчлененный реакционный фронт. Многие из компартий... механически копировали тактику и лозунги РКП(б) в 1917 г., недостаточно учитывая обстановку в своих странах» («Ленинизм и мировое революционное рабочее движение», М., 1969, стр. 276—278).

⁸⁰ В 1926 г. общее количество рабочих, занятых на «крупных предприятиях» (с числом рабочих 10 и более), оценивалось приблизительно в 30 тыс. (G. Bhagier, Economic Development..., стр. 35).

⁸¹ «Красный интернационал профсоюзов», 1927, № 8—9, стр. 213.

⁸² А. Башкиров, Рабочее и профсоюзное движение в Иране, М., 1948, стр. 26.

⁸³ «Резолюции и постановления IV конгресса Профинтерна», М., 1929, стр. 39.

⁸⁴ «Сетаре-йе сорх», 1930, № 7—8, стр. 5.

⁸⁵ А. Камбахш, Из истории Коммунистической партии Ирана, — «Донья», 1960/61, № 2, стр. 22—23 (на перс. яз.); Ренджбар, О рабочем движении в Персии, — «Революционный Восток», 1932, № 1—2 (13—14), стр. 167.

⁸⁶ В. Таги-заде, Горе побежденным, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1930, № 8—9, стр. 53—55.

⁸⁷ О. С. Меликов, Установление диктатуры Реза-шаха в Иране, стр. 87; В. Березкин, В Гюргенской долине (Очерк туркмено-курдского восстания в 1924—1926 годах), Москва — Ташкент, 1931, стр. 25—28, 49—56.

⁸⁸ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1928, № 2, стр. 67; М. Хеджази, Наша родина, Тегеран, 1959, стр. 572—573 (на перс. яз.); А. Востров, Племена Ирана и племенная политика иранского правительства, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 190—201.

⁸⁹ A. K. S. Lambton, Landlord and Peasant in Persia, London — New York — Toronto, 1955, стр. 261.

⁹⁰ Гуссейн-заде Мехти, Персия встречает Реза-шаха, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1931, № 10—11, стр. 143.

⁹¹ Ирандуст, Пути и этапы..., стр. 52—56.

⁹² Ирандуст, Заметки о смене режима в Персии, стр. 56—58.

⁹³ М. Сенджаби, К изучению аграрного вопроса в Персии, Баку, 1930, стр. 88—89.

⁹⁴ Ирандуст, Смена режима..., стр. 44—46.

⁹⁵ «Революционный Восток», 1927, № 2, стр. 195.

⁹⁶ Гуссейн-заде Мехти, Персия встречает Реза-шаха, стр. 160—161; «Революционный Восток», 1927, № 2, стр. 197.

⁹⁷ М. С. Иванов, Новейшая история Ирана, М., 1965, стр. 81; Гуссейн-заде Мехти, Персия встречает Реза-шаха, стр. 144—145.

⁹⁸ Гуссейн-Мехти, Персия встречает Реза-шаха, стр. 146—147, 151; Ирандуст, Персия, стр. 123; Б. Шумяцкий, Спорные вопросы новейшей истории Персии,— «Революционный Восток», 1927, № 1, стр. 30; Х. Атаев, Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX в., Ашхабад, 1962, стр. 120—133.

⁹⁹ Гуссейн-заде Мехти, Персия встречает Реза-шаха, стр. 154—155.

¹⁰⁰ Ирандуст, Заметки о смене режима в Персии, стр. 56, 57.

¹⁰¹ Ренджбар, О рабочем движении в Персии,— «Революционный Восток», 1932, № 1—2, стр. 167; «Красный интернационал профсоюзов», 1927, № 8—9, стр. 214; «Сетаре-йе сорх», 1929, № 1—2, стр. 69—73.

¹⁰² В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 95.

¹⁰³ R. H. Nadow, Report on the Trade and Industry of Persia, London, 1925, стр. 39—40; А. Матин-Дафтари, Ключ к экономической независимости Ирана, Тегеран, 1925, стр. 30. (на перс. яз.).

¹⁰⁴ P. Elwell-Sutton, Modern Iran, London, 1942, стр. 115—116.

¹⁰⁵ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 163—165.

¹⁰⁶ Еще в январе 1922 г. США предоставили Ирану заем в размере 1 млн. долл., но его использование никак не отвечало осуществлению задач экономического строительства—90% этой суммы пошло на укрепление военно-полицейских сил, которые были брошены на подавление национально-освободительного и демократического движения в стране (З. З. Абдуллаев, Начало экспансии США в Иране, М., 1963, стр. 49).

¹⁰⁷ N. S. Fatemi, Oil Diplomacy, Powderkeg in Iran, New York, 1954, стр. 102; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1925», vol. 11, Washington, 1939, стр. 560—564.

¹⁰⁸ E. R. Lingeman, Economic Conditions in Persia London, 1930, стр. 32.

¹⁰⁹ Ирандуст, Последний этап персидской политики,— «Международная жизнь», 1927, № 7, стр. 81.

¹¹⁰ A. C. Millsprugh, The American Task in Persia, стр. 299.

¹¹¹ Д. С. Завриев, Персия наших дней, Тифлис, 1931, стр. 178.

¹¹² А. А. Зонненштраль-Пискорский, Международные торговые договора Персии, М., 1931, стр. 238—239.

¹¹³ По договору Мильспо имел право присутствовать на этих заседаниях лишь при обсуждении финансовых вопросов.

¹¹⁴ C. Lewis, American Stake in International Investments, Washington, 1938, стр. 228.

¹¹⁵ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 171.

¹¹⁶ В. С. Глуходед, Начальный период развития прямого обложения в современном Иране, — «Иран», М., 1963, стр. 49.

¹¹⁷ «Сборник законов меджлиса пятого созыва, [Тегеран], [б. г.], стр. 84—89 (на перс. яз.).

¹¹⁸ 12 августа 1928 г. налог на скот был аннулирован («Сборник законов меджлиса седьмого созыва», стр. 245).

¹¹⁹ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 189, 194.

¹²⁰ Ведущее положение в финансовой системе Ирана занимал британский Шахиншахский банк, основанный в 1889 г. и фактически выполнявший функции центрального банка. Помимо того, в Иране функционировали: Русско-иранский банк (с 1924 г.), государственный Армейский банк (с 1925 г.) и отделения Оттоманского банка (преимущественно с франко-английским капиталом).

¹²¹ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1928, № 6—7, стр. 105—106; М. Сенджаби, Персия в кризисе, Москва — Ташкент, 1931, стр. 10.

¹²² Д. И. Шморгонер, Новые этапы экономики Персии, — «Торговля СССР с Востоком», 1929, № 1—2, стр. 16.

¹²³ R. Lingeman, Economic Conditions in Persia, стр. 35; М. Сенджаби, Персия в кризисе, стр. 6; Д. И. Шморгонер, Новые этапы, стр. 17.

¹²⁴ «Сборник законов меджлиса пятого созыва», стр. 185—189; А. Попов, Англо-русское соперничество на путях Ирана, — «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 127—148.

¹²⁵ Р. А. Сеидов, Аграрная политика монархии Реза-шаха, — «Ученые записки Института востоковедения АН АзССР», т. 1, Баку, 1959, стр. 189.

¹²⁶ Ахтар Рахмани, Землевладение и землепользование в Иране, Тегеран, 1969, стр. 158 (на перс. яз.).

¹²⁷ Так, с помощью учрежденного в 1923 г. «Персхлопка» за пять лет было построено восемь хлопкоочистительных предприятий с современным оборудованием («Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 2, стр. 50).

¹²⁸ Д. И. Шморгонер, Внешняя торговля Персии в 1927/28 г., — «Торговля СССР с Востоком», 1929, № 5—6, стр. 20.

¹²⁹ М. Сенджаби, Промышленность полуколониальной Персии, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1931, № 10—11, стр. 90—91.

¹³⁰ А. Былова, Аграрное законодательство монархии Реза-шаха, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 171—173, 178.

¹³¹ A. K. S. Lambton, Landlord and peasant in Persia, стр. 186—188.

¹³² Один из крестьян, освобожденный от призыва из-за необходимости содержать престарелого отца, заявил комиссии, что предпочитает быть солдатом, чем разделять нищенство с семьей. «Иншалла! Служба в армии принесет и землю», — заявил он при шумном одобрении присутствующих крестьян («Сехенд», 18.XI.1929).

¹³³ «Иран», 25.II.1927.

¹³⁴ До этого фамилий в Иране не было. К имени собственному

прибавлялось имя отца и частица «заде» («рожденный»), иногда прозвище или почетный титул.

¹³⁵ P. A ve g u, *Modern Iran*, London, 1965, стр. 273.

¹³⁶ «Туфан», 27.IX.1926.

¹³⁷ «Сетаре-йе Иран», 30.III.1925; «Иран», 21.V, 20.XII.1925.

¹³⁸ A. B a n a n i, *Modernization of Iran, 1921—1941*, Stanford, 1961, стр. 94; «Эттелаат», 11.XII.1927.

¹³⁹ «Иран», 28.VI.1928; «Шефаг», 25.XII.1927.

¹⁴⁰ «Шефаг», 2.VIII.1927.

¹⁴¹ «Сетаре-йе Иран», 21.IV.1925; «Кушеш», 17.IX.1928; «Нахид», 6.XII.1928.

¹⁴² С. Л. А га е в, *Иран: внешняя политика...* стр. 53—54.

¹⁴³ Там же, стр. 59—64.

¹⁴⁴ «Иран», 9.IX.1927.

¹⁴⁵ На протяжении многих лет Англия поощряла сепаратистские тенденции шейха Хазалья, полунезависимого правителя Хузестана. В 1924 г. Хазаль, надеясь на обещанную поддержку Англии, поднял восстание подвластных ему арабских племен против правительства Ирана.

¹⁴⁶ Д. С. З а в р и е в, *Иран и мировой кризис*, Тифлис, 1935, стр. 32.

¹⁴⁷ М. С е н д ж а б и, *Персия в кризисе*, стр. 23.

¹⁴⁸ «Сборник законов меджлиса VIII созыва», стр. 218; «Эттелаат», 4.III.1932; «Сборник законов меджлиса VII созыва», стр. 3.

¹⁴⁹ В. С. Г л у х о д е д, *Проблемы экономического развития Ирана*, стр. 75.

¹⁵⁰ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1930, № 6—7, стр. 57—58; И. И. П а л ю к а й т и с, *Экономическое развитие Ирана*, М., 1965, стр. 283.

¹⁵¹ «Тридцатилетняя история Национального банка Ирана», стр. 18; «Наме-йе отаг-е теджарат», 1938, № 198—199, стр. 54; E. R. L i n g e m a n, *Economic Conditions in Persia*, стр. 19.

¹⁵² Крупные купцы получали кредиты в Национальном банке из расчета 7% годовых, а сами выделяли ссуды из расчета 20% годовых (Д. С. З а в р и е в, *Персия наших дней*, Тифлис, 1931, стр. 153).

¹⁵³ М. Х е д ж а з и, *Наша родина*, стр. 556—557.

¹⁵⁴ A. K. S. L a m b t o n, *Landlord and Peasant in Persia*, стр. 380; «Шефаг», 28.IV.1933. Teheran, 1941, стр. 5—37.

¹⁵⁵ «Bulletin de la banque nationale de Perse», Teheran, 1934, № 2, стр. 4; «Statistique commercial de la Perse en 1929/30», Teheran, 1930, tabl. 4, стр. 8-18; «Statistique commercial de la Perse en 1930/31», Teheran, 1931, tabl. 4, стр. 8—18.

¹⁵⁶ «Сборник законов меджлиса VIII созыва», стр. 171—174.

¹⁵⁷ Д. С. З а в р и е в, *Торгово-политический курс Персии*, Тифлис, 1931, стр. 118—119.

¹⁵⁸ Р е н д ж б а р и О с т р о г л а з о в, *Развитие национальной фабрично-заводской промышленности в Иране за последние годы*, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 5.

¹⁵⁹ Д. С. З а в р и е в, *Иран и мировой кризис*, стр. 62; «Эттелаат», 3.III.1931.

¹⁶⁰ «Сборник законов меджлиса VIII созыва», стр. 174—176.

- ¹⁶¹ «Statistique annuelle du commerce extérieur de l'Iran en 1940», Téhéran, 1941, стр. 5—37.
- ¹⁶² «Bank Melli Iran Bulletin», 1946, № 81, стр. 555; «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 38.
- ¹⁶³ «Аграрные проблемы», 1934, № 5—6, стр. 116—117; «Иран», 27, 29.IX.1931.
- ¹⁶⁴ «Шефаг», 23.VII.1933; «Иран», 6.X.1933.
- ¹⁶⁵ «Кушеш», 22.XI.1934; «Иран», 29.IX.1931; «Шефаг», 5.II.1932.
- ¹⁶⁶ В. Тардов, Из истории землевладения..., стр. 80, 83—84.
- ¹⁶⁷ М. Сенджабн, Персия в кризисе, стр. 170—172; Р. А. Сидов, Аграрная политика..., стр. 181—182.
- ¹⁶⁸ В. С. Глуходед, Начальный период..., стр. 67.
- ¹⁶⁹ М. Сенджаби, Персия в кризисе, стр. 77, 176—177; Ренджбар, Земельная реформа Реза-шаха, — «Революционный Восток», 1933, № 6, стр. 50—53; А. Б., Развитие кризиса в Персии, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934, № 1—2, стр. 110.
- ¹⁷⁰ А. М. Изеди, Раздел земель не спасает положения, Шираз, 1960, стр. 12—14 (на перс. яз.).
- ¹⁷¹ «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1932, № 2, стр. 23—25.
- ¹⁷² А. Б., Положение рабочих и крестьян Персии, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934, № 7, (22), стр. 129—130; «Документы внешней политики СССР», М., 1970, т. XVI, стр. 476.
- ¹⁷³ Подробнее см.: А. Е. Ходоров, Кризис мирового хозяйства и Восток, — «Торговля СССР с Востоком», 1930, № 5—8, стр. 5.
- ¹⁷⁴ «Statistique commercial de la Perse en 1929/30», 1930, стр. 8—18; «Statistique annuelle du commerce extérieur de l'Iran en 1940/41», 1941, стр. 19—37.
- ¹⁷⁵ Ренджбар, Персидская промышленность за последние годы, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1934, № 5(20), стр. 121; «Иран», 14.X.1932.
- ¹⁷⁶ И. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 128; «Иран», 26.XI.1931; 17, 22.VIII.1933; «Шефаг», 8.VII.1934; «Эттелаат», 11.VIII.1933. До кризиса, по сведениям иранской прессы, в стране было лишь два современных предприятия — текстильная фабрика в Исфахане и спичечная фабрика в Тебризе («Эттелаат», 27.IX.1934).
- ¹⁷⁷ А. Б., Развитие кризиса..., стр. 131—132.
- ¹⁷⁸ См.: S. H. Longrigg, Oil in the Middle East, London—New York—Toronto, 1961, стр. 61.
- ¹⁷⁹ М. Брукс, Нефть и внешняя политика, М., 1949, стр. 74—76.
- ¹⁸⁰ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 97—98.
- ¹⁸¹ N. S. Fatemi, Oil Diplomacy..., стр. 162.
- ¹⁸² «Документы внешней политики СССР», т. XV, М., 1969, стр. 687—688, 815.
- ¹⁸³ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 101—102.
- ¹⁸⁴ Там же, стр. 104.
- ¹⁸⁵ «Донья», 1960/61, № 2, стр. 23; «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1931, № 1, стр. 19—20.
- ¹⁸⁶ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 91.

¹⁸⁷ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 2 (10), стр. 3; «Конгресс Профинтерна 15—30 августа 1930 г.», М., 1930, стр. 274—275; Ренджбар, О рабочем движении..., стр. 168.

¹⁸⁸ Так, в 1927—1929 гг. в Тебризе вышло по нескольку номеров газет «Фарьяд-е каргеран-е Азербайджан» («Голос азербайджанских рабочих») и «Шераре» («Искра») и журнала «Бейраг-е энглаб» («Знамя революции»), а в Хорасане газеты «Коммунист», органа союза рабочих ковровых мастерских (А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение..., стр. 52).

¹⁸⁹ А. М. Агахи, Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране, Баку, 1961, стр. 108; «Сетаре-йе сорх», 1931, № 9, стр. 66—67.

¹⁹⁰ «Сетаре-йе сорх», 1930, № 7—8, стр. 68—69.

¹⁹¹ «Пейкар», 15.IV.1931.

¹⁹² «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1932, № 13—14, стр. 19—21; Ренджбар, О рабочем движении, стр. 168—170; М. С. Иванов, Рабочий класс современного Ирана, М., 1969, стр. 207.

¹⁹³ «Пейкар», 1.VII.1931; «Сетаре-йе сорх», 1931, № 10—11, стр. 3.

¹⁹⁴ «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1931, № 1, стр. 20—21.

¹⁹⁵ «Пейкар», 15.II, 15.X.1931.

¹⁹⁶ А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение... стр. 53.

¹⁹⁷ Загрит, Экономический кризис и борьба трудящихся масс Персии, — «Аграрные проблемы», 1933, № 9—10, стр. 131; М. С. Иванов, Новейшая история Ирана, стр. 82—83.

¹⁹⁸ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 1(9), стр. 57—60; № 2(10), стр. 56—57.

¹⁹⁹ «Пейкар», 15.III.1931; Баффи, Современный кризис в Персии, — «Аграрный кризис», кн. IV, М., 1933, стр. 162—163.

²⁰⁰ А. Былова, Аграрное законодательство..., стр. 179—181.

²⁰¹ «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1933, № 3 (9), стр. 173.

²⁰² Загрит, Экономический кризис..., стр. 127, 130.

²⁰³ «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 1, стр. 62; № 2, стр. 58.

²⁰⁴ К. А. Х. Никзад, География и история Чахармахала и Бахтиари, Тегеран, 1952, стр. 87 (на перс. яз.).

²⁰⁵ М. С. Иванов, Племена Фарса..., стр. 131; «Бюллетень прессы Среднего Востока», 1929, № 1, стр. 63—65.

²⁰⁶ Али Размара, Военная география Ирана, т. 6, Тегеран, 1953, стр. 203 (на перс. яз.); А. Востров, Племена Ирана, стр. 195; W. Douglas, Strange Land and Friendly People, London, 1952, стр. 138; А. Ванани, The Modernization of Iran, стр. 128; O. Garrod, The Nomadic Tribes of Persia to-day, — «The Royal Central Asian Journal», London, 1946, pt. I, стр. 34—35.

²⁰⁷ «Иран», 28.V.1933; «Шефаг», 30.V.1933; «Эттелаат», 11.XI.1928.

²⁰⁸ «Эттелаат», 5.IX.1928; «Иран», 7.IX.1928.

²⁰⁹ «Кушеш», 25.IX.1938.

²¹⁰ К. А. Х. Никзад, География и история Чахармахала и Бахтиари, стр. 75.

- 211 Р. Авергу, *Modern Iran*, стр. 290.
- 212 С. Алиев, Деятельность Ахмеда Кесрави, — «Известия АН Азербайджанской ССР», 1968, № 6, стр. 122—123; «Шефаг», 7.III.1933.
- 213 «Шефаг», 21.XI.1933; «Кушеш», 31.VII.1933.
- 214 «Иран-е бастан», 15.VIII.1933.
- 215 «Маджалле-йе отаг-е теджарат», 1932, № 82—83.
- 216 А. Р. Хамадани, История Ирана, Тегеран, 1938, стр. 824 (на перс. яз.).
- 217 А. Ванани, *The Modernization of Iran*, стр. 108.
- 218 Там же, стр. 106.
- 219 «Мардом-е адине», 12.VIII.1943.
- 220 А. Ванани, *The Modernization of Iran*, стр. 107.
- 221 «Сетаре», 20.V.1936.
- 222 А. Ванани, *The Modernization of Iran*, стр. 64.
- 223 «Кушеш», 30.VIII.1935.
- 224 «Шефаг», 1.VIII.1930; «Иран», 15.VIII.1936.
- 225 Р. А. Сеидов, Аграрная политика... стр. 171; «Кушеш», 12.V.1935.
- 226 «Эттелаат», 19.II.1942; Р. А. Сеидов, Аграрная политика... стр. 172.
- 227 И. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 129, 131, 136; «Иран», 17.XI.1940.
- 228 М. С. Иванов, Промышленность в современном Иране, — «Вестник Ленинградского государственного университета», 1951, № 5, стр. 101; Н. Агаси, Развитие государственного и частного секторов промышленности Ирана в 1953—1962 гг. (диссертация), М., 1963, стр. 24.
- 229 И. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 133; «Statistical Yearbook», 1952, New York, стр. 103.
- 230 «Review of Economic Conditions in the Middle East, 1951—1952», New York, стр. 41; «Bulletin de la Banque Mellie Iran». 1940, № 43—44, стр. 696; 1942, № 55, стр. 327.
- 231 Е. А. Гросеклозе, *Introduction to Iran*, New York, 1942, стр. 89.
- 232 Р. М. Андреасян, А. Я. Эльянов, Ближний Восток, Нефть и независимость, М., 1961, стр. 117; Казем Афшин, Нефть и хузистанцы, Тегеран, 1954, стр. 117 (на перс. яз.).
- 233 «Современный Иран», М., 1957, стр. 250—251; «Тридцатилетняя история Национального банка Ирана», стр. 400; С. Рудных, География Ирана, М., 1941, стр. 215.
- 234 «Дороги Ирана», Тегеран, 1943, стр. 113—158 (на перс. яз.).
- 235 С. Рудных, Иран, М., 1946, стр. 112.
- 236 «Bulletin de la Banque mellie Iran», 1942, № 61, стр. 272; F.A.G. Gray, *Report on Economic and Commercial Conditions in Iran*, London, 1938, стр. 28.
- 237 В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 160—161, 180.
- 238 Н. Pirnia, *A Short Survey of Economic Conditions of Iran*, Teheran, 1945, стр. 23.
- 239 В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 181, 198; «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1935, № 4, стр. 49.

- ²⁴⁰ «Statistique annuelle du commerce exterieur de l'Iran en 1302», стр. 18—19.
- ²⁴¹ Д. С. Завриев, Персия наших дней, стр. 201—205.
- ²⁴² В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 195, 197.
- ²⁴³ Д. С. Завриев, Иран и мировой кризис, стр. 88—89.
- ²⁴⁴ В. С. Глуходед, Начальный период прямого обложения, стр. 64—68.
- ²⁴⁵ «Bulletin de la Banque melle Iran», 1942, № 55, стр. 327.
- ²⁴⁶ Н. Сефидабади, Новые моменты в развитии внешней и внутренней торговли Ирана, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 115—117.
- ²⁴⁷ «Сборник законов меджлиса X созыва», стр. 123—126.
- ²⁴⁸ «Statistique annelle du commerce exterieur de l'Iran en 1319», стр. 3.
- ²⁴⁹ Лазаревский, Иран, М., 1941, стр. 44.
- ²⁵⁰ И. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 217.
- ²⁵¹ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 126, 128.
- ²⁵² «Statistique annuelle du commerce de l'Iran en 1319», стр. 3-15.
- ²⁵³ «Тридцатилетняя история Национального банка Ирана», стр. 90.
- ²⁵⁴ Ахмад Хуман, Экономика сельского хозяйства, стр. 293—297.
- ²⁵⁵ «Сборник законов меджлиса XI созыва», стр. 2—3.
- ²⁵⁶ А. К. S. Lambton, Landlord and Peasant in Persia, стр. 240.
- ²⁵⁷ «Иран», 19.III.1934.
- ²⁵⁸ «Bank melli Iran bulletin», 1938, № 33, стр. 889; 1942, № 61, стр. 272.
- ²⁵⁹ А. К. S. Lambton, Landlord and Peasant in Persia, стр. 209.
- ²⁶⁰ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 155—156.
- ²⁶¹ «Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях», М., 1946, стр. 187—202.
- ²⁶² О. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 177.
- ²⁶³ С. А. Агаев, Иран: внешняя политика..., стр. 290—293.
- ²⁶⁴ «Иран-е бастан», 30.XII.1934.
- ²⁶⁵ См.: А. Востров, Некоторые материалы о проникновении германского фашизма в Иран, — «Материалы по национально-колониальным проблемам», 1936, № 34, стр. 242.
- ²⁶⁶ В. С. Глуходед, Проблемы экономического развития Ирана, стр. 167.
- ²⁶⁷ «Иран», 8.VIII.1934; «Сохан», 1963/64, № 3, стр. 253—259.
- ²⁶⁸ «Иран», 20.VI.1935.
- ²⁶⁹ J. M. Upton, The History of Modern Iran, Cambridge, 1960, стр. 76.
- ²⁷⁰ Автор упомянутой статьи подчеркивает относительность для Ирана понятий «помещик», «предприниматель», «купец», «духовное лицо», «чиновник», поскольку все эти социальные категории зачастую совмещались.
- ²⁷¹ R. W. Cottam, The Nationalism in Iran, Pittsburg, 1964, стр. 254.

²⁷² «Иран», 18.X.1932; «Шефар», 18.X.1932.

²⁷³ D. Wilson, Contemporary Iran, New York, 1963, стр. 76.

²⁷⁴ «Шефар», 15.IV.1934; «Кушеш», 25.I.1933.

²⁷⁵ «Иран», 5.II.1939; «Эттелаат», 11.I.1939.

²⁷⁶ Таги Эрани родился в 1902 г. в Тебризе в семье чиновника.

После переезда в 1907 г. семьи в Тегеран закончил в 1920 г. с отличием среднюю школу «Дар аль-фонун». В 1920 г. Эрани отправился в Германию, где учился в Берлинском университете, изучал химию и философию. В 1928 г. успешно защитил диссертацию по химии и получил степень доктора наук. Эрани занимался исследованиями в области точных наук, философии и восточной филологии. Природный талант и эрудиция выдвинули его в ряды видных ученых. Еще будучи студентом, Эрани изучал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Эрани возглавил подпольный кружок иранской молодежи в Германии — Союз борьбы против деспотического режима Реза-шаха (А. М. Агахи, Распространение идей... стр. 114—116).

²⁷⁷ Подробнее см.: А. М. Агахи, Распространение идей..., стр. 122—243.

²⁷⁸ «Донья», 1960, № 1, стр. 13.

²⁷⁹ «Пробуждение угнетенных», стр. 336.

²⁸⁰ А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение..., стр. 54.

²⁸¹ Ш. М. Бади, Рабочий класс Ирана, М., 1965, стр. 95.

²⁸² А. Башкиров, Рабочее и профсоюзное движение..., стр. 29.

²⁸³ А. М. Агахи, Распространение идей..., стр. 121—122, 240.

²⁸⁴ М. Хеджази, Наша родина, стр. 578.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1949—1953 гг.

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Антиимпериалистическое движение 1949—1953 гг. — один из важнейших периодов в общественно-политической жизни Ирана послевоенных лет. Движение было направлено на ликвидацию основного орудия британского империализма в стране — Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), на достижение политической и экономической самостоятельности. В рассматриваемый период рост антиимпериалистической борьбы вызвал расширение демократического движения, что свидетельствовало об обострении классовых противоречий в иранском обществе.

Антиимпериалистическое и демократическое движение в Иране было вызвано всем ходом социально-экономического и политического развития страны. Кризисные явления в промышленности и сельскохозяйственном производстве, инфляция и т. д. привели к ухудшению положения трудящихся и усилению недовольства иранского народа политикой иностранных монополий и правящих кругов страны.

Волна освободительной борьбы иранского народа первоначально была направлена против АИНК, однако в дальнейшем приобрела характер широкого антиимпериалистического движения против вмешательства США и Англии во внутренние дела Ирана, за проведение отвечающего национальным интересам самостоятельного курса внешней политики. Расширение и углубление анти-

империалистического движения вызвало поляризацию политических сил в стране и способствовало усилению классовых противоречий. Борьба за демократизацию иранского общества приобрела общенациональный характер. На рост демократического движения, на усиление антиимпериалистических настроений в иранском обществе серьезное влияние оказала победа социалистических революций в ряде стран Восточной Европы и Азии.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДВИЖЕНИЯ

В послевоенный период иранская экономика, как и в военные годы, переживала период спада. В 1948—1949 гг. резко снизился объем экспорта, быстро обесценивался курс риала¹. Падение покупательной способности риала вело к повышению цен на товары широкого потребления, поставлявшиеся главным образом Англией и США². В начале 1949 г. рост цен на эти товары принял угрожающие размеры. Попытки иранского правительства приостановить повышение цен путем увеличения импорта принесли известные результаты, но, естественно, не разрешили вопроса. В то же время увеличение импорта вызвало обострение кризиса в промышленности и кустарном производстве. Многие текстильные фабрики закрывались из-за наводнения внутреннего рынка иностранными товарами и сокращения спроса вследствие понижения покупательной способности трудящихся. Переживало упадок и ковроделие, поставлявшее значительную часть продукции на экспорт. Только за 1948/49 г. число станков в этой отрасли промышленности уменьшилось в 2 раза³.

Тяжелое положение наблюдалось и в сельском хозяйстве, в котором преобладали полуфеодалные формы производства с присущим им применением примитивных орудий труда. Отсталость сельского хозяйства усугублялась быстрым естественным приростом населения (2,6% в год) при практически мало увеличивавшихся посевных площадях⁴. В стране, где около 75% самодеятельного населения было занято в растениеводстве и животноводстве, сельское хозяйство все более переставало удовлетворять потребности внутреннего рынка в самой необ-

ходимой продукции. К тому же суровая зима 1948/49 г. привела к катастрофическому уменьшению сбора зерновых.

Кризис в промышленности и сельском хозяйстве обусловил ускоренный рост безработицы. Этому способствовало также и то, что с уходом союзных войск из Ирана оказалось без работы большое число иранцев, которые были заняты на строительных и других работах в фирмах, выполнявших заказы союзного командования.

Кризис производства, инфляция, обесценение риала и т. д. тяжелым бременем легли на плечи трудящихся. Индекс стоимости жизни со 100 в 1936 г. возрос до 925 в 1948 г., т. е. более чем в 9 раз. Рост стоимости жизни не сопровождался пропорциональным повышением доходов трудящихся, что вызывало дальнейшее обнищание рабочих, ремесленников, крестьян. Свыше 80% населения были неграмотными. Весной 1949 г. в стране с 15-миллионным населением насчитывалось всего 1,5 тыс. врачей, половина которых работала в столице.

Сложившееся положение вызывало протесты не только со стороны трудящихся и интеллигенции, но и со стороны значительной части предпринимателей, представителей национальной буржуазии. Левые организации, и прежде всего Народная партия Ирана, требовали осуществления радикальных политических и экономических преобразований. Еще в конце войны правящие круги Ирана для смягчения напряженности в стране заговорили о необходимости экономических и социальных реформ. В начале 1946 г., когда пост премьер-министра занял Ахмед Кавам⁵, было официально объявлено о намерении правительства выработать экономическую программу развития, призванную разрешить некоторые насущные хозяйственные и социальные проблемы страны, и прежде всего поднять уровень промышленного и сельскохозяйственного производства.

Эта программа, названная семилетним планом реконструкции и развития, была разработана в 1946—1948 гг. при активном сотрудничестве с американскими фирмами «Моррисон Надсон Интернейшнл Инджиниринг К^о» и «Оверсиз Консалтантс Инкорпорейтед»⁶, тесно связанной с нефтяной корпорацией «Стандард Ойл оф Нью-Джерси».

Размер ассигнований, распределение их по отраслям хозяйства и разным объектам свидетельствовали о том, что даже в случае успешной реализации плана каких-либо заметных сдвигов ни в области подъема производства, ни в области потребления не произойдет. Составители плана предлагали основной упор делать на развитие сельского хозяйства. На развитие промышленности было выделено всего 14,3% ассигнований. В целом план предполагал осуществление ряда экономических проектов и не представлял собой научно обоснованной экономической программы общенационального значения.

Появление плана свидетельствовало о том, что под напором общественного движения, в разворачивании которого большую роль сыграли НПИ и связанные с ней профсоюзы, правящие круги оказались вынужденными обратить внимание на экономические проблемы страны. Правительство, и прежде всего А. Кавам, стремились использовать план как средство не только для успокоения иранской общественности, но и для привлечения американского капитала. Не случайно позже проф. Петер Авери, вспоминая об этих годах, писал: «Развитие стало больше лозунгом, чем фактом, и тем талисманом, благодаря которому можно было бы привлечь доллары»⁷. Следует, однако, отметить, что в действительности план не оказался «талисманом», позволившим «привлечь» американские доллары. Подобное желание иранских правящих кругов натолкнулось на отказ американских монополий и контролируемых ими международных финансовых учреждений предоставить Ирану крупный заем для осуществления плана⁸.

Поиски источников средств для выполнения намеченных семилетним планом проектов, в свою очередь, вызвали усиление внимания иранской общественности и официальных кругов к доходам, получаемым от Англо-иранской нефтяной компании в качестве концессионных платежей. Значительная часть (37,1%) бюджета семилетнего плана по предложению его составителей должна была покрываться за счет доходов от нефти, выплачиваемых АИНК иранскому правительству.

Под воздействием этих обстоятельств, с одной стороны, а с другой — под давлением выступлений левых организаций и широкой общественности, и прежде всего рабочих, занятых на предприятиях АИНК, правитель-

ственные круги были вынуждены проявить бóльшую настойчивость в своих взаимоотношениях с руководителями компании.

Под воздействием общественного мнения в начале 1947 г. иранское правительство направило в Лондон руководителя управления концессий министерства финансов Ирана Х. Пирния. Иранский представитель предложил руководителям компании обсудить ряд вопросов, в частности ликвидировать задолженность иранскому правительству, расширить сбытовую сеть АИНК в Иране, провести сокращение иностранного персонала, занятого на предприятиях АИНК, принимать во внимание жалобы иранских рабочих и т. д. Как эти переговоры, так и переговоры, которые Х. Пирния вел в августе 1947 г. с официальным представителем компании Гоби относительно нарушения со стороны АИНК ст. 16 соглашения 1933 г., касающегося численности иностранного персонала на предприятиях компании, оказались безрезультатными.

Переговоры показали, что при поддержке английского правительства руководители АИНК намерены полностью сохранить старый статус компании в Иране.

В послевоенный период АИНК намного увеличила добычу нефти на территории Ирана: с 16,8 млн. т в 1945 г. до 31,75 млн. т в 1950 г. Капитал компании к началу 50-х годов достиг почти 33 млн. ф. ст., 56% акций АИНК принадлежало английскому правительству⁹, которое подчинило своему непосредственному контролю деятельность компании. АИНК была корпорацией международной и имела свои предприятия во многих странах Европы, Азии и Африки. В различных районах мира АИНК имела 59 дочерних компаний и филиалов. Компания имела значительный танкерный флот, состоявший из 134 судов общим тоннажем 1716 тыс. т дедвейт. На территории Ирана АИНК в полном смысле слова была «государством в государстве».

Компания пагубно влияла не только на иранскую экономику. Руководители компании вкупе с английскими дипломатами оказывали сильное воздействие на политическую жизнь страны. Субсидируя вождей ряда арабских и бахтиарских племен, они делали их орудием своей политики. Без поддержки АИНК и англичан ни один политический деятель не мог получить, по свиде-

тельству шаха, пост губернатора Хузестана. АИНК имела большую группу «своих» людей среди политических деятелей столицы — депутатов парламента, журналистов и др.

В основных центрах деятельности компании иранских чиновников почти не было. Вожди некоторых полукочевых племен Хузестана получали субсидии АИНК. Вооруженные отряды племен охраняли нефтяные промыслы, нефтепроводы и нередко использовались администрацией компании для борьбы с рабочим движением. Кроме этого, под видом пожарников и сторожей АИНК держала военизированные части, которые также использовались для борьбы с «беспорядками». Большинство ответственных чиновников компании было представлено лицами, имевшими опыт службы в колониальной Индии¹⁰. Некоторые служащие АИНК фактически были сотрудниками английской разведывательной службы и занимались в Иране подрывной деятельностью в интересах компании¹¹.

Руководители компании не считались со статьями концессионного соглашения 1933 г., предусматривавшими уменьшение контингента иностранных служащих. К 1950 г. на предприятиях АИНК их было свыше 5300¹². В Абадане компания выпускала свои издания на персидском и английском языках. Осенью 1946 г. с целью пропаганды в пользу компании был открыт Отдел информации АИНК в Тегеране, где видную роль играл английский ирановед Локкарт Лоуренс. Отдел информации в своих изданиях и публиковавшихся в иранской прессе материалах всячески восхвалял «благodeяния» АИНК в Иране.

Наиболее серьезные злоупотребления руководители АИНК при прямой поддержке английского правительства допускали в финансовых расчетах с Ираном. Британское правительство получало от АИНК только в виде подоходного налога намного более крупную сумму, чем Иран в виде концессионных платежей. Особенно возросла эта сумма в 1948 г., когда британское казначейство потребовало от английских компаний ограничения дивидендов и увеличения подоходного налога британскому правительству. Так, в 1948 г. Иран получил от АИНК концессионных платежей в сумме 9,2 млн. ф. ст., из них в качестве подоходного налога — 1,3 млн. ф. ст., в то

же время британскому правительству АИНК только в виде подоходного налога выплатила 28,3 млн. ф. ст.¹³. В 1950 г. АИНК выплатила подоходный налог казначейству уже в сумме 50,7 млн. ф. ст., в то время как Иран получил всего лишь 16 млн. ф. ст.¹⁴.

Серьезный ущерб Ирану наносил и беспощинный ввоз АИНК для своих нужд большого количества товаров; их стоимость в 1948/49 г. оценивалась в 1,9 млрд. риалов, а весь коммерческий импорт Ирана — в 4,7 млрд. риалов. Между тем в случае взимания таможенных пошлин с вывоза и ввоза этих товаров Иран только в 1947/48 г. получил бы приблизительно 17 млн. ф. ст.¹⁵ От освобождения АИНК от таможенных пошлин Иран терял ежегодно 6 млн. ф. ст., в то время как получаемые концессионные платежи не превышали 7,9 млн. ф. ст.¹⁶. Руководители АИНК, согласно данным иранского автора Ш. Амиралаи, в течение длительного времени воровски перекачивали нефть и нефтепродукты на территорию Ирака через проложенные по дну р. Шатт-эль-Араб два нефтепровода¹⁷. Как и прежде, Ирану не выплачивались концессионные платежи с нефтепродуктов, потребляемых компанией. Положение иранских рабочих, эксплуатация которых на предприятиях АИНК приносила компании огромные прибыли, было чрезвычайно тяжелым. Заработная плата иранских рабочих АИНК, несмотря на быстрый рост стоимости жизни, немалого превышала уровень 1939 г. Они по-прежнему испытывали острую нехватку товаров широкого потребления, ютились в антисанитарных условиях в землянках и обитых циновками лачугах. Кроме того, иранские рабочие и служащие подвергались дискриминации. На предприятиях АИНК квалифицированные рабочие-англичане получали заработную плату в несколько раз большую, чем их коллеги-иранцы. Большинство канцелярских служащих, технических специалистов и квалифицированных рабочих были индийцами и пакистанцами. В районе деятельности компании были запрещены какие-либо организации по урегулированию конфликтов между рабочими и администрацией АИНК. Все это будило у иранских рабочих чувство ненависти к чужеземным хозяевам и к их местным покровителям.

Во второй половине 40-х годов материальное положение рабочих-нефтяников ухудшилось еще больше:

Уход английских войск из южных провинций Ирана после окончания войны создал благоприятные условия для расширения агитационной и организационной работы НПИ и демократических профсоюзов среди рабочих, которые с охотой вступали в эти организации. Расширилась деятельность рабочих организаций, и начались массовые забастовки. Большое значение для подъема рабочего движения по всей стране имели забастовки на предприятиях АИНК в 1946 г. В первомайской демонстрации в Абадане участвовало около 80 тыс. человек, основное ядро которых составляли нефтяники. Во время митинга нефтяники требовали улучшения жилищных условий и повышения заработной платы. Вскоре началась забастовка рабочих нефтеочистительного завода в Абадане. Особенно значительной была продолжавшаяся с 14 по 25 мая 1946 г. забастовка рабочих в Агаджари, в которой участвовало около 10 тыс. человек. Участники забастовки выдвинули экономические и политические требования, имевшие общенациональное значение. К таковым относились требования об осуществлении закона о труде (проект которого предложил объединенный Центральный совет иранских профсоюзов), о предоставлении свободы слова, собраний, признания демократических профсоюзов и увеличения заработной платы. Эта стачка закончилась победой рабочих¹⁸. Между профсоюзами и представителями АИНК было заключено соглашение, по которому компания пошла на выполнение ряда экономических требований рабочих. Помимо того, 18 мая 1946 г. иранское правительство утвердило временный проект закона о труде, в котором были учтены отдельные требования рабочих.

На оживление рабочего движения на предприятиях АИНК и на рост национального и демократического движения на севере страны (в Иранском Азербайджане, Северном Курдистане, Тегеране, Гиляне и т. д.) руководители компании и власти ответили репрессиями. АИНК усилила вмешательство во внутренние дела страны. В зоне деятельности концессии начались преследования активистов рабочих организаций, были арестованы руководители рабочих профсоюзов. Еще в апреле 1946 г. при подстрекательстве английской агентуры был организован неудавшийся мятеж шейха Абдуллы, сына известного шейха Хазала. В июле 1946 г. был создан

Союз племен Хузестана, в который входила группа проанглийски настроенных арабских шейхов¹⁹. Корабли британских военно-морских сил осуществляли военную демонстрацию в зоне Персидского залива, а английская печать широко распространяла сообщения о планах арабских шейхов Хузестана добиваться автономии для провинции. Руководители АИНК не останавливались и перед прямыми провокациями, спровоцировав кровавые стычки между рабочими АИНК и подкупленными кочевниками. Однако провокационные действия руководителей компании потерпели полный крах. Злоупотребления и интриги руководства АИНК благодаря левой печати получили широкую гласность. Рабочие стали проявлять еще большую организованность и сплоченность в борьбе за удовлетворение своих требований.

Вместе с тем ухудшение состояния государственных финансов побудило иранское правительство занять более твердую позицию в отношении АИНК. Этому в значительной степени способствовал рост демократического движения в стране, а также в известной мере и обострение англо-американских противоречий. Именно эти факторы обусловили издание закона от 22 октября 1947 г., последний пункт которого предписывал правительству восстановить права иранского народа на южную нефть²⁰. Однако после принятия меджлисом этого закона в ноябре 1947 г. были возобновлены переговоры между Пирния и Гоби. Министерство финансов Ирана на этот раз внесло на обсуждение более широкий круг вопросов, что вызвало отрицательную реакцию у Н. Гесса, одного из директоров АИНК, и в декабре переговоры были опять прекращены²¹.

После отставки Кавама, когда на посту премьер-министра его заменил Ибрагим Хаками (выходец из феодальной аристократии, известный своими связями с английскими дипломатами), никаких шагов для осуществления закона о нефти фактически не предпринималось, а министр финансов в новом кабинете — Наджм открыто защищал интересы компании. Это было одной из основных причин быстрого падения кабинета Хаками²².

При преемнике Хаками — Абдол Хосейне Хажире в августе 1948 г. вновь были возобновлены переговоры между Пирния и Гоби. Но и на этот раз переговоры бы-

стро зашли в тупик. Под сильным давлением общественного мнения Хажир потребовал, чтобы правление компании направило в Тегеран официальную делегацию для ведения переговоров по вопросу о нарушении АИНК прав Ирана на южную нефть. Руководитель иранской делегации министр финансов Варасте в сентябре 1948 г. вручил главе делегации АИНК Н. Гессу меморандум (из 25 пунктов), в котором были сформулированы основные претензии Ирана к компании²³.

В преамбуле меморандума указывалось, что в течение 15 лет со времени подписания соглашения 1933 г. АИНК нарушает его многие важные статьи. Отмечалось также, что даже если бы АИНК придерживалась духа соглашения, то право Ирана на южную нефть все равно не было бы обеспечено из-за больших изменений на мировом рынке²⁴. Далее в меморандуме отмечалось, что в нарушение соглашения 1933 г. АИНК в своих расчетах с иранским правительством не учитывала колебания цены на золото и не выплачивала Ирану предусмотренную соглашением компенсацию. Подчеркивалось, что увеличение английским правительством подоходного налога с компаний, и в том числе с АИНК, привело к резкому сокращению доходов Ирана от нефти. Система исчисления концессионных платежей Ирану, говорилось в меморандуме, не является честной и справедливой. Не принимая во внимание падение курса фунта стерлингов и нарушая соглашение 1933 г., АИНК из года в год исчисляла иранскому правительству относительно к фактической стоимости добытой нефти все меньше концессионных платежей. Общая сумма концессионных платежей Ирану, относительно общей стоимости добытой нефти, по подсчетам специалистов, составляла в 1933 г. 33%, а в 1947 г. — только 9%. Иран считал незаконным продажу нефтепродуктов АИНК английскому адмиралтейству, английским военно-воздушным силам и американским монополиям по ценам ниже мировых. Было указано также на ущерб, который наносило Ирану освобождение АИНК от пошлин. В меморандуме говорилось, что, несмотря на предложенный иранским правительством в ноябре 1947 г. план мероприятий, АИНК отказывается сократить иностранный персонал и улучшить условия жизни иранских служащих и рабочих. Выдвигалось требование о необходимости предоставле-

ния иранскому правительству возможности ревизии счетов и бухгалтерских книг компании, а также первоочередного пользования информацией о деятельности АИНК.

С 26 сентября по 13 октября 1948 г. шли переговоры между иранской делегацией и представителями АИНК. Во время переговоров выяснилось, что представители компании не имели полномочий дать ответ на такой широкий круг вопросов, какой был затронут в меморандуме. Н. Гесс попросил у иранской стороны трехмесячной отсрочки с тем, чтобы обсудить меморандум с директорами АИНК в Лондоне ²⁵.

Приход к власти после Хажира в ноябре 1948 г. Саеда Марагеи, крупного помещика и реакционного политического деятеля, вызвал серьезное беспокойство в демократических кругах страны. С одной стороны, правительство за кулисами продолжало переговоры с АИНК, с другой — прилагало усилия для предотвращения расширения антиимпериалистического движения. Подобный курс вызвал резкое недовольство не только у рабочих, ремесленников, мелких служащих и других слоев трудящихся, но и у значительной части купцов и промышленников, заинтересованных в развитии производительных сил в стране.

Промышленная буржуазия и значительная группа купечества и деловых людей для преодоления экономического застоя считали необходимым осуществить программу промышленного строительства. По их мнению, для осуществления этой программы государство должно было оказать содействие национальной буржуазии, используя с этой целью доходы от нефти. Национальную буржуазию поддерживала также значительная часть государственных служащих и часть либеральных помещиков. На этих позициях стоял новый слой национальной буржуазии — предприниматели, которые разбогатели в годы войны благодаря сотрудничеству с командованием союзных войск (представители строительных и транспортных фирм, мастерских, гаражей и т. д.), а после войны испытывали горечь банкротства, охватившего деловые круги страны.

Кровно заинтересованные в расширении внутреннего рынка и развитии производительных сил страны, различные прослойки национальной буржуазии Ирана выступали за укрепление отечественной промышленно-

сти, против проимпериалистического курса правящей клики. Возможность преодоления экономического спада они усматривали в проведении промышленного строительства с использованием доходов от нефти. Важную роль в формировании платформы национальной буржуазии играла патриотически настроенная интеллигенция — журналисты, инженеры, преподаватели университета и т. д. По своему социальному происхождению эти деятели относились к самым различным прослойкам иранского общества.

Выступление национальной буржуазии против правящей верхушки, состоявшей главным образом из консервативных помещиков и компрадоров, по своему классовому содержанию было уже борьбой за власть. Эта борьба объективно осуществлялась в интересах иранского общества в целом, и в этом смысле национальная буржуазия в этот период выражала интересы всего иранского народа, всей общественности страны.

Определенную роль в обострении конфликта с АИНК сыграли действия небольшой группы депутатов меджлиса XV созыва, выразившей интересы национальной буржуазии. Они выступали не только против АИНК, но и против деятельности других английских учреждений в Иране. На одном из заседаний меджлиса в январе 1949 г. депутат Хаери-заде передал президиуму меджлиса полученное от группы общественных деятелей письмо, посвященное деятельности Шахиншахского банка. В нем говорилось, что банк с его широкими полномочиями наносит ущерб финансовой и экономической самостоятельности страны, и предлагалось ограничить права банка кредитованием англо-иранской торговли. Письмо было подписано Нариманом, д-ром Данешпуром, д-ром Масудом Кейханом, д-ром Джезаери и др.²⁶ Как видно из этого письма, а также из публикаций иранской прессы конца 1948 — начала 1949 г., выступления против АИНК ширились и перерастали в борьбу против британских монополий вообще.

Свидетельством роста движения против британских монополий было также выступление Аббаса Искандери в меджлисе в январе 1949 г. Он показал, какими путями английские империалистические круги в течение ряда десятилетий превращали в своих агентов представителей правящих кругов Ирана, и утверждал, что такие

видные политические деятели, как Хакими, Наджм, Эмами и др., являются исполнителями воли британского кабинета. Разоблачая антинародную сущность нефтяной политики иранских правительств, находившихся у власти в послевоенные годы, Искандери призвал к национализации АИНК и внес на рассмотрение меджлиса законопроект об аннулировании концессии АИНК²⁷. Его поддержало лишь небольшое число депутатов, выражавших интересы национальной буржуазии, но тем не менее вопрос о злоупотреблениях АИНК стал предметом острой дискуссии в меджлисе. Этому способствовало усиление борьбы прогрессивных кругов против АИНК, активизация деятельности НПИ и демократических профсоюзов. Сильно оживилась также деятельность мелкобуржуазных правонационалистических политических организаций.

4 февраля 1949 г. была предпринята попытка убийства шаха корреспондентом газеты «Парчаме ислам», близкой к организации «Федаян-е ислам» («Поборники ислама»), которая была использована властями для усиления гонений на демократические организации, органы печати и т. д. По словам иранского автора Лесани, реакционное большинство меджлиса и правительство воспользовались покушением на шаха и добились прекращения дискуссии об АИНК и снятия с повестки дня предложения Искандери²⁸. Власти объявили в столице военное положение, официально запретили НПИ, стали закрывать оппозиционные газеты и т. д. Все эти меры имели целью насильственным путем предотвратить рост антиимпериалистического и демократического движения, которое с 1949 г. приобретало массовый характер.

Ухудшение экономического положения в стране и боязнь расширения демократического движения вынуждали правящую верхушку проявлять определенную настойчивость в том, чтобы добиться увеличения доходов от нефти. Однако связанная с Англией тысячами нитей, она искала компромиссного решения этого вопроса. Вместе с тем напуганные ростом антиимпериалистического движения в начале 1949 г. кабинет Саеда и двор становились все более податливыми в переговорах с АИНК. Это прекрасно понимали английские дипломаты. Широко задуманные репрессивные мероприятия правительства призваны были препятствовать росту массово-

го движения и создавать благоприятные условия для сговора правительства и двора с Англией. В Тегеран прибыл Н. Гесс, и 9 февраля 1949 г. в обстановке строгой секретности возобновились переговоры, которые ни к чему не привели, так как английская сторона упорно отказывалась признавать требование Ирана внести изменения в концессионное соглашение в соответствии с переменами на мировом нефтяном рынке.

Переговоры возобновились в мае 1949 г. На этот раз делегацию АИНК по просьбе Ирана возглавил председатель правления компании Уильям Фрезер. 5 мая он встретился с премьер-министром Ирана Саедом и вручил ему проект Дополнительного соглашения, который якобы удовлетворял все претензии Ирана. Однако иранская делегация, которую возглавлял Гольшаян, отвергла проект, как не отвечающий требованиям закона от 22 октября 1947 г.²⁹

Шахский двор и правительство, опасавшиеся, что обострение спора с АИНК усилит массовое недовольство, выступили за принятие Дополнительного соглашения. Дополнительное соглашение предусматривало увеличение платежей Ирану с 4 до 6 шиллингов с тонны (ст. 3), а также добавочные взносы по 3 пенса с каждой тонны, добытой сверх 6 млн. т (ст. 7), АИНК обязывалась передавать Ирану 20% сумм, помещаемых в резервный фонд. Компания обещала после ратификации соглашения внести в иранскую казну из резервного фонда 5 млн. ф. ст. в качестве просроченных платежей³⁰.

Таким образом, соглашение не отвечало требованиям, выдвинутым иранским правительством в меморандуме. Пойдя на незначительное увеличение концессионных платежей, АИНК сохраняла и все свои права в отношении иранской нефти. Представители Ирана, вначале отказавшиеся даже изучать проект соглашения, под нажимом сверху вынуждены были одобрить его. 17 июля 1949 г. проект Дополнительного соглашения к основному концессионному договору 1933 г. был подписан министром финансов в кабинете Саеда — Гольшаяном и У Фрезером, а 19 июля с оговоркой о спешности передан на рассмотрение меджлиса³¹. Однако форсировать утверждение Дополнительного соглашения меджлисом не удалось. Несмотря на то что переговоры с АИНК

протекали втайне и в основном в условиях военного положения, а деятельность АИНК почти не освещалась в прессе, отдельные общественные организации и политические деятели тщательно изучали условия сдачи нефтяных концессий в других странах, различные аспекты деятельности АИНК и иные вопросы. Партия «Иран», объединявшая в основном представителей тегеранской интеллигенции, вошла в контакт с меньшинством меджлиса и пришла к решению о совместном выступлении против утверждения Дополнительного соглашения. Деятели партии «Иран» подготовили разоблачающие АИНК и правящие круги материалы, а депутаты меньшинства использовали их в своих выступлениях против ратификации меджлисом Дополнительного соглашения³². 23 июля 1949 г., когда начались прения вокруг Дополнительного соглашения, Х. Макки начал свою рассчитанную на четыре дня речь против утверждения соглашения. Большинство меджлиса с первого же дня, видимо, угадало тактику меньшинства, которое намеревалось затянуть дебаты до истечения срока полномочий меджлиса XV созыва. Поэтому депутаты, выражавшие взгляды двора и правящей верхушки (Шариат-заде, Аболкасем Амини, Батманкылыч), попытались воспрепятствовать выступлению Х. Макки, порою прибегая к шантажу и грубым выходкам³³. В перерывах между заседаниями депутаты меньшинства (Багаи, Кермани, Хаери-заде, Азад) обратились с интерпелляцией к правительству Саеда, в которой обвинили главу кабинета во вмешательстве в законодательные функции государства, с тем чтобы в интересах АИНК добиться утверждения Дополнительного соглашения³⁴.

Выступления депутатов меньшинства поддерживались демократическими организациями и широкой общественностью. Так, в выпущенном 21 июля 1949 г. воззвании партия «Иран» призывала меджлис отказаться от одобрения Дополнительного соглашения³⁵. За три дня до истечения срока полномочий меджлиса большая группа недовольных политикой правительства лиц сделала попытку организовать массовый митинг в Тегеране и потребовать от депутатов отклонения Дополнительного соглашения. Однако военные власти и полиция воспрепятствовали проведению этого мероприятия. Тем не менее ко времени завершения полномочий меджлиса XV созыва

ва правительству поставить на голосование Дополнительное соглашение не удалось.

С окончанием работы меджлиса XV созыва, так и не утвердившего проект соглашения, завершился первый этап борьбы иранской общественности против Дополнительного соглашения. Хотя в парламенте число противников Дополнительного соглашения было незначительным, тем не менее их поддерживали широкие слои общественности. С начала 1949 г. наблюдались отдельные выступления рабочих, студентов и т. д. за восстановление прав Ирана на южную нефть, а после июля 1949 г. — против заключения Дополнительного соглашения. Однако эти выступления не всегда носили массовый характер. Причина заключалась в том, что идеи национализации нефтяной промышленности еще не проникли в сознание широких слоев населения. Отрицательное влияние на рост антиимпериалистического и демократического движения оказывало военное положение, а также репрессии властей. Но ясно было одно: вопрос о южной нефти постепенно становился главной политической и экономической проблемой страны. Поэтому как правящие круги, так и представители национальной буржуазии придавали большое значение предстоявшим выборам в меджлис XVI созыва, ибо вопрос о заключении Дополнительного соглашения должен был решаться в парламенте.

Шахский двор и правительство, выразившие интересы купцов-компрадоров, крупных помещиков и тесно связанных с ними военных чинов и верхушки духовенства, были заинтересованы в укреплении существующего режима в стране. Опасаясь движения народных масс, они видели в расширении своих экономических и политических связей с западным империализмом важное условие упрочения своей власти, что делало их уступчивыми в переговорах с АИНК. Но среди этих кругов отдельные лица считали, что от АИНК следуют получать намного больше прибылей, чем те, что предусматривало Дополнительное соглашение. Определенная же часть представителей правящих кругов была настроена проамерикански, что делало их противниками утверждения Дополнительного соглашения.

Принимая во внимание рост демократического движения и роли национальной буржуазии, наиболее опыт-

ные политические деятели из представителей правящих кругов вынашивали идею создания сената, рассчитывая с его помощью понизить значение меджлиса. Законопроект о созыве сената, предложенный меджлису Манучехром Экбалем, был утвержден в мае 1949 г. Помимо того, созванное в 1949 г. Учредительное собрание (на незаконность и непредставительность которого неоднократно указывалось демократическими кругами) приняло решение о расширении прав шаха. При помощи сената и путем предоставления шаху чрезвычайных прав правящие круги стремились облегчить утверждение Дополнительного соглашения в парламенте. Эти маневры придворных и проимпериалистических сил свидетельствовали об их намерении не допустить избрания в меджлис представителей национальной буржуазии и превратить его в послушное орудие правящих кругов.

В то же время активизировали свою деятельность политические и общественные деятели и организации, выражавшие интересы национальной буржуазии.

Поводом для объединения представителей национальной буржуазии послужила необходимость совместного выступления против прямого нарушения правительством положения о выборах в меджлис, за прекращение крайне антидемократических мероприятий и отмену антинародных законов, в частности принятого 3 марта 1949 г. меджлисом XV созыва Закона о печати, подготовленного правительством Саеда. Так, осенью 1949 г. 20 общественных деятелей и журналистов во главе с д-ром Мосаддыком³⁶ сели в бест во дворе шахского дворца и потребовали, чтобы правительство перестало вмешиваться в выборную кампанию. После того как правительство дало торжественное обещание выполнять их требования, засевшие в бест общественные деятели и журналисты покинули место беста и собрались в доме д-ра Мосаддыка с тем, чтобы разработать совместный план действий в период предвыборной кампании. Они поставили перед собой цель добиться осуществления трех основных задач: свободы выборов, свободы печати, т. е. приостановления действия антидемократического Закона о печати от 3 марта 1949 г., отмены Закона о военном положении³⁷. Во время этого совещания был официально создан Национальный фронт (НФ) — политическая организация, которую возглавил д-р Мосаддык.

В период создания Национальный фронт представлял собой не коалицию партий, как часто пишут, а объединение групп политических деятелей, выражавших интересы различных прослоек иранской национальной буржуазии³⁸. Он объединял и прогрессивно настроенную интеллигенцию, и лиц, придерживавшихся антидемократических взглядов, но выступавших против АИНК в силу своих националистических настроений. Среди этих последних были деятели (Хаери-заде, Баган и др.), которые в борьбе против АИНК и Англии считали целесообразным опираться на поддержку США.

Мосаддык решительно возражал против официального вхождения в НФ какой-либо партии или организации, хотя несколько позже к НФ стали примыкать вновь образованные буржуазные и мелкобуржуазные партии. Руководители партии «Иран» были самыми твердыми приверженцами д-ра Мосаддыка и как бы составляли ядро НФ.

Хотя руководители НФ придавали большое значение вопросу об АИНК, на первых порах он не нашел отражения в декларациях этой организации. Вся деятельность НФ была направлена на то, чтобы добиться успеха на выборах в меджлис XVI созыва. Несмотря на свое торжественное обещание, правительство, прибегая ко всяким злоупотреблениям и махинациям, продолжало политику протаскивания в парламент угодных ему кандидатов. Дело доходило до того, что члены НФ организовывали ночные дежурства у избирательных урн с тем, чтобы воспрепятствовать их подмене представителями властей. Однако после убийства 4 ноября 1949 г. представителем подпольной мелкобуржуазной клерикальной организации «Федаян-е ислам» министра двора А. Хажира, который был известен как ярый сторонник утверждения Дополнительного соглашения с АИНК, правительственные круги заметно ослабили свое вмешательство в ход выборов. Видимо, правительство стало опасаться расширения охватившего столицу брожения. По требованию НФ результаты выборов в Тегеране были аннулированы.

Национальный фронт еще активнее включился в выборную кампанию. 7 февраля 1950 г. на митинге в Тегеране на площади Бахарестан Мосаддык резко осудил вмешательство правительства в ход выборов и при-

звал население столицы голосовать за кандидатов НФ³⁹. Объявленные в начале апреля результаты новых выборов в меджлис от Тегерана свидетельствовали о победе членов и сторонников НФ. Наибольшее число голосов было подано за Мосаддыка, Багаи, Макки, Хаери-заде и Кашани. Были избраны в меджлис также Шаеган и Нариман. После завершения выборов НФ сразу же объявил нефтяной вопрос главной задачей своей деятельности, считая его ключом для решения всех экономических и политических проблем страны⁴⁰.

Меджлис XVI созыва приступил к работе в феврале 1950 г., когда выборы в столице еще не были закончены. Несмотря на рост антиимпериалистического движения, правящие круги, и особенно двор, продолжали политику уступок АИНК и добивались утверждения Дополнительного соглашения. Представители национальной буржуазии развернули кампанию против Дополнительного соглашения. 19 июня Мосаддык зачитал в меджлисе послание муджтехиды Аболькасема Кашани⁴¹, в котором тот осуждал соглашение и призывал иранцев восстановить свои права на нефть. Кашани подверг также резкой критике решения Учредительного собрания о расширении прерогатив шаха⁴². 19 июня меджлис постановил передать Дополнительное соглашение на заключение специально для этого созданной нефтяной комиссии. 26 июня меджлис избрал в состав комиссии 18 депутатов, в том числе членов Национального фронта: д-ра Мосаддыка, д-ра Шаегана, Аллаяра Салеха, Хосейна Макки и Хаери-заде⁴³. После того как правительство Саеда, полностью проявившее свою антинародную сущность вмешательством в ход избирательной кампании, 19 марта 1950 г. вынуждено было уйти в отставку, пост премьер-министра занял Али Мансур. Близкий к шаху престарелый премьер-министр передал Дополнительное соглашение в меджлис для обсуждения, однако, опасаясь выступлений против своего кабинета, он не выразил своего отношения к соглашению⁴⁴. И тем не менее Али Мансору пришлось уйти в отставку, но на этот раз отставка правительства произошла под давлением той части правящих кругов, которым нужен был решительный защитник их взглядов на нефтяную проблему. 27 июня 1950 г. шах назначил премьер-министром генерала Размару, одного из близких к нему высших воен-

ных чинов иранской армии. Вступление Размары на этот пост означало, что правящие круги намерены разрешить нефтяной вопрос по своему усмотрению путем установления военной диктатуры. Поэтому приход к власти Размары был встречен враждебными выступлениями против него как в меджлисе (со стороны членов НФ), так и вне его.

Желая как-то успокоить демократическую общественность, предотвратить надвигающийся кризис и укрепить позиции своего правительства, Размара предпринял ряд внутривластных и внешнеполитических акций. В октябре 1950 г. было подписано новое торговое соглашение с Советским Союзом⁴⁵. Вместе с тем Размара предложил американским советникам покинуть Иран. Он принял также решение отозвать из США группу направленных туда на стажировку офицеров иранской армии. Размара расторг контракт с американской компанией «Оверсиз Консалтанс», приглашенной в 1948 г. для оказания помощи при составлении первого семилетнего плана развития. Подобные мероприятия Размары, по суждениям отдельных иранских авторов, были направлены на установление в Иране политического «равновесия», т. е. преследовали цель не допустить преобладания влияния какой-либо великой державы в стране. Однако фактически политика Размары была направлена на защиту интересов Англии.

Правительство Размары чинило всяческие препятствия работе нефтяной комиссии меджлиса. Несмотря на это и на подрывные действия некоторых членов комиссии, она на своих 25 заседаниях рассмотрела большое количество различных материалов, позволивших вскрыть вмешательство АИНК во внутренние дела Ирана и нарушение компанией соглашения 1933 г. Ознакомление с материалами о деятельности АИНК, как отмечал д-р Мосаддык, произвело удручающее впечатление на членов комиссии, особенно на деятелей НФ. На одном из последних заседаний, протекавших в напряженной обстановке, члены НФ внесли предложение о национализации нефтяной промышленности страны. Однако остальные члены комиссии отказались поддержать эту идею.

В ноябре 1950 г. комиссия закончила работу и единогласно отвергла Дополнительное соглашение на основании того, что оно недостаточно обеспечивает права

Ирана. Такое единодушное решение объяснялось тем, что ко времени завершения работы комиссии Дополнительное соглашение стало настолько непопулярным в стране, что открыто защищать его отказывались даже многие представители проимпериалистически настроенных придворных кругов.

В период работы комиссии депутаты меджлиса от НФ продолжали разоблачать антинародную нефтяную политику правительства, а также вели подготовку общественного мнения против принятия Дополнительного соглашения. Они выступали с обстоятельными речами о различных аспектах — социальном, политическом, правовом и техническом — нефтяного вопроса, с тем чтобы показать колонизаторскую сущность деятельности АИНК. Махмуд Нариман в прениях по отчету нефтяной комиссии указывал, что «нет никаких сомнений в том, что политическая независимость без экономической самостоятельности не имеет никакого значения»⁴⁶. Подвергая резкой критике Дополнительное соглашение, депутаты от НФ отмечали, что в нем учтены лишь три из 25 пунктов иранского меморандума, важнейшие же пункты этого документа, подчеркивали они, не нашли отражения в Дополнительном соглашении.

Помимо выступлений в меджлисе депутатов — членов НФ росту патриотических и националистических чувств в большой мере способствовали левые органы печати и такие газеты, как «Бахтар-е эмруз», «Джабхе-йе Азади», «Шахед» и др., выражавшие взгляды иранской национальной буржуазии и средних слоев. В речах депутатов от НФ, и особенно Мосаддыка, Аллаяра Салеха, Х. Макки, сильное звучание приобрела также критика антидемократических мероприятий двора и правительства. Выступая в меджлисе за отмену Закона о печати от 3 марта 1949 г. и Закона о правилах объявления военного положения, отдельные депутаты призывали к ограничению прав монарха. Д-р Мосаддык в одной из своих речей в меджлисе отмечал, что во время встречи с шахом Ирана он сказал ему: «Ваше величество, чем меньшими правами вы будете пользоваться, тем больше у вас будет шансов на сохранение власти»⁴⁷.

Несмотря на рост недовольства, генерал Размара проявлял большую настойчивость в попытках протолкнуть в меджлисе Дополнительное соглашение. Он выступал

также в роли прямого защитника интересов двора в вопросе о правах монарха. Речь Размары 16 октября 1950 г в сенате окончательно показала, что кабинет «сильного человека» свою главную задачу видит в том, чтобы добиться утверждения Дополнительного соглашения парламентом.

Между тем в декабре 1950 г. движение против Дополнительного соглашения получило широкий размах и приобрело массовый характер. На 93-м заседании меджлиса XVI созыва Х. Макки от имени Мосаддыка вручил президиуму предложение о национализации нефтяной промышленности Ирана, составленное 11 депутатами — членами НФ и подписанное также сторонниками Национального фронта Мир Сеидом Али Бехбехани, Аббасом Ислами и Каземом Шейбани⁴⁸. В ответ на все это правительство прибегло к репрессивным мероприятиям; были совершены налеты на редакции демократических газет, за депутатами — членами НФ велась постоянная открытая слежка. Несмотря на все это, движение за аннулирование Дополнительного соглашения расширялось.

Во время обсуждения на 95-м заседании меджлиса отчета специальной нефтяной комиссии студенты Тегеранского университета устроили митинг перед зданием парламента. В принятом на митинге решении, которое было зачитано на заседании меджлиса, студенты требовали аннулирования концессии АИНК.

На следующем заседании меджлиса депутаты от НФ вновь вручили меджлису предложение о национализации нефтяной промышленности. 22 декабря в мечети «Шах» состоялся митинг, организованный Обществом борцов за ислам и его лидером Кашани. Участники митинга также потребовали национализации нефтяной промышленности. 24 декабря началась новая волна студенческих демонстраций и митингов, участники которых настаивали на аннулировании соглашения 1933 г., национализации нефтяной промышленности и отмене военного положения в Хузестане⁴⁹.

Таким образом, выступления против Дополнительного соглашения приобрели общенациональный характер, охватив рабочих и средние слои — ремесленников, студентов, мелких торговцев, купцов, духовенство и т. д., т. е. большинство городского населения. Все это выму-

дило правительство изменить политику в отношении Дополнительного соглашения. На заседании меджлиса 26 декабря 1950 г. министр финансов Форухар официально объявил об аннулировании соглашения, но высказался в пользу дальнейших переговоров с компанией⁵⁹.

В начале 1951 г. в Иране распространилось известие о подписании соглашения между американской нефтяной компанией АРАМКО и правительством Саудовской Аравии, по которому предусматривалось деление прибылей поровну (50:50). Это известие вызвало сильную реакцию в политических кругах Ирана, и правительство Размары решило добиться от АИНК более высокой доли отчислений. Одновременно оно стремилось не допустить расширения и углубления антиимпериалистического движения в стране.

Еще в декабре 1950 г. была создана комиссия в составе девяти человек (два члена сената и семь членов меджлиса) для выработки политики правительства в нефтяном вопросе в целях выполнения закона от 22 октября 1947 г.⁶¹ Среди поступивших в комиссию в январе 1951 г. многочисленных заявлений было предложение депутатов от НФ, призывавшее к национализации нефтяной промышленности страны. Это предложение получило мощную поддержку вне стен парламента. Принимавшие все больший размах выступления рабочих, мелкобуржуазных прослоек и интеллигенции после 26 декабря 1950 г. проходили под лозунгом национализации нефтяной промышленности. Важное значение имел массовый митинг в Тегеране 29 декабря 1950 г., в котором приняли участие рабочие, ремесленники, учащиеся, студенты, члены и сторонники партии «Иран» и Общества борцов-мусульман. На митинге была принята резолюция, осуждавшая позицию правительства в вопросе о Дополнительном соглашении, а также проимпериалистическую направленность передач тегеранского радио. В резолюции содержались требования отказаться от преследований патриотической прессы, об отмене военного положения и, наконец, о национализации нефтяной промышленности⁵².

Правительство вынуждено было отступить, и 9 января 1951 г. был издан новый закон о печати, а 23 января — закон, запрещающий объявление военного положения без предварительного разрешения меджлиса⁵³.

Проведением этих мероприятий правительство пыталось успокоить общественное мнение и предотвратить рост антиимпериалистического и демократического движения в стране. В то же время, как утверждал бывший британский посол в Иране Ридер Буллард, Размара договорился с АИНК о заключении нового соглашения, по которому Ирану отчислялось бы 50% прибыли, и оказывал давление на депутатов меджлиса с тем, чтобы они поддержали идею новых переговоров⁵⁴.

В январе — феврале 1951 г., когда двор и правительство Размары встали на путь заключения нового соглашения с АИНК, ряд крупных духовных лиц поддержал призывы Кашани о национализации нефтяной промышленности, с которыми он выступил на массовом митинге 26 января 1951 г.⁵⁵ Этот факт был еще одним свидетельством того, что движение за национализацию стало приобретать общенациональный характер.

Развернувшееся массовое движение за ликвидацию АИНК вызывало тревогу в политических кругах Англии, и 24 февраля 1951 г. британский посол Френсис Шеперд вручил Размаре ноту, в которой предупредил иранское правительство, что, хотя АИНК и английское правительство готовы к переговорам об увеличении доли Ирана до 50% в доходах от нефти, тем не менее под угрозой национализации они их вести не будут⁵⁶. Сообщение о таком неприкрытом вмешательстве во внутренние дела страны с возмущением было встречено иранской общественностью.

После консультаций с придворными кругами и своими экспертами Размара 3 марта 1951 г. обнародовал доклад по нефтяному вопросу, в котором отверг идею национализации. Он указывал, что, предприняв такой шаг, Иран будет вынужден выплатить АИНК от 300 млн. до 500 млн. ф. ст. в виде компенсаций и к тому же страна не имеет научных и технических специалистов для управления нефтяной промышленностью. Премьер-министр ратовал за заключение «справедливого соглашения» с АИНК, о чем он уже договорился с компанией и британским правительством. Доклад Размары был направлен в специальную нефтяную комиссию меджлиса в качестве официального документа⁵⁷. Общественностью этот доклад был воспринят как защита интересов АИНК и вызвал резкое осуждение прессы и антианглийски на-

строенных депутатов меджлиса. 7 марта 1951 г. Размара был убит террористом — членом «Федаян-е ислам».

8 марта 1951 г. комиссия единогласно приняла резолюцию, одобрявшую предложение Мосаддыка и Национального фронта о национализации нефтяной промышленности. 15 марта меджлис утвердил решение комиссии и продлил ее полномочия на два месяца для выработки предложений по осуществлению национализации нефтяной промышленности. 20 марта решение было одобрено сенатом.

Пришедшее к власти 11 марта — после убийства Размары — правительство Хосейна Ала, известного своими связями с двором и с политическими кругами США и Англии, стремилось свести на нет принцип национализации, не добиваясь аннулирования принятой резолюции. 14 марта он издал циркуляр о запрещении митингов и демонстраций, ввел военное положение на два месяца в столице и в Хузестане. Однако рабочее движение, охватившее районы юга, а также дальнейший рост антиимпериалистических и демократических выступлений по всей стране, и особенно в крупных городах, оказали сильное влияние на развитие политических событий и свели на нет замыслы правительства и двора. 16 марта 1951 г., несмотря на запреты, в столице по инициативе Национального общества борьбы против АИНК был организован многотысячный митинг, участники которого потребовали немедленного проведения в жизнь принципа национализации нефтяной промышленности юга. Одобрение меджлисом национализации нефтяной промышленности с огромной радостью было встречено широкими народными массами. Особый энтузиазм наблюдался среди рабочих-иранцев предприятий АИНК. В ответ на активизацию деятельности демократических профсоюзов АИНК внезапно прекратила выплату дотаций⁵⁸ нефтяникам Бендер-Машура, Агаджари, Нефтсефида. Начавшаяся 21 марта в Бендер-Машуре в знак протеста против действий администрации забастовка охватила также Агаджари и Нефтсефид. Вскоре к забастовке присоединилась часть рабочих Месджеде-Солеймана и Абадана. 26 марта иранское правительство объявило военное положение в зоне деятельности АИНК. В районы нефтепроводов и Абадан были направлены правительственные войска, а корабли английского воен-

но-морского флота осуществляли демонстрацию силы в зоне Персидского залива. Тем не менее большинство рабочих АИНК продолжали забастовку. В конце марта и особенно в первой половине апреля в Абадане и Бендер-Машуре происходили столкновения между рабочими и солдатами. 29 марта в Абадане правительственные войска открыли стрельбу по забастовщикам, в результате которой было убито три и ранено несколько рабочих. 12 апреля по приказу военного губернатора Бендер-Машура войска обстреляли мирную демонстрацию рабочих, в результате было убито 13 человек, из них трое детей. В тот же день в Абадане войска вновь открыли стрельбу по рабочим, убив шесть и ранив 13 человек⁵⁹. Несмотря на произведенные военными властями массовые аресты среди рабочих-активистов, забастовка не прекращалась. Лидеры НФ — Мосаддык и особенно Кашани, Макки и другие призывали рабочих отказаться от забастовки, которая якобы дает повод англичанам спровоцировать военный конфликт с Ираном.

Рабочие Тегерана, Тебриза, Исфахана, Ахваза и других городов организовали выступления протеста против действий властей и в знак солидарности с нефтяниками. Особенно многолюдным был митинг протеста в Тегеране, который состоялся 13 апреля 1951 г. по инициативе НПИ, демократических профсоюзов [Центрального объединенного совета профсоюзов Ирана (ЦОСПИ)] и Национального общества борьбы против АИНК — массовой общественной организации, созданной прогрессивными кругами. Участники митинга потребовали ликвидации АИНК, вывода английских военных кораблей из зоны нефтяных районов, отмены военного положения в Хузестане и т. д.⁶⁰. 22 апреля на площади Бахарестан в Тегеране состоялся 20-тысячный митинг учащейся молодежи, также проходивший под лозунгами солидарности с нефтяниками юга и немедленной ликвидации АИНК. 16 апреля были удовлетворены требования рабочих Бендер-Машура, Агаджари, Нефтсефида. Забастовка в Абадане кончилась лишь 25 апреля. Однако и в последующие дни апреля выступления рабочих за улучшение своего материального положения и за изгнание АИНК продолжались. Именно эти и многие другие выступления рабочих и городских средних слоев, проводимые по инициативе НПИ, ЦОСПИ и примыкавших к

ним левых организаций, НФ и поддерживавших его партий, способствовали утверждению 26 апреля 1951 г. нефтяной комиссией меджлиса закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности. Подобное развитие событий предрешило судьбу кабинета Хосейна Ала; 27 апреля он подал в отставку.

28 апреля меджлис единогласно одобрил закон об осуществлении национализации нефтяной промышленности. Премьер-министром был утвержден лидер НФ д-р Мохаммед Мосаддык.

Принятие нового закона о национализации нефтяной промышленности было важным этапом в развитии антиимпериалистического движения в Иране, так как закон от 15 марта 1951 г. в принципе провозглашал акт о национализации. Новый закон из девяти статей намечал конкретные меры для осуществления национализации нефтяной промышленности Ирана. Закон предусматривал немедленную передачу имущества АИНК в собственность иранского государства. Для наблюдения за выполнением закона предлагалось создание смешанной (состоявшей из членов обеих палат и представителя правительства) комиссии. Правительство обязано было под контролем комиссии провести ревизию финансовой отчетности компании. Смешанная комиссия должна была разработать устав Иранской национальной нефтяной компании (ИННК), а также программу подготовки иранских специалистов по нефти. В ст. 7 закона говорилось: «Все покупатели продукции нефтяных предприятий, перешедших в руки Ирана от бывшей АИНК, впредь ежегодно могут приобретать по мировым ценам то же самое количество нефти, какое они импортировали в период с начала 1948 г. по 20 марта 1951 г. Право на получение дополнительного количества нефти будет предоставляться тем, кто станет закупать ее по таким же ценам»⁶¹. Ст. 3 закона была посвящена вопросу о необходимости рассмотрения правительством справедливых претензий Ирана к компании. Таким образом, закон наметил пути для осуществления национализации нефтяной промышленности.

И хотя закон о национализации нефтяной промышленности предусматривал выплату компенсации компании, тем не менее АИНК и британское правительство отказались признать его.

Кабинет Мосаддыка объявил своей главной задачей осуществление закона о национализации нефтяной промышленности. В своей речи после вступления на пост премьер-министра Мосаддык заявил, что его правительство приложит все усилия для того, чтобы сделать доходы от нефтяной промышленности достоянием иранского народа, и в своей деятельности будет придерживаться закона об осуществлении национализации из девяти статей. Однако действия правительства натолкнулись на серьезные препятствия, созданные деятельностью западных монополий и правительств Соединенных Штатов Америки и Англии.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В БОРЬБЕ ЗА ИРАНСКУЮ НЕФТЬ

Определенную роль в возникновении и развитии англо-иранского конфликта сыграли империалистические круги США, так как американские монополии были крайне заинтересованы в получении доступа к иранской нефти⁶². Серьезные попытки получить концессию на разработку нефтяных месторождений в Иране американские компании делали еще в 1920 г.⁶³. Большое значение этому вопросу придавалось американскими монополиями и в годы второй мировой войны. Государственный департамент летом 1944 г. призывал своих чиновников обратить внимание на вопрос о возможности получения нефтяных концессий в Иране, а осенью того же года велись переговоры между правительством Ирана и представителями США относительно концессионного соглашения⁶⁴.

В послевоенный период американские нефтяные монополии продолжали использовать любые возможности для того, чтобы получить доступ к нефтяным богатствам Ирана. Так, американская фирма «Оверсиз Консалтантс», тесно связанная с нефтяной корпорацией «Стандард Ойл оф Нью-Джерси»⁶⁵, в своем докладе о семилетнем плане Ирана серьезное внимание уделяла созданию и перспективам деятельности Акционерного общества иранской нефти⁶⁶.

Стремясь добиться права на эксплуатацию иранской нефти, монополии США порою поддерживали Иран в его

конфликте с АИНК. Это было вызвано, видимо, и тем, что в сравнении с американскими фирмами, действовавшими на Ближнем и Среднем Востоке, АИНК находилась в более благоприятных условиях для получения сверхприбылей. Это усиливало конкуренцию между американскими и английскими компаниями. Американский эксперт по нефти А. А. Кэртис (приезжавший в Иран в 1944 г. с другим видным специалистом, Гербертом Гувером-младшим), а также руководитель миссии «Оверсиз Консалтантс» Макс Торнберг подтвердили справедливость претензий Ирана, изложенных в меморандуме, врученном представителям АИНК в сентябре 1948 г. Открытая критика в адрес АИНК содержалась также в выступлении Торнберга в январе 1951 г.⁶⁷ Подобной же критике подверг АИНК помощник государственного секретаря США по Ближнему Востоку Джордж Макги⁶⁸, посетивший Тегеран в марте 1951 г. Ряд политических деятелей США объявляли АИНК виновницей экономической отсталости Ирана.

В основе политики поддержки США претензий Ирана к АИНК в 1949—1950 гг. лежали экономические интересы американских монополий, а также стремление правительственных кругов США расширить и укрепить свои позиции в Иране. Тем не менее, как справедливо указывал американский автор Гамильтон, «международные нефтяные компании и американские дипломаты были серьезно озабочены таким поворотом событий в Иране. Национализация нефтяной промышленности в Иране могла подать новый пример для всех других нефтедобывающих стран Ближнего Востока»⁶⁹.

Американские монополии развернули бешеную деятельность для проникновения в иранскую нефтяную промышленность, заявив в свое оправдание, что вследствие национализации в Иране образовался «вакуум»⁷⁰. Британское правительство и АИНК вынуждены были согласиться на участие США в разрешении англо-иранского конфликта. Это объяснялось в первую очередь ослаблением позиций Англии на Ближнем и Среднем Востоке после второй мировой войны. С одной стороны, США предоставляли помощь Англии, ослабленной в ходе мировой войны, а с другой — в лице крупнейших нефтяных корпораций вели наступление на позиции британских монополий на Ближнем и Среднем Востоке.

Со времени возникновения англо-иранского конфликта АИНК и стоявшее за ее спиной британское правительство держались твердого курса в переговорах с иранским кабинетом. Это объяснялось рядом обстоятельств, и прежде всего нежеланием терять столь выгодную концессию в такой трудный для хозяйства Англии период. Настойчивость АИНК в переговорах с Ираном неразрывно была связана с экономической политикой британского правительства в послевоенный период. В общепризнанном весной 1949 г. четырехлетнем плане экономического развития правительство лейбористов большое значение придавало «вкладу» колоний в дело увеличения сырья, и особенно тех видов, в которых были заинтересованы США⁷¹. Иранская нефть была одной из основных статей экспорта Англии, обеспечивавших долларовые поступления. В послевоенный период нефть из стран Ближнего и Среднего Востока стала решающим фактором в сведении платежного баланса Англии с активным сальдо⁷². Заинтересованность в сверхприбылях от иранской нефти, а также традиционные связи со многими представителями правящих кругов Ирана послужили основными причинами того, что в переговорах с Ираном АИНК шла лишь на незначительные уступки.

В период переговоров с АИНК депутаты меджлиса из среды реакционных помещиков и некоторых ханов выступали против осуществления идеи национализации. Однако мощное освободительное и демократическое движение вынудило даже проанглийски настроенных депутатов голосовать в марте 1951 г. за национализацию нефтяной промышленности.

После решения меджлиса о национализации нефтяной промышленности правительство Англии, прибегая к военным угрозам и рассчитывая на конечную победу в переговорах с иранскими властями, вступило на излюбленный британской дипломатией путь затяжек и отсрочек. 19 мая министр иностранных дел Англии послал памятную записку иранскому правительству, в которой отказался признать национализацию и сделал предложение о переговорах для заключения нового соглашения⁷³. Наряду с этим британское правительство предприняло ряд военных демонстраций⁷⁴ с целью запугать Иран.

Еще накануне принятия меджлисом закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности АИНК в письме от 28 апреля 1951 г. на имя премьер-министра объявила протест против издания этого закона. Вместе с тем представители компании выдвинули предложение о переговорах⁷⁵. Однако ответа на это письмо не последовало, так как в тот же день Хосейн Ала подал в отставку, а меджлис одобрил закон о национализации.

8 мая 1951 г. АИНК, игнорируя решения иранского парламента и ссылаясь на ст. 22 соглашения 1933 г. о конфликтах, объявила о своем намерении передать дело на арбитраж. Министр финансов правительства Мосаддыка в своем письме расценил предложение компании как попытку пренебречь суверенными правами иранского народа. Он предложил АИНК немедленно назначить своего представителя для претворения в жизнь закона о национализации⁷⁶. В письме министра финансов от 22 мая в адрес АИНК указывалось, что 30 мая 1951 г.— последний срок направления компанией своего представителя. Несмотря на это, Англия обратилась в Международный суд с жалобой на Иран!

Обострение англо-иранских отношений США сочли удобным моментом для открытого вмешательства в нефтяной конфликт. Первым крупным шагом в этом направлении был созыв в Вашингтоне двустороннего совещания по нефти, продолжавшегося с 9 по 19 апреля 1951 г. США потребовали от Англии признания национализации, несомненно, рассчитывая, как отмечал Д. Н. Притт, утвердиться в Иране и «помочь» ему «вести добычу нефти, прибрав к рукам значительную ее часть»⁷⁷. Однако делегация Англии (в ее состав входил и представитель АИНК Гесс) соглашалась только увеличить долю Ирана в прибылях и допустить отдельных иранцев в правление компании⁷⁸.

Хотя после принятия закона об осуществлении национализации госдепартамент США формально сообщил о своем нейтралитете в англо-иранском конфликте, тем не менее уже 18 мая 1951 г. было опубликовано его заявление, где указывалось, что американские нефтяные монополии, вследствие того что Иран односторонне совершил акт национализации, не склонны заменить британскую компанию в стране⁷⁹. Заявление свидетельствовало

ло о том, что крупнейшие нефтяные корпорации США, опасаясь распространения «иранского примера» на другие районы, намерены поддержать АИНК.

21 мая иранский премьер-министр д-р Мосаддык направил США ноту протеста, в которой оценивал заявление от 18 мая как вмешательство во внутренние дела Ирана⁸⁰. Осуждение американского заявления «вызвало, — как писал Элвелл-Саттон, — значительную озабоченность в Вашингтоне»⁸¹. 23 мая 1951 г. государственный секретарь США Дин Ачесон поспешил заверить Иран в «дружественных» намерениях США⁸².

В 1951 г. в политических кругах США в вопросе об иранской нефти наблюдались две основные тенденции. Приверженцы одной из них считали, что антианглийские выступления в Иране могут перерасти в социалистическую революцию и поэтому США должны поддержать националистическое правительство Мосаддыка. Сторонники этих взглядов намеревались полностью вытеснить из Ирана АИНК и заменить ее американскими компаниями. Названная тенденция находила отражение в выступлениях ряда американских деятелей, в частности посла США в Иране Генри Френсиса Грэйди, который порою открыто поддерживал антианглийское движение⁸³.

Сторонники другой тенденции выступали за проведение согласованной англо-американской политики в Иране. Благодаря поддержке крупнейших американских компаний, входивших в Международный нефтяной картель⁸⁴, эта тенденция стала преобладающей в 1951 г.

В действительности на первых порах американские нефтяные корпорации с одобрением следили за развитием англо-иранского нефтяного конфликта. Однако после национализации, узнав о стремлении Ирана к развитию независимой нефтяной промышленности и отказе правительства Мосаддыка заменить АИНК другой компанией, крупнейшие американские корпорации решили добиться доступа к иранской нефти путем создания единого англо-американского блока с целью не допустить самостоятельного выхода Ирана на мировой рынок. Это решение определило основную линию в политике госдепартамента по вопросу об иранской нефти, хотя в 1951—1952 гг. политика США в Иране временами отличалась двойственностью. Ряд государственных деятелей и высо-

копоставленных чиновников США выражали интересы нефтяных корпораций США⁸⁵. Правительство Трумэна предпринимало усилия для того, чтобы свести на нет национализацию иранской нефти и заставить правительство Мосаддыка подчиниться воле АИНК и американских корпораций.

США, учитывая, что вооруженная интервенция в Иране приведет к развитию антиимпериалистического движения в стране, не поддерживали военные планы Англии. Серьезным моментом, сдерживающим агрессивные устремления Англии, как неоднократно указывалось авторами различных убеждений, был советско-иранский договор от 1921 г. Еще в период обсуждения предложенной специальной нефтяной комиссии депутаты от НФ, ссылаясь на этот договор, призывали меджлис не опасаться интервенции Англии, ибо Советский Союз в критический момент окажет Ирану необходимую поддержку.

29 мая 1951 г. министр иностранных дел Англии Моррисон заявил, что его правительство разработало проект соглашения, «который включает определенную форму национализации, но содержит условие, что в остальных отношениях Англия получит удовлетворение»⁸⁶. 30 мая иранское правительство заявило о готовности приступить к переговорам, если они будут вестись с компанией, а не с британским правительством⁸⁷. 1 июня 1951 г. Трумэн направил свои личные послания д-ру Мосаддыку и Эттли, в которых призывал их к урегулированию конфликта «во имя общих интересов западного мира»⁸⁸. 3 июня 1951 г. правление АИНК заявило о готовности начать переговоры.

К концу первой декады июня 1951 г. в Тегеран прибыла делегация АИНК во главе с Б. Джексоном, вице-председателем правления компании. Иранскую делегацию возглавлял министр финансов Варасте. Б. Джексон выдвинул предложение о создании новой компании вместо АИНК со включением в состав ее директоров иранцев. Эта компания должна была действовать от имени Иранской национальной нефтяной компании (ИННК). Делегация АИНК обязалась внести Ирану немедленно 10 млн. ф. ст. и с июля 1951 г. ежемесячно выплачивать по 3 млн. ф. ст. в течение всего времени, необходимого для достижения соглашения. Иранское правительство отвергло эти условия. 21 июня Мосаддык доложил медж-

лису и сенату о ходе переговоров и получил вотум доверия. В своем выступлении 20 июня по радио д-р Мосаддык заявил, что АИНК не желает понять интересы Ирана, признать в целом закон о национализации нефтяной промышленности. Поэтому, сказал он, правительство и нефтяная комиссия меджлиса приняли необходимые меры для претворения в жизнь национализации⁸⁹. 21 июня 1951 г. временное правление ИННК опубликовало в Хорремшехре заявление, в котором говорилось, что все служащие и рабочие (включая иностранцев) бывшей АИНК считаются персоналом ИННК с сохранением их заработной платы и других прав⁹⁰.

21 июня в меджлис на обсуждение был представлен законопроект, в котором предлагалось передавать на рассмотрение военно-полевых судов все дела о саботаже и порче имущества ИННК и применять к виновным самые тяжелые наказания, включая смертную казнь. Этот законопроект, направленный против провокаций английских агентов, был использован британским правительством в качестве повода для нового бряцания оружием. В район Абадана был послан британский крейсер «Маврициус».

Совет директоров ИННК тем временем продолжал ликвидацию АИНК, что вызвало новые враждебные акции со стороны ее администрации. 1 июля 1951 г. абаданский нефтеперегонный завод понизил выпуск продукции на 40%. В последующие дни английский персонал для предстоящей эвакуации с нефтяных промыслов был переведен руководством АИНК в Абадан⁹¹. Еще в то время когда ИННК приступила к ликвидации АИНК, британское правительство обратилось (26 мая 1951 г.) с жалобой на Иран в Международный суд. После провала миссии Б. Джексона 21 июня 1951 г. представитель британского правительства направил президенту Международного суда телеграмму с просьбой потребовать от иранского правительства отказаться от всяких шагов против компании до вынесения решения по английской жалобе⁹².

30 июня в Международном суде слушалась жалоба Англии. Иранское правительство не направило своего представителя на разбор дела. Министр иностранных дел Ирана Каземи в своей телеграмме в Международный суд от 28 июня подчеркивал: «Иранское прави-

тельство выражает надежду, что суд заявит о том, что дело не подлежит его юрисдикции»⁹³. Однако Международный суд 5 июля 1951 г. в угоду Англии принял постановление, обязывавшее иранское и британское правительства сохранять статус-кво по состоянию на 1 мая 1951 г. вплоть до вынесения судом окончательного решения⁹⁴. Иранское правительство в телеграмме 9 июля на имя генерального секретаря ООН сообщило об отмене своей декларации от 20 октября 1930 г. (ратифицирована 19 сентября 1932 г.) о признании юрисдикции Международного суда⁹⁵. В то же время иранское посольство в Лондоне объявило протест против пребывания английских военных кораблей в территориальных водах Ирана⁹⁶.

В этот период, когда отношения между Ираном и Англией еще более ухудшились, США попытались оказать давление на иранское правительство с тем, чтобы вынудить его отказаться от решительных мер против АИНК. Вместе с тем США призывали Англию отказаться от идеи агрессии в Иране, понимая, что подобный акт может лишь усилить антиимпериалистическое и демократическое движение в Иране.

В письме от 9 июля 1951 г. президент Трумэн настойчиво советовал Мосаддыку прислушаться к рекомендациям Международного суда и взять их за основу для разрешения конфликта. Далее президент предлагал направить в Иран своего личного представителя Гарримана для обсуждения вопроса с иранским правительством⁹⁷. Хотя президент явно поддерживал АИНК, тем не менее в опубликованном в Лондоне заявлении указывалось, что Англия не была уведомлена о посылке Гарримана в Иран в качестве лица, ведущего переговоры, или посредника и что формулировки письма президента Мосаддыку «неблагоразумны»⁹⁸.

В день приезда Гарримана в Тегеран на площади Бахарестан была организована массовая демонстрация в знак годовщины забастовки нефтяников юга в 1946 г. Эта манифестация, направленная против сотрудничества иранского правительства с США в разрешении нефтяного вопроса, кончилась кровавыми столкновениями демонстрантов с полицией и армией. Полицию поддерживали сторонники только что образованной псевдосоциалистической Партии трудящихся Ирана⁹⁹. Было убито 33 че-

ловека. Как впоследствии выяснилось, в подготовке этих трагических событий главную роль сыграли двор и военщина, в частности министр внутренних дел генерал Ф. Захеда¹⁰⁰.

Гарримана в его поездке в Иран сопровождал высокопоставленный чиновник госдепартамента Раунтри, а также Вальтер Леви — видный нефтяной эксперт, сотрудничавший с такими крупными фирмами, как ЭССО («Стандард Ойл оф Нью-Джерси»), «Калтекс» и английская «Шелл»¹⁰¹. В результате нескольких встреч с Мосаддыком и представителями нефтяной комиссии было принято решение о том, что Гарриман от имени иранского правительства вручит Англии заявление, содержащее новые принципы для переговоров. В заявлении говорилось: «Если британское правительство, действующее от имени бывшей АИНК, признает принцип национализации нефтяной промышленности в Иране, то иранское правительство готово вступить в переговоры с его представителями». До отправления своих представителей в Тегеран британское правительство должно сделать официальное заявление о признании национализации нефтяной промышленности Ирана. Переговоры о методах осуществления национализации иранское правительство будет вести с британским правительством в той мере, в какой они касаются интересов Великобритании¹⁰².

В ноте от 29 июля 1951 г. английское правительство от своего имени и от имени АИНК объявило о признании принципа национализации иранской нефтяной промышленности. В Тегеран отправилась британская делегация во главе с лордом-хранителем печати Р. Стоксом. После неудачной попытки склонить иранскую делегацию во главе с министром финансов Варасте к временному соглашению Р. Стокс выдвинул предложение из восьми пунктов. Суть этого предложения состояла в следующем. АИНК создаст закупочную организацию, которой будет предоставлено монопольное право на продажу иранской нефти на базе долгосрочного соглашения. Прибыли будут распределяться пополам между АИНК и закупочной организацией. Для руководства производством будет учреждено эксплуатационное агентство с английскими и иранскими представителями в правлении¹⁰³.

Гарриман и Леви во время своего пребывания в Иране всячески уговаривали депутатов меджлиса и членов правительства пойти на уступки Англии, пытались убедить их в том, что в случае провала переговоров Ирану не удастся выйти самостоятельно на мировой нефтяной рынок¹⁰⁴. Тем не менее правительство Мосаддыка, которое не без настойчивого нажима Гарримана и шахского двора проявляло подчас определенные колебания, объявило, что новые английские предложения не отличаются по существу от уже сделанных ранее и противоречат духу закона о национализации. Представители США были явно недовольны позицией правительства Мосаддыка, который 5 сентября 1951 г. заявил в сенате, что если британская сторона в течение двух недель не возобновит переговоры, прерванные в связи с отъездом 23 августа Р. Стокса, то «разрешение на пребывание английских специалистов в Иране будет аннулировано»¹⁰⁵. Вслед за этим Мосаддык направил Гарриману свои контрпредложения. Однако Гарриман отказался вручить их английскому правительству, ссылаясь на то, что они идентичны с иранскими предложениями от 22 августа и якобы не согласуются с практическими и коммерческими аспектами международной нефтяной промышленности¹⁰⁶.

Таким образом, и августовские переговоры показали глубокие противоречия между обеими сторонами. Англия делала попытки восстановить контроль над добычей и экспортом иранской нефти. Правительство Мосаддыка под нажимом США, шахского двора и проимпериалистических кругов с самого начала переговоров пошло на некоторые уступки¹⁰⁷. Тем не менее оно стремилось сохранить в своих руках добычу, переработку и сбыт иранской нефти, правда пользуясь услугами иностранных служащих. США склоняли иранское правительство на передачу реализации иранской нефти в монополию АИНК. К этому призывали правительство также многие депутаты меджлиса и сената — представители проимпериалистических кругов. Но прогрессивные и патриотические организации, выражавшие интересы широких слоев населения, толкали правительство на более решительные акции против британских монополий, критиковали его за уступки и колебания в переговорах.

Поездка Гарримана в Иран, первоначально вызвав-

шая у британских монополий открыто отрицательную реакцию, сыграла значительную роль в сближении позиций США и Англии в вопросе об отношении к правительству Мосаддыка. После провала переговоров Стокс — Гарриман — Варасте США отозвали из Ирана своего посла Грэйди, который не был сторонником совместных действий США и Англии в отношении Ирана.

Между тем иранское правительство активизировало деятельность по осуществлению закона о национализации нефтяной промышленности. Вместе с тем АИНК, готовясь к эвакуации из Ирана, была не прочь путем провокаций и интриг добиться еще большего ухудшения англо-иранских отношений. 6 сентября правление АИНК в Лондоне опубликовало заявление, в котором говорилось, что если какая-либо фирма или лицо сделает попытку покупать иранскую нефть, то компания «предпримет все необходимые шаги для защиты своих прав в любой стране». В опубликованном в тот же день заявлении британского правительства указывалось, что дальнейшие переговоры с Ираном не могут привести к сколько-нибудь серьезным результатам¹⁰⁸. Этим заявлением британское правительство официально подтвердило, что переговоры, начатые Стоксом, следует считать прерванными. 10 сентября британское казначейство отменило торговые и финансовые льготы Ирану. Было принято решение лишить Иран права конвертировать часть принадлежащих ему фунтов стерлингов на доллары, а также наложить запрет на экспорт в Иран ряда товаров. 12 сентября правительство Англии вернуло уже находившиеся на пути в Иран 3 тыс. т железнодорожных рельсов и 2 тыс. т сахара¹⁰⁹.

Иранское правительство в ответ предприняло новые шаги по осуществлению закона о национализации. 27 сентября иранские военные части заняли нефтеперерабатывающие заводы Абадана, и 3—4 октября все английские служащие АИНК вынуждены были покинуть территорию Ирана. В Тегеране было опубликовано сообщение, что правительство заключило контракт на поставку Афганистану 3,5 млн. т нефти. Национальный банк обнародовал заявление о запрещении обмена АИНК фунтов стерлингов на иранские риалы. Для удовлетворения потребностей страны в необходимых товарах 25 сентября 1951 г. было подписано бартерное соглашение с СССР,

по которому Иран в обмен на шерсть и миндаль получил 12 тыс. т сахара ¹¹⁰.

В конце сентября 1951 г., когда Совет директоров ИИНК взял под контроль промышленные предприятия, транспорт, учреждения здравоохранения и т. д., принадлежащие АИНК, в Лондоне было созвано экстренное совещание кабинета министров, на котором обсуждались планы прямой агрессии в Иране. Однако США, учитывая, что борьба иранского народа находила сочувствие во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки и поддерживалась народами социалистических стран, призвали Англию отказаться от военной авантюры против Ирана ¹¹¹.

Наряду с военными угрозами британское правительство делало попытки добиться применения международных санкций против Ирана. 28 сентября представитель Англии обратился с письмом к председателю Совета Безопасности ООН и попросил созвать заседание для рассмотрения ее жалобы на Иран. 1 октября, во время обсуждения этого письма в Совете Безопасности, представители Советского Союза и Югославии решительно выступили против включения иранского вопроса в повестку дня. Представитель СССР указывал, что рассмотрение вопроса о национализации нефтяной промышленности было бы вмешательством во внутренние дела Ирана и нарушением суверенных прав иранского народа, что противоречит основным принципам ООН ¹¹². Однако представители Тайваня, Эквадора, Франции, Индии, Голландии, Турции, Англии и США проголосовали за включение жалобы Англии в повестку дня Совета Безопасности. На заседании Совета Безопасности 16 октября 1951 г. Мосаддык подверг резкой критике политику Англии и АИНК в Иране. Он отмечал, что за 50 лет британские монополии вывезли из Ирана 315 млн. т нефти, а Иран получил лишь незначительную часть огромных доходов компании. Мосаддык подробно остановился на истории британской экспансии в Иране и указал на кабальный характер концессионного соглашения, заключенного между АИНК и Ираном в 1933 г. В 1948 г., отмечал он, только 2% прибылей АИНК было выдано Ирану в качестве концессионных платежей, а Англия получила 45% прибылей компании в виде налога ¹¹³. Выступления Мосаддыка и других делегатов вызвали

горячий отклик мировой общественности. Несмотря на поддержку ряда делегаций, представителям Англии пришлось два раза заменять предложенный ими же текст проекта резолюции. Но все же Совет Безопасности отложил 19 октября 1951 г. прения до вынесения «определения» Международным судом. Таким образом, попытки Англии через Совет Безопасности заставить Иран пойти на уступки, а также добиться осуждения международной организацией законных действий иранского правительства ни к чему не привели и даже послужили разоблачению империалистической сущности политики Англии в Иране. Иранским представителям удалось использовать трибуну Совета Безопасности для обвинительных выступлений против британских монополий.

Политика кабинета Мосаддыка в нефтяном вопросе встретила резкое сопротивление Международного нефтяного картеля. После провала попыток заставить правительство Ирана отказаться от выполнения закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности монополии США предприняли шаги для установления контроля картеля над иранской нефтью через Международный банк реконструкции и развития и другие организации. Хотя их первые попытки в этом направлении не принесли успеха, монополии Запада и связанные с ними международные организации, учитывая, что блокада Ирана приводила к ухудшению экономического положения страны и что проимпериалистические иранские круги прилагали усилия к разрешению нефтяного вопроса в интересах западного мира, не теряли надежды на благоприятный исход дела.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСАДДЫКА. ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Кабинет Мосаддыка был фактически первым правительством, выразившим в послевоенный период интересы национальной буржуазии. Мосаддык в осуществлении своей экономической политики огромное значение придавал использованию поступлений от нефти. «Доходами от нефти, — указывал Мосаддык, — мы сможем удов-

летворить все наши нужды и положить конец бедности, невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся страны». Вместе с тем с ликвидацией АИНК, подчеркивал Мосаддык, будет уничтожен центр «интриг, провокаций и вмешательства во внутренние дела», что позволит стране добиться экономической и политической независимости ¹¹⁴.

Стремление добиться сдвигов в экономическом развитии страны главным образом за счет поступлений от нефти отвлекло внимание Мосаддыка и его единомышленников от других важных экономических проблем, а именно от изыскания других путей увеличения национального дохода и более активного вмешательства в экономическую и социальную жизнь страны. Тем не менее нельзя недооценивать значения поступлений от нефти как в экономическом, так и в политическом смысле, ибо борьба против АИНК была борьбой за ослабление зависимости Ирана от иностранных монополий и за ликвидацию основного орудия империализма в стране.

В целях преодоления экономических трудностей, главным образом валютного голода, вызванного в значительной степени акциями Англии, кабинет Мосаддыка осуществил ряд мероприятий в области финансов. Так, 29 июля 1951 г. меджлис утвердил закон об изъятии 14 млн. ф. ст. из фонда золото-инвалютного обеспечения риала, а 5 августа — закон о внутреннем займе в 2 млрд. риалов ¹¹⁵. 22 декабря был выпущен первый внутренний заем на сумму 500 млн. риалов, который к февралю 1952 г. был реализован на 400 млн. риалов. В казну поступило также в обмен на риалы 8 млн. долл. от Международного валютного фонда ¹¹⁶. Однако эти мероприятия были явно недостаточны для улучшения состояния государственных финансов и покрытия нехватки в иностранной валюте, запасы которой иссякли уже к концу 1951 г. Поэтому еще с лета 1951 г. велись переговоры с Экспортно-импортным банком США о предоставлении Ирану займа в 25 млн. долл. для приобретения сельскохозяйственных и дорожных машин ¹¹⁷. Во время своего пребывания в США в октябре 1951 г. Мосаддык прилагал усилия для получения займа, но американские банки под давлением Международного нефтяного картеля отказывались от выделения Ирану кредитов. Отказало Мосаддыку и американское правительство, когда перед

отъездом из США он обратился к Трумэну с просьбой о предоставлении Ирану займа в 120 млн. долл.

Посещение США в какой-то мере рассеяло иллюзии Мосаддыка на американскую помощь в разрешении нефтяного вопроса. В своей речи в меджлисе после возвращения из США он говорил, что «американское правительство, хотя внешне и проявляет солидарность с иранским кабинетом, тем не менее представители США отчасти находятся под английским влиянием и не в состоянии действовать в интересах Ирана»¹¹⁸. Несмотря на это, Мосаддык не потерял надежды добиться помощи США в борьбе за осуществление национализации нефтяной промышленности. Возможно, его вводила в заблуждение некоторая двойственность политики правящих кругов США в отношении Ирана. Он переоценивал значение англо-американских противоречий на Ближнем и Среднем Востоке и считал возможным воспользоваться этими противоречиями для реализации своих планов.

Вместе с тем кабинет Мосаддыка встал на путь самостоятельного выхода на мировой рынок нефти. В июне 1951 г. было опубликовано извещение о том, что при условии выдачи расписок на имя ИННК прежние покупатели иранской нефти могут продолжать ее закупки. В течение месяца для них будут установлены квоты пропорционально тому количеству, какое они приобретали в период с 1 января 1948 г. по 30 марта 1951 г., и нефть будет продаваться им по мировым ценам¹¹⁹. В установленный срок ИННК не получила каких-либо предложений от своих прежних покупателей, и иранское правительство вступило в переговоры с СССР, Чехословакией, Венгрией и Афганистаном о поставках в эти страны иранской нефти. Однако в переговорах с представителями социалистических стран успехов достигнуть не удалось прежде всего из-за слишком осторожной политики Мосаддыка, который опасался вызвать новый конфликт с США и Англией.

12 декабря 1951 г. правительство отправило письма 12 посольствам и 24 представительствам различных стран о том, что если в течение 10 дней бывшие покупатели не сделают предложений о закупках нефти, то Иран будет считать себя свободным в выборе покупателей¹²⁰. В ответ британское правительство в специаль-

ном заявлении вновь подтвердило свою позицию, отрицавшую право Ирана сбывать свою нефть.

В то же время Англия через официальных представителей продолжала подрывную работу против правительства Мосаддыка, надеясь добиться его отставки. 12 декабря 1951 г. иранское правительство направило британскому посольству ноту, в которой настаивало на упразднении до 21 января 1952 г. всех консульств и вице-консульств Англии в Иране¹²¹. 9 января 1952 г. министерство иностранных дел Ирана направило посольству Англии ноту, в которой вновь указывало на усиление «откровенного вмешательства представителей британского правительства» во внутренние дела Ирана и требовало прекращения подобной деятельности. Два дня спустя английское посольство отказалось принять ноту, ссылаясь на то, что ее текст наряду с вручением посольству был оглашен по тегеранскому радио.

В конце 1951 г. монополии США, используя благоприятные обстоятельства, созданные обострением конфликта между Англией и Ираном, предприняли через Международный банк новые попытки прибрать к рукам добычу и сбыт иранской нефти. В ноябре 1951 г. вице-президент банка Р. Гарнер посетил Лондон, а вслед за ним поездку в столицу Англии совершил президент банка Ю. Блэк, который встретился там с У. Черчиллем и А. Иденом. Было очевидно, что банк свои предложения Ирану разрабатывает в тесном контакте с английским правительством, а также с корпорациями, входящими в картель. Первое сообщение о предложениях банка вызвало отрицательные отзывы иранских политических деятелей. Тем не менее 31 декабря 1951 г. представители банка Г. Прюдом и Т. Рибер прибыли в Тегеран¹²². Они вручили Мосаддыку письмо Р. Гарнера от 28 декабря 1951 г. Как видно из содержавшихся в этом письме предложений, Международный банк добивался полного права на управление нефтяной промышленностью, добычу, переработку и сбыт нефти. В своем ответе Мосаддык подчеркнул, что его правительство может допустить банк к управлению иранской нефтяной промышленностью лишь в качестве действующей от имени Ирана и подчиненной ему организации¹²³. Наметились разногласия по другим важным вопросам. Банк настаивал на том, чтобы для работы в нефтяной промышленности

Ирана были приглашены специалисты АИНК; не удалось сторонам договориться и о ценах на нефть. В результате уже в начале 1952 г. переговоры с банком фактически провалились. Однако под давлением шахского двора, сената, а также американского посла Мосаддык пошел на продолжение переговоров с представителями банка.

Внутренняя реакция и правительства США и Англии по-прежнему пытались вынудить правительство Мосаддыка заключить соглашение с банком. В опубликованном 9 января 1952 г. заявлении Трумэна и Черчилля одобрялись действия банка в Иране¹²⁴.

11 февраля в Тегеран опять прибыла делегация Международного банка. Было объявлено о том, что банк разработал новые предложения об использовании иранской нефти¹²⁵. Однако «новые предложения» мало чем отличались от уже отвергнутых Мосаддыком. Но в дело вмешался сенат, который 16 февраля избрал своих представителей для переговоров с Мосаддыком и делегацией банка. Представители сената выразили беспокойство ходом переговоров и призвали Мосаддыка к их благоприятному завершению. Однако дальнейшие встречи не принесли эффективных результатов. В совместном заявлении иранского правительства и делегации банка отмечалось, что по ряду важных вопросов взаимопонимания достигнуть не удалось и переговоры будут продолжены. Однако 24 марта 1952 г. представитель банка в Лондоне заявил, что переговоры с иранским правительством можно считать законченными¹²⁶.

На последнем этапе переговоров США также пытались заставить правительство Мосаддыка пойти на соглашение с банком. 20 февраля 1952 г. государственный секретарь опубликовал заявление, в котором отмечал, что Иран может улучшить свое экономическое положение путем возобновления деятельности нефтяной промышленности и сбыта ее продукции. В конце заявления выражалась надежда, что в переговорах между банком и иранским правительством будет найден приемлемый путь¹²⁷.

Такое неприкрытое давление на Иран вызвало резкий протест иранской общественности. 26 марта 1952 г. правительство опубликовало ответ на заявление государственного секретаря США. Подчеркивая, что экономи-

ческие трудности Ирана усугубляются действиями Англии, Мосаддык пояснил, почему Иран рассчитывал на получение займа у США. «Во-первых, — писал Мосаддык, — американское правительство по заявлению, подписанному еще президентом Рузвельтом¹²⁸, обещало экономическую помощь Ирану. Во-вторых, когда британское правительство лишилось части доходов в результате национализации нефтяной промышленности Ирана и не смогло сводить свой платежный баланс без дефицита, США предоставили Англии заем. Это послужило причиной того, что Иран, оказавшись в подобном положении, обратился к США с такой же просьбой»¹²⁹. В заключение Мосаддык заявил, что Иран отказывается от просьб о займе, поскольку США не проявили благожелательного отношения к разрешению этого вопроса.

Отказываясь оказать правительству Мосаддыка финансовую помощь, США тем не менее предпринимали усилия, направленные на расширение своих политических позиций в Иране. Отклонив просьбу Мосаддыка о займе, они увеличили «помощь» Ирану по «4-му пункту»¹³⁰. Суть такой — на первый взгляд противоречивой политики заключалась в следующем. Отказываясь содействовать укреплению позиций правительства Мосаддыка путем предоставления ему крупного займа, США через оказание «помощи» по «4-му пункту» и по линии военной миссии пытались упрочить свои связи с придворными буржуазно-помещичьими кругами и верхушкой иранской армии и полиции. Субсидии по линии «4-го пункта» в качестве технической «помощи» расходовались под наблюдением американской миссии во главе с Уорном. Они, разумеется, не играли никакой роли в улучшении состояния государственных финансов Ирана, но имели важное значение для укрепления позиций США в стране.

Отношение же правительства Мосаддыка к американской «помощи» отличалось непоследовательностью. Объявляя основой своей внешней политики нейтралитет, Мосаддык тем не менее согласился первоначально на получение военной «помощи» от США и на пребывание в стране американской военной миссии. Вместе с тем в конце 1951 — начале 1952 г. Мосаддык, ссылаясь на то, что Иран в области внешней политики придерживается нейтралитета, отверг «помощь» США по «за-

кону о взаимном обеспечении безопасности»¹³¹. Весной 1952 г. США прекратили военную «помощь» Ирану¹³². Однако под давлением проимпериалистических кругов, и прежде всего двора, 24 апреля 1952 г. Мосаддык отправил письмо в американское посольство, в котором заявил, что его правительство сделает все возможное «для укрепления обороноспособности страны и всеми средствами будет защищать ее независимость» и что в этой области оно будет сотрудничать с США. Это заявление премьер-министра было своеобразным признанием созданного империалистическими кругами США мифа о якобы существующей для Ирана коммунистической угрозе¹³³. После этого письма США возобновили предоставление Ирану военных материалов. Было также продлено пребывание военной американской миссии, срок деятельности которой кончался 20 марта 1952 г. Уступки Мосаддыка сторонникам ориентации на США имели роковые последствия для судеб его кабинета в 1953 г. Но если иранское правительство под давлением реакции и на известных условиях не возражало против сближения с США, то народные массы выражали резкое недовольство усилением влияния американцев в Иране. Инициаторами антиимпериалистических выступлений народных масс были прогрессивные организации, и прежде всего Народная партия Ирана.

Созданное еще в июле 1950 г. иранское Общество сторонников мира, имевшее отделения в Тегеране, Тебризе и Исфахане, развернуло активную деятельность по воспитанию народных масс в духе борьбы против империализма и поджигателей новой войны. К концу 1951 г. под Обращением Всемирного Совета Мира в Иране подписалось около 2 млн. человек. Популярностью пользовалось Общество борьбы против империалистических нефтяных компаний, переименованное на своем втором конгрессе в феврале 1952 г. в Общество борьбы против империализма. Руководство этим обществом осуществлялось НПИ.

На развитие освободительного и демократического движения значительное влияние оказывала прогрессивная печать, публиковавшая большое количество материалов, разоблачавших политику США и Англии в Иране. Если в 1951 г. многие буржуазные националисты в борьбе с Англией призывали опираться на США и этот

призыв имел отклик среди части средних слоев, то к весне 1952 г. в силу неприкрытой экспансии США в Иране широкую популярность стал приобретать лозунг «Американцы, убирайтесь домой!». Демократическое движение охватило и иранскую деревню, что ознаменовало собой наступление нового этапа антиимпериалистической борьбы.

Рост освободительной и демократической борьбы вызывал серьезное беспокойство проимпериалистических кругов, которые, стремясь предотвратить дальнейшее ее развитие, любым путем добивались скорейшего разрешения нефтяного кризиса. Не случайно во время разрыва переговоров иранской делегации с представителями Международного банка сенат, который выражал интересы двора, крупных помещиков, купцов и капиталистов, связанных с иностранными монополиями, потребовал, чтобы Мосаддык продолжил переговоры и достиг соглашения. 17 марта 1952 г. несколько членов сената потребовали созыва специального заседания палаты для обсуждения экономического и политического положения в стране. 19 марта сенат направил к премьер-министру своих представителей для получения от него ответа на два вопроса: об экономическом положении в стране и о «внутренней безопасности». Эти вопросы носили явно провокационный характер. Сенат стремился добиться от Мосаддыка более благоприятного отношения к предложениям Международного банка. Сенат обвинял также правительство в попустительстве демократическим организациям, деятельность которых, по его мнению, угрожала режиму. Однако Мосаддык заявил, что его правительство стремится к укреплению экономической и политической самостоятельности государства и поэтому отказывается от прежнего курса во внешней политике, ибо проимпериалистическая политика может привести к потере Ираном независимости. В устройстве внутренних беспорядков, столкновений между прогрессивными силами и реакцией Мосаддык обвинил проимпериалистические круги, и в частности членов сената¹³⁴.

Вместе с тем нерешительность кабинета Мосаддыка в борьбе против иностранных монополий и проимпериалистических кругов вызывала протесты левых сил во главе с Народной партией Ирана. 6 декабря 1951 г. молодежь вышла на улицы Тегерана в знак протеста про-

тив внешней политики Мосаддыка, называя ее проимпериалистической. Между демонстрантами и полицией, которую поддерживали сторонники Мосаддыка, произошло столкновение, которое длилось пять часов и в котором было убито 5 и ранено свыше 200 человек¹³⁵.

Большие демонстрации с участием средних слоев города состоялись в январе — феврале 1952 г., во время пребывания в Иране второй делегации Международного банка. Их участники угрожали предать смерти членов делегации банка, если будет заключено соглашение. Власти были вынуждены поместить членов делегации в клубе офицеров и обеспечить им вооруженную охрану. Массовые демонстрации наблюдались в Тегеране и в конце марта 1952 г. В первых рядах демонстрантов шли члены Организации демократической молодежи, примыкавшей к Народной партии. Особенно внушительными были демонстрация и митинги, созванные Организацией демократической молодежи 28 марта 1952 г. Эти выступления начались митингом, на котором ораторы бичевали политику США и Англии в Иране, а также подвергали критике непоследовательную политику правительства и провокационные действия руководителей армии. После митинга его участники направились к Дому мира и зданию центра демократической молодежи, выкрикивая лозунг «Американцы, убирайтесь домой!». Перед зданием британского посольства демонстранты продолжали провозглашать лозунги, направленные против английского и американского империализма. Манифестация закончилась столкновением между ее участниками и полицией.

Под давлением правых националистов и проимпериалистических кругов правительство 31 марта объявило на один месяц военное положение в Тегеране. Однако с конца апреля в столице и в ряде районов страны антиимпериалистическое и демократическое движение опять получило широкий размах. Характерной особенностью этого периода было усиление противоречий между различными политическими группировками, поддерживающими антиимпериалистическое движение. Активизировали деятельность мелкобуржуазные националистические партии и организации: клерикальная террористическая группировка «Федаян-е ислам» («Поборники ислама»), партия «Паниранисты»¹³⁶, партия фашистского типа СУМКА¹³⁷ (начала легально действовать весной 1952 г.)

и др. Эти партии и организации, объединявшие в своих рядах небольшие группы националистически настроенных элементов, ярых шовинистов и клерикалов, активно участвовали в антиимпериалистическом движении, но вместе с тем в отношении НПИ и примыкавших к ней прогрессивных организаций проявляли лютую вражду. Порой они выступали с экстремистских позиций и против правительства Мосаддыка, а также Кашани¹³⁸.

Выборы в меджлис XVII созыва способствовали еще большему обострению политической борьбы. Ход избирательной кампании свидетельствовал об усилении борьбы между антиимпериалистически настроенными представителями национальной буржуазии, с одной стороны, и проимпериалистическими и придворными кругами — с другой. В это же время обострились разногласия между Народной партией Ирана и сторонниками Мосаддыка. Так, в конце апреля — первых числах мая в Абадане и других городах произошли кровавые столкновения между членами НПИ и приверженцами правительства (главным образом из мелких купцов). Полиция арестовала многих участников этих столкновений, среди которых были и женщины¹³⁹. Противоречия между прогрессивными левыми силами — приверженцами НПИ — и сторонниками правительства оказывали отрицательное влияние на развитие демократического движения и препятствовали созданию единого антиимпериалистического фронта.

Рост разногласий между сторонниками НПИ и правым крылом национальной буржуазии был явлением неизбежным. Однако неправильная оценка обстановки, недостаточное понимание прогрессивного характера правительства Мосаддыка и левого крыла национальной буржуазии не дали возможности НПИ проводить правильную тактическую линию. НПИ и находящиеся под ее влиянием организации фактически выступали одновременно и против правительства, и против правого крыла национальной буржуазии, настроенного враждебно не только против НПИ, но в значительной мере и против правительства. В изданиях органов печати НПИ пропагандировались ошибочные предположения о том, что Мосаддык будто бы состоит на службе у американских монополий и своей политикой расчищает путь для экспансии США в Иране. Разумеется, колебания Мо-

саддыка в переговорах с представителями США, сговор отдельных членов правительства и НФ с проимпериалистическими и придворными кругами и т. д. требовали строгого осуждения. Однако при этом НПИ не смогла выделить левое крыло национальной буржуазии как силу, с которой необходимо было установить сотрудничество, и недооценивала антиимпериалистическую сущность правительства. В результате выступления против Мосаддыка приобрели крайний характер, что наносило серьезный вред развитию освободительного и демократического движения. Наряду с выступлениями против иностранных монополий, проимпериалистических и придворных кругов НПИ встала на путь борьбы и против национальной буржуазии в целом. Борьба НПИ против правительства препятствовала распространению ее влияния среди мелкобуржуазных масс и средних слоев города и в то же время приводила к обострению противоречий между прогрессивными силами, находившимися под влиянием НПИ, и правым крылом национальной буржуазии. Такая расстановка классовых и политических сил рождала у США и Англии надежду на то, что они сумеют добиться от иранского правительства значительных уступок.

В то же время после окончания выборов в меджлис XVII созыва проимпериалистические круги усилили борьбу против правительства Мосаддыка. Реакционные группировки в меджлисе мешали нормальной работе парламента. Препятствуя избранию на руководящие посты меджлиса представителей и сторонников НФ, они стремились лишить Мосаддыка поддержки парламента.

Ухудшение финансового положения государства, которое испытывало трудности даже в выплате заработной платы рабочим и служащим, нехватка в стране товаров широкого потребления и т. д. использовались антиправительственными кругами. Большую роль в организации враждебных правительству группировок играли двор, реакционные сенаторы и депутаты, высшие военные чины, связанные с США и Англией представители торговой буржуазии. Значительная часть представителей правящих кругов — в основном помещики, купцы-компрადоры, выражавшие их интересы политики, близкие к двору высшие военные чины (которые весной 1951 г. под напором народного движения были вынуж-

дены или примкнуть к антиимпериалистическому движению, или же соблюдать нейтралитет) — с весны 1952 г., после провала попыток Международного банка достичь соглашения с Мосаддыком, стала формировать антиправительственную группировку.

В своей речи по радио 5 июля 1952 г. Мосаддык заявил: «Все знают, что на первой стадии движения [за национализацию нефтяной промышленности] под влиянием всеобщего настроения даже известные агенты бывшей компании (т. е. АИНК. — С. А.) не нашли иного выхода, как выдать себя за сторонников национального движения». В настоящее же время, отмечал он, проимпериалистически настроенные представители правящих кругов «тайно и постепенно готовят почву для возрождения прежнего положения, что с полной ясностью мы теперь и наблюдаем»¹⁴⁰.

Учитывая создавшееся вследствие экономической блокады Англии и США трудное положение, Мосаддык потребовал от меджлиса предоставления его кабинету чрезвычайных полномочий на шесть месяцев. Этот шаг вызвал резкое сопротивление находившихся в оппозиции к правительству реакционных депутатов и сенаторов. Принимая во внимание, что руководство армией находится под непосредственным влиянием двора, а высшие военные чины играют важную роль в организации подрывных действий против правительства, Мосаддык решил занять пост военного министра. Это встретило резкое сопротивление шаха, который неизменно добивался назначения на этот пост одного из близких ему военных чинов. Этот конфликт явился поводом для отставки Мосаддыка 16 июля 1952 г.

Не без давления двора меджлис поддержал кандидатуру на пост премьер-министра одного из представителей проимпериалистических кругов, Ахмеда Кавама. 18 июля он издал воззвание, в котором обвинял правительство Мосаддыка в ухудшении отношений между Ираном и Англией, угрожая расправиться со всеми, кто посмеет выступить против политики нового премьера и т. д.¹⁴¹.

Известие об отставке кабинета Мосаддыка молниеносно облетело всю страну. Народные массы увидели в отстранении Мосаддыка от власти уступку Западу и внутренней реакции. Уже 17 июля к двум часам дня все

лавки и магазины тегеранского базара были закрыты¹⁴². В тот же день 28 депутатов меджлиса — сторонников Мосаддыка опубликовали воззвание, в котором подчеркнули, что развитие национального движения может осуществляться только при правительстве Мосаддыка. Аналогичные заявления выпустили различные организации, в том числе и НПИ¹⁴³. 19 июля в Тебризе были закрыты все караван-сарай и лавки. В тот же день в Реште произошли столкновения между сторонниками Мосаддыка и полицией. Особенно сильные выступления наблюдались в Абадане, Керманшахе, Исфахане, Ахвазе и ряде других рабочих центров страны. С требованием о возвращении к власти Мосаддыка поднялись на борьбу кашкайцы, отдельные арабские племена Хузестана и т. д. В Исфахане демонстранты напали на здание американской миссии. Кульминацией народных выступлений за возвращение к власти правительства Мосаддыка стали демонстрации в Тегеране 18—21 июля. 19 и 20 июля между демонстрантами и полицией произошло несколько столкновений. Демонстранты совершили налет на редакции правых газет «Атеш» и «Этте-лаат». В этих событиях большую роль играли рабочие и мелкобуржуазные слои города. С 20 июля началась забастовка железнодорожников столицы. Однако самые важные события произошли 21 июля. Еще 19 июля 31 депутат, поддерживавший политику Мосаддыка, опубликовал воззвание, в котором призвал народ 21 июля выйти на всеобщую забастовку и выразить протест против прихода к власти Кавама¹⁴⁴. Национальное общество борьбы с империализмом опубликовало заявление, где высказалось за создание единого антиимпериалистического фронта¹⁴⁵.

Всеобщая забастовка 21 июля 1952 г. в Тегеране переросла в восстание. Основными центрами его были: площадь Бахарестан, проспекты Экбатан, Шах-Абад и другие главные магистрали столицы. С раннего утра 21 июля со стороны проспектов Экбатан и Шах-Абад на площадь Бахарестан, где находится меджлис, стали стекаться массы людей. На улицах, ведущих к площади, и на самой площади стояли танки и броневики, а также отряды полицейских, жандармов и солдат. Демонстранты приближались к зданию меджлиса с криками: «Смерть Каваму ос-Салтане! Да здравствует Мосад-

дык — вождь народа!» и т. п. Когда демонстранты попытались ворваться в здание меджлиса, их начали расстреливать из танков и броневиков. Солдаты, полицейские и жандармы постепенно оттесняли демонстрантов с площади, и к 11 часам утра она была очищена от демонстрантов. Однако позже площадь вновь заполнилась демонстрантами, которые проводили летучие митинги, выкрикивали лозунги и т. д.

Ожесточенные стычки между восставшими и солдатами происходили и в других районах города, например на площади Сепех, где отряды восставших потеснили воинские части, оснащенные танками и броневиками. Проспект Экбатан и часть улицы Саади несколько раз переходили из рук в руки. На проспекте Экбатан были воздвигнуты баррикады. Около дома Кавама произошло столкновение между солдатами и студентами университета. Восставшие сожгли несколько военных автомашин¹⁴⁶.

Во второй половине дня на площади Мохбер-од-Доуле неожиданно произошел случай, фактически положивший начало быстрому повороту событий в пользу восставших. На площади, которая находилась отчасти в руках восставших, остановился танк. Из него выскочил командир экипажа — майор иранской армии, который сорвал со своих плеч погоны и заявил восставшим: «Люди, мы — солдаты! Мы должны защищать вашу жизнь и честь. Нам дали приказ убивать вас, наших дорогих братьев, восставших во имя национальной свободы и независимости. Мы не соглашаемся на позор братоубийства. Лучше смерть, чем выполнение такого жестокого приказа. Да здравствует народ!»¹⁴⁷ Этот случай воодушевил восставших и произвел сильное впечатление на армейские части. Дальнейший ход событий привел в смятение двор и генеральный штаб.

Уже к вечеру министр двора Хосейн Ала сообщил депутатам меджлиса об отставке Кавама. Через час с лишним это известие было передано по радио.

Восстание 21 июля было важной вехой в развитии освободительного и демократического движения в стране. 21 июля НПИ, которая была руководителем основных событий этого дня, впервые выступила в едином фронте с организациями, примыкавшими к Национальному фронту. Впервые в истории революционного дви-

жения в Иране 21 июля женщины приняли широкое участие в восстании, особенно в событиях на площади Бахарестан. Иран еще не видел таких мощных антиимпериалистических и демократических выступлений трудящихся.

В июльские дни 1952 г. США проявили по существу открытую вражду в отношении правительства Мосаддыка. В приходе к власти Кавама серьезную роль сыграли американские дипломаты. В США заранее знали о смещении Мосаддыка, и специалисты по нефти готовились к срочному выезду в Иран.

Реакционным кругам под давлением выступлений трудящихся пришлось отступить. Шах Ирана, вспоминая об этих днях, писал: «Чтобы предотвратить гражданскую войну, я был вынужден 22 июля 1952 г. принять условия Мосаддыка и вновь назначить его премьер-министром»¹⁴⁸. Уже 22 июля 1952 г. из 64 депутатов меджлиса 61 проголосовал за назначение Мосаддыка на пост премьер-министра. К вечеру 22 июля в Иране было получено известие о постановлении Международного суда, признавшего свою некомпетентность в разрешении конфликта между Ираном и Англией. Это была еще одна победа патриотических сил, встреченная в стране бурным ликованием. Шах был вынужден удовлетворить требование Мосаддыка и утвердить за ним пост военного министра.

Восстановленное у власти правительство Мосаддыка оказалось перед необходимостью преодоления экономических и прежде всего финансовых трудностей, которые особенно обострились летом 1952 г. Мероприятия по сокращению государственных расходов, повышение на 30% сборов с табачных изделий и на 50% пошлин на легковые автомобили и т. д., осуществлявшиеся с октября 1951 г., были не в состоянии поправить финансовое положение страны. Вследствие отказа крупных помещиков и купцов приобретать облигации внутреннего займа (покупали главным образом представители средних слоев города) надежды на изыскание средств внутри страны также в значительной мере рухнули. Состоятельные слои населения не желали вкладывать капиталы в строительство промышленных объектов. Процветала спекуляция, увеличилось число безработных. Быстрыми темпами росли цены на продовольствие и промышленные

товары широкого потребления. Правительство пыталось облегчить положение путем стабилизации цен на сахар, чай и хлопчатобумажные ткани, но это дало незначительные результаты.

Ухудшение финансового и экономического положения в стране во многом объяснялось тем, что иранское хозяйство с его полукOLONиальной структурой в условиях усиления экспансии иностранных монополий все более показывало свою неспособность справиться со стоявшими перед ней задачами. Иран ввозил сахар, чай, кофе, какао, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, искусственный шелк, стекло, химические и фармацевтические товары, резиновые и металлические изделия, машины и оборудование. В 1948 г. около 42% иностранных товаров поступило в Иран из долларовой зоны, валюту для оплаты которых он получал в британском казначействе, где определенная часть принадлежавших Ирану фунтов стерлингов конвертировалась в доллары. Нарушение традиционных финансово-экономических связей ввиду слабости иранской экономики оказало резко отрицательное воздействие на финансовое и экономическое положение страны. Иран ощущал острую нужду в валюте. Принятые в первый год правления Мосаддыка меры по изысканию валюты были временными и лишь ненадолго отодвинули назревавший финансовый кризис. Бартерные соглашения с СССР и другими странами из-за небольшого объема товарооборота были не в состоянии восполнить нехватку в товарах. В ухудшении финансового положения большое значение имело и уменьшение объема экспортной торговли, так как она была одним из основных источников иностранной валюты, а таможенные пошлины составляли значительную часть доходов государства.

Отрицательное воздействие на финансовое положение оказывал и рост в послевоенный период военных расходов. Кабинет Мосаддыка в 1951 г. основное внимание обращал на нефтяной вопрос, считая, что его разрешение приведет к увеличению доходов и улучшению финансового положения страны. Не достигнув, однако, ощутимых результатов в этой области, Мосаддык и его сподвижники оказались перед фактом усиления доставшегося в наследство от прежних правительств финансового кризиса. Поэтому они были вынуждены

обратить серьезное внимание на изыскание средств из внутренних источников. Так, в конце 1951 — начале 1952 г. зародилась идея проведения политики «экономика без нефти», суть которой заключалась в стремлении сбалансировать государственный бюджет без доходов от нефти. В этих целях специальные комиссии подготовили разного рода законы, призванные способствовать оздоровлению народного хозяйства.

В проведении экономической политики правительство воспользовалось предоставленными ему по закону от 3 августа 1952 г. чрезвычайными полномочиями для осуществления программы из девяти разделов. Эта программа предусматривала проведение реформ избирательного права, судопроизводства, в области финансов и экономики в целом и т. д.¹⁴⁹ С этого времени до переворота в августе 1953 г. правительство Мосаддыка издало множество законов, призванных стимулировать экономическое развитие страны, таких, как, например, Закон о поощрении экспорта, освобождавший импорт машин и оборудования, необходимых для развития отечественной промышленности, от таможенных сборов. Созданные после принятия этого закона экспортные компании на два года освобождались от выплаты пошлины¹⁵⁰.

Вместе с тем вследствие прекращения поступлений от нефти и неудачи попыток получить значительные средства из внутренних и внешних источников в осуществлении программы развития промышленности были достигнуты лишь незначительные успехи. По линии семилетнего плана 28 июня 1952 г. был заключен контракт о строительстве текстильной фабрики и цементного завода в Фарсе при помощи американских займов¹⁵¹. По «4-му пункту» США в 1952 г. выделили Ирану средства на продолжение строительства сахарного завода в Фесе, цементного завода в Рее, текстильной фабрики в Тегеране и т. д. В 1950—1952 гг. были сданы в эксплуатацию сахарные заводы в Резайе и Торбете-Хейдерие, которые лишь на 14 тыс. т в год увеличили производство сахара в стране, составлявшее в этот период в среднем 70 тыс. т в год при импорте 115 тыс. т¹⁵².

Примерно таких же незначительных успехов кабинет Мосаддыка добился и в стремлении получить средства из внутренних источников. Попытки собрать недо-

имки с крупных помещиков и купцов также принесли мало средств. Тогда кабинет Мосаддыка пошел по пути, проторенному всеми иранскими правительствами, — он повысил косвенные налоги, которые всей тяжестью ложились на плечи трудящихся.

Между тем в меджлисе и своих публичных выступлениях представители национальной буржуазии много говорили о необходимости улучшения материального положения рабочих и крестьян. Однако мероприятия правительства мало подтверждали эти слова. Правда, кабинет Мосаддыка с весны 1951 г. выплачивал жалование свыше 60 тыс. рабочих, занятых ранее на предприятиях АИНК. Принятые 6 и 11 октября 1952 г. законы предусматривали увеличение доли крестьян-арендаторов на 10% и выделение 10% урожая или доходов в фонд благоустройства и кооперативный фонд деревень за счет сокращения доли помещиков на 20%, а также отмену натуральных повинностей и поборов¹⁵³. Но из-за саботажа помещиков эти законы были осуществлены лишь в незначительной мере¹⁵⁴. Вместе с тем их издание способствовало обострению классовых противоречий в деревне и росту политической сознательности и активизации крестьян. Правительство добилось успехов лишь в области внешней торговли, но и эти успехи в известной мере носили призрачный характер. Впервые после многих лет в 1952/53 г. во внешней торговле было получено активное сальдо — стоимость экспорта составляла 5,8 млрд. риалов, а импорта — 5 млрд. риалов. Эти результаты, однако, не следует переоценивать, так как импорт в значительной степени был сокращен за счет ограничения и запрещения ввоза ряда товаров, в которых нуждались иранская промышленность и население. Цены на иностранные товары росли быстрыми темпами. Материальное положение трудящихся ухудшилось.

Мероприятия кабинета Мосаддыка в целом носили ограниченный характер и не могли привести к значительным переменам в хозяйстве страны и ее социальном строе. В лучшем случае эти мероприятия могли несколько ослабить охвативший страну кризис. Добиться же серьезного улучшения экономического положения страны можно было лишь путем глубоких социальных и экономических преобразований, и прежде всего подрывом хозяйственной мощи и влияния крупных полу-

феодалных помещиков и купцов-компрадоров — основной опоры проимпериалистических кругов и иностранных монополий.

Однако на подобные шаги правительство шло очень вяло, что объяснялось самой природой иранской национальной буржуазии, тесно связанной с землевладением и представленной в значительной степени представителями торгового капитала. Опасаясь активизации революционной инициативы трудящихся, правительство Мосаддыка нередко шло на уступки проимпериалистическим кругам. Тем не менее под давлением выступлений трудящихся и под угрозой реакционных заговоров правительство было вынуждено принимать более решительные меры против происков проимпериалистических и придворных кругов.

Возвращение к власти Мосаддыка в ходе народного восстания, в котором большую роль сыграли НПИ и другие патриотические организации, вызвало тревогу США и Англии. Правящие круги США, спекулируя, как обычно, на мифической «коммунистической угрозе», за которую они выдавали рост антиимпериалистического и демократического движения в стране, призывали Англию к разработке совместных действий в Иране. Реакционная печать США осуждала Мосаддыка за то, что он воспользовался содействием НПИ, и указывала ему на опасность такого шага¹⁵⁵. Под давлением США Иран стал инициатором новых переговоров с Англией. Вместе с тем правительство Мосаддыка в письме в британское посольство от 7 августа 1952 г отмечало, что Англия по-прежнему препятствует осуществлению национализации нефтяной промышленности Ирана и предпринимает враждебные акции против ИННК. Экономической блокадой, срывом торговых сделок с Ираном, говорилось в письме, Англия добивается ухудшения экономического положения в стране. Далее иранское правительство требовало, чтобы Англия не мешала Ирану сбывать свою нефть¹⁵⁶.

27 августа послы США и Англии Лой Гендерсон и Джордж Мидлтон ознакомили Мосаддыка с текстом американско-английского послания. Мосаддык, оценивая его как попытку избежать ответа на поднятые им в письме от 7 августа вопросы, настаивал на том, чтобы вручение послания ему было отложено и в него были

бы внесены изменения с учетом иранских предложений. Однако 30 августа представители США и Англии официально передали Мосаддыку уже фактически отклоненное им 27 августа послание и приложенный к нему проект концессионного соглашения. Послание было подписано Трумэном и Черчиллем. Проект соглашения предусматривал рассмотрение вопроса о компенсации АИНК в Международном суде. Для организации сбыта иранской нефти намечалось создание комиссии из представителей Ирана и АИНК. В случае благоприятного ответа правительства Мосаддыка на эти предложения Англия обязывалась снять запрет на вывоз в Иран ряда товаров, а США — предоставить ему «безвозмездную помощь» в размере 10 млн. долл.¹⁵⁷.

Англо-американские предложения вызвали возмущение патриотических слоев иранского общества. В своем обращении к меджлису и сенату Мосаддык подчеркнул, что послание Трумэна и Черчилля свидетельствует о том, что Англия продолжает придерживаться тактики отсрочек и увиливания. Отвергая англо-американские предложения, Мосаддык выдвинул 24 сентября контрпретензии. Соглашаясь на выплату компенсации лишь за имущество АИНК, Мосаддык настаивал на погашении компанией долгов Ирану и ущерба, нанесенного стране враждебными акциями Англии, направленными на создание непреодолимых помех для сбыта иранской нефти; кроме того, на выплате АИНК пошлин и монопольных сборов за предыдущие годы, налога за использованную союзниками в военный период иранскую нефть. В случае уплаты АИНК в счет этих долгов 49 млн. ф. ст.¹⁵⁸ правительство Мосаддыка соглашалось на передачу вопроса о претензиях двух сторон на рассмотрение Международного суда.

По мнению иранского автора М. Фатеха, на позиции Мосаддыка в нефтяном вопросе определенное влияние оказал приезд в Иран Олтона Джонса¹⁵⁹, президента американской корпорации «Ситис Сервис», прибывшего в страну по приглашению правительства. Джонс посетил Абадан, встречался с Мосаддыком, а также с руководителями иранской нефтяной промышленности — Байатом, Паркхиде, Фаллахом и Хасиби, но никаких соглашений не подписал. Высказывают предположение, что в поездке Джонса в Иран был заинтересован сам Тру-

мэн. Он будто бы во время предвыборной кампании в пику входившим в Международный нефтяный картель нефтяным корпорациям, которые поддерживали кандидатуру генерала Эйзенхауэра, содействовал проникновению в Иран одной из трех крупнейших независимых, не связанных с Нефтяным картелем монополий США. В Европе Джонс заявил, что если Англия и Иран не достигнут соглашения, то американским монополиям представится возможность с выгодой наладить экспорт иранской нефти¹⁶⁰. Интересно отметить, что на пресс-конференции в Тегеране Джонс подчеркивал, что его «поездка была совершена не по разрешению и не при поддержке американского правительства или какой-либо международной организации»¹⁶¹, но впоследствии в беседах с корреспондентами в США он отказался от своих слов.

Поездка Джонса, а также представителей других нефтяных компаний, несомненно, возрождала надежды Мосаддыка на достижение успехов в сбыте иранской нефти. Однако решительная позиция в отношении англо-американских планов объяснялась прежде всего поддержкой народных масс и левых организаций, требовавших осуществления закона из 9 статей.

Между тем американское и британское правительства игнорировали контрпретензии Ирана и обвиняли Мосаддыка в искаженном толковании планов США и Англии. 7 октября Мосаддык отправил письма в Форин-оффис и госдепартамент, в которых настаивал на принятии иранских контрпретензий и предлагал вступить в переговоры. 14 октября в ответном письме Антони Иден отверг предложения Мосаддыка и выдвинул условия, на базе которых АИНК будет вести переговоры с Ираном. Условия заключались в требованиях передать вопрос о компенсации на рассмотрение Международного суда и включить в состав компенсации помимо стоимости имущества АИНК в Иране выплату за «убытки», якобы причиненные компании Ираном в результате аннулирования соглашения 1933 г.¹⁶². Эти условия свидетельствовали о стремлении Англии придерживаться более жесткого курса в отношении Ирана.

Иранский народ оказал полную поддержку правительству. Мосаддык, который еще ранее предупреждал британское правительство о том, что в случае враждеб-

ных шагов Иран будет вынужден пойти на разрыв дипломатических отношений с Англией, теперь решил превратить свою угрозу в жизнь.

Однако в дни крайнего осложнения ирано-английских отношений в стране активизировались придворные и проимпериалистические круги. В результате их деятельности в меджлисе не оказалось кворума для обсуждения отчета Мосаддыка, в котором он обосновывал решение правительства порвать дипломатические отношения с Англией. Этот отчет был передан по радио 16 октября 1952 г. Мосаддык акцентировал внимание на том, что благодаря изменению международной обстановки Англия не рискнула пойти на прямую агрессию, но широко применяет экономическое давление на Иран, что является нарушением международного права и принципов ООН. Англия, подчеркнул Мосаддык, подвергая Иран экономической блокаде, стремится добиться ухудшения внутреннего положения в стране и создания благоприятной обстановки для провокационной деятельности своих агентов¹⁶³. Все это, указывал Мосаддык, предопределило разрыв дипломатических отношений с Англией, который должен воспрепятствовать сколачиванию блока придворных и проимпериалистических кругов, непосредственно связанных с британскими монополиями. Вместе с тем такой шаг, по мнению сторонников Мосаддыка, должен был привлечь внимание других стран к иранской нефти, в сбыте которой Иран встречался с огромными трудностями из-за враждебных акций Англии, АИНК и Международного нефтяного картеля.

Ирану, однако, в 1952—1953 гг. удалось реализовать определенное количество нефти. Монополии таких крупных потребителей нефти, как Япония и Италия, которые вынуждены были приобретать ее у англо-американских корпораций, проявляли большой интерес к иранской нефти. Решения Совета Безопасности и Международного суда увеличили заинтересованность Италии и Японии в получении непосредственного доступа к иранской нефти. Попытки приобретать у Ирана нефть делали также «независимые» американские компании, французские фирмы и т. д. Однако все эти коммерческие организации при закупках в Иране нефти наряду с политическими и экономическими преградами испыты-

вали чисто технические трудности, связанные с тем, что 50% всех танкеров находилось под контролем Международного картеля, а большинство остальных было зафрахтовано компаниями, входившими в картель¹⁶⁴.

Первые успешные шаги по продаже иранской нефти были сделаны в 1952 г., когда ИННК заключила контракт с итальянской компанией ЭПИМО на поставку 400 тыс. т нефти в 1952 г. и по 2 млн. т в последующие десять лет. Однако итальянский танкер с 9 тыс. т иранской нефти был остановлен в Аденском порту английскими властями. В начале 1953 г. аденский суд вынес противоречившее международному праву решение о том, что задержанная нефть принадлежит АИНК. В 1952 г. контракт на покупку иранской нефти подписала также итальянская компания «Супор». Зафрахтованный ею танкер 20 января 1953 г. забрал в Абадане 5 тыс. т нефти, которую 13 февраля доставил в Венецию. После этого танкер вернулся в Иран и погрузил новую партию нефти. Благополучно доставили в Италию иранскую нефть и другие два танкера, обслуживавшие ЭПИМО.

Удачно завершились и переговоры Ирана в лице ИННК с Японией. Первое соглашение на продажу нефти Японии было подписано с компанией «Идемцу», танкер которой забрал 18 тыс. т иранской нефти в апреле 1953 г. Скидка в 50%, предоставленная ИННК 30 апреля японским фирмам¹⁶⁵, еще более повысила их заинтересованность в иранской нефти. ИННК в мае 1953 г. заключила в Токио с японскими компаниями контракт на продажу еще 1 млн. т нефти. Однако под давлением Англии японское правительство отказало компаниям в выдаче долларовой валюты, а впоследствии в угоду картелю исключило нефть из списка товаров, импорт которых разрешался на базе бартерных соглашений.

Таким образом, в конце 1952 — начале 1953 г. Иран добился определенных успехов в попытках прорвать блокаду Англии и картеля, что, как отмечал проф. Роберт Энглер, вызвало особенно сильное, раздражение нефтяных монополий Запада¹⁶⁶.

Эти успехи правительства в значительной мере были достигнуты благодаря широкой поддержке в стране твердой политики в нефтяном вопросе. Вместе с тем прогрессивная общественность и левые организации

подвергали критике уступки Мосаддыка США и Англии и проимпериалистическим придворным кругам, требовали от его кабинета осуществления радикальных реформ и т. д. При этом они, однако, нередко ставили правительство на одну доску с проимпериалистическими и придворными кругами, чем фактически отрицали его способность к продолжению антиимпериалистической борьбы. Поддержка Мосаддыка НПИ носила эпизодический характер, хотя эти шаги, особенно в июле 1952 г., имели исключительное значение. Такая позиция НПИ, естественно, еще более укрепляла стремление правительства Мосаддыка придерживаться в области внутренней политики тактики балансирования. Так, во время июльского кризиса Мосаддык воспользовался поддержкой НПИ и примыкавших к ней организаций для отстранения Кавама. Однако затем он предпринял ряд шагов для ослабления деятельности НПИ. Правительство, например, провело через меджлис ряд законов антидемократического характера, и в частности закон об общественной безопасности, принятый в октябре 1952 г.

Политика лавирования, которой придерживалось правительство, не вела к стабилизации политической жизни страны и упрочению власти национальной буржуазии. Борьба между сторонниками правительства и проимпериалистическими придворными кругами после июльского восстания 1952 г. не утихала, а приобретала еще более острый характер. Представители США, которые сыграли важную роль в отстранении Мосаддыка от власти 16 июля 1952 г., усилили подрывную деятельность. В союзе с двором они стремились склонить на свою сторону правых националистов — антидемократических и клерикально настроенных деятелей национальной буржуазии — и содействовали организации реакционных заговоров против правительства.

После июля 1952 г. «американская и английская пропаганда принялась трубить о растущей угрозе коммунизма в Иране и о необходимости усиления шахской власти и укрепления трона»¹⁶⁷.

14 октября 1952 г. по обвинению в организации антиправительственного заговора были заключены под стражу генерал Хеджази и три представителя богатой купеческой семьи Рашидян¹⁶⁸. В официальном заявлении указывалось на связи арестованных с «одним ино-

странным посольством» и членами парламента, в том числе с сенатором Фазлулла Захеда¹⁶⁹.

Заинтересованные в свержении Мосаддыка силы постепенно концентрировались вокруг двора. При его поддержке и помощи правых националистов во второй половине 1952 г. сенат был превращен в центр борьбы против правительства. Поэтому правительство стало добиваться пересмотра срока полномочий сената, который созывался на срок в шесть лет. Меджлис в октябре вынес решение установить одинаковый срок полномочий обеих палат. Шах был вынужден распустить сенат.

Правительство Мосаддыка приняло и ряд других мер по укреплению своей власти. Одни из них вызывались необходимостью очистить армию и государственные учреждения от реакционных элементов. Другие — например, увеличение доли арендаторов в урожае — были следствием выступлений крестьян в связи с резким ухудшением их положения. Ряд законов правительства, в частности законы об общественной безопасности и военном положении, были более направлены против рабочего и крестьянского движения и прогрессивных организаций, чем против подрывной деятельности проимпериалистических и придворных кругов и правых националистов. Эти половинчатые меры не приводили к ослаблению классового антагонизма, а вызывали обострение противоречий между крестьянами и помещиками, между рабочими, мелкобуржуазными прослойками и капиталистами, между антиимпериалистически и антимонархически настроенной частью национальной буржуазии и проимпериалистическими и придворными кругами и т. д.

Усиление социальных противоречий происходило на базе развития демократического движения. Одной из основных особенностей этого движения в 1952 — начале 1953 г. был рост выступлений крестьян.

Если в городах и рабочих районах выступления трудящихся были направлены главным образом против иностранных монополий и проимпериалистических и придворных кругов, то в деревне крестьяне в основном поднимались на борьбу против помещиков. Крестьяне требовали ликвидации помещичьего гнета и увеличения своей доли в урожае, а в ряде случаев выставляли лозунг о разделе земель помещиков. Эти выступления особенно широкий размах получили в 1952 г., в период

второго кабинета Мосаддыка. Крестьяне нередко изгоняли помещиков из деревень и делили их земли между собой. В отдельных случаях крестьяне оказывали вооруженное сопротивление. Наиболее значительные выступления крестьян наблюдались в Гиляне, Азербайджане, Казвине, Тегеране, Керманшахе.

Издание законов об увеличении доли арендаторов в урожае и отмена натуральных повинностей вызвали обострение классовых противоречий в деревне и усиление выступлений крестьян. Помещики зачастую сгоняли крестьян, настаивавших на соблюдении этих законов, с их участков. Не случайно поэтому в закон об увеличении доли крестьян в урожае впоследствии была внесена дополнительная статья, запрещающая помещикам сгонять крестьян с земли.

Выступления крестьян в ряде случаев носили организованный характер, но тем не менее они не слились в единое мощное движение. То там, то сям вспыхивали волнения крестьян, которые сравнительно легко подавлялись властями. Выступления крестьян охватили не все основные сельские районы страны. Движение крестьян порою находило поддержку у депутатов меджлиса — представителей национальной буржуазии. Так, депутат Ахгер одобрил действия крестьян деревни Шул и двух других селений в районе Бушехра, которые отказались внести крупным помещикам юга — братьям Хаят Давуди причитающуюся им долю урожая. Отправленным из Бушехра жандармам, пытавшимся насильно отобрать у крестьян долю помещика, крестьяне деревни Шул оказали вооруженное сопротивление, в ходе которого было убито два солдата¹⁷⁰.

Таким образом, развитие антиимпериалистического и демократического движения в городах и рабочих центрах оказало серьезное воздействие на пробуждение крестьянских масс.

Народная партия Ирана призывала крестьян добиваться осуществления законов и содействовала учреждению сельских советов, предусмотренных законом. В ряде сельских районов были созданы ячейки и комитеты Народной партии.

Расширение демократического движения в городах и выступления крестьян вели к усилению противоречий среди лидеров Национального фронта. Еще в период

выборов в меджлис XVI созыва внутри НФ, среди общественных деятелей, представлявших различные прослойки буржуазии, наметились разногласия. Тем не менее в период роста антиимпериалистической борьбы эти разногласия по вопросам о путях разрешения нефтяной проблемы и т. д. не принимали угрожающей формы.

Мосаддык до прихода к власти опирался на НФ и активно участвовал в его заседаниях. Но после того как он занял пост премьер-министра, он в известной мере стал игнорировать НФ, что объяснялось прежде всего его стремлением освободиться от влияния тех членов Национального фронта, которые толкали правительство на уступки иностранным монополиям и консервативным силам.

Вместе с тем Мосаддык поддерживал тесный контакт с руководителями партии «Иран», выступавшими за развитие буржуазно-демократических институтов в Иране. Газета «Бахтар-е эмруз», издававшаяся Хосейном Фатеми, стала полуофициальным органом правительства Мосаддыка.

На выборах в меджлис XVII созыва противоречия внутри НФ стали еще более заметными. После выборов, особенно после июльского восстания 1952 г., сторонники продолжения национального движения образовали в меджлисе фракцию Национальное движение, которая заменила Национальный фронт, по существу переставший существовать.

Накануне июльского восстания многие помещики — депутаты и сенаторы, выдававшие себя в 1951 г. за сторонников антиимпериалистического движения (например, братья Зульфагари), сбросили маску и тайно или открыто содействовали приходу к власти Кавама. После победы восстания они продолжали враждебную деятельность против правительства и вкупе с придворными кругами и военщиной прилагали усилия для привлечения на свою сторону деятелей и группировок, которые оставались верными принципам антиимпериалистической борьбы, но не были лояльными в отношении правительства Мосаддыка. Это были прежде всего антидемократически настроенные деятели и правонационалистические организации, в том числе клерикальные.

В подготовке заговора Хеджази — Рашидян были замешаны не только лица, близкие к придворным кругам,

но и деятели фракции Национальное движение, в частности Музаффар Багаи — руководитель Партии трудящихся Ирана. Один из лидеров партии, Халил Малеки, заявил, что в начале октября 1952 г. Багаи потребовал от него осуждения в печати политики правительства¹⁷¹. Малеки отказался и в газетах партии «Шахид» и «Нируй-е севвом» выступил в поддержку Мосаддыка. Малеки со своими единомышленниками создал Партию трудящихся иранского народа и подверг резкой критике действия Багаи, охарактеризовав их как антинациональные. Разногласия между этими партиями были настолько сильны, что 4 декабря в Тегеране между их членами, вышедшими на демонстрации, произошли ожесточенные стычки¹⁷².

К этому времени наметились разногласия между сторонниками Кашани и Мосаддыка. Эти разногласия выявились отчетливо в конце 1952 г. в связи с выходом Хосейна Макки из Высшего совета по нефти, созданного для повышения эффективности деятельности ИННК. Свою отставку Макки мотивировал тем, что избрание на пост одного из директоров ИННК Реза Фаллаха противоречит интересам национального движения, так как он был одним из видных чиновников АИНК. Но истинным мотивом отставки Макки было, видимо, его стремление занять один из высоких постов в ИННК. Специальное приглашение Макки Гарнером — руководителем МБРР в США, оказанный ему там прием свидетельствовали о намерении Вашингтона противопоставить его Мосаддыку. Отставка Макки, назначение Фаллаха и ряда других лиц на ответственные посты в ИННК привели к открытым столкновениям в меджлисе и на специальном заседании фракции Национальное движение между сторонниками Мосаддыка и приверженцами Кашани¹⁷³, которые воспользовались этим для выпадов против правительства. Между тем противоречия между сторонниками Мосаддыка и приверженцами Кашани имели более глубокие корни. Они были вызваны стремлением Кашани повысить роль клерикальных кругов в разрешении проблем внутренней и внешней политики и направить ее в определенное русло. Такой поворот в политике Кашани был обусловлен тем, что клерикальные круги были встревожены ростом демократического движения и усилением влияния НПИ и других левых

организаций. Кашани был недоволен также антимоноархическими акциями правительства Мосаддыка, который еще до прихода к власти выступал за ограничение прерогатив шаха. В июле 1952 г. Мосаддык добился поста министра обороны с тем, чтобы лишить двор влияния на армию. Этим самым Мосаддык стремился лишить шаха активного участия в политике. Во второй половине 1952 г., продолжая добиваться сужения прерогативы шаха, Мосаддык требовал, чтобы двор отказался от сотрудничества с правой оппозицией. Опасаясь дальнейшего развертывания инициативы масс и усиления роли левых организаций, и прежде всего НПИ, Кашани и его приверженцы в борьбе против правительства Мосаддыка фактически пошли на союз с проимпериалистическими и придворными кругами.

Обострение противоречий в Национальном фронте и среди примыкавших к нему организаций свидетельствовало об усилении раскола между различными прослойками иранской национальной буржуазии. Основной причиной раскола был страх отдельных политических деятелей и группировок перед ростом демократического движения и политической активности трудящихся, усилением влияния НПИ и возможным сближением между ней и правительством. Выступления против Мосаддыка рано или поздно должны были привести большую часть этих правых националистов в лагерь проимпериалистических и придворных кругов. Представители этих правых националистов — членов НФ в 1952—1953 гг. вели тайные переговоры с империалистическими кругами о возможных путях разрешения нефтяной проблемы.

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПРОИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 19 АВГУСТА 1953 г.

Рост противоречий среди национальной буржуазии был чреват для Ирана серьезными последствиями, особенно потому, что в конце 1952 г. наблюдалось дальнейшее сближение между США и Англией по вопросу объединения действий для получения доступа к эксплуатации иранских нефтяных месторождений. Это объяснялось прежде всего победой в США точки зрения

Международного картеля, ратовавшего за совместную с Англией разработку иранских нефтяных залежей, хотя еще летом 1952 г. между обеими державами возникали по этому вопросу значительные трения, вызванные попытками отдельных американских монополий, не входящих в Международный картель, захватить в свои руки реализацию иранской нефти¹⁷⁴. Курс на проведение согласованной с Англией политики в Иране особенно упрочился с приходом к власти в США Республиканской партии. И это не удивительно, ибо самый большой взнос в фонд Республиканской партии, выдвинувшей на пост президента кандидатуру Эйзенхауэра, был сделан семейством Рокфеллеров в Нью-Йорке (94 тыс. долл.)¹⁷⁵. Новый государственный секретарь США, приступивший к исполнению своих обязанностей в марте 1953 г., — Джон Фостер Даллес через адвокатскую контору «Салливэн энд Кромвелл» был прямо связан с нефтяными корпорациями¹⁷⁶.

Уже 8 ноября 1952 г. на совещании нового президента США, Эйзенхауэра, с Трумэном, Ачесоном, Гарриманом и другими обсуждалась ситуация в Иране¹⁷⁷. На встрече государственного секретаря США Дина Ачесона с Антони Иденом в Париже в ноябре 1952 г. рассматривался план создания Международного консорциума для эксплуатации и сбыта иранской нефти. Одним из основных авторов этого плана был Дин Ачесон.

После этих и серии других переговоров Ирану через американского посла были переданы 20 февраля 1953 г. британские предложения о путях разрешения англо-иранского конфликта, подготовленные в сотрудничестве с представителями США.

В марте 1953 г. состоялись переговоры А. Идена и Батлера с Эйзенхауэром и Даллесом. На этой встрече британских и американских государственных деятелей рассматривался, в частности, вопрос о совместных действиях в отношении правительства Мосаддыка. Иден в своей речи в палате общин выразил глубокое удовлетворение результатом переговоров и заявил: «Мы достигли полного взаимопонимания в определении нашей политики в отношении иранской нефти. В Коммюнике, опубликованном после наших встреч, констатировалось мнение Соединенных Штатов о том, что предложения от 20 февраля были справедливыми и приемлемыми»¹⁷⁸.

Однако правительство Мосаддыка отвергло эти предложения¹⁷⁹, которые мало чем отличались от прежних предложений, ущемлявших права Ирана и отражавших стремление британских и американских монополий поставить добычу и экспорт нефти под свой контроль. Тем не менее ухудшение финансового положения Ирана, когда казна была не в состоянии своевременно даже выплачивать жалованье государственным служащим, заставило правительство искать помощи извне. И оно опять обратилось к США. В письме президенту Д. Эйзенхауэру от 28 мая 1953 г. Мосаддык просил его или воздействовать на британское правительство, чтобы оно согласилось на иранские предложения, или оказать Ирану финансовую помощь¹⁸⁰. Президент откликнулся на послание Мосаддыка лишь 43 дня спустя. В своем ответе, составленном в высокопарных тонах, он отверг просьбу Ирана¹⁸¹.

Вслед за ответом Эйзенхауэра было опубликовано заявление госдепартамента США, где вновь подчеркивалось, что Иран может ликвидировать свои финансовые трудности, лишь добившись разрешения англо-иранского конфликта. Таким образом, летом 1953 г. иллюзии правительства Мосаддыка о возможности соглашения с Западом были окончательно рассеяны. Подобный ход событий одновременно означал, что США полностью солидаризуются с Англией в нежелательности пребывания Мосаддыка у власти.

Как раз в тот день, когда Мосаддык послал послание Эйзенхауэру, завершил свое турне по странам Ближнего и Среднего Востока государственный секретарь США Даллес. Он встретился в Карачи с американским послом в Тегеране Лоем Гендерсоном, с которым провел совещание о положении в Иране. По возвращении Гендерсона в Тегеране было опубликовано письмо Даллеса иранскому премьеру, в котором он подчеркивал, что обстановка в Иране в настоящее время не благоприятствует его приезду в страну. Еще более откровенным было заявление государственного секретаря США в июле 1953 г., когда он прямо сказал: «Любое иранское правительство, не являющееся коммунистическим правительством, будет для нас лучше нынешнего правительства. Мы считаем невозможным иметь дело с Мосаддыком»¹⁸².

Между тем обстановка в Иране становилась все более напряженной. Противоречия в лагере национальной буржуазии приобретали резкий характер. От антиимпериалистического и демократического движения отмежевались правые националисты и начали открыто блокироваться с проимпериалистическими придворными кругами. В стране активизировалась деятельность антикоммунистических мелкобуржуазно-анархистских, клерикальных и шовинистических организаций — Партии трудящихся Ирана, СУМКА и др., а также политических деятелей типа Х. Макки, Хаери-заде и их последователей. Одни из этих группировок шли на сближение с проимпериалистическими и придворными кругами в силу своего антидемократического и антикоммунистического характера, а другие — вследствие благосклонного отношения к США.

Основными причинами отхода от движения всех этих организаций и деятелей послужили: отказ правительства пойти на уступки англо-американским монополиям по вопросу об иранской нефти, мероприятия властей по очистке государственных учреждений, армии и полиции от реакционных и монархистских элементов, разногласия между правительством и двором и, наконец, усиление роли в народном движении НПИ и примыкавших к ней организаций.

После июльского восстания 1952 г., несмотря на отказ Мосаддыка от предложения НПИ об основании единого антиимпериалистического фронта, освободительное и демократическое движение в стране не ослабевало, что создавало благоприятную обстановку для расширения деятельности НПИ и других левых организаций¹⁸³. Однако тактические и политические ошибки осложняли деятельность партии. В результате НПИ порой оказывалась не в состоянии распространить свое влияние на некоторые прослойки средних слоев — активных участников антиимпериалистического движения. Тем не менее стойкость и последовательность партии в борьбе с империализмом и реакцией, ее деятельность по созданию массовых общественных организаций вызвали рост авторитета НПИ. В этот период активизировались и демократические профсоюзы, отдельным организациям которых удалось перейти на легальное положение. НПИ удалось создать в армии сильную партийную

организацию. Нерешительность правительства Мосаддыка в разрешении внутренних проблем, усугублявшийся раскол национальной буржуазии обусловили переход на сторону НПИ и профсоюзов большого числа представителей городских средних слоев. Особенно возросло значение НПИ в демократической и антиимпериалистической борьбе весной 1953 г., когда она стала реально претендовать на роль гегемона в народном движении. Мостафа Фатех признает, что если в демонстрациях 1952 г. сторонники НПИ составляли одну треть, то весной 1953 г. их число достигало уже двух третей¹⁸⁴.

Рост влияния НПИ и других левых организаций был использован США и Англией для ускорения консолидации антиправительственных сил с целью насильственного свержения Мосаддыка и установления в Иране «сильной власти», способной подавить освободительное и демократическое движение. С этой целью они совместно с проимпериалистическими и придворными кругами и с правыми националистами усилили подрывную деятельность против правительства Мосаддыка. На путь организации антинациональных заговоров под эгидой двора вступила в конце 1952 г. группа уволенных со службы высших офицеров во главе с генералом Ф. Захеда. Вместе с тем в меджлисе руководитель Общества борцов ислама Кашани, его зять Канатабади, Багаи, Макки, Хаери-заде и другие потребовали ограничения чрезвычайных полномочий Мосаддыка. Однако домогательства этих лиц благодаря охватившим всю страну выступлениям трудящихся в поддержку правительства потерпели полный крах. 6 января Мосаддык получил вотум доверия в парламенте, а 19 января 1953 г. под давлением массовых демонстраций депутаты меджлиса одобрили закон о продлении чрезвычайных полномочий его правительства еще на один год¹⁸⁵.

Новой вехой в борьбе между правительством и его противниками стал февраль 1953 г.: 24 февраля 1953 г. Мосаддык заявил шаху о своем намерении провести референдум по вопросу роспуска меджлиса ввиду его неработоспособности. Одновременно Мосаддык предложил шаху временно покинуть Иран.

28 февраля, в день, когда ожидался отъезд шаха, придворные круги вкупе с реакционными депутатами меджлиса и религиозными деятелями устроили в ответ

показную демонстрацию, на которой они и нанятые ими лица слезно молили шаха не покидать страну. Шах «по просьбе» демонстрантов отложил свой отъезд. В организации этой демонстрации активное участие принимали: сын генерала Захеда — Ардешир Захеда, депутат меджлиса Мир Ашрафи, Мустафа Кашани и др. При выходе из дворца, куда он ездил для того, чтобы попроситься с шахом, Мосаддык подвергся нападениям хулиганствующей толпы и был вынужден укрыться в здании меджлиса ¹⁸⁶.

1 марта 1953 г. на площади Бахарестан уволенные из армии офицеры вместе с подкупленными ими деклассированными элементами учинили драку со сторонниками правительства. В ночь на 2 марта власти арестовали 85 отставных офицеров и генералов, а также некоторых известных своей приверженностью ко двору, США и Англии политических деятелей.

В начале марта 1953 г. по инициативе (раздельной) правительства и НПИ состоялись массовые митинги и демонстрации, направленные против провокаций проимпериалистических и придворных кругов ¹⁸⁷. Под влиянием этих выступлений в меджлисе была создана «комиссия восьми» для разрешения разногласий между правительством и двором. В своих выступлениях 12 марта и 6 апреля Мосаддык подчеркивал, что шах должен царствовать, а не управлять. Он потребовал от меджлиса дать толкование статей 35, 44, 48, 50, 52 Дополнений к Основному закону Ирана для уточнения прерогатив шаха. В своем обращении к народу Мосаддык обвинил сестру шаха Ашраф, его братьев и других членов семьи, а также близких ко двору отставных генералов и офицеров в организации кровопролитий и расстреле массовых демонстраций в июле 1951 г. и в 1952 г.

В середине апреля 1953 г. верные правительству армейские части подавили начавшийся еще в феврале мятеж связанных с двором и Великобританией бахтиарских ханов на юге. Руководители мятежа были арестованы.

Консолидация антиправительственных сил, однако, продолжалась, о чем свидетельствовали события апреля — мая 1953 г. Еще одним звеном в цепи заговоров, организуемых проимпериалистическими и придворными кругами, было похищение и злодейское убийство в ап-

реле 1953 г. бригадного генерала Махмуда Афшартуса, одного из твердых приверженцев д-ра Мосаддыка. Генерал Афшартус добивался осуществления чистки офицерского корпуса полиции и жандармерии от антиправительственных и монархистских элементов. На посту начальника главного управления полиции он сыграл важную роль в раскрытии ряда антиправительственных заговоров, планировавшихся отставными офицерами и генералами. Похищение и убийство Афшартуса было совершено реакцией в союзе с правыми националистами, в частности с М. Багаи. Один из активных участников похищения и убийства Афшартуса, отставной генерал Ф. Захеда, для избежания ареста в начале мая 1953 г. засел в бест в здании меджлиса.

Свидетельством обострения отношений между правительством Мосаддыка и шахским двором оказался также вопрос о «шахских землях». Во время низложения Реза-шаха (1941 г.) в его личном владении находились (полностью или частично) земли свыше 2000 деревень. По закону от 2 июня 1942 г. эти земли подлежали возвращению бывшим собственникам. Однако этот закон не был реализован, а 11 июля 1949 г. владение этими землями перешло к шаху, как наследнику. Земли эти были оформлены как вакф, управление которым было поручено так называемому фонду имущества Пехлеви. Доходы с них должны были быть израсходованы на благотворительные цели. 28 января 1951 г. был издан шахский указ о распродаже этих земель обрабатывающим их крестьянам и землевладельцам. В мае 1953 г. Мосаддык добился передачи этих земель под контроль правительства. Правительство объявило, что этот шаг вызван тем, что доходы от шахских имений использовались на политические цели, а не на благотворительные. Этим актом Мосаддык намеревался лишить двор значительных доходов, а также не давать возможность главе государства использовать распродажу этих земель в целях популяризации своего имени.

Борьба за власть между правительством и двором все более приобретала антагонистический характер. С конца 1952 г. и особенно с февраля 1953 г. правительство Мосаддыка в результате противодействия двора и проимпериалистических кругов, получающих большую поддержку у США и Англии, все более теряло

способность осуществлять свою власть в полном объеме. Двор становился центром, по инициативе и при поддержке которого готовились и осуществлялись действия с целью парализовать нормальную деятельность правительства. В результате этих действий создалось положение, охарактеризованное некоторыми авторами, не без основания, как двоевластие. Несмотря на то что после июля 1952 г. Мосаддык смог занять пост министра обороны и произвести чистку в армии и полиции, а также в госаппарате, удалив в отставку большую группу промонархистски настроенных офицеров, генералов и чиновников, тем не менее ему установить полностью свой контроль над армией, полицией, жандармерией и государственными учреждениями не удалось. При таком положении правительству было очень трудно пресечь выступления правой оппозиции. Особого накала борьба между правительством Мосаддыка и двором достигла в конце мая 1953 г., когда вопрос о разделении власти между главой государства и правительством вновь стал предметом острых дискуссий в парламенте и вне его в связи с обсуждением рекомендаций «комиссии восьми».

В заключении «комиссии восьми» говорилось, что вся ответственность в отношении вооруженных сил ложится на министра национальной обороны, действующего от имени главы государства. Большинство присутствовавших на заседании парламента голосовало за это заключение, однако его одобрение меджлисом вызвало новое обострение отношений между правительством и двором, способствуя усилению поляризации политических сил.

Обострению борьбы между правительством и проимпериалистическими и придворными кругами способствовал прежде всего рост демократических и антиимпериалистических выступлений трудящихся, возглавлявшихся левыми силами. Часть стоявшей у власти национальной буржуазии — хотела она того или нет — перед лицом объединенного фронта этих кругов и иностранного империализма склонялась к союзу с левыми организациями. Такой ход событий оттолкнул от движения клерикальные круги и находившиеся под их влиянием мелкобуржуазные группировки. Отошли от движения и правые националисты (Багаи, Макки, Хаери-заде). Хотя некоторые из них подчас еще занимали половинчатую пози-

цию, их противодействие правительству укрепляло положение проимпериалистических и придворных кругов. Обострение классовых противоречий, усиление позиций НПИ, которая все более оказывалась во главе массовых выступлений, наметившееся сближение между НПИ и некоторыми соратниками Мосаддыка (Х. Фатеми и др.), участвовавшие провокации проимпериалистических и придворных кругов против правительства и левых сил способствовали тому, что уже к середине лета 1953 г. почти все правонационалистические группировки отказались от поддержки правительства. Одной из последних среди этих группировок отошла от движения (июль 1953 г.) Партия трудящихся иранского народа (лидер и создатель Халил Малеки), хотя она временами еще поддерживала Мосаддыка. Эта псевдосоциалистическая партия и ее руководитель Х. Малеки, подобно группировке Багаи, нанесли огромный урон росту демократического движения в стране своими выступлениями против левых сил; они оказывали сильное негативное воздействие на Мосаддыка, всячески препятствуя сближению между правительством и НПИ. Таким образом, накануне наступления решительного этапа борьбы между демократическими и реакционными силами правые националисты находились в стане проимпериалистических и придворных кругов.

Новая расстановка политических сил оказала отрицательное воздействие на деятельность меджлиса XVII созыва. К маю 1953 г. численность твердых сторонников правительства в меджлисе составляла 29 депутатов (из 79). Перешедшие в стан проимпериалистической и придворной группировки правые националисты и клерикалы Багаи, Макки, Кашани, Хаери-заде, Канатабади и другие превратили парламент в центр интриг и провокаций против правительства, создавая всяческие препятствия для его нормальной деятельности.

В ответ на усиление деятельности антидемократических группировок правительство прежде всего решило добиться роспуска меджлиса. В этом правительство получило широкую поддержку трудящихся и левых организаций. 15 июля депутаты — твердые сторонники Мосаддыка коллективно отказались от своих мандатов. Они распространили заявление, в котором отмечалось, что деятельность оппозиции парализовала работу медж-

лиса. На созванном 22 июля при активном участии НПИ массовом митинге была принята резолюция с требованием роспуска меджлиса и изгнания из Ирана всех американских военных советников, а также ликвидации администрации по осуществлению «4-го пункта» программы Трумэна. 27 июля в своем выступлении по радио Мосаддык заявил о необходимости проведения всенародного референдума по вопросу о роспуске меджлиса¹⁸⁸. Кашани, Бехбехани и другие видные религиозные деятели, а также находившиеся в оппозиции к правительству партии и организации выступили против осуществления этого мероприятия. Однако совет министров 28 июля принял решение о проведении референдума. Состоявшийся 3—10 августа референдум показал, что 99% его участников проголосовали за роспуск меджлиса и тем самым выразили свою поддержку правительству Мосаддыка. 12 августа было официально объявлено о роспуске меджлиса XVII созыва. Распространились слухи о проведении второго референдума — по вопросу о государственном строе Ирана, т. е. сохранении в стране конституционной монархии или установлении республики. В то же время реакционные круги совместно с военно-политическими представителями США вели подготовку к насильственному свержению правительства Мосаддыка. Особую активность в этом проявляли шахский двор и удаленные из армии высшие офицеры во главе с генералом Захеда, который в июле 1953 г. благодаря попустительству нового председателя меджлиса, Моаззами, избежал ареста¹⁸⁹ и, скрываясь, по некоторым данным, в американском посольстве, руководил подготовкой антиправительственного заговора. Захеда при помощи двора, через сына и монархически настроенных высших военных чинов разрабатывал военный путч для отстранения Мосаддыка от власти, так как предполагалось, что население Тегерана выступит на защиту правительства. Значительную роль в организации и проведении переворота сыграли США, и прежде всего Центральное разведывательное управление, американское посольство и военная миссия в Тегеране.

В критические дни первой половины августа 1953 г., когда разногласия между двором и правительством приобрели необычайно острый характер, Иран покинули посол США Гендерсон и сестра шаха Ашраф. В эти дни

в страну прибыл бригадный генерал Х. Норман Шварцкопф, под руководством которого в 1943—1948 гг. осуществлялась реорганизация иранской полиции и жандармерии. Он имел конфиденциальные встречи с шахом и Захеди. Прогрессивная печать отмечала, что в этих встречах таится серьезная опасность для иранского народа. Газета «Шахбаз» от 9 августа 1953 г. писала: «Заявление Эйзенхауэра не является пустой и бесплодной угрозой. Уже сейчас стали видны практические результаты угроз генерала Эйзенхауэра...¹⁹⁰. Недаром генерал Шварцкопф — сотрудник ЦРУ уединяется с шахом. Не случайно, что одновременно с поездкой Шварцкопфа в Пакистан туда приглашают Али Реза, брата шаха, убийцу, „на охоту на леопардов“ И опять не зря в это же время приходит известие о серии провокаций в Кермане и Белуджистане со стороны местного командующего бригадного генерала Иманпура — холоуя двора». По свидетельству автора книги «ЦРУ. Секретная история», приезд Шварцкопфа в Иран был вызван необходимостью контролировать правильное расходование выделенной ЦРУ для организации государственного переворота в Иране суммы, превышающей 10 млн. долл.¹⁹¹.

10 августа Аллен Даллес, руководитель ЦРУ, посетил Швейцарию, где он тайно совещался с прибывшими туда американским послом в Иране Лойем Гендерсоном и сестрой шаха Ашраф, которая накануне своего отъезда из Ирана имела «бурное объяснение с братом в Мраморном дворце из-за нерешительности его действий в отношении Мосаддыка»¹⁹².

13 августа, вскоре после прибытия в Иран Шварцкопфа, шах, находившийся на побережье Каспия, подписал указ о смещении Мосаддыка с поста премьер-министра и назначил на его место отставного генерала Захеди.

14—15 августа, по сведениям печати, шахская гвардия вкупе с некоторыми войсковыми частями должна была осуществить государственный переворот. Однако этот план стал известен прогрессивным кругам и получил широкое освещение в печатных органах НПИ и других левых организаций, что помешало заговорщикам осуществить свой план. Правительство, приняв некоторые меры предосторожности, тем не менее не при-

дало должного значения сообщениям левой печати. Поэтому в ночь на 16 августа несколько офицеров шахской гвардии во главе с полковником Нематолла Насири сделали попытку свершить государственный переворот, предусматривавший арест Мосаддыка и его близких соратников. Однако, увидев окружавшую дом премьер-министра сильную охрану, заговорщики сразу же переменили план и заявили, что прибыли для официального вручения Мосаддыку указа шаха о его смещении с поста премьер-министра. Насири был взят под стражу. В ту же ночь, еще до прихода Насири в дом Мосаддыка, группы заговорщиков из шахской гвардии совершили нападение на дома известных своей приверженностью к Мосаддыку и враждебностью ко двору политических деятелей — начальника генштаба Таги Рияхи, министра иностранных дел Х. Фатеми, министра путей сообщения Хакшенаса и инженера Зирак-заде. Таги Рияхи удалось избежать ареста, а Фатеми, Хакшенас и Зирак-заде были арестованы и вывезены в Саадабад, где находилась штаб-квартира заговорщиков.

По указанию генерала Рияхи верные правительству воинские части и силы общественного порядка разоружили части шахской гвардии. Арестованные заговорщиками политические деятели были освобождены. К утру 16 августа правительство объявило о предотвращении военного путча. Вокруг дома Мосаддыка были сосредоточены верные ему части с танками и бронемашинами. Шах, извещенный обо всем этом, вылетел из Рамсара через Ирак в Италию.

16 августа видные члены правительства — Хосейн Фатеми, Зирак-заде и др. — в своих выступлениях перед массами обрушились с резкой критикой на шаха и двор, призвали к ликвидации антинационального и монархистского режима. 17—18 августа демонстранты водрузили в ряде районов города красные флаги, снесли памятник Реза-шаху¹⁹³ и монумент Мохаммеду Реза-шаху. Эти выступления трудящихся возглавляли представители НПИ.

17 августа в Тегеран вернулся посол США в Иране Лой Гендерсон. Правительство Мосаддыка, опасаясь усиления роли левых сил, и особенно НПИ и связанных с ней прогрессивных организаций, 17 и 18 августа обрушило репрессии против участников массового антимо-

нархистского движения. Между тем власти 18 августа освободили ряд ранее арестованных правых деятелей, участников антиправительственных заговоров. Тем временем, пользуясь нерешительностью правительства в подавлении реакционных выступлений и его опасениями опереться на поддержку трудящихся и левых организаций, что препятствовало развитию антимонархического движения, реакционные круги, главным образом отставные офицеры и религиозные деятели, по указанию скрывавшегося Захеда сколачивали группы для осуществления заговора. Главной же движущей силой переворота должны были стать армейские части, руководство которых было тесно связано с заговорщиками, возглавляемыми генералом Захеда. В начале августа Захеда установил связь с командирами дивизий, дислоцированных в провинциях, которые должны были подтянуть свои части в направлении к столице с тем, чтобы в случае необходимости поддержать заговорщиков. В плане заговора против правительства особое место было отведено деклассированным элементам («чагукешан»). В организации выступления деклассированных элементов важную роль сыграли муджтехид Бехбахани, генерал Алови Мукаддем, полковник Кияни и др. Выступления против Мосаддыка начались 19 августа утром, когда подкупленная духовенством и отставными офицерами толпа из южных кварталов города направилась в центр. Вызванные генералом Ряхи военные части Тегеранского гарнизона перешли на сторону мятежников. На улицах и площадях Тегерана в течение нескольких часов происходили кровавые столкновения между сторонниками правительства и шаха. К вечеру верные Мосаддыку армейские части и боровшиеся на стороне правительства жители столицы были зажаты в кольцо мятежниками и сложили оружие. Дом Мосаддыка был занят, однако ему удалось скрыться. 20 августа Мосаддык, Шаеган и некоторые другие лица, скрывавшиеся в Шимране, были арестованы заговорщиками.

Несмотря на то что проимпериалистические и придворные круги израсходовали крупную сумму на подкуп деклассированных элементов, совершить переворот при помощи «толпы» им не удалось. Переворот был осуществлен военными частями, находившимися под влиянием реакционных генералов и офицеров, а также американ-

ской военной миссии. Этот факт лишний раз показывал, что США являются ярким противником патриотических режимов в развивающихся странах и что американские миссии используются для установления и укрепления в других странах режимов, угодных западным монополиям.

Непосредственно на организацию переворота ЦРУ выделило крупную сумму, по сведениям некоторых авторов, в размере 19 млн. долл., об использовании которых имеются лишь отрывочные данные. Так, д-р Джахангир Азиме, автор книги «Иранское национальное движение», сообщает, что 17 августа один из сотрудников американского посольства встретился с братьями Кашкаи (вожди племени кашкай) и, показав им чек на 5 млн. долл., предложил организовать выступление против правительства. Однако братья отвергли эту сделку. Накануне переворота, по сведениям Абдолькасема Амини, США предложили начальнику жандармерии бригадному генералу Махмуду Амини 5 млн. долл. за свержение правительства. Но Махмуд Амини отказался. Тем не менее впоследствии эти деньги оказались у Али Амини — другого брата Абдолькасема Амини, который, по его словам, передал их в казну. После переворота генерал Захеда затребовал эту сумму, указывая, что она предназначалась для выплаты руководителям переворота. Представители США вручили ему через Али Амини дополнительно 2 млн. долл.

Впоследствии стало известно о той роли, которую сыграл Кермит Рузвельт и другие высокопоставленные чиновники в подготовке антиправительственного заговора¹⁹⁴. Американский генерал Стюарт с цинизмом рассказывал о той роли, какую сыграла военная миссия США в Иране во время переворота. «Когда кризис наступил, — говорил Стюарт, — и дело шло к коллапсу, мы нарушили обычные порядки. Среди других шагов, предпринятых нами, было немедленное снабжение армии запасными одеялами, обувью, униформой, электрогенераторами, медикаментами, что позволило создать условия, в которых они (личный состав армии. — С. А.) могли поддержать шаха... Ружья, которые они держали в руках, грузовики, на которых они проезжали, бронемашин, на которых они курсировали по улицам, средства связи, которые обеспечивали контроль, — все было

им предоставлено по программе военной помощи. Если бы не было этой программы, то, вероятно, у власти сейчас стояло бы правительство, недружественное США».

Таким образом, США не только способствовали консолидации антиправительственных сил, но и приняли фактически непосредственное участие в отстранении негодного им режима в Иране. Крайне односторонним кажется заключение Л. Элвелл-Саттона о том, что «настоящей причиной падения Мосаддыка был вовсе не вопрос о нефти, а скорее то, что он вынашивал замысел отстранить от участия в политике шаха и армию»¹⁹⁵. Одной из основных причин, вызвавших организацию заговора против правительства Мосаддыка, был его отказ в вопросе об иранской нефти принять условия США и Англии и поступиться национальными интересами своей страны. Публичное заявление государственного секретаря США Даллеса в июле 1953 г: «Мы считаем невозможным иметь дело с Мосаддыком» — было своеобразным призывом к действию для проимпериалистических и придворных сил в Иране.

Правящие круги США и Англии с восторгом встретили весть об осуществлении переворота в Иране. Эйзенхауэр, который незадолго до переворота отказал Мосаддыку в займе, срочно сообщил генералу Захеиди о том, что финансовые нужды Ирана вызовут сочувствие американского правительства. Вскоре США объявили, что помощь Ирану «по 4-му пункту» будет продолжена. Стало известно также о том, что Соединенные Штаты предоставят Ирану в виде «дара» 45 млн. долл. Интересно отметить, что в первый же год 1,7 млн. долл. из этой суммы было израсходовано на премии личному составу иранской армии, жандармерии и полиции¹⁹⁶. «Помощь» США подготовила почву для новых ирано-американо-английских переговоров о нефти.

* * *

Освободительное и демократическое движение иранского народа 1949—1953 гг. было наиболее ярким явлением в политической истории послевоенного Ирана. Если в 1949—1951 гг. в этом движении преобладали антиимпериалистические тенденции, то с 1952 г., и особенно после июльского восстания 1952 г., не меньшее значение приобрела борьба трудящихся и патриотических

сил за осуществление демократических преобразований.

Отличительная особенность этого периода состояла также в том, что развитие движения в известной мере приобщило к политической жизни иранское крестьянство — самый многочисленный класс иранского общества. Расширение и углубление демократического движения к лету 1953 г. привело к политическому кризису общенационального масштаба, когда на повестку дня был поставлен вопрос о государственном переустройстве. Однако консервативным силам в блоке с американо-английскими империалистическими кругами удалось предотвратить это насильственным путем.

В 1949—1953 гг. движение носило общенародный характер и его возглавляли представители национальной буржуазии, политические и экономические интересы которой находились в противоречии с интересами иностранных монополий и правящей верхушки, представленной главным образом крупными помещиками и купцами. Эти придворные и прозападные круги намеревались путем получения незначительных уступок добиться урегулирования конфликта с иностранными монополиями и тем самым воспрепятствовать наступлению надвигающегося общественно-политического и экономического кризиса. Национальная буржуазия, не забывая, конечно, о своих материальных интересах, стремилась путем изгнания АИНК и увеличения доходов от нефти стимулировать развитие производства и расширение внутреннего рынка. В ходе движения в связи с обострением классовых противоречий правое крыло национальной буржуазии проявляло всё большую склонность к соглашению с иностранными монополиями и консервативными слоями, а левое крыло вело линию на достижение экономической и политической самостоятельности и, естественно, шло на сближение с НПИ и иными прогрессивными организациями.

Отдельные советские авторы ошибочно оценивали роль национальной буржуазии в освободительной борьбе, говоря лишь о ее «поддержке» движения 1949—1953 гг. Между тем она вопреки утверждениям этих авторов в период роста антиимпериалистической борьбы возглавляла движение и выражала общенародные интересы. Отрицать это, ограничиваясь описанием недостатков и положительных сторон деятельности национальной

буржуазии, и особенно правительства Мосаддыка, значит допустить не совсем верный подход к решению важных проблем освободительного и демократического движения 1949—1953 гг. Вместе с тем утверждения о том, что будто лишь жестокие репрессии 1949 г. в отношении НПИ позволили национальной буржуазии захватить в свои руки руководство движением¹⁹⁷, не являются убедительными и научно обоснованными. В Иране, где еще со времени революции 1905—1911 гг. оставались нерешенными задачи буржуазно-демократической революции, где стоявшие у власти крупные помещики и купцы проводили проимпериалистическую и антидемократическую политику, значительная часть национальной буржуазии после войны была настроена патриотически и была способна, особенно в начальный период, повести за собой массы. НПИ же в 1949—1951 гг. была не в состоянии активно бороться за гегемонию в движении, так как она, подвергнутая репрессиям и объявленная в 1949 г. вне закона, была вынуждена уйти в подполье и при этом не смогла выдвинуть политические лозунги, имевшие общенациональное значение. Ее влияние на средние слои, которые наряду с рабочими составляли основную силу движения, было еще слабым. Однако в ходе движения авторитет НПИ намного возрос. К началу 1953 г. она превратилась в силу, с которой должны были считаться как национальная буржуазия, так и проимпериалистические и придворные круги.

Первая половина 1953 г. была периодом, когда сложились факторы революционной ситуации, когда развитие освободительного и демократического движения поставило под угрозу власть крупных помещиков и купцов-компраторов. Однако национальные силы — НПИ и примыкавшие к ней организации и приверженцы правительства Мосаддыка — были разобщены перед лицом объединившихся сил прозападных и придворных кругов и англо-американских монополий. Левое крыло национальной буржуазии очень робко шло на сближение с НПИ. Национальная буржуазия почти ничего не сделала для привлечения на свою сторону крестьянства и этим лишила правительство активной поддержки иранской деревни, а тем самым и армии. Тактические ошибки НПИ, как справедливо указывается в документах партии, искусственно вызывая рост разногласий между

левыми организациями и приверженцами Мосаддыка, также ослабляли позиции национальных сил.

В критические дни августа 1953 г. НПИ допустила серьезную ошибку (что также отмечалось в дальнейшем в партийных документах), переоценив возможности правительства в пресечении антиправительственного выступления проимпериалистических и придворных сил. Она проявила известную политическую пассивность, не став на путь решительной борьбы за гегемонию. Все это дало возможность внутренним и внешним реакционным кругам совершить государственный переворот.

Серьезную роль в движении 1949—1953 гг. сыграли средние слои, которые были кровно заинтересованы в самостоятельном экономическом развитии страны и решительно выступали против иностранных монополий. Однако эти слои в Иране, как и в ряде других стран Ближнего и Среднего Востока, по своему месту в производстве, экономическому, социальному и политическому положению представляли очень пеструю массу. Вследствие присущей средним слоям неустойчивости часть их оказалась временно под влиянием анархистски настроенных, клерикальных и реакционных элементов.

Важные заслуги в развитии освободительной и демократической борьбы в 1949—1953 гг. принадлежат иранской интеллигенции, многочисленные представители которой, особенно студенчество и часть офицерства, в ходе движения встали на позиции рабочего класса.

Поражение антиимпериалистического и демократического движения 1949—1953 гг. не должно препятствовать правильной оценке его исторического значения и той яркой печати, которую оно наложило на весь ход общественно-политического и экономического развития Ирана в последние десятилетия. Все проводимые после 1953 г. реформы являются не чем иным, как уступкой революционным силам, попыткой воспрепятствовать активному выступлению народных масс, росту их политического самосознания, на которое огромное влияние оказало движение 1949—1953 гг.

Годы антиимпериалистического и демократического движения в Иране были периодом острой борьбы между монополиями США и Англии за нефть Ближнего и Среднего Востока. Если в 1949—1950 гг. США порою открыто выступали против АИНК, то после акта нацио-

нализации политика в отношении Ирана и иранской нефти стала вырабатываться правительствами США и Англии совместно, при самом активном участии Международного нефтяного картеля, противоречия разрешались в переговорах между представителями этих «трех стран». При этом США взяли на себя главную роль в борьбе за восстановление господства Запада над иранской нефтью, оттеснив Англию на второй план. Содействуя вытеснению АИНК из Ирана, империалистические круги США подняли шумиху об образовании вакуума и предприняли шаги для его заполнения. И эта борьба за иранскую нефть в конечном счете способствовала вторжению монополий США в область интересов АИНК. Если в 1946 г. американские монополии контролировали только 42% нефтяных ресурсов на Ближнем и Среднем Востоке, а английские — 53%, то к 1958 г. американские фирмы контролировали уже почти 60% нефтяных ресурсов региона¹⁹⁸.

Движение 1949—1953 гг. было выдающимся событием международного значения, нанесшим серьезный удар по колониальной системе английского империализма и ускорившим процесс ее распада. Освободительная и демократическая борьба в Иране оказала влияние на рост народного движения в других странах Азии, и особенно в странах Арабского Востока.

¹ Али Захе́ди, О необходимости промышленной программы, Тегеран, 1963 (на перс. яз.).

² Ch. Issawi a. M. Yeganeh, *The Economics of Middle Eastern Oil*, New York, 1963, стр. 132.

³ K. Grunwald a. J. O. Ronall, *Industrialization in the Middle East*, New York, 1960, стр. 212.

⁴ В начале 50-х годов площадь обрабатываемых земель равнялась 16,7 млн. га, из которых 12 млн. га находилось под паром.

⁵ Ахмед Кава́м (Кавам ос-Салтане) (1877—1955) — политический деятель, помещик. Брат Восуг од-Доуле — известного проанглийского политического деятеля. Кавам еще накануне первой мировой войны занимал пост министра, в 1921—1923 гг. трижды возглавлял кабинет министров. Содействовал в 20-х годах приглашению в Иран американской финансовой миссии, возглавляемой А. Мильспо. После установления диктатуры Реза-шаха был лишен возможности заниматься политической деятельностью и некоторые годы проживал за границей. В годы второй мировой войны, после отречения Реза-шаха от престола, вновь стал активно заниматься политикой. Став премьер-министром (9.VIII.1942), добился приглашения в Иран ряда американских миссий (финансовой, военной

и т. д.). Провал деятельности финансовой миссии Мильспо вызвал отставку кабинета Кавама в 1943 г.

Вновь заняв пост премьера в январе 1946 г., Кавам для обмена общественного мнения уволил некоторых сторонников английской ориентации из госаппарата, опубликовал декларацию о необходимости проведения общественно-политических реформ, подготовил законопроект о труде, а в августе 1946 г. пригласил в свой кабинет трех представителей НПИ.

Одновременно с целью борьбы с НПИ, демократическими партиями в Азербайджане и Курдистане и прогрессивными профсоюзами Кавамом была создана «Демократическая партия». В эту партию были приглашены крупные чиновники, купцы-импортеры, вожди кочевых племен, а также известные своими националистическими настроениями буржуазные деятели. Кавам подписал в апреле 1946 г. соглашение с СССР о совместной эксплуатации нефтяных месторождений на севере Ирана. Он признал демократические правительства в Иранском Азербайджане и Курдистане в качестве провинциальных энджуменов (советов) (июнь 1946 г.).

Однако осенью 1946 г. Кавам сбросил маску «демократа». Тайно содействуя реакционному выступлению ряда племен Фарса, он добился отставки министров — членов НПИ, закрыл демократические органы печати, способствовал отклонению в октябре 1947 г. меджлисом подписанного им с Советским Союзом нефтяного соглашения, посредством армии в декабре 1946 г. подавил национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане и Курдистане.

⁶ План был утвержден меджлисом 10 февраля 1949 г., однако начал действовать с 23 сентября 1948 г. (см.: А. З. Арабаджян, Иран, — «Планы-программы экономического развития Азии», М. 1966, стр. 195—289).

⁷ P. Avery, *Modern Iran*, London, 1965, стр. 409.

⁸ См.: «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», М., 1960, стр. 217—224.

⁹ «Parliamentary Debates», House of Commons, vol. 508, стр. 611.

¹⁰ Так, Э. Х. О. Эллингтон, который до 1925 г. проходил военную службу в Индии и особенно отличился при подавлении стачек индийских рабочих компании, в 1929 г. был назначен главным управляющим АИНК, а с 1937 г. — одним из ее директоров.

¹¹ Н. Бушехри, *Континентальный шельф и острова Персидского залива. Политические тайны иранской нефти*, Тегеран, 1956, стр. 1—17 (на перс. яз.).

¹² H. Longhurst, *Adventure in Oil. The Story of British Petroleum*, London, 1959, стр. 135.

¹³ Ущемление интересов Ирана было настолько беззастенчивым, что посетивший страну в 1948 г. Антони Иден после своего возвращения в Англию, видя надвигавшийся конфликт, попросил Стаффорда Крипса — канцлера казначейства — сделать исключение для АИНК в отношении закона об ограничении дивидендов, т. е., уменьшив размеры подоходного налога, добиться увеличения доходов компании и иранского правительства. Однако канцлер обратил мало внимания на это предложение (Монгое, *Britains Moment in the Middle East, 1914—1956*, London, 1963, стр. 111; [A. Eden], *The Memoire of Anthony Eden. Full Circle*, Boston, 1960, стр. 214—215).

¹⁴ B. Shwardan, *The Middle East Oil and Great Powers*, New York, 1959, стр. 159.

¹⁵ См.: «Меморандум Иранского правительства АИНК»,— «Документы по нефти», т. I, Тегеран, 1951, стр. 134 (на перс. яз.).

¹⁶ Л. Элвелл-Саттон, *Иранская нефть*. М., 1956, стр. 111.

¹⁷ Ch. Amiralai, *Le Pétrole et l'indépendance de l'Iran*, Paris, 1961, стр. 101.

¹⁸ А. И. Шамиде, *Рабочее и профсоюзное движение в Иране (1941—1946)*, Баку, 1961, стр. 148—149 (на азерб. яз.).

¹⁹ М. С. Иванов, *Очерки истории Ирана*, М., 1952, стр. 383.

²⁰ «Черная книга о нефти», т. I, Тегеран, 1950, стр. 405—406 (на перс. яз.).

²¹ См.: «Отчет специальной нефтяной комиссии меджлиса от 10 декабря 1950 г.»,— «Черная книга о нефти», стр. 268.

²² «Черная книга о нефти», стр. 267—278.

²³ Текст меморандума без преамбулы см.: Л. Элвелл-Саттон, *Иранская нефть*, стр. 209—214.

²⁴ См.: «Отчет специальной нефтяной комиссии меджлиса от 10 декабря 1950 г.», — «Документы по нефти», т. I.

²⁵ Ch. W. Hamilton, *Americans and Oil in the Middle East*, Houston, 1962, стр. 45.

²⁶ «Дебаты меджлиса XV созыва», т. II, Тегеран, 1949, стр. 3929 (на перс. яз.).

²⁷ Там же, стр. 3931—3933. Законопроект был подписан также Хосейном Макки, Хаери-заде и Абдолкадиром Азадом.

²⁸ Лесани, *Черное золото, или Несчастье Ирана*, Тегеран, 1950, стр. 110 (на перс. яз.).

²⁹ Мостафа Фатех, *50 лет иранской нефти*, Тегеран, 1956, стр. 211 (на перс. яз.).

³⁰ См.: «Correspondence between His Majesty's Government in the UK and the Persian Government, and Related Documents Concerning the Oil Industry in Persia», London, 1951, стр. 19—22.

³¹ «Ход дебатов о нефти в меджлисе XV созыва», Тегеран, 1949, стр. 24 (на перс. яз.).

³² Там же.

³³ Там же, стр. 26—32.

³⁴ «Дебаты меджлиса XV созыва», стр. 4822 (на перс. яз.).

³⁵ «Ход дебатов о нефти в меджлисе XV созыва», стр. 51.

³⁶ Мохаммед Мосаддык (1879—1967) родился в семье государственного деятеля. Родственными узами был связан с правившей до 1925 г. династией Каджаров. Учился в Иране, Франции и Швейцарии. В 1914 г. в Невшатле получил ученую степень доктора права. В 1915 г. был избран депутатом меджлиса III созыва. В 1920 г.— министр юстиции, генерал-губернатор провинции Фарс. После государственного переворота в феврале 1921 г. попал в опалу и некоторое время скрывался от ареста в горах Бахтиарии. В октябре 1921 г. назначен министром финансов в кабинете Ахмеда Кавама. После отставки кабинета Кавама— генерал-губернатор Азербайджана, в 1923 г. министр юстиции в кабинете Мошир ос-Салтане. В конце 1923 г. избран в меджлис V созыва. Активно выступал за отмену капитуляционного режима. Выступал против законопроекта о провозглашении Реза-хана шахом (1925 г.). В 1928 г. отстранен от политической деятельности. В июне 1940 г. арестован

по обвинению в антигосударственной деятельности, но в декабре освобожден и оставлен под надзором полиции. В 1943 г., после отречения Реза-шаха, избран депутатом в меджлис XIV созыва, в котором стал лидером внефракционных депутатов. В этот период Мосаддык выступал с тезисами о необходимости проведения Ираном курса «пассивного равновесия» во внешней политике. Суть этой идеи — не допустить преобладания влияния какой-либо великой державы в Иране, отказаться от участия в конфронтациях между социалистическими и империалистическими государствами и придерживаться нейтралистского курса в области внешней политики. В меджлисе XIV созыва Мосаддык подвергал резкой критике АИНК, обвиняя ее во вмешательстве во внутренние дела Ирана, выступил (январь 1945 г.) против продления полномочий американской финансовой миссии Мильспо, прибывшей в Иран по приглашению А. Кавама в 1943 г.

³⁷ Ахмед Малекки, Краткая история Национального фронта, Тегеран, 1953, стр. 2—5 (на перс. яз.).

³⁸ Партия трудящихся Ирана была создана после образования НФ.

³⁹ См.: «Сальнаме-йе Парс», 1951, стр. 45—47.

⁴⁰ Ахмед Малекки, Краткая история Национального фронта, стр. 16.

⁴¹ Аболькасем Кашани (1885—1960) — известный иранский муджтехид и политический деятель. Высшее духовное образование получил в Эн-Неджефе (Ирак). В годы первой мировой войны (1915) сражался в Месопотамии против английских оккупационных войск, а в 1918—1920 гг. принимал активное участие в антианглийских восстаниях в Ираке. Преследуемый английскими оккупационными властями, в 1920 г. вернулся в Иран. Заочно был приговорен англичанами к смертной казни. В годы правления Реза-шаха активной политической деятельностью не занимался. В период второй мировой войны включился в борьбу против англичан, в июне 1942 г. был арестован английскими военными властями в Иране и интернирован по обвинению в сотрудничестве с агентами фашистской Германии. Осенью 1945 г. был освобожден и вернулся в Тегеран. Однако в феврале 1949 г. был вновь арестован в связи с покушением на жизнь шаха и выслан из страны. До 1950 г. жил в Бейруте. В период подъема движения против АИНК был заочно избран в меджлис XVI созыва и возвратился в Иран.

Своими яркими и страстными выступлениями против АИНК и английского империализма Кашани, являвшийся одаренным оратором, вскоре по возвращении в Иран завоевал широкую популярность.

⁴² «Кейхан», 19.VI.1950.

⁴³ Ошибочно утверждение Элвелл-Саттона о том, что в комиссию вошли шесть депутатов от НФ (Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 229).

⁴⁴ «Черная книга о нефти», стр. 275, 336.

⁴⁵ «Кейхан» 21.X. 1950.

⁴⁶ «Черная книга о нефти», стр. 468.

⁴⁷ Там же, стр. 43.

⁴⁸ Там же, стр. 408, 414, 436, 450—451.

⁴⁹ «Сальнаме-йе Парс», 1330, стр. 136, 139.

⁵⁰ «Кейхан», 27.XII.1950.

⁵¹ «Документы по нефти», т. I, стр. 32.

⁵² «Кейхан», 30.XII.1950; «Эттелаат», 30.XII.1950.

⁵³ «Кейхан», 9, 23.I.1951.

⁵⁴ По словам Булларда, это предложение было сделано АИНК иранскому правительству 10 февраля 1951 г. (Bullard, Britain and Middle East, 1964, стр. 153).

⁵⁵ «Эттелаат», 27.I.1951.

⁵⁶ Д. Н. Притт, Очерки внешней и внутренней политики лейбористов в 1945—1951 гг., М., 1964, стр. 370.

⁵⁷ «Эттелаат», 4.II.1951.

⁵⁸ Дотация выдавалась рабочим этих районов из-за трудностей условий жизни в размере от 20 до 40% зарплаты.

⁵⁹ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 264; «Эттелаат», 12, 15.IV.1951.

⁶⁰ А. И. Шамиде, Рабочее и профсоюзное движение в Иране после второй мировой войны, 1946—1953 гг., стр. 136.

⁶¹ «Документы по нефти», стр. 46.

⁶² Отдельные иранские авторы, преувеличивая значение борьбы между нефтяными монополиями США и Англии за иранскую нефть в возникновении конфликта между иранским правительством и АИНК, пытаются оставить в тени внутренние социально-экономические и политические факторы, способствовавшие зарождению антиимпериалистического движения 1949—1953 гг.

⁶³ В 1920 г. «Стандард ойл оф Нью-Джерси» пыталась получить при помощи госдепартамента нефтяные концессии на севере Ирана (E. Penrose, The International Petroleum Companies, стр. 93—94; З. З. Абдуллаев, Начало эксгансии США в Иране, М., 1963, стр. 53—54).

⁶⁴ М. Брукс, Нефть и внешняя политика, М., 1949, стр. 79; М. В. Попов, Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны, М., 1956, стр. 222—226.

⁶⁵ Вице-президент фирмы Макс Торнберг, принимавший активное участие в деятельности компании в Иране, ранее был вице-президентом нефтяной монополии «Калифорния Тексас Ойл».

⁶⁶ А. Б. Волков, Из истории первого семилетнего плана развития Ирана,—«Краткие сообщения Института народов Азии», 1961, XXX, стр. 43—47. В начале 1955 г. Акционерное общество иранской нефти было объединено с ИННК.

⁶⁷ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 339.

⁶⁸ До 1946 г., когда он перешел на работу в госдепартамент, Магки был инженером-геологом в одной из нефтяных монополий США.

⁶⁹ Ch. W. Hamilton, Americans and Oil..., стр. 50.

⁷⁰ См.: «The United States and the Middle East», Columbia University Press, 1964, стр. 103.

⁷¹ Д. Н. Притт, Очерки внешней и внутренней политики лейбористов..., стр. 250.

⁷² Палм Датт, Англия, нефть и освобождение Ближнего Востока,—«Проблемы мира и социализма», 1959, № 10, стр. 42.

⁷³ «Correspondence between His Majesty's Government in the UK and the Persian Government...», стр. 34—36.

⁷⁴ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 277.

- ⁷⁵ «Correspondence between His Majesty's Government in the UK and the Persian Government...», стр. 37—38.
- ⁷⁶ «Эттелаат», 20.V.1951.
- ⁷⁷ Д. Н. Притт, Очерки внешней и внутренней политики лейбористов..., стр. 372.
- ⁷⁸ Ch. W. Hamilton, Americans and Oil..., стр. 48.
- ⁷⁹ «New York Times», 18.V.1951.
- ⁸⁰ «Аснаде нафт», т. I.
- ⁸¹ Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть, стр. 284.
- ⁸² «United States, Department of State, Background Iran: Point of World Interest», Washington, 1959, стр. 7.
- ⁸³ H. F. Grady, Oil and the Middle East. — «Foreign Policy Bulletin», 1951, vol. 31, № 7, стр. 40.
- ⁸⁴ Международный нефтяной картель, созданный в 1926 г., — объединение крупных нефтяных монополий капиталистического мира. В картель входили пять американских компаний: «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Сокони Вакуум Ойл», «Стандард Ойл оф Калифорния», «Тексас Ойл» и «Галф Ойл Корпорейшн», а также АИНК и «Ройял — Датч Шелл» (англо-голландская компания). К картелю примыкает также французская нефтяная компания, «Компани франсез де петроль».
- ⁸⁵ К таким лицам относился в частности, государственный секретарь США Дин Ачесон, который через свою адвокатскую фирму «Ковингтон энд Берлинг» был непосредственно связан с нефтяной компанией «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» (R. Engler, The Politics of Oil, стр. 310).
- ⁸⁶ Д. Н. Притт, Очерки внешней и внутренней политики лейбористов..., стр. 372.
- ⁸⁷ «Эттелаат», 30.V.1951.
- ⁸⁸ «New York Times», 1.VI.1951.
- ⁸⁹ «Бахтаре эмуруз», 20, VI.1951; «Бе сие аянде», 21.VI. 1951.
- ⁹⁰ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 535.
- ⁹¹ B. Shwardan, The Middle East Oil..., стр. 119.
- ⁹² S. K. Ghosh, The Anglo-Persian Oil Dispute, стр. 101—102.
- ⁹³ «Эттелаат», 28.V.1951.
- ⁹⁴ A. Ford, Anglo-Iranian Oil Dispute, стр. 87—88.
- ⁹⁵ «Эттелаат», 9.VII.1951.
- ⁹⁶ «Документы по нефти», т. I, стр. 41.
- ⁹⁷ Там же, стр. 285—287.
- ⁹⁸ A. Ford, Anglo-Iranian Oil Dispute, стр. 98.
- ⁹⁹ Партия трудящихся Ирана — националистическая, социал-реформистская организация, образовавшаяся в 1951 г. Партию поддерживала часть городской мелкой буржуазии, студенчества и некоторые группы рабочих. Возглавлял партию д-р Мозаффар Багаи, который в 1942—1943 гг. состоял членом НПИ. Руководители партии отрицали марксизм и коммунистическую идеологию, придерживались идей правого социал-реформизма, враждебно относились к СССР, симпатизировали США.
- ¹⁰⁰ Рахим Намвар, Книга памяти погибших, [б. м.], 1964, стр. 27—28.
- ¹⁰¹ R. Engler, The Politics of Oil, стр. 311.
- ¹⁰² «Документы по нефти», т. I, стр. 42.
- ¹⁰³ A. Ford, Anglo-Iranian Oil Dispute, стр. 107—108.

- ¹⁰⁴ S. K. Ghosh, *The Anglo-Persian Oil Dispute*, стр. 92.
- ¹⁰⁵ «Кейхан», 5.IX.1951.
- ¹⁰⁶ A. Ford, *Anglo-Iranian Oil Dispute*, стр. 121. Иранские предложения от 22 августа предусматривали включение в состав членов совета компании «достаточного числа первоклассных специалистов из стран, не имеющих специальных политических интересов в Иране».
- ¹⁰⁷ Такой уступкой было согласие начать переговоры не на основе «закона из 9 статей», а на основе акта о национализации нефтяной промышленности, утвержденного 20 марта 1951 г.
- ¹⁰⁸ «The Times», 6.IX.1951.
- ¹⁰⁹ A. Ford, *Anglo-Iranian Oil Dispute*, стр. 120; [A. Eden], *The Memoirs of Anthony Eden, Full Circle*, Boston, 1960, стр. 217.
- ¹¹⁰ «Эттелаат», 25.IX.1951.
- ¹¹¹ «San-Francisco Chronicle», 27.IX.1951.
- ¹¹² «Правда», 2.X.1951.
- ¹¹³ «Эттелаат», 18.X.1951.
- ¹¹⁴ «Эттелаат», 22.V.1951; «Документы по нефти», т. I, стр. 255—256.
- ¹¹⁵ Ш. Джазаери, Финансовые законы, общие подсчеты и анализ бюджетов с начала принятия конституции по настоящее время, Тегеран, 1956, стр. 352—354 (на перс. яз.).
- ¹¹⁶ P. Avery, *Modern Iran*, London, 1965, стр. 424.
- ¹¹⁷ «Эттелаат», 12.VII.1951.
- ¹¹⁸ «Эттелаат», 18.X.1951.
- ¹¹⁹ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 366—367.
- ¹²⁰ «Кейхан», 12.XII.1951.
- ¹²¹ В Иране до 20 января 1952 г. было девять консульств и вице-консульств Англии («Кейхан», 12.XII.1951).
- ¹²² Г. Прюдом был начальником отдела займов банка; Т. Рибер, президент компании «Барбер Ойл Корпорейшн», был консультантом банка по нефти.
- ¹²³ «Эттелаат», 3.I.1952.
- ¹²⁴ «The Times», 9.I.1952.
- ¹²⁵ «The Oil and Gas Journal», Los Angeles, 18.II.1952, стр. 100.
- ¹²⁶ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 591.
- ¹²⁷ «New York Times», 20.II.1952.
- ¹²⁸ Имеется в виду «Декларация трех держав об Иране», подписанная И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом (см.: «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сб. документов, М., 1967, стр. 56).
- ¹²⁹ «Эттелаат», 26.III.1952; Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 592.
- ¹³⁰ В послевоенный период США для расширения своих позиций в странах Ближнего и Среднего Востока подняли шумиху о коммунистической угрозе. Для «защиты» этих стран американские генералы во главе с Д. Эйзенхауэром вынашивали планы создания линий «обороны» с участием государств данного района. В этих планах особое значение они придавали Ирану, включая его в «первую линию обороны». Таким путем США добивались сохранения и расширения своих политических позиций в Иране, и прежде всего укрепления своей военной миссии. В 1950 г. между Ираном и США было заключено соглашение, по которому иранской армии было передано военное снаряжение на сумму 10—

15 млн. долл. В то же время США по «4-му пункту» программы Трумэна выделили Ирану 500 тыс. долл. Иран был первой страной, получившей «помощь» по «4-му пункту». В 1951 г. «помощь» Ирану по «4-му пункту» оценивалась в 1 млн. долл., а в 1952 и 1953 г. она достигла 23 млн. долл.

¹³¹ «Кейхан», 19.I.1952.

¹³² «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 501, стр. 940.

¹³³ «Эттелаат», 24.IV.1952.

¹³⁴ «Эттелаат», 19, 20.III.1952.

¹³⁵ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 580.

¹³⁶ «Паниранисты», или «Паниранизм» — полное название «Хезбе меллате Иран бар бониаде паниранизм» (Партия иранской нации на основе паниранизма). Была образована Форухаром в начале 1952 г. В тот период она представляла собою военизированную организацию полуфашистского типа, объединявшую в своих рядах мелкобуржуазные элементы (ремесленников, мелких торговцев и т. д.). Партия в целях завоевания популярности выступала за ограничение размеров частной собственности, за плановое развитие экономики, за установление права на труд, за предоставление женщинам равных с мужчинами прав и т. д.; отвергала общественный строй капиталистического Запада, выступала за восстановление иранского царства в рамках древнеперсидских империй.

¹³⁷ СУМКА («Хезбе сосялисте меллийе каргаране Иран» — «Национал-социалистическая партия рабочих Ирана») возникла в 1949 г. как нелегальная партия экстремистских мелкобуржуазных элементов. Первоначально в нее входило несколько десятков офицеров и гражданских лиц. Более активной стала с 1951 г., когда в ее руководство вошел д-р Монши-заде. Члены партии вербовались из учащихся средних школ, рабочих мелких мастерских, уличных торговцев. В программных документах СУМКА резко выступала против капитализма и империализма, не подвергая критике конституционно-монархический строй.

¹³⁸ Кашани вопреки утверждениям ряда зарубежных и советских авторов никогда не был руководителем мелкобуржуазной, анархистской и клерикальной организации «Федаян-е ислам», тем не менее в 1951 г. пользовался поддержкой этой организации. Однако в период обострения внутривосточной обстановки весной 1952 г. члены «Федаян-е ислам» были настроены резко против Кашани, который в это время еще в принципе поддерживал Мосадыка.

¹³⁹ «Эттелаат», 3.V.1952.

¹⁴⁰ «Эттелаат», 5.VII.1952.

¹⁴¹ «Эттелаат», 19.VII.1952.

¹⁴² «Эттелаат», 17.VII.1952.

¹⁴³ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 606.

¹⁴⁴ «Эттелаат», 18—20.VII.1952.

¹⁴⁵ «Бе сие аянде», 20.VII.1952.

¹⁴⁶ «Эттелаат», 22.VII.1952; «Кейхан», 22.VII.1952; «Бахтар-е эмруз», 22.VII.1952.

¹⁴⁷ Рахим Намвар, Книга памяти погибших, стр. 33.

¹⁴⁸ Mohammad Reza Pahlavi, Mission for My Country, London, 1969 стр. 94.

- ¹⁴⁹ «Иран», 4.VIII.1952; Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 608; «Эттелаат», 24.XII.1952.
- ¹⁵¹ «Report of a Study United States Foreign Aid in the Middle Eastern and African Countries», Washington, 1963, стр. 26—31.
- ¹⁵² Grunwald and Ronall, Industrialization in the Middle East, стр. 222.
- ¹⁵³ Р. А. Сеидов, Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953 гг.), Баку, 1963; А. К. S. Lambton, The Persian Land Reform 1962—1966, Oxford, 1969, стр. 37—40.
- ¹⁵⁴ М. Алиабеди, Земельная реформа в Иране, Тегеран, 1961, стр. 6 (на перс. яз.).
- ¹⁵⁵ «New York Times», 25.VII.1952.
- ¹⁵⁶ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 610—611.
- ¹⁵⁷ «Кейхан», 30.VIII.1952.
- ¹⁵⁸ Эта сумма складывалась: из 14 млн. ф. ст., составлявших 20% резервного фонда АИНК и подлежащих выплате на основе соглашения 1933 г.; из 3 млн. ф. ст., недополученных Ираном за предшествовавшие национализации годы; из 6 млн. ф. ст. платежей за период со дня принятия закона о национализации до прекращения работы нефтяных промыслов в июне 1951 г. и из 26 млн. ф. ст. долга, признанного самой АИНК (Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 354).
- ¹⁵⁹ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 623.
- ¹⁶⁰ «The Times», 25.IX.1952.
- ¹⁶¹ «Эттелаат», 18.IX.1952. А. Иден характеризует Джонса как личного друга Трумэна (A. Eden, The Memoire стр. 235).
- ¹⁶² «Parliamentary Debates», Fifth series, House of Commons, vol. 505, стр. 205—206.
- ¹⁶³ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 629—634.
- ¹⁶⁴ См.: У. О. Коннор, Империя нефти, М., 1962; «Корпорации-миллиардеры», М., 1954, стр. 59.
- ¹⁶⁵ «Эттелаат», 30.IV.1953.
- ¹⁶⁶ R. Engler, The Politics of Oil, стр. 205.
- ¹⁶⁷ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 387.
- ¹⁶⁸ «Эттелаат», 15.X.1952. В 1944 г. торговая фирма братьев Рашидьян, связанная с американской финансовой миссией, возглавлявшейся доктором Мильспо, осуществляла связь между Сеид Зия и американцами.
- ¹⁶⁹ «Кейхан», 15.X.1952.
- ¹⁷⁰ «Эттелаат», 28.XII.1952.
- ¹⁷¹ «Эттелаат», 13.X.1952.
- ¹⁷² «Эттелаат», 5.XII.1952.
- ¹⁷³ «Эттелаат», 25.XII.1952.
- ¹⁷⁴ «Parliamentary Debates», House of Commons, vol. 502, стр. 197; vol. 504, стр. 533.
- ¹⁷⁵ «Корпорации-миллиардеры», М., 1954, стр. 38.
- ¹⁷⁶ «Салливан энд Кромвелл» была основной адвокатской конторой, обслуживавшей компанию «Стандард Ойл оф Нью-Джерси». Эта контора давала юридические советы и АИНК.
- ¹⁷⁷ H. S. Truman, Memoirs, vol. 2, New York, 1956, p. 519.
- ¹⁷⁸ «Parliamentary Debates», House of Commons, vol. 512, стр. 2073.
- ¹⁷⁹ «Кейхан», 29.III.1953.

- ¹⁸⁰ «Кейхан», 28.V.1953.
- ¹⁸¹ «New York Times», 10.VII.1953.
- ¹⁸² И. В. Самыловский, Экспансия американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке, М., 1955, стр. 55.
- ¹⁸³ R. W. Cottam, Nationalism in Iran, Pittsburg, 1964, стр. 216.
- ¹⁸⁴ Мостафа Фатех, 50 лет иранской нефти, стр. 637.
- ¹⁸⁵ «Эттелаат», 4—6.I.1953; «Кейхан», 6.I.1953; «Иран», 20.I.1953.
- ¹⁸⁶ «Ханданиха», 12.V.1956; «Кейхан», 2.III.1953.
- ¹⁸⁷ «Бахтар-е эмруз», 12—13.III; 7.IV.1953; «Эттелаат», 3—6.III. 1953.
- ¹⁸⁸ «Эттелаат», 22.IV.1953; «Бахтар-е эмруз», 27.VII.1953.
- ¹⁸⁹ Захеди было предъявлено обвинение в участии в похищении и убийстве в апреле 1953 г. бригадного генерала Афшартуса, начальника тегеранской полиции.
- ¹⁹⁰ Видимо, речь идет о заявлении Эйзенхауэра от 6 августа 1953 г. (см.: «New York Times». 6.VII.1953).
- ¹⁹¹ A. Tully, CIA, The Inside Story, стр. 95.
- ¹⁹² R. a. G. Harkness, The Mysterious Doings of CIA, — «Saturday Evening Post», 6.XI.1954. «За рубежом», 1961, № 31, стр. 19.
- ¹⁹³ «Ханданиха», 1955, № 97, стр. 11; «New York Times», 18.VIII. 1953.
- ¹⁹⁴ D. Wise and Th. Ross, The Invisible Government, New York, 1964, стр. 110—114.
- ¹⁹⁵ Л. Элвелл-Саттон, Иранская нефть, стр. 384.
- ¹⁹⁶ Ср.: «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», М., 1960, стр. 65.
- ¹⁹⁷ В частности, см.: А. Башкиров, Экспансия английских и американских империалистов в Иране, М., 1954, стр. 186; М. Нишанов, Антиимпериалистическое движение в Иране 1951—1953 гг. и национальная буржуазия, Ташкент (автореферат канд. дисс.), стр. 10.
- ¹⁹⁸ «Международная политика», Белград, 20.III.1974.

ИРАН в 1953—1961 гг.

Августовский переворот 1953 г. положил начало новому этапу в современной истории Ирана. Отличительными чертами этого этапа было восстановление и укрепление власти двора, полуфеодалных помещиков и прозападно настроенной крупной, в основном торговой, буржуазии и выражавших их интересы политиков. В управлении страной заметную роль стала играть бюрократия и верхушка армии, оказавшая большую помощь двору в осуществлении августовского переворота.

1953—1961 годы характеризуются активизацией экономической и политической экспансии развитых капиталистических стран, и прежде всего США и Англии, в Иране. Эта экспансия начала осуществляться под ширмой «помощи» и защиты Ирана от «коммунистической опасности». Экспансия империалистических стран оказала существенное влияние на формирование прозападного внешнеполитического курса иранского правительства.

Репрессиями и при помощи тесного сотрудничества с западными империалистическими державами правящим кругам удалось восстановить свои позиции в стране, однако неспособность вывести экономику из состояния спада при значительном увеличении доходов от нефти не давала возможности правящим классам добиться относительной политической стабилизации и смягчить до некоторой степени социальные противоречия.

В конце 50-х — начале 60-х годов под воздействием внешних и внутренних факторов, и прежде всего в результате усиления финансового и экономического кризиса, приведшего к резкому обострению классовых противоречий, правящей верхушке пришлось основательно пе-

рассмотреть свою экономическую и социальную концепцию на дальнейшее развитие иранского общества. Она была вынуждена признать, что на прежней социальной основе, без осуществления курса на индустриализацию в промышленности и без глубоких преобразований в области аграрных отношений добиться перелома в экономике и относительной стабилизации в общественно-политической жизни нельзя. Эти преобразования, к осуществлению которых правящая верхушка практически приступила в 1962 г., вызвали появление новых тенденций во внешней и внешнеэкономической политике иранского государства.

ПОСЛЕДСТВИЯ АВГУСТОВСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Утвердившееся у власти после августовского переворота правительство генерала Фазлулла Захеда сразу же приступило к массовым репрессиям против всех прогрессивных, демократических организаций и групп. В области политики Захеди обладал большим опытом. Он был близок к полуфеодальным помещикам и шахскому двору, однако имел определенную популярность и среди правых националистов.

Еще в 20-е годы Захеди принимал активное участие в подавлении национально-освободительного движения в северных провинциях Ирана, а в 1924 г. возглавил карательную операцию иранской армии против шейха Хазая. Став военным губернатором Хузестана, Захеди, как и многие другие генералы, быстро разбогател. В 1942 г. он был интернирован англичанами как руководитель подпольной профашистской группы в иранской армии. При содействии американцев Захеди не только был освобожден, но и очень скоро стал занимать высокие посты в иранской полиции. В начале антиимпериалистического движения Захеди на посту начальника тегеранской полиции оказал определенную услугу НФ во время выборов в меджлис XVI созыва. В первом кабинете Мосаддыка занимал пост министра внутренних дел, с которого был отстранен за организацию расстрела мирной демонстрации. В 1952 г. Захеди стал главой антимосаддыковской подпольной группировки.

Правительство Захеди получило полную поддержку со стороны правительств США и Англии. Узнав о перевороте, президент США Д. Эйзенхауэр объявил о немедленном предоставлении новому иранскому режиму срочной «безвозмездной помощи» в размере 45 млн. долл.

В 1954 г. Иран получил от США 85 млн. долл.¹. Заручившись полной поддержкой двора и США, правительство Захеди еще больше расширило масштабы репрессий против демократических и оппозиционных организаций. Тем не менее в послеавгустовский период 1953 г. и в течение 1954 г. антиимпериалистические и антиправительственные выступления рабочих, студентов и средних слоев города еще продолжались.

Против правительства временами выступали также правые националисты, недовольные поспешным восстановлением (декабрь 1953 г.) дипломатических отношений с Англией и началом переговоров о нефти с представителями США и Великобритании. Правительство Захеди с одобрения двора жестоко расправлялось со всеми подобными выступлениями, не давая им приобрести угрожающий для властей характер. В октябре и ноябре 1953 г. массовые выступления представителей национальной буржуазии, средних слоев тегеранского базара и студентов против антидемократических мероприятий правительства были подавлены при помощи войск и полиции. Несколько человек было убито и ранено. В начале декабря 1953 г., во время разгона демонстрации на территории Тегеранского университета, было убито три и ранено десять студентов.

В декабре военный трибунал приговорил д-ра Мосаддыка и начальника генерального штаба Рияхи к трем годам тюремного заключения.

Несмотря на репрессии, переговоры с крупнейшими нефтяными корпорациями по вопросу о нефти продолжали вызывать брожение в обществе. Перешедшие в стан реакции и тем самым облегчившие осуществление августовского переворота Кашани, Макки, Канатабади и другие лидеры правых националистов весной 1954 г. сделали попытку организовать массовые выступления против правительства Захеди. Однако начавшиеся по их призыву демонстрации уже не в состоянии были оказать существенное воздействие на ход событий. Двор и

правительство уже стали хозяевами положения, установив свой контроль над армией, полицией и жандармерией².

Правительство Захеда, пришедшее к власти при поддержке США и получившее значительную финансовую помощь от американского правительства, было вынуждено проявлять сговорчивость в переговорах с представителями нефтяных компаний и с выражавшими их интересы официальными представителями США и Англии. Первоначально Захеда предлагал, чтобы иностранные компании ограничились своей деятельностью сбытом иранской нефти и направили в Иранскую национальную нефтяную компанию советников для промышленной деятельности. Эта идея «скоро была забыта»³. Затем он просил; чтобы иностранные компании действовали через посредство «международных» организаций. Но английское правительство и английские компании настаивали на прямом контроле над добычей и переработкой иранской нефти⁴.

По свидетельству Л. Элвелл-Саттона, руководитель делегации МНК на переговорах с Ираном вице-президент «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» Говард Пейдж после достижения в принципе соглашения с иранской стороной (возглавлялась Али Амини) в ультимативной форме заявил: «Меджлис должен будет принять его (соглашение. — С. А.) или не трогать совсем. Мы не можем продолжать переговоры вечно»⁵.

Дело в том, что Захеда первоначально намеревался обойтись без меджлиса, однако Пейдж и его делегация поставили вопрос об обязательной ратификации соглашения меджлисом. Захеда вынужден был уступить и обещал добиваться одобрения соглашения меджлисом⁶.

Именно для того, чтобы создать «соответствующую обстановку» на завершающих этапах переговоров с МНК, осенью 1954 г. иранские власти вновь усилили репрессии против демократических и оппозиционно настроенных элементов и прогрессивных профсоюзов, представителей армии, интеллигенции и др.

Обсуждение в меджлисе проекта соглашения с нефтяными монополиями Запада началось после приведения в исполнение смертных приговоров группе офицеров — членов НПИ. 19 октября 1954 г. была расстреляна первая группа офицеров — членов НПИ. 29 октября, не-

смотря на очень аргументированные и обстоятельные речи депутата Дерахшеша в меджлисе и Лесани и Диванбеги в сенате против нефтяного соглашения с корпорациями Запада, оно было одобрено обеими палатами парламента и после утверждения шахом вступило в силу. На следующий день, 30 октября, была расстреляна вторая группа офицеров — членов НПИ в составе шести человек, а 8 ноября — третья группа (пять человек). 10 ноября был казнен по решению военного трибунала д-р Хосейн Фатехи — министр иностранных дел в правительстве д-ра Мосаддыка.

Экономические и правовые основы соглашения были подготовлены по существу за пределами Ирана в острой борьбе, развернувшейся между крупнейшими нефтяными корпорациями капиталистического мира из-за доли участия в акциях. В разработке соглашения самое активное участие приняли правительства США и Англии. Узнав о достижении соглашения с Ираном, «в Англии и Америке нефтяные магнаты торжествовали победой»⁷. Одобрение соглашения иранским парламентом и утверждение его главой государства было «фактической победой интересов Запада»⁸.

В октябре 1954 г. президент Эйзенхауэр вручил послу США в Иране Лою Гендерсону орден «За отличную службу» — высшую награду, присуждаемую служащим государственного департамента. Этим орденом он был награжден «за важную роль, которую сыграл в разрешении англо-иранского нефтяного конфликта». «Тайм», опубликовав это сообщение и фотографию Лоя Гендерсона, в том же номере (от 1 ноября 1954 г.) поместил статью о продолжающихся в Иране расстрелах, а также фотографию, изображающую сцену расстрела группы офицеров.

Победа «интересов Запада» имела международное значение. Не допустив Иран к самостоятельному выходу на мировой рынок, помешав ему установить свой полный суверенитет над собственной нефтью, империализм пытался отпугнуть нефтедобывающие страны региона, демонстрируя им бесперспективность акта национализации.

Вошедшие в соглашение с Иранской национальной нефтяной компанией западные корпорации создали Международный нефтяной консорциум (МНК) для до-

бычи, разработки и экспорта иранской нефти. 40% акций МНК получила АИНК, которая вскоре стала именоваться «Бритиш Петролеум К°», 14% — англо-голландская «Ройял Датч — Шелл»⁹, 40% первоначально было предоставлено американской «большой пятерке» — «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Сокони Мобил Ойл», «Стандард Ойл оф Калифорния», «Тексас Ойл» и «Галф Ойл Корпорейшн», 6% акций досталось французской государственной фирме «Компани франсез де петроль». С заключением соглашения с МНК открылась новая страница в современной экономической истории Ирана. Начался период неокOLONиалистской экспансии, в которой главную роль стали играть монополии и правительства США и Англии.

О том, какое важное значение придавало правительство США заключению соглашения об иранской нефти, ставя на первое место при этом интересы крупнейших нефтяных корпораций США, свидетельствует закулисная борьба вокруг иранской нефти уже после подписания соглашения. Узнав, что в результате тайных переговоров крупнейшие нефтяные тресты США вкупе с «Бритиш Петролеум», «Ройял Датч — Шелл» и «Компани франсез де петроль» образовали международный консорциум для добычи, переработки и экспорта иранской нефти, ряд «мелких» нефтяных компаний в США выступили с резким протестом. Их представители подчеркивали, что создание этого международного картеля является нарушением антитрестовских законов США.

Особенно резкие выпады против большой пятерки делал Ральф Дэвис, один из руководителей «Америкэн Индепендент Ойл К°». Когда Дэвис, прибыв в Вашингтон, потребовал, чтобы его компания была представлена в консорциуме, его предупредили, что «он играет на руку международному коммунизму»¹⁰. Однако эта угроза госдепартамента не успокоила Дэвиса и его союзников (Гетти и др.). После короткой, но ожесточенной конкурентной схватки компания Дэвиса и восемь других американских компаний («Ричфилд Ойл», «Стандард Ойл оф Огайо», «Гетти Ойл», «Сигнл Ойл энд Гэс», «Атлантик Рифайнинг» и др.) образовали объединение «Ирикон Эджэнси», которому было уступлено в апреле 1955 г. 5% акций из доли «большой пятерки» в консорциуме. По мнению проф. Р. Энглера, эта уступка была

вызвана стремлением американского правительства как бы «снять» с себя ответственность за попечительство в сколачивании МНК¹¹.

Государственный секретарь Джон Фостер Даллес, выступая в 1955 г. в Национальном совете безопасности США, недвусмысленно высказался против применения антитрестовских законов в отношении «большой пятерки». Даллес отказался огласить основные пункты соглашения американских нефтяных трестов относительно раздела иранской нефти, а также благоприятные налоговые условия, предоставленные «большой пятерке» правительством США. Он цинично заявил, что «имеется угроза того, что раскрытие этих условий может снова быть использовано безответственными элементами против интересов США и их союзников»¹². Таким образом, правительство США играло важную роль в осуществлении экспансии нефтяных трестов-миллиардеров в Иране.

Созданный при самом активном участии правительства США Международный нефтяной консорциум явился новым типом организации международного монополистического капитала. В МНК были представлены все 8 крупнейших нефтяных трестов капиталистического мира, которым принадлежали 95% акций. Эти восемь компаний в середине 50-х годов контролировали почти 99% производства сырой нефти, за исключением США, 90% нефтеперерабатывающих мощностей и 90% сбытовой сети в капиталистическом мире¹³.

Условия соглашения, заключенного между иранским правительством и МНК, по некоторым важным вопросам соответствуют предложениям, которые были сделаны АИНК правительству Мосаддыка в 1951—1952 гг. Эти предложения были отвергнуты Мосаддыком. Так, соглашение устанавливало выплату Ирану в виде подоходного налога 50% «чистых» прибылей¹⁴. Принцип распределения прибыли 50:50 был впервые предложен Ирану АИНК. Далее, территория, которая была отведена для деятельности МНК, так называемая зона соглашения, почти равнялась концессионной зоне АИНК. И в целом вся промышленная и коммерческая деятельность — разведка, добыча, очистка и переработка нефти и газа, а также сбыт нефти и нефтепродуктов (из Абаданского завода) — была сосредоточена в руках компаний МНК.

Право собственности на сырую нефть и естественный газ, которые объявлялись национальным достоянием Ирана, переходило в собственность МНК у нефтяных скважин. Иранская национальная нефтяная компания обязывалась «выполнять непромышленную деятельность» — снабжать и содержать «все вспомогательные службы и управления» в зоне соглашения (техническое и промышленное обучение и воспитание, «общественное благосостояние», строительство жилищ, мероприятия по здравоохранению и санитарии, водоснабжению, развитию общественного транспорта и т. д.) (ст. 17) ¹⁵. Таким путем англо-американские компании уклонялись от прямого соприкосновения с рабочим классом Ирана, доставившим столько «забот» в свое время руководителям АИНК и их местным покровителям.

Срок действия соглашения был определен в 25 лет — до 1979 г. По истечении этого срока при желании обеих сторон его действие могло быть трижды пролонгировано на пять лет, т. е. до 1994 г. ¹⁶.

По соглашению крупнейший Абаданский завод и примыкающие к нему объекты передавались в пользование МНК, а небольшой нефтеперегонный завод в Керманшахе (и промыслы в Нефешахе) за определенную компенсацию переходили в собственность ИННК.

ИННК формально предоставлялось право контролировать деятельность оперативных и коммерческих компаний МНК в Иране. Однако в целом соглашение не обеспечивало суверенитета Ирана над собственными нефтяными ресурсами, что предусматривал закон о национализации нефти 1951 г. По существу оно носило характер концессионного соглашения, напоминая во многом условия так называемого Дополнительного соглашения 1949 г.

Финансовая мощь этих гигантов, широкая сеть их бытовых и транспортных организаций дали им возможность в кратчайший срок восстановить и резко увеличить добычу иранской нефти. Если МНК в 1955 г. удалось добыть в Иране 16 млн. т, то в 1956 г. эта цифра составила 26 млн. т, в 1957 г. — 35 млн., в 1958 г. — 41 млн., в 1959 г. — 45 млн., в 1960 г. — 50 млн., а в 1961 г. — 57 млн. т.

С точки зрения финансовой соглашение с МНК давало Ирану возможность получить значительно большую

сумму от нефти, чем в период существования АИНК. Так, если АИНК, добыв в 1950 г. 31,8 млн. т нефти, заплатила Ирану в качестве концессионных платежей 16 млн. ф. ст., то МНК в 1957 г., добыв 34,9 млн. т, заплатил Ирану 76,4 млн. ф. ст.¹⁷

Однако наибольшую выгоду от эксплуатации иранской нефти получили компании МНК¹⁸. В конкурентной борьбе с нефтяными компаниями, не входящими в МНК, крупнейшие нефтяные корпорации резко увеличивали в Иране и других странах Персидского залива добычу нефти с тем, чтобы удержать в своих руках рынки Западной Европы и Японии.

Себестоимость иранской нефти в несколько раз была ниже себестоимости американской. Так, издержки производства каждого барреля нефти, добываемой в Иране, в середине 50-х годов составляли 20 центов, а в США 1,45—1,75 долл.¹⁹

Англо-американские компании навязали Ирану и другим странам Востока свои формулы определения цен на сырую нефть в зоне Персидского залива, так как именно она служила основным компонентом при дележе доходов. В результате разрыв между ценами на сырую нефть в районе Персидского залива и в США все более увеличивался. В 1959 и 1960 гг. цены на иранскую и арабскую нефть были снижены на несколько центов больше, чем на нефть США и Венесуэлы. В то же время цены на нефтепродукты оставались на уровне американских²⁰. Суть этой политики станет ясной, если принять во внимание, что МНК из года в год снижал размеры нефти, перерабатываемой в Абадане (в 1957 г. — 42,5%, в 1958 г. — 36,5, в 1959 г. — 34,6, а в 1961 г. — 26,5%), предпочитая перегонять нефть на принадлежащих или контролируемых картелем заводах в Западной Европе, Японии и в других районах. Между тем компании, входящие в МНК, основную массу добываемой ими нефти сбывали в виде нефтепродуктов.

Начало деятельности МНК способствовало усилению политического влияния Запада, и особенно США и Англии, во всех сферах общественно-политической жизни Ирана. Особенно большие усилия делались для вовлечения Ирана в создаваемые под эгидой Запада агрессивные блоки, направленные своим острием против СССР и других социалистических стран.

Правящие круги Ирана со своей стороны в этот период проявляли большую склонность к тесному сотрудничеству с империалистическими государствами, исходя из внутривосточного положения. После августовского переворота 1953 г. произошли значительные перемены в политической жизни страны. Иранский парламент, который с осени 1941 г. стал играть значительную роль не только в формировании правительства, но и в определении его политической линии, утратил вскоре после переворота полностью свою былую самостоятельность и превратился в послушное орудие шахского двора. Очень расширились prerogatives шаха, который стал играть решающую роль в определении курса внешней и внутренней политики страны. Он стал лично диктовать осуществляемую Советом министров политическую линию. Без консультации с парламентом шах по своему усмотрению назначал премьер-министра и руководителей важнейших министерств и государственных учреждений²¹.

Все продолжающие выходить газеты и журналы превратились в рупор правящих кругов. Партии и демократические профсоюзы были разгромлены. Народной партии Ирана пришлось уйти в глубокое подполье. Был наложен запрет на деятельность примыкающих к Национальному фронту партий и общественных организаций. Значительная часть прогрессивных и промосаддыковских деятелей была вынуждена эмигрировать. Многие деятели НПИ, НФ и других организаций были казнены, находились в тюрьмах и ссылке. Забастовки и стачки были запрещены. Сохранение военного положения давало возможность правительству продолжать репрессии против любых проявлений недовольства его политикой.

Все эти меры правящей верхушки дали возможность временно почти свести на нет открытые выступления против правительства. Однако относительной политической стабилизации достичь не удалось. В этих условиях правящие круги важным средством укрепления своих внутренних и внешнеполитических позиций стали считать политику тесного сотрудничества с империалистическими государствами, и прежде всего с США и Англией.

Восстановившие в результате августовского переворота 1953 г. свои политические позиции помещики и ка-

питалисты видели в сближении с США гарантию сохранения своей власти. Это делало Иран возможным участником военного блока, сколачивание которого началось с подписания 2 апреля 1954 г. «Соглашения о дружественном сотрудничестве» между Турцией и Пакистаном, т. е. двумя участниками агрессивных блоков НАТО и СЕАТО соответственно, созданных под эгидой США.

В дальнейшем, в феврале 1955 г., в Багдаде был подписан уже «Пакт о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией», носивший военный, политический и экономический характер. В ст. 1 пакта говорилось, что «договаривающиеся стороны будут сотрудничать в целях обеспечения своей безопасности и обороны». А в ст. 5 указывалось, что «пакт будет открыт для присоединения членам Лиги арабских стран в поддержании мира и безопасности в этом районе мира и признанного обеими высокими договаривающимися сторонами»²². Симптоматично, что пакт первоначально был заключен между Турцией, страной, особенно близкой к США, и Ираком, наиболее связанным с Англией. Однако, несмотря на нажим США, помимо Ирака другие арабские страны, понимая его проимпериалистический характер, отказались вступить в этот пакт.

Египетская республика выступила с обличительной критикой Багдадского пакта, одновременно заявив о том, что подобный союз находится в противоречии с Договором о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, подписанным между членами Лиги арабских государств между 1951 и 1953 гг. Во время происходившей в конце января 1955 г. в Каире конференции глав арабских правительств египетская делегация добивалась изоляции Ирака. В принятой на конференции резолюции отмечалось, что существующие между арабскими государствами отношения «не согласуются с заключением иных союзов»²³. Усилия премьер-министра Турции А. Мендереса, который совершил поездку в некоторые соседние арабские страны с целью способствовать их вовлечению в пакт, в целом успеха не имели²⁴.

Безрезультатным оказался нажим Великобритании на Иорданию и на некоторые другие арабские страны с целью заставить их вступить в пакт.

Главными инициаторами сколачивания Багдадского

пакта были правительства США и Англии. «Этот военный альянс, — пишет американский ученый и публицист Р. Энглер, — был создан Соединенными Штатами, однако потом они решили оставаться формально вне членства, чтобы это политическое разделение на Среднем Востоке не будоражило арабских лидеров»²⁵. Одним из основных назначений Багдадского пакта было также противодействие национально-освободительному движению в регионе.

4 апреля 1955 г. между Англией и Ираком было заключено соглашение, с подписанием которого Великобритания официально вошла в пакт, что еще больше раскрыло его проимпериалистическую сущность.

После заключения пакта проимпериалистические реакционные круги Ирана развернули кампанию за вступление в этот пакт, названный Багдадским²⁶. Радио и печать стали вести широкую пропаганду о выгодах вступления Ирана в тесный союз с Западом. Руководители иранского государства выступили с тезисами, что нейтралитет, которого будто бы придерживался Иран в течение 150 лет, ничего хорошего ему не сулит. «Поэтому необходимо смело избрать свой путь, чтобы, с одной стороны, приобрести себе достойных союзников, с другой — добиться такого положения, чтобы другие государства проявили в отношении нас уважение».

Против вступления Ирана в пакт выступали не только вынужденные уйти в глубокое подполье или находившиеся в эмиграции прогрессивные группировки, но и правые националисты (Хаери-Заде, Канатабади, Малек-Заде, Хадже Нури и др.). До некоторой степени против вступления в пакт был и генерал Захеда.

8 октября 1955 г. шах объявил о намерении Ирана присоединиться к турецко-иранскому союзу.

11 октября 1955 г. новый премьер-министр, Хосейн Ала, заменивший уже сыгравшего свою роль Захеда, заявил о желании иранского правительства вступить в Багдадский пакт. Законопроект о присоединении Ирана к пакту был утвержден палатами иранского парламента во второй половине октября, и вскоре (23.X.1955) он был утвержден шахом.

Накануне поездки Хосейна Ала в Багдад (17 ноября 1955 г.) для участия в учредительной сессии пакта на его жизнь было совершено неудавшееся покушение

членами правонационалистической клерикальной организации «Федаян-е ислам»²⁷.

Со вступлением Ирана в Багдадский пакт еще более рельефным стал новый прозападный курс в области внешней политики, который несколько позже руководители иранской политики окрестили как «позитивный национализм». Идеологи «позитивного национализма», и прежде всего сам глава иранского государства, противопоставляли свой новый курс «негативному равновесию» д-ра Мосаддыка. Доктор Мосаддык и его единомышленники считали, что Иран имеет возможность плодотворно развиваться лишь в политически разряженной международной обстановке. Иран должен был, по их взглядам, соблюдать нейтралитет в противоборстве между Западом и Востоком и своей политикой способствовать упрочению мира. Однако глава иранского государства, оправдывая внешнеполитический курс Ирана после переворота 1953 г., отвергал идею о «негативном равновесии» как несостоятельную. Он писал, что сторонники Мосаддыка, резко выступая против английского империализма, на деле открыли путь «к проникновению» в Иран коммунизма.

Характеризуя идеи Мосаддыка о нейтралитете как «пассивный национализм», как политику самоизоляции, шах Ирана писал, что «„позитивный национализм“ подразумевает политику максимальной политической и экономической независимости, совместимую с интересами какой-либо страны. С другой стороны, позитивный национализм не предполагает политику неприсоединения или выжидания»²⁸.

Далее, говоря о готовности «принять дружбу любой страны», шах особо подчеркивал значение американской помощи для укрепления существующего в Иране политического строя, особенно в 1947 г. и после августовского переворота. Приветствуя американские деловые и коммерческие интересы, приветствуя американскую помощь по линии «4-го пункта» и военную «помощь», он объявлял их важными средствами «развития и укрепления Ирана»²⁹.

Практически осуществление курса «позитивного национализма» означало проведение Ираном согласованной с США антисоветской проимпериалистической политики в области внешних отношений.

Учредительная сессия, проходившая в Багдаде в ноябре 1955 г., привела к окончательному оформлению Багдадского пакта с участием Великобритании, Турции, Ирака, Ирана и Пакистана. Утвержденная на этой сессии структура Багдадского пакта, равно как и его вскоре начавшаяся деятельность, свидетельствовали о его агрессивной направленности и проимпериалистическом характере. Хотя пакт предусматривал и экономическое сотрудничество, главным в его деятельности со дня образования явилось сотрудничество по военной линии и в области разведки, а также в области организации борьбы против оппозиционных и антиимпериалистических сил. При пакте был создан с этой целью «комитет по борьбе с подрывными элементами», который стал одним из основных. Экономический комитет стал проявлять активность в основном по линии создания коммуникаций (строительство телекоммуникационной линии, железных и шоссейных дорог, аэродромов, имеющих военно-стратегическое значение).

Вслед за вступлением в Багдадский пакт правительство Ирана вместе с другими членами пакта приняло «доктрину Эйзенхауэра», дав обещание сотрудничать с США в осуществлении оборонительных мероприятий против всякой агрессии, откуда бы она ни исходила. Данным актом был сделан еще один крупный шаг в сторону политического сближения с империалистическими странами. Вовлечение Ирана в военный блок, на котором настаивали империалистические круги США еще в конце 40-х годов, противоречило национальным интересам страны. Участвуя в военном блоке, Иран был вынужден тратить большие суммы на военные расходы, которые являлись огромным бременем для государственных финансов страны и привели к повышению дефицита госбюджета. Вступая в блок, Иран оказался втянутым в холодную войну и во всех международных вопросах вынужден был придерживаться линии крупных империалистических держав, что нанесло удар по престижу Ирана, который оказался в изоляции от афро-азиатской солидарности. Подчиняясь интересам империалистических стран, правительство Ирана шло на свертывание внешней торговли с социалистическими странами и способствовало расширению в стране антисоветской пропаганды.

Несмотря на происки империалистических кругов США, рассматривавших Иран, Ирак и Турцию как своего рода «северный пояс» в своей агрессивной «политике окружения» СССР военными и политическими союзами, Советское правительство в середине 50-х годов предпринимало серьезные шаги для восстановления добрососедских отношений с Ираном и с другими южными соседями. В результате этих усилий 2 декабря 1954 г. между СССР и Ираном было заключено соглашение по пограничным и финансовым вопросам, что привело к урегулированию взаимных финансовых претензий, связанных с периодом второй мировой войны, и решению спорных вопросов.

Часть границы между СССР и Ираном — отделяющая Советское Закавказье от Иранского Азербайджана — была установлена в 1828 г. На среднеазиатском участке границы были определены конвенциями 1881 и 1893 гг. и уточнены протоколами 1886 и 1894 гг. Однако в силу изменения природных условий, отчасти ввиду отсутствия договоренности о некоторых деталях в отношении принадлежности отдельных пограничных пунктов сохранялась неясность. Урегулирование было достигнуто в результате успешных советско-иранских переговоров в Тегеране, закончившихся 2 декабря 1954 г. подписанием советско-иранского соглашения. Для демаркации вновь установленной и редемаркации всей остальной части границы была создана советско-иранская комиссия, которая закончила свою работу через полтора года. СССР не отказался от своих усилий, направленных на улучшение отношений с Ираном, и после вступления Ирана в Багдадский пакт. Договор о демаркации и редемаркации был подписан в мае 1957 г. Район Фирюзы, расположенный недалеко от Ашхабада, был признан частью территории СССР. Взамен Ирану была передана соответствующая территория на других участках советско-иранской границы. В 1957 г. между СССР и Ираном было заключено соглашение о совместном использовании водных и энергетических ресурсов пограничных участков рек Аракс и Атрек.

Весьма положительным шагом было и подписание 27 апреля 1957 г. между СССР и Ираном соглашения о взаимных товарных поставках на трехлетний период по 30 марта 1960 г. В апреле 1957 г. между двумя государ-

ствами было также заключено соглашение по вопросам транзита, которое предоставляло иранской стороне возможность вывоза в Европу своих товаров и ввоза оттуда в страну товаров через территорию Советского Союза; в январе 1958 г. было подписано соглашение о железнодорожном сообщении между Москвой и Тегераном.

Правительство СССР таким образом продемонстрировало свою готовность перейти от установления добрососедских отношений к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Однако прозападные круги Ирана в угоду международному империализму преднамеренно замораживали выполнение заключенных соглашений о сотрудничестве, идя на дальнейшее сближение с США и Англией.

Еще более тесным стало сотрудничество Ирана с империалистическими странами, особенно с США, при правительстве Манучехра Эгбала, пришедшего к власти в марте 1957 г.

Июльская революция 1958 г. в Ираке нанесла сильный удар по политике сколачивания военных блоков на Ближнем и Среднем Востоке.

Антиимпериалистическая политика нового иракского правительства и его официальный выход из Багдадского пакта обеспокоили империалистические страны и правящие круги Ирана. Активное участие курдов Ирака в июльской революции оказало определенное влияние на рост недовольства в Иране политикой правительства, особенно в курдских районах. США и Англия намеревались втянуть Иран, так же как и Турцию и Пакистан, в военную авантюру против Иракской Республики. Однако решительные предупреждения Советского Союза, а также выступления общественности во всем мире, особенно в арабских странах, заставили США и Англию отказаться от своих агрессивных планов в отношении Иракской Республики. После ряда встреч президента США Эйзенхауэра, государственного секретаря Даллеса с министром иностранных дел Англии С. Ллойдом было объявлено о том, что «интервенция не будет распространена на Ирак до тех пор, пока революционное правительство Ирана уважает нефтяные интересы Запада»³⁰ Правительство Ирана, шедшее в фарватере политики США и Великобритании, в 1958 и 1959 гг. и впоследствии неоднократно становилось на путь осложнения сво-

их отношений с Иракской Республикой. Несмотря на приведенное выше заявление США, в октябре 1959 г. в Вашингтоне на заседании Постоянного комитета СЕНТО³¹ обсуждался план агрессивных мероприятий в отношении Ирака. Однако твердая позиция миролюбивых государств, особенно СССР, а также ряд других обстоятельств, в том числе опасения отрицательных резонансов такого шага на Арабском Востоке, вынудили США и членов СЕНТО вновь отказаться от идеи агрессии.

Руководители Турции, Ирана, Пакистана и Англии, обеспокоенные результатами иракской революции 1958 г., совершили новый шаг по пути укрепления военных и политических связей с США. «После иракского переворота 1958 г., — пишет шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, — когда оставшиеся участники Багдадского пакта встретились, мы стали настаивать на том, чтобы Соединенные Штаты присоединились к пакту. США уклонились временно, хотя они уже были членами большинства комитетов пакта. Вместо этого Соединенные Штаты Америки предложили заключить двусторонние чисто оборонительные соглашения с Турцией, Пакистаном и Ираном»³².

В связи с ирано-американскими переговорами относительно заключения нового военного соглашения Советское правительство выступило с официальным заявлением, в котором, в частности, подчеркивалось, что, идя на такой шаг, иранское правительство «переступает ту грань, за которой начинается прямое содействие определенным иностранным кругам в осуществлении их агрессивных планов, направленных против СССР и других миролюбивых государств»³³. Правящие круги Ирана, обеспокоенные тем впечатлением, которое оказало на общественность страны советское заявление, предложили Советскому правительству заключить с Ираном договор о ненападении. Советское правительство дало согласие на заключение такого договора. Узнав о переговорах между правительствами Ирана и СССР, президент США немедленно отправил адмирала Редфорда в Тегеран с особыми поручениями³⁴.

Вскоре, в январе 1959 г., иранская сторона отказалась от подписания договора о дружбе и ненападении и советская делегация покинула Иран.

5 марта 1959 г. в Анкаре посол Ирана генерал Арфа и посол США Ф. Уоррен подписали двустороннее военное соглашение между двумя странами³⁵ В преамбуле соглашения, подписанного между Ираном и США, обе стороны подтверждают свою решимость «об обеспечении коллективной безопасности и об оказании сопротивления прямой и косвенной агрессии». В случае агрессии против Ирана правительству США предоставлялось право принимать необходимые меры, включающие использование американских вооруженных сил (ст. 1). Правительство Ирана брало на себя обязательство использовать американскую военную и экономическую помощь «в соответствии с целями и задачами, которые были определены государствами, подписавшими Лондонское коммюнике от 28 июля 1958 г., а также в целях создания эффективных средств для развития экономики Ирана и сохранения его независимости и территориальной целостности» (ст. 3).

Таким образом, с подписанием двойственного соглашения «доктрина Эйзенхауэра» нашла свое юридическое оформление в документе, регулирующем военно-политические отношения между США и Ираном. Как видно из преамбулы и статей этого соглашения, США предоставляется по существу право своими вооруженными силами вмешиваться во внутренние дела и внешние взаимоотношения Ирана, использовать их при случае для сохранения верного и дружественного им режима. Одним словом, это соглашение ограничивает политический суверенитет иранского народа.

Двустороннее соглашение с Соединенными Штатами Америки, так же как и членство в СЕНТО, оказали отрицательное воздействие на экономическое и финансовое положение Ирана.

В 1958 г. посол Ирана в США Али Амини утверждал, что участие в Багдадском пакте увеличило государственные расходы страны ежегодно на 60 млн. долл.³⁶ В последующие годы военные расходы увеличились еще больше. Если в 1955/56 г. военно-полицейские расходы составляли 6,2 млрд. риалов, то в 1960/61 г. — 13,5 млрд. риалов. Помимо прямых бюджетных военных расходов правительство Ирана финансировало строительство объектов военного назначения по линии Плановой организации.

Правительство и крупнейшие монополии США, вовлекая Иран в агрессивный блок СЕНТО, заключая с иранским правительством двустороннее военное соглашение, направляя в иранскую армию сотни советников, добивались еще большего укрепления и расширения своих политических позиций в стране. А это, в свою очередь, создавало условия для еще большей экспансии в экономику страны американских монополий, а также монополий других развитых капиталистических стран.

Именно ради осуществления своих экономических и политических целей в этой стране США оказывали Ирану экономическую и военную помощь. Американская помощь сыграла важную роль в укреплении существующего в Иране режима. Известный американский журналист У Липман в статье «Наша иранская проблема», опубликованной 14 и 15 декабря 1959 г. в «Нью-Йорк Геральд Трибюн», подчеркивал, что основная цель американской помощи в этой стране, это «поддержка шахского правительства». Глава иранского государства придавал огромное значение американской помощи. Он пишет: «Доходами от сбыта нефти плюс великодушной американской помощью, как я отмечал, была возобновлена программа развития Ирана»³⁷

Американская экономическая «помощь», оказанная Ирану в 1949—1962 гг., согласно официальным данным, составляла 404,2 млн. долл.

Предоставленная США Ирану военная «помощь» в течение этих лет была оценена в размере 563 млн. долл.³⁸

Представители США организовали строгий контроль над расходованием предоставляемой помощи, чтобы она шла главным образом на такое расширение внутреннего иранского рынка, которое не противоречило интересам американских монополий. Значительная часть помощи шла на строительство дорог и аэродромов военного назначения, на оплату деятельности американских советников и специалистов. В 1955—1962 гг. США выделили Ирану займы на сумму 299,4 млн. долл. Во второй половине 50-х годов серьезное значение приобрели и займы, полученные Ираном у находящихся под влиянием империалистических стран международных организаций: Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международного валютного фонда и ряда других организаций. Вторая половина 50-х — на-

чало 60-х годов были периодом засилья иностранного, и особенно американского, частного капитала в Иране, усиление экспансии которого является одной из особенностей неокOLONиализма.

В целом займы монополий США и других капиталистических стран стали важным фактором в расширении рынков сбыта промышленных товаров иностранных компаний в Иране. Ярким примером для подтверждения этого являются условия первого иранского займа у МБРР. Банк получил право контроля над расходованием займа. 47 млн. долл. из общей суммы займа в 75 млн. долл. предусматривалось использовать на импорт оборудования, цены на которые должны были быть подтверждены банком.

В соглашении о предоставлении кредита Банку развития промышленности и рудников Ирана Фондом займов развития США говорится, что минимум 50% импортированных за счет этого займа товаров не должны доставляться в Иран судами, «принадлежащими или находящимися под контролем коммунистических стран»³⁹. Эти и подобные условия по существу носили политический характер.

В 1955—1962 гг. Иран получил от международных, американских, английских, французских и западногерманских финансовых и промышленных организаций займы и кредиты на сумму свыше полумиллиарда долларов. Они были очень обременительны для Ирана: выдавались на условиях от 3,5 до 6,25% годовых.

Если принять во внимание то, что по семилетнему плану на промышленность было выделено всего 15% его бюджета (или около 168 млн. долл.), а в действительности на промышленность было израсходовано всего 8% бюджета (93 млн. долл., или 7 млрд. риалов), станет очевидным, что эти займы, полученные в основном по линии Плановой организации, шли на строительство коммуникаций, имеющих во многом военно-стратегическое назначение, и на непроизводительные расходы. И так как строительство многих из этих объектов осуществляется иностранными фирмами, то сомнений не может быть в том, что большая часть этих займов вернулась в «свои» страны.

В период осуществления курса политики «позитивного национализма» правящие круги Ирана придавали

большое значение привлечению в страну иностранного частного капитала. Таким путем они надеялись преодолеть экономический спад и добиваться развития производительных сил страны.

Первым юридическим актом иранского правительства в этой области было постановление от 16 декабря 1953 г. об иностранных инвестициях. 8 декабря 1955 г. меджлис утвердил Закон о привлечении и защите иностранного капитала, по которому иностранный капитал приравнивался в правах с отечественным.

Принятие этих законодательных актов сопровождалось активной пропагандистской кампанией, организованной правящими кругами в пользу привлечения иностранного капитала, который государство намеревалось использовать для развития иранской экономики.

После принятия закона о привлечении и защите иностранного капитала иностранные монополии проявили большую активность в создании в Иране банков. С осени 1955 г. по осень 1959 г. в стране было открыто 15 новых банков, 8 из них со смешанным капиталом, т. е. часть капитала этих банков принадлежала иранцам, часть — иностранным банкам и фирмам. С созданием в стране новых банков капитал их в сравнении с началом 50-х годов увеличился на 40% ⁴⁰. Однако монополии США, Англии, ФРГ, Франции и других капиталистических стран, проникая в область финансов в виде крупных пайщиков смешанных банков, а также путем предоставления Ирану займов и кредитов, расширяли свое влияние на иранскую экономику. Входя в правления иранских банков, представители монополий империалистических стран играют важную роль в разработке их финансовой политики.

Основная деятельность созданных в 50-х годах смешанных коммерческих банков была направлена на кредитование внешнеторговых операций, и прежде всего импорта из промышленно развитых империалистических стран. Через пять лет после расширения банковской сети иранский импорт стал в 5 раз превышать экспорт ⁴¹. Это явление оказало отрицательное влияние на состояние иранской экономики. В силу несоответствия ввоза потребительских товаров с покупательной способностью населения, имевшей тенденцию к понижению, спрос сильно упал. У большинства купцов-оптовиков накопи-

лось огромное количество залежалых товаров. Поэтому они оказались не в состоянии возратить банкам в срок полученные кредиты и многие из них были вынуждены испытать горечь банкротства.

Таким образом, большинство смешанных коммерческих банков, сосредоточивая свою деятельность в области внешнеторгового кредита и валютных операций, мало способствовали развитию производительных сил в стране.

Среди банков, созданных после утверждения закона о привлечении и защите иностранных инвестиций, особое место занимает Банк развития промышленности и рудников, основанный по инициативе иранских капиталистов и финансовых кругов США. Этот банк должен был играть важную роль в организации новых промышленных предприятий. Однако еще в законе об учреждении банка не без влияния его иностранных участников было подчеркнуто, что он призван содействовать «развитию мелкой промышленности, добыче полезных ископаемых» — одним словом, инвестировать в те отрасли, развитие которых не противоречит интересам иностранных монополий.

Структура кредитов банка дает возможность понять особенности его финансовой деятельности в первые годы его существования: 50% из общей суммы выданных кредитов на строительство промышленных предприятий падало на текстильные предприятия (20 проектов); 17% — на предприятия по производству стройматериалов (7 проектов) и т. д.⁴² Таким образом, Банк развития промышленности и рудников финансировал в основном развитие предприятий легкой промышленности.

Финансирование проектов легкой промышленности (в большинстве случаев это мелкие предприятия) давало возможность БРПР ускорить оборот капитала и тем самым повысить массу прибыли. Высокая норма прибыли являлась причиной притока иностранного капитала в Иран во второй половине 50-х годов. По сообщению иранского журнала «Техран экономист», прибыли иранских банков ежегодно составляли от 12 до 18% собственного капитала банков⁴³. Дивиденды акционерам БРПР в первые 17 месяцев его деятельности составляли 4%, а в последующие два года — 6—6,5%⁴⁴.

Иностранный капитал проникал в иранскую промышленность также в виде непосредственных инвестиций в производство. Хотя доля иностранных инвестиций в сравнении с иранскими капиталовложениями и невелика, тем не менее они имели важное значение в укреплении позиций империалистических монополий в Иране. Среди иностранных инвесторов в иранскую промышленность — за период с 1955 г. по март 1961 г. — первое место занимали капиталисты США (30% общей суммы капиталовложений), далее шли: Франция (23%), ФРГ (16%), Великобритания (12%), Япония, Италия, Голландия, Дания, Швеция, Норвегия и Пакистан (19%)⁴⁵

Предприятия, созданные в 50-х годах смешанным капиталом, главным образом относятся к химической, резиновой, фармацевтической и нефтехимической промышленности. Самым крупным предприятием, построенным в 50-х годах, был шинный завод в Хасанабаде (в 12 км от Тегерана); 55% акций этого предприятия (1,54 млн. долл.) принадлежало американской фирме «Гудрич Б. Ф.», а остальная часть — Ирану⁴⁶.

Иностранные инвесторы большую активность в 50-х и начале 60-х годов проявили в области учреждения в Иране монтажно-сборочных предприятий автомобильной и электробытовой промышленности. Задерживая создание национальной тяжелой, электротехнической промышленности и т. д., иностранные монополии во второй половине 50-х годов открывали отделения своих предприятий в развивающихся странах, где собираются и реализуются полученные на основных предприятиях детали и узлы. Сборочные предприятия в Иране создавались в основном с участием местного капитала.

По правилу, введенному иранским правительством, промышленные предприятия со смешанным капиталом должны были минимум 25% использованных деталей и узлов изготавливать в Иране, чего они не всегда придерживались.

Промышленные круги развитых капиталистических стран, создавая по существу филиалы своих объединений в Иране, стремились укреплять свои позиции на его рынках. Эта неокOLONиалистская тенденция была непосредственно связана с усилившейся во второй половине 50-х годов борьбой за рынки сбыта промышленных товаров.

Экспансия в области финансов способствовала также расширению товарооборота крупнейших капиталистических стран с Ираном. В угоду крупной торговой буржуазии и иностранным монополиям иранское правительство в 1953—1957 гг. зачастую отходило от принципов политики протекции и поощрения развития местной промышленности, транспорта и сельского хозяйства, а с 1957 г. оно стало придерживаться в области внешней торговли политики «свободы торговли»⁴⁷, что способствовало образованию большого разрыва между импортом и экспортом. Так, если в 1954/55 г. иранский экспорт в ценностном выражении равнялся 7,4 млрд. риалов (без нефти), а импорт — 10,2 млрд. риалов, то в 1964/65 г. стоимость экспорта составляла 11,5 млрд. риалов, а импорта — 56,5 млрд. риалов⁴⁸.

Особенностью импорта второй половины 50-х годов было увеличение ввоза транспортных средств, металла и металлоизделий, оборудования и инструментов. Весьма важным моментом явилось, однако, также то, что Иран стал импортировать из стран Запада, прежде всего из США, сельскохозяйственные продукты. Начало этому положило соглашение, заключенное между США и Ираном 20 февраля 1956 г., по которому Ирану предоставлялось право импортировать излишки сельскохозяйственных продуктов из США (это право распространяется в последние годы также на частные лица). С середины 50-х годов по июнь 1964 г. Иран импортировал из США зерна и муки на сумму 43,1 млн. долл., а в 1964/65 г. — почти на 11 млн. долл.⁴⁹.

Кроме США и Англии во второй половине 50-х годов важную роль во внешней торговле Ирана стала играть ФРГ, с которой Иран установил дипломатические отношения в начале 50-х годов. Фирмы ФРГ увеличили ввоз в Иран промышленного оборудования, а также средств транспорта и металлоизделий. Расширили свою торговую экспансию в Иран в 50-х годах также Япония, Франция и Италия.

Промышленно-торговые монополии шести капиталистических стран — США, ФРГ, Англии, Франции, Японии и Италии — начиная с 1954 г. стали занимать ведущее место как в иранском импорте, так и во внешней торговле вообще. В 1954/55 г. на долю этих стран приходилось 62% (по стоимости), а в 1959/60 г. 69% им-

порта. К концу 50-х годов на три страны — США, Англию и ФРГ — по стоимости приходилось 50—60% иранского импорта.

В результате такого быстрого роста импорта довольно большая часть той валюты, которую Иран стал получать от МНК с 1954 г., стала идти на покрытие дефицита в платежном балансе, причиной которого стал огромный разрыв между импортом и экспортом⁵⁰ (в 1961/62 г. импорт был в 6 раз больше экспорта).

Во второй половине 50-х годов вновь обострилась борьба за иранскую нефть между крупнейшими англо-американскими корпорациями («большая семерка»), с одной стороны, и некоторыми западноевропейскими и североамериканскими компаниями — с другой.

Особенно активно включилась в борьбу за иранскую нефть итальянская государственная компания «Энте национале идрокарбури» (ЭНИ), руководитель которой Энрико Маттеи еще в годы правления Мосаддыка делал закупки иранской нефти, а в 1954 г. безуспешно добивался вхождения ЭНИ в число компаний МНК⁵¹. Маттеи не остерегался разоблачать крупнейшие нефтяные тресты, стремясь при этом использовать патриотические чувства народов Ближнего и Среднего Востока в интересах руководимой им итальянской государственной компании. «Мусульманским народам, — говорил он, — надоело, что их эксплуатируют иностранцы. Крупные нефтяные компании должны предложить им больше за их нефть, чем они до сих пор получают»⁵². Эти слова были произнесены уже после того, как 31 июля 1957 г. в Иране был принят Закон о нефти, по которому Иранская национальная нефтяная компания получила право в партнерстве с иностранными компаниями заниматься разведкой и эксплуатацией нефтяных месторождений за пределами территории, на которой осуществлял свою деятельность МНК, включая континентальные отмели и шельф в районе Персидского и Оманского заливов. Этот закон приостановил действие закона 1944 г., принятого по предложению д-ра Мосаддыка и запрещавшего иранскому правительству без разрешения меджлиса вести переговоры с иностранцами «по поводу нефтяных концессий или подписывать какие-либо соглашения».

Таким образом, новый закон разрешил выдачу ино-

странным компаниям нефтяных концессий, обусловив ее, однако, обязательным участием ИННК. Закон предусматривал получение Ираном 75% чистой прибыли смешанных компаний.

Первыми воспользовались плодами закона о нефти те, которые больше всех добивались его принятия. Несмотря на противодействие крупнейших нефтяных монополий США и Англии, входящих в МНК, Маттен удалось заключить с ИННК соглашение о нефти от имени «Аджип минерариа» (дочерняя компания ЭНИ). По соглашению, подписанному в августе 1957 г. между «Аджип минерариа» и ИННК, была создана смешанная ирано-итальянская компания («Сосьете ирано-итальянде петроль» — СИРИП) по разведке и эксплуатации нефти. Этой компании были предоставлены три участка площадью 23 тыс. кв. км. По условиям договора ИННК получала 75% чистой прибыли.

Итальянской фирме для подписания данного соглашения с ИННК пришлось вести ожесточенную борьбу с англо-американскими компаниями — членами нефтяного картеля. По сведениям некоторых западных авторов, США и Англия имели прямую причастность к падению в марте 1957 г. кабинета Хосейна Ала, который еще до принятия нового закона о нефти склонялся уступить считавшееся весьма перспективным Кумское нефтяное месторождение итальянской компании. (Это месторождение не вошло в зону, предоставленную в августе 1957 г. компании СИРИП.)

Вскоре после заключения договора с итальянской компанией ИННК объявила торги на два участка в северной части Персидского залива общей площадью 16 тыс. кв. км. Эти торги выиграла «Пан-Америкэн Петролеум» (дочерняя фирма «Стандард Ойл оф Индиана»). Была образована в партнерстве с ИННК «Иран Пан-Америкэн» (ИПАК). Условия этого нового соглашения были почти идентичны с условиями договора с «Аджип минерариа». Однако «Пан-Америкэн Петролеум» после ратификации соглашения выплатила иранской стороне тантьему в размере 2,5 млн. долл.

Соглашения, заключенные между ИННК и иностранными нефтяными компаниями в 1957—1958 гг.⁵³, согласно которым Иран должен был получить 75% чистой прибыли⁵⁴, со всей очевидностью показали, что со-

глашение Ирана с МНК, по которому прибыли формально делятся по принципу 50 : 50, не является справедливым, тем более что к середине 60-х годов, наряду с новым для конца 50-х годов принципом деления прибылей (75 : 25), Иран сумел ввести еще один, более выгодный для него принцип, о чем свидетельствует соглашение ИННК с французской государственной компанией ЭРАП.

Однако в целом 1954—1961 годы были периодом, когда экономическая и политическая экспансия развитых капиталистических стран стала важным фактором в общественно-политической и экономической жизни Ирана. Особое место в этом принадлежало США.

Завоеванные в 50-х годах в Иране позиции сыграли важную роль в том, что США окончательно оттеснили английские монополии на Ближнем и Среднем Востоке на второе место. Если в 1947 г. на долю капитала США приходилось 360 млн. долл. (или 40%), а Англии — 400 млн. долл. (или 44%) инвестиций в нефтяную промышленность региона, то в 1959 г. эти цифры соответственно составляли 1850 млн. долл. (или 50%) и 680 млн. долл. (18%)⁵⁵.

Во второй половине 50-х годов США расширили свое участие в реорганизации и модернизации иранской армии, жандармерии и полиции. Наличие большой группы американских военных советников в Иране, стажировка и обучение иранских офицеров в США, совместное сотрудничество по линии СЕНТО и т. д. создавали американской дипломатии благоприятные условия для усиления своего влияния в Иране. Федеральное бюро расследований приняло самое активное участие в создании в 1957 г. иранской организации безопасности и информации страны (САВАК), ставшей важнейшим орудием в руках государства в борьбе против всех оппозиционных организаций и групп.

Создание в конце 50-х годов специального американского издательства «Франклин», открытие американских культурных центров, организация регулярных передач для военнослужащих США по тегеранскому телевидению, предоставление на льготных условиях иранским фирмам кинопроката заокеанских «кинобоевиков», установление тесного контакта между буржуазной печатью США и иранской прессой, широкое участие США, ФРГ

и других капиталистических стран в подготовке научных и технических кадров для Ирана, расширение культурного и научного обмена также способствовали осуществлению широкой политической и идеологической экспансии империалистических стран в Иране.

Наиболее значительным и действенным орудием неокOLONиализма в Иране в период осуществления курса «позитивного национализма» был Международный нефтяной консорциум. Именно в силу экспансии монополий Запада и их неокOLONиалистской политики значительная часть получаемых Ираном доходов от нефти шла не на расширение промышленного и сельскохозяйственного производства, а на покрытие образовавшегося во внешнеторговом балансе дефицита, на военно-политические расходы и на погашение иностранных займов.

Анализ экономико-финансовых взаимоотношений, МНК с иранским правительством, произведенный советским экономистом А. З. Арабаджяном, показывает, что если в 1955 г. министерство финансов получило 11,7%, Плановая организация — 58,6%, а ИННК — 29,7% доходов от нефти, то в 1959 г. эти три организации получили соответственно 41,4; 49,5 и 9,1%. В целом же в течение 1954—1959 гг. Плановая организация получила 49,4%, министерство финансов — 31,7% и ИННК — 18,9% доходов от нефти⁵⁶.

Уменьшение доли Плановой организации в доходах от нефти с первоначально предусмотренных 80 до 49,3% было вызвано увеличением военно-полицейских расходов и непомерным ростом импорта, не менее половины всей массы которого приходилось на предметы роскоши и на товары не первой необходимости⁵⁷.

Результатом подобной антинациональной экономической политики явился значительный дефицит государственного бюджета, который, в свою очередь, вызвал кризисные явления во всей экономической и, следовательно, социальной жизни иранского общества в конце 50-х — начале 60-х годов, поставив со всей серьезностью вопрос о необходимости перемен в экономической политике.

Предоставление значительных позиций в экономике страны западным монополиям, тесное политическое и военное сотрудничество с США и Англией, американская военная и финансовая помощь создавали условия

для действенного влияния империалистических кругов США и Англии на иранскую политику. Этому содействовал также отказ правящих кругов Ирана установить добрососедские отношения с СССР. В целом тесное сотрудничество с США и Англией оказало значительную помощь правящей верхушке Ирана для сохранения своей власти, но не в состоянии было содействовать выходу страны из состояния экономической и культурной отсталости. Более того, выкачивая из Ирана из года в год во все больших размерах прибыли, толкая его на путь увеличения военно-полицейских расходов, империалистические круги Запада фактически способствовали обострению экономического и социально-политического кризиса в Иране в конце 50-х — начале 60-х годов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС КОНЦА 50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ

Продолжавшиеся в середине 50-х годов забастовки иранского пролетариата и отдельные выступления других слоев населения со всей очевидностью показали, что ни жесткая политика в отношении демократического и освободительного движения, ни укрепление связей с империалистическими державами не погасили серьезного недовольства в стране, не привели к укреплению внутреннего и международного положения Ирана. Основным источником недовольства наряду с тесной зависимостью Ирана от империалистических держав коренился в социально-экономической отсталости страны, которая базировалась на полуколониальной структуре хозяйства и преобладавших в нем докапиталистических формах производства.

В этой связи во второй половине 50-х годов перед иранским государством, испытывавшим серьезные экономические и политические затруднения, со всей остротой встала задача преодоления социально-экономической отсталости, основной путь ликвидации которой оно видело в реконструкции хозяйства и общественного строя по капиталистическому образцу. И хотя многие представители правящих кругов убедились в необходимости и даже неизбежности социально-экономических,

и прежде всего аграрных, преобразований, осуществление этой задачи встречало упорное противодействие в среде самих правящих кругов, и особенно в среде крупных полуфеодалных помещиков, ханов племен и высшего духовенства. Опираясь на свою экономическую мощь и политическое влияние, занимая сильные позиции в парламенте и административном аппарате, они имели реальные возможности поставить труднопреодолимые препятствия для любых мероприятий, противоречивших их интересам, и прежде всего для проведения преобразований, вносивших глубокие изменения в общественный строй страны.

Тем не менее во второй половине 50-х годов государство приступило к осуществлению серии мероприятий, призванных подготовить общественно-политическую почву и административный аппарат к проведению социально-экономических преобразований. Выполнение этих задач было возложено на правительство д-ра Манучехра Экбаля, который стал премьер-министром 4 апреля 1957 г.⁵⁸ Придя к власти, правительство Экбаля отменило военное положение в Тегеране, приказало вывести солдат с территории университета и сочло возможным допустить легальную деятельность умеренных партий и политических организаций. На общественной арене возобновили деятельность: партия «Иран» во главе с Аллаяром Салехом, Каземи и другими, Партия трудящихся Ирана с лидером д-ром Багаи, партия «Третья сила» во главе с Халилом Малеки. Приступила к деятельности группа «Прогрессистов» с лидером Ахмедом Арамешем, включившая в программу основные принципы «позитивного национализма». Возник ряд организаций правого направления: Общество национального движения Ирана, Общество борьбы с коммунистической идеологией и т. д. Одновременно в целях «оздоровления» парламентской жизни шах, используя опыт США, пытался создать двухпартийную систему. В 1957 г. на политической арене Ирана появились партия «Меллиун» во главе с премьер-министром Экбалем и «оппозиционная» партия «Мардом» с лидером Асадолла Алямом — одним из близких друзей шаха. Обе партии включали примерно один круг лиц — бюрократии, либеральных помещиков, предпринимателей и высших слоев интеллигенции. Во многом схожи были и их программы, по-

строенные на принципах лояльности трону и основных положениях «позитивного национализма». Разница состояла в том, что «оппозиционная» партия «Мардом» использовала более левую идеологию. В частности, «Мардом» выдвигала требования ограничения крупного землевладения, участия рабочих в прибылях предприятий, обеспечения общественных свобод в соответствии с принципами ислама и конституции⁵⁹.

Внешняя демократизация общественной жизни осуществлялась одновременно с укреплением и совершенствованием централизованной системы государственного управления. С 1958 г. проводилась реорганизация ряда министерств и государственных учреждений. Плановая организация в феврале 1959 г. была лишена статуса самостоятельного учреждения и отдана под прямой контроль канцелярии премьер-министра. Было урезано и относительно автономное положение ИННК⁶⁰.

Правительство предприняло шаги по борьбе с коррупцией. Для пресечения взяточничества, казнокрадства и иных злоупотреблений чиновников была создана шахская инспекция, которая лишь за девять месяцев получила около 39 тыс. жалоб от населения⁶¹. В аферах, связанных с подрядными работами, куплей-продажей участков под городское строительство, были замешаны высокопоставленные лица. В 1958 г. правительство одобрило закон, запрещающий государственным служащим, депутатам парламента, членам правительства и семье шаха участвовать в государственных сделках. В 1959 г. в подкрепление к этому закону, оставлявшему массу лазеек для злоупотреблений, правительство издало закон «Откуда взял?», по которому лица, состоявшие на государственной службе, должны были периодически представлять сведения о своих доходах и недвижимости.

Государственные преобразования протекали в условиях постепенного усиления власти шаха, который все чаще брал на себя законодательную инициативу и все более активно вмешивался в функции исполнительной власти. Происходило фактическое ограничение законодательных прав парламента и его возможностей надзора над деятельностью правительства, которая во все возрастающей степени контролировалась самим шахом. Расценивая власть шаха как важный фактор политической стабилизации, правящие круги Ирана всемерно со-

действовали ее усилению, прикрываясь лозунгом «национального и государственного единства», олицетворявшегося якобы в институте монархии. Решающее влияние на избрание премьер-министра перешло к шаху, хотя назначенная им кандидатура и должна была получить вотум доверия от обеих палат⁶². Шаху фактически принадлежало и право назначения министров (по рекомендации главы кабинета), генерал-губернаторов, губернаторов, начальников воинских соединений, послов и т. д.⁶³.

В 1957 г. были внесены исправления и дополнения в конституцию. Срок полномочий парламента был продлен с двух до четырех лет, а число депутатов меджлиса увеличено со 136 до 200. За шахом было закреплено неоднократно оспаривавшееся в прошлом право отлагательного вето на законопроекты и право роспуска парламента.

Укреплению престижа монархии призвана была содействовать созданная в 1957 г. благотворительная организация Фонд Пехлеви, который формировался из средств от продажи крестьянам коронных земель, отчислений из доходов принадлежавших шаху предприятий, отелей и т. д. Средства фонда расходовались главным образом на культурные мероприятия, просвещение и здравоохранение.

Мероприятия по укреплению централизованного управления и повышению дееспособности административного аппарата создавали предпосылки для осуществления общественных преобразований и тем самым обеспечения внутривластной стабилизации на базе роста экономического потенциала Ирана и улучшения положения широких слоев населения. Однако даже в конце 50-х годов государственная власть, испытывая упорное сопротивление преобладавших в меджлисе и различных звеньях государственного аппарата крупных полуфеодалов, помещиков, ханов племен и высшего духовенства, показала свою несостоятельность в решении вопроса об осуществлении уже давно назревших радикальных общественных преобразований. Государственная власть в целом по сути дела ограничивалась попытками повышения экономического потенциала страны на пути выполнения крупных экономических проектов с помощью западных монополий.

В известной мере исключением было распределение коронных земель и земель халесе, причем главным образом в том смысле, что эти мероприятия фактически положили начало осуществлению весьма широкой программы аграрных преобразований. Эта программа в конечном счете имела целью переустройство имений полуфеодалных собственников в мелкотоварное крестьянское хозяйство и капиталистическое хозяйство обуржуазившихся помещиков и иных предпринимателей. В процессе этого переустройства предполагалось добиться роста производства, расширения рынка для национальной промышленности и ослабления недовольства трудящихся деревни. Распределение коронных земель и земель халесе сразу же встретило поддержку США⁶⁴, которые видели в аграрных преобразованиях в странах «третьего мира», в том числе и в Иране, радикальное средство предотвратить развитие движения крестьян, воспрепятствовать распространению идей коммунизма, сохранить и укрепить в этих странах угодные им режимы. И если на первых порах представители американских монополий ограничивались преимущественно советами и пожеланиями, то в дальнейшем они даже поставили оказание помощи странам «третьего мира» в зависимости от проведения ими аграрных преобразований⁶⁵.

Само по себе распределение коронных имений и земель халесе не решало проблемы, о чем свидетельствуют масштабы названных мероприятий. С конца 1953 г. по март 1962 г. 42,2 тыс. семей крестьян получили коронные земли 517 селений общей площадью 200 тыс. га в рассрочку на 25 лет и со скидкой в 20%. В то же время государство продало с 1958 по 1962 г. 57,8 тыс. га земель халесе свыше 7 тыс. семей крестьян в рассрочку на 20 лет⁶⁶. В итоге участки получили лишь около 50 тыс. семей. К тому же новые собственники, как правило, не были обеспечены необходимыми кредитами, что уже на ранних стадиях после получения участков нередко заставляло их сдавать свои наделы в аренду. В результате интересы крестьян удовлетворялись лишь в ничтожной степени и их недовольство не ослабевало.

Осуществляя раздел коронных имений и земель халесе, государство и сам шах наряду со стремлением повысить свой политический престиж в какой-то мере рас-

считывали, что помещики последуют этому примеру. Однако лишь несколько помещиков, да и то членов партий «Мардом» и «Меллиун», согласились распределить свои земли между крестьянами⁶⁷. Основная же масса помещиков, особенно крупных собственников и ханов племен, выдвигавших притязания на часть земель халесе⁶⁸ и не без причины опасавшихся распространения рассматриваемых мероприятий на частные имения, не только не вняла увещаниям правительства, но и выступила против этих мероприятий. В результате крупным помещикам и ханам племен удалось затормозить раздел коронных земель и земель халесе. Однако упорное сопротивление проведению этих мероприятий имело для них серьезные отрицательные последствия. Их противодействие названным мероприятиям, в котором общественное мнение справедливо усматривало борьбу против аграрных преобразований вообще, фактически способствовало развязыванию широкой кампании за немедленное разрешение аграрного вопроса, за раздел частных имений. И если сначала крупные помещики и ханы племен подвергались сравнительно легкой критике, то в 1959—1960 гг. эта критика переросла в настоящую «обличительную кампанию»⁶⁹. В ходе кампании довольно четко обозначилось размежевание общественных сил по аграрному вопросу, в значительной мере определилась общественная изоляция крупных помещиков и ханов племен по основным проблемам аграрных преобразований, что в дальнейшем во многом предопределило весьма решительные акции государства по разрешению этих проблем. Не случайно эта кампания достигла апогея в конце 50-х—начале 60-х годов, когда воочию и со всей неизбежностью провалились попытки государства добиться ускорения темпов роста производства и устойчивого развития хозяйства на пути не подкрепленных общественными преобразованиями экономических мероприятий, на пути односторонней ориентации в осуществлении своих экономических программ на помощь западных держав.

Это наглядно проявилось при осуществлении второго семилетнего плана развития (сентябрь 1955 г.—сентябрь 1962 г.), для выполнения которого в качестве основных финансовых источников предусматривались отчисления МНК и займы иностранных монополий⁷⁰. На

Плановую организацию в 1954—1962 гг. приходилось 420,3 млн. долл. из 532,5 млн. долл. (без кредитов МВФ), или почти 80% средств, выделенных Ирану за границей в виде кредитов на экономическое развитие⁷¹. Эти кредиты стали главным компонентом формирования внешней задолженности государства и важным фактором укрепления зависимости иранского хозяйства от деятельности иностранных монополий.

Разработка второго семилетнего плана была передана на откуп американским фирмам, что непосредственно сказалось на распределении ассигнований государства по основным отраслям хозяйства. Из 84 млрд. риалов намеченных ассигнований (они были реализованы почти на 90%) на развитие транспорта и связи предусматривалось израсходовать 40,5%, сельского хозяйства — 29,7, промышленности — 11,2%. Такое распределение ассигнований, если помнить о том, какое место США и другие западные державы отводили Ирану в своих программах «обороны» пресловутого «свободного мира», вполне отвечало интересам монополий, видевших в Иране прежде всего важный источник сырья и рынок сбыта своих товаров. Иранский автор Насер Моатамади прямо писал, что иностранные специалисты в своей деятельности в Иране руководствовались не интересами страны, а пожеланиями пославших их туда фирм⁷².

Распределение ассигнований внутри отраслей нередко страдало неравномерностью и недостаточно отвечало насущным потребностям экономического развития страны. Так, из ассигнований на укрепление сельского хозяйства почти 75% выделялось на расширение ирригационной сети и главным образом на строительство трех плотин-гигантов: на р. Кередж (вступила в строй в 1961 г.), предназначенной преимущественно для снабжения питьевой водой Тегерана, со способностью к орошению 21 тыс. га; на р. Сефидруд в Гиляне (1962 г.) — 240 тыс. га; на р. Диз в Хузестане (1963 г.) — 145 тыс. га⁷³. Эффективность этих плотин, как и воздвигнутых в 50-х — начале 60-х годов восьми других плотин со способностью к орошению около 130 тыс. га, далеко не соответствовала затратам на их строительство и содержание. И хотя строительство крупных плотин и особенно их значение в будущем нельзя было недооценивать, эта программа в рассматриваемый период

тяжелым бременем ложилась на бюджет Ирана и подвергалась резкой критике общественности. Ее представители, указывая на нерентабельность крупных плотин, выступали за сооружение малых плотин и глубоких колодцев, которое обходилось намного дешевле, позволяло охватить значительную часть территории страны и заменить невыгодную в современных условиях и пришедшую в упадок систему подземных каналов⁷⁴.

Из других проектов развития сельского хозяйства следует отметить мероприятия по расширению механизации и применения химических удобрений. В ходе этих мероприятий число тракторов с 1950 по 1961 г. возросло с 900 до 6 тыс., из которых, правда, лишь половина была пригодна для эксплуатации⁷⁵. Тем не менее эти и другие мероприятия способствовали расширению посевных площадей и повышению сбора в отдельных районах, что наглядно проявилось в Горгане, где в 50-х годах в результате интенсивной механизации посевные площади под зерновыми возросли со 100 тыс. до 200 тыс. га, а под хлопчатником — с 12 тыс. до 130 тыс. га. Заметные сдвиги наблюдались и в животноводстве, где поголовье скота с конца 40-х годов по 1962 г. увеличилось приблизительно вдвое, а также в производстве технических культур, и особенно в хлопководстве (поставлявшем свыше 50% продукции на экспорт) и в свекловодстве (обслуживавшем нужды набиравшей силы сахарной промышленности). Между тем основная отрасль растениеводства — производство зерновых фактически топталось на месте, что вызывало обострение вопроса о снабжении населения хлебом. Ввоз пшеницы в 1960/61 г. достиг 503,6 тыс. т⁷⁶.

Тяжелое положение сельского хозяйства, которое в концентрированном виде находило выражение в том, что прирост валового продукта в этой отрасли в начале 60-х годов заметно уступал даже естественному приросту населения (он оценивался в 2,5%⁷⁷), по-прежнему обуславливалось прежде всего отсталостью аграрного строя. Однако в 50-х — начале 60-х годов отсталость аграрного строя в сравнении с предшествующим периодом стала не только основным препятствием для развития производства в деревне, но и фактически превратилась в серьезную преграду на пути экономического развития страны в целом.

В 50-х годах аграрный строй Ирана и особенно структура землевладения и землепользования претерпели лишь незначительные изменения. Государству, мусульманским учреждениям, ханам племен и преимущественно помещикам принадлежали земли 42,5 тыс. (или 85%) из 50 тыс. иранских селений, большинство ирригационных сооружений, пастбищ, скота и т. д. В руках помещиков находились земли 33,5 тыс. деревень, из которых 19 тыс. принадлежало крупным помещикам (собственникам свыше 5 селений), 7 тыс. — средним (1—5 селений) и 7,5 тыс. — мелким (владельцы земель одной или нескольких частей селения)⁷⁸. На землях помещиков (как и в имениях других богатых собственников) по-прежнему преобладали полуфеодалные формы и методы производства. Ведущей формой землепользования оставалась издольная аренда, на базе которой обрабатывалось не менее 60% посевных площадей⁷⁹. Из приблизительно 3 млн. семей крестьян свыше 80% или не имели участков или обладали наделами размером менее 1 га⁸⁰. Эти крестьяне обычно на условиях издольной аренды или в качестве наемных рабочих обрабатывали земли богатых собственников. В имениях помещиков, несмотря на официальное запрещение, крестьян, как и ранее, зачастую облагали натуральными повинностями. В то же время крестьяне подвергались жестокому гнету торгового капитала и ростовщиков. «Торговый капитал в лице своих агентов-пилеверов забирал свыше половины доходов земледельцев, доставляя им втридорога сахар, чай, ткани и другие товары первой необходимости и приобретая по низким ценам продукцию сельского хозяйства»⁸¹. Значительные суммы выплачивали крестьяне и ростовщикам, к которым из-за слабого развития кредита в деревне были вынуждены обращаться за ссудами земледельцы, испытывавшие хроническую нехватку средств. Процент по ссудам был очень высок и колебался в пределах от 30 до 150. Постоянный недостаток средств у крестьян обусловил широкое распространение в деревне покупки урожая на корню, при которой цена устанавливалась на 20—40% ниже, чем после сбора. Крестьяне Хузестана, которые до 30% пшеницы продавали на корню, т. е. вперед, ежегодно на этой операции терпели убытки в размере 120 млн. риалов⁸².

В сложившихся в иранской деревне условиях, когда «ни у помещиков, ни у крестьян не проявлялось заинтересованности в повышении плодородия почвы», частный сектор в лице в первую очередь крупных собственников не хотел нести «излишние затраты» по организации производства, приобретению машин, строительству ирригационных сооружений и предпочитал помещать средства в торговые и ростовщические операции и нередко в промышленность⁸³.

Это обстоятельство в определенной степени обусловило тот факт, что в период действия второго семилетнего плана развития в отличие от сельского хозяйства сдвиги в промышленности выглядели намного весомее, хотя затраты государства на ее развитие были почти в 3 раза меньше (24,5 млрд. и 8,8 млрд. риалов). Государству удалось в весьма широких масштабах привлечь к развитию промышленности частный сектор, в результате чего ее мощности (особенно в текстильной, пищевкусовой и цементной отраслях) резко возросли. Производство хлопчатобумажных тканей в основной отрасли иранской промышленности — текстильной, где господствующее положение занимал частный капитал, возросло с 55,6 млн. м в 1955/56 г. до 236,4 млн. м в 1961/62 г.⁸⁴ Однако из-за конкуренции иностранных изделий и низкого платежеспособного спроса населения предприятия этой отрасли работали с недогрузкой, а на складах скапливались крупные партии продукции. Попытки выйти из кризиса путем расширения экспорта не принесли успеха, ибо изделия иранских фабрик (с их преимущественно устаревшим оборудованием) и кустарных мастерских не выдерживали конкуренции более качественных и дешевых иностранных товаров. Исключение составляли традиционные предметы иранских ремесел, пользовавшиеся спросом на внутреннем и внешнем рынке. Это прежде всего ковроделие, продукция которого наряду с хлопком занимала ведущее место в экспорте. Число занятых в ковроделии в 1962/63 г. превышало 240 тыс., из которых 180 тыс. приходилось на деревню⁸⁵. Текстильные мастерские составляли 65% кустарных предприятий страны⁸⁶.

Ведущая отрасль пищевкусовой промышленности — сахарная — увеличила выпуск продукции в 1954/55—1961/62 гг. с 62 тыс. до 171 тыс. т, из которых 56,6%

давал частный сектор (его доля до 1955/56 г. была равна нулю). Тем не менее около $\frac{2}{3}$ внутреннего спроса приходилось покрывать ввозом⁸⁷. Цементная промышленность опять-таки при активном участии частного сектора, на долю которого в 1962/63 г. приходилось 56% продукции (против 24% в 1955/56 г.), увеличила производство с 82 тыс. т в 1955/56 г. до 780 тыс. т в 1960/61 г., что полностью удовлетворяло нужды страны. Но в связи с наступившим кризисом производство в этой отрасли упало до 668 тыс. т в 1962/63 г.⁸⁸.

В изменениях соотношения участия частного сектора и государства в развитии основных отраслей обрабатывающей промышленности в рассматриваемый период уже довольно четко прослеживался окончательно сформировавшийся в 60-х годах курс экономической политики иранского государства, стремившегося возложить на плечи частного капитала, и в первую очередь национальной буржуазии, развитие этих отраслей, за исключением узловых предприятий тяжелой промышленности. Однако в период осуществления второго семилетнего плана рост частных инвестиций в обрабатывающей промышленности не имел необходимых объективных предпосылок и в значительной мере базировался на кредитах государства, предоставлении частному сектору льгот и привилегий. И, как мы наблюдали на примере развития текстильного производства, перед обрабатывающей промышленностью Ирана, несмотря на достигнутые успехи, при узости внутреннего рынка и жестокой конкуренции иностранных монополий открывались совсем не радужные перспективы.

К тому же обрабатывающая промышленность сохраняла в целом свою старую социально-экономическую структуру. Правда, количество крупных предприятий с числом рабочих более 10 заметно возросло и в 1962/63 г. составляло 2839 со 150 тыс. занятых⁸⁹. При этом, однако, в Иране было лишь 32 предприятия с числом рабочих более 500⁹⁰. Только на 10 тыс. предприятий со 131 тыс. занятых применялись механические или электрические двигатели⁹¹. Следует отметить, что общее число занятых в обрабатывающей промышленности составляло в 1962/63 г. 1061 тыс.⁹², при этом 87,5% занятых в этой отрасли приходилось на кустарные мастерские.

Вместе с тем следует отметить, что обозначившиеся в развитии обрабатывающей промышленности сдвиги обычно не сопровождались распространением современных форм производства в тяжелой промышленности. Так, намеченное строительство металлургического завода в Азне с годовой мощностью 300 тыс. т не получило практического воплощения. Между тем только на ввоз черных металлов и изделий из них в 1956/57—1962/63 гг. было израсходовано 436 млн. долл., что почти в 3 раза превышало проектную стоимость строительства завода в Азне, которое оценивалось в 150 млн. долл.⁹³ Такое положение при наличии в стране богатых запасов самых разнообразных полезных ископаемых в значительной мере обуславливалось экономической политикой правительства и его западных советников. В металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях промышленности число предприятий намного возросло, но они были представлены главным образом мастерскими полукустарного и кустарного типа. Правда, появились предприятия невысокой мощности по производству холодильников, трансформаторов, насосов для орошения, механических пил, кузовов для грузовиков и автобусов, сборке радиоприемников. В 1959/60—1962/63 гг. вступили в строй три монтажных предприятия автомобильной промышленности.

Несколько особняком стояла нефтяная промышленность, управление которой осуществляла ИННК, превратившаяся в 60-х годах в мощную государственную монополию. В период действия второго семилетнего плана развития ИННК — помимо создания смешанных с американским и итальянским капиталом компаний ИПАК и СИРИП — развернула энергичную деятельность по улучшению снабжения страны нефтепродуктами, освоению новых месторождений, приступила к использованию газа для нужд промышленности и населения. Было проложено несколько нефтепроводов и газопровод Гачсаран — Шираз, по которому поступал газ на открытый в 1963 г. завод по производству химических удобрений.

В целом ход и итоги развития сельского хозяйства и промышленности еще раз подтвердили невозможность добиться эффективного роста производства и более или менее нормального функционирования всего экономического организма страны в условиях социальной отстало-

сти и при односторонней ориентации Ирана на западные державы.

Прозападная ориентация Ирана наиболее яркое выражение находила при осуществлении программы второго плана в области транспорта, которая составлялась в соответствии с рекомендациями экономической комиссии СЕНТО и экспертов империалистических держав. В период действия плана протяженность автомобильных дорог возросла на 11 тыс. км, парк автомашин с 64,7 тыс. в 1955/56 г. увеличился до 139 тыс. в 1961/62 г. Длина железных дорог достигла 3,5 тыс. км с 1170 мостами и 277 тоннелями общей протяженностью 101 км. Ежедневная пропускная способность железных дорог повысилась с 4 тыс. т в 1953 г. до 15 тыс. т в 1963 г. Расширение и реконструкция портов Бендер-Шахпур и Хорремшехр, через которые проходила значительная часть импортных и экспортных грузов, увеличила пропускную способность морских портов с 870 тыс. до 2 млн. т в год. Вступило в строй несколько аэропортов, из которых Мехрабадский (Тегеран) принимал самолеты всех классов⁹⁴.

Заметные сдвиги в использовании современных средств транспорта, в расширении и совершенствовании сети коммуникаций, облегчая и ускоряя рост экономических связей между городом и деревней, создавали предпосылки для развития основных отраслей иранского хозяйства. Однако в период действия второго семилетнего плана непоследовательность экономической политики государства, проявлявшаяся в поощрении торговой экспансии иностранных монополий фактически в ущерб проектам плана, превратила в условиях узости внутреннего рынка эти сдвиги в известном смысле в свою противоположность. Такая политика иранского государства по сути дела способствовала развязыванию кризиса, который охватил иранское хозяйство в конце 50-х — начале 60-х годов.

Кризис поразил большинство отраслей хозяйства, но прежде всего проявился в финансовой системе Ирана. Безудержный поток импорта, который менее чем на 30% покрывался экспортом и был следствием осуществления во внешней торговле принципа «открытых дверей», вызвал перенапряжение платежного баланса Ирана. Серьезное значение в ухудшении финансового положения

Ирана имели непомерный рост кредитов частному сектору в промышленности и торговле и повышение затрат на укрепление военно-полицейских сил. Свою роль в обострении финансового кризиса сыграла и раздиравшая страну коррупция, которая, несмотря на усиление борьбы с ней, во многом по-прежнему процветала⁹⁵. Непосредственным следствием всего этого было быстрое увеличение задолженности казначейства. Внешняя задолженность казначейства в 1962 г. достигла около 500 млн. долл., внутренняя (Центральному банку) возросла с 3,78 млрд. риалов в 1955 г. до 14,06 млрд. риалов в 1961 г.⁹⁶ Вместе с тем намного поднялась задолженность банку частного сектора⁹⁷.

Правительство, пытаясь спасти положение, неоднократно прибегало к дополнительной эмиссии бумажных денег, количество которых с 12 млрд. риалов в 1955/56 г. возросло до 20,3 млрд. риалов в 1961/62 г.⁹⁸ Говоря словами главы правительства Али Амини, высказанными им 9 мая 1961 г. в обращении к народу, финансовая система Ирана «находилась при последнем издыхании». Положение Ирана на международном финансовом рынке, по мнению Энн Ламбтон, «стало критическим»⁹⁹.

Финансовый кризис распространился на различные отрасли иранского хозяйства и сопровождался резким ослаблением деловой активности. Объем строительных работ намного сузился. Обычным явлением стали банкротства. Целый ряд фабрик, заводов и масса мастерских были закрыты, тысячи рабочих выброшены на улицу.

Все это усугубляло тяжелое материальное положение трудящихся, доходы которых увеличивались намного медленнее, чем стоимость жизни. Разрыв между доходами большинства рабочих и прожиточным минимумом намного возрос. В еще худшем положении находились крестьяне. По словам американского автора Фитцхью, ежегодный доход каждого из крестьян не превышал 25 долл. и их «жизнь была отвратительна, жестока и коротка»¹⁰⁰. Рабочие (за исключением квалифицированных мастеров нефтяной промышленности и отдельных предприятий других отраслей) проживали обычно в глинобитных или сложенных из сырцового кирпича домах, нередко лишенных окон и элементарного сани-

тарного обеспечения. Бытовые условия трудящихся деревни находили отражение во внешнем облике «утопающих в грязи селений», в которых семьи крестьян, как правило, ютились в «убогих домах», сложенных в большинстве случаев из самана, с земляными полами, зачастую без окон и дымоходов. В этих домах нередко помещались и домашние животные¹⁰¹.

Условия жизни иранского народа, как писала иранская пресса тех лет, лучше всякой лаборатории способствовали размножению болезнетворных микробов и распространению эпидемий. Туберкулез, трахома, желудочные и другие заболевания получили прочное пристанище в селениях и городах и создавали серьезную угрозу для здоровья населения. В то же время подавляющая часть населения, и прежде всего жители деревни, была лишена медицинского обслуживания и пользовалась зачастую услугами знахарей. В мелких городах и особенно в сельской местности, сообщала 13 мая 1962 г. газета «Фарман», не было ни одного хорошо оборудованного медицинского пункта. Даже в районе Тегерана только в 29 селениях из 660 имелись медицинские пункты. В 1962/63 г. в стране было лишь 5264 врача, около половины которых практиковало в Тегеране¹⁰².

В неприглядном положении, особенно в сельской местности, находилась и система просвещения, не обеспечивавшая большинству населения даже самых элементарных знаний, т. е. умения читать и писать. Министр просвещения Ханлари 19 января 1963 г. на пресс-конференции заявил, что во многих деревнях или еще не видели учителей, или встречали их настороженно. В результате число неграмотных (среди населения в возрасте 7 лет и старше) достигало 80%, а в сельской местности — 95%. В зоне племен, в частности в Бахтиарии, 99% жителей не могли читать и писать¹⁰³.

Обострение экономических противоречий при сохранении отсталости иранского хозяйства, что наносило удар по интересам самых различных слоев населения, вызывало открытое недовольство политикой правительства. Брожение охватывало даже армию, где государство в середине 1960 г. срочно произвело «перемещения» и группу офицеров при закрытых дверях осудило «за лихоимство». Оживилась деятельность оппозиционных организаций, объединенных при значительных отличиях

в их программах требованиями аграрной реформы, улучшения условий внешней торговли, повышения жизненного уровня населения и т. д. Тем не менее эти организации во главе с возродившимся НФ, лидеры которого проповедовали мирные средства борьбы¹⁰⁴, не представляли серьезной опасности для иранской монархии. Опасность заключалась в активизации выступлений трудящихся, которые, хотя и проходили главным образом под экономическими лозунгами, тем не менее воспитывали политическую сознательность рабочих и крестьян и грозили правящим кругам возможностью оказаться перед лицом широкого народного возмущения.

Во второй половине 50-х годов наблюдался рост выступлений иранского пролетариата. В 1957 г. происходили забастовки на кирпичных предприятиях Тегерана, нефтяных промыслах Агаджари и Месджеде-Солеймана, строительных рабочих Кереджа. В 1958 г. состоялись стачки текстильщиков Исфахана, строительных рабочих на о-ве Харк, докеров Бендер-Шахпура; в 1959 г. — текстильщиков фабрики «Ватан» в Исфахане, рабочих кирпичных предприятий и каменоломен в окрестностях Тегерана. В январе 1960 г. полиция расстреляла демонстрацию учащихся средних школ и студентов, которые вышли на улицы Тегерана с требованиями улучшения системы просвещения. В результате более 100 учащихся и студентов было ранено и убито и свыше 400 арестовано¹⁰⁵. Продолжались репрессии и в деревне, хотя открытые выступления крестьян были довольно редким явлением. Не прекращался террор против прогрессивных лиц и организаций. В 1958—1959 гг. власти подвергли смертной казни членов ЦК НПИ Хосрова Рузбеха и Оллови.

В то же время государство осуществило ряд мероприятий, преследовавших цель путем отдельных уступок трудящимся города и деревни воспрепятствовать развитию демократического движения. Еще 16 июля 1955 г. вышел закон о социальном страховании рабочих, который во многом повторял положения закона от 21 января 1953 г., принятого в условиях подъема освободительного и демократического движения. Новый закон увеличивал отчисления рабочих и предпринимателей в фонд социального страхования. Вместе с тем новый закон вдвое сокращал размер компенсации по бо-

лезни, а также отменял важную статью о создании фонда помощи безработным. Издание закона имело крайне противоречивый смысл. Названные статьи несомненно ущемляли интересы рабочих, но в сложившейся в Иране после августовского переворота обстановке, когда деятельность Мосаддыка подверглась всяческому осуждению и предприниматели просто игнорировали положения закона от 21 января 1953 г., издание нового закона было все же шагом вперед. Этим актом государство фактически заявило о своем твердом намерении поставить социальное страхование рабочих на практическую базу. Это намерение государство подтвердило изданием 11 мая 1960 г. еще одного закона о социальном страховании, который предусматривал создание под контролем министерства труда и общественных дел Организации социального страхования. Организация была призвана обеспечить более эффективное претворение в жизнь намеченных мероприятий. Однако, не говоря о том, что предприниматели нередко уклонялись от выполнения предписаний государства, закон по-прежнему не распространялся на рабочих мелких мастерских, содержал статьи (например, о медицинском обслуживании), которые в тот период носили декларативный характер. В марте 1959 г. вышел новый закон о труде, который предусматривал введение восьмичасового рабочего дня, еженедельного выходного дня, двухнедельного отпуска и десятидневного отпуска беременным женщинам, одинаковой заработной платы за равный труд мужчинам и женщинам, установление минимума заработной платы, запрещал использование труда детей в возрасте до 12 лет, женщин и подростков до 18 лет на вредном производстве, обязывал предпринимателей обеспечить безопасность и санитарные условия труда и т. п. Закон, однако, как и закон о социальном страховании, фактически не распространялся на рабочих мелких предприятий, а также на занятых в ремесле и домашней промышленности, в частном секторе сферы обслуживания, в сельском хозяйстве, т. е. на подавляющее большинство иранского пролетариата¹⁰⁶. Закон лишал рабочих права, на забастовку, которое (хотя и в ограниченных пределах) предоставлялось им законом от 18 декабря 1949 г.

В конкретных условиях конца 50-х — начала 60-х годов осуществление законов о труде и социальном стра-

ховании (как и других постановлений правительства по рабочему вопросу) сопровождалось постоянными нарушениями и не способствовало улучшению положения иранского пролетариата. Тем не менее знаменателен сам факт издания этих законов в период разгрома НПИ и демократических профсоюзов. Принятие названных законов свидетельствовало о признании иранским государством все возраставшей общественной роли рабочего класса, и прежде всего фабрично-заводского пролетариата, говорило о том, что государство убедилось в тщетности попыток добиться его «умиротворения» террором и репрессиями, в необходимости придерживаться более гибкой тактики по рабочему вопросу. Основные принципы ее (при пресечении любыми средствами деятельности политических организаций рабочего класса) покоились на стремлении подорвать движение пролетариата изнутри путем определенного улучшения материального положения рабочих и на этой основе их идеологической обработки. Важное место в осуществлении этих принципов отводилось профсоюзам, создание и формы деятельности которых регламентировались законом о труде. Без санкции министерства труда и общественных дел создание профсоюзов не допускалось. Участие профсоюзов в политической жизни по сути дела запрещалось.

Но поскольку в сложившейся в Иране на рубеже 50—60-х годов социально-экономической и политической обстановке социальные мероприятия по рабочему вопросу не принесли ощутимых результатов и забастовки рабочих не прекращались, почти единственным средством для «умиротворения» иранского пролетариата оставались военно-полицейские силы.

Равным образом, но по иным причинам, не была выполнена программа распределения частных земель среди крестьян. 6 декабря 1959 г. был опубликован законопроект об аграрной реформе¹⁰⁷. Он устанавливал максимум землевладения в 300 га поливной или 600 га богарной земли¹⁰⁸. Не подлежали отчуждению фруктовые сады, а также земли, которые обрабатывались с помощью машин и наемных рабочих. Стоимость земель государство обязывалось выплачивать помещикам в рассрочку в течение 15 лет, а само предполагало получить за тот же период их стоимость с крестьян — новых

собственников. Текст проекта был снабжен примечаниями и оговорками, открывавшими для помещиков возможность достаточно безболезненно перенести проведение реформы. Но даже такой законопроект вызывал резкое противодействие крупных помещиков, которые добились того, что аятолла Боруджерди (глава шиитского духовенства в Иране) в январе 1960 г. объявил, что этот законопроект противоречит шариату и конституции¹⁰⁹. Тем не менее законопроект поступил на рассмотрение специальной комиссии меджлиса, состоявшей в большинстве из представителей помещиков. Комиссия увеличила предел землевладения до 400 га поливной и 800 га богарной земли¹¹⁰. Стоимость имений должна была определяться на основе так называемых справедливых цен, что позволяло помещикам выручить за имения максимальную сумму. Срок получения помещиками выкупных платежей был сокращен до 10 лет¹¹¹. Этот законопроект, указывая на пресс-конференции министр сельского хозяйства Хасан Арсанджани, отвечал только интересам «влиятельных господ, занимавших кресла в меджлисе и злоупотреблявших своим положением». Однако законопроект 15 марта был принят меджлисом, 16 мая утвержден сенатом, а 25 мая одобрен шахом. Таким образом, помещикам фактически удалось задержать раздел частных имений.

Осуществление названных мероприятий с наглядностью показало несостоятельность правительства в разрешении насущных социальных проблем, что сопровождалось дальнейшим падением его престижа. Это ярко проявилось во время выборов в меджлис XX созыва в августе 1960 г., когда лишь путем беспримечательной фальсификации результатов голосования правительству удалось добиться, чтобы большинство меджлиса составили члены партий «Меллиун» и «Мардом». Для создания видимости демократических выборов в меджлис допустили незначительное число «независимых» с лидером Али Амини, который ранее занимал важные посты в высших органах власти. В роли действительной оппозиции выступал ИФ, который выдвигал требования демократических преобразований. Мрачную картину выборов, свидетельствовавшую о царившем в Иране произволе, нарисовал французский корреспондент «Пари пресс — Энтрансижан» Жан Лартеги в серии статей, опубликован-

ных 26—31 октября 1960 г. Итоги выборов, писал он, были определены заблаговременно, и ряд иностранных послов уже за три недели до их проведения имел точные сведения о будущем составе меджлиса. Поэтому обычными средствами проведения выборов были насилие, подделка и подтасовка бюллетеней. В отдельных небольших городах жители только из газет узнавали, что они принимали участие в выборах и за кого голосовали. Такие выборы вызывали массовые протесты, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и жандармерией. Государство было вынуждено аннулировать итоги голосования, а кабинету Экбала пришлось подать в отставку. Правительство в лице партий «Меллиун» и «Мардом», указывала Энн Ламбтон, «потерпело полное фиаско»¹¹².

Кабинет было поручено сформировать «независимому» Шарифу Имами. Однако новое правительство также не сумело предотвратить развитие демократического движения. Продолжались забастовки рабочих. Движение крестьян принимало открытые формы. Так, 12 декабря 1960 г. около 200 крестьян трех селений Амоля разгромили имение крупных помещиков — братьев Махдави. Постоянный характер приобрели выступления учащихся и студентов, а также базарного люда¹¹³.

Правительство охватил кризис, о чем говорили повторные выборы в меджлис, состоявшиеся в январе — феврале 1961 г. Выборы, по словам западной печати, представляли собой «сплошное мошенничество». НФ объявил бойкот выборам. В Тегеране из 600 тыс. человек, обладавших правом голоса, в выборах участвовало только 65 тыс., что ярко свидетельствовало о росте непопулярности правительства. Уже в феврале состоялись выступления студентов, которые проходили под лозунгами достижения действительной свободы. В марте — апреле состоялось несколько забастовок рабочих.

2 мая в крупных городах Ирана на улицу вышли учителя, которые настаивали на повышении заработной платы. В Тегеране по демонстрации преподавателей полиция открыла огонь. 3 мая к учителям присоединились студенты университета. 4 мая перед зданием меджлиса состоялся 30-тысячный митинг, участники которого потребовали наказания виновных в расстреле demonstra-

ции учителей и отставки правительства. 6 мая кабинет Шарифа Имами ушел в отставку.

Прогрессировавшее с каждым днем обострение общественных и политических противоречий, которое было непосредственным следствием разразившегося в Иране финансового и экономического кризиса, заставило как иранскую, так и западную прессу заговорить о том, что положение в стране напоминает революционную ситуацию.

С целью выйти из кризиса или хотя бы ослабить его действие правительство еще в сентябре 1960 г. выдвинуло программу «экономической стабилизации», которая предусматривала сокращение внутренней и внешней задолженности государства, уменьшение кредитов частному сектору, введение ограничений на импорт, борьбу с инфляцией и т. д. На осуществлении этой программы настаивали МВФ и МБРР, встревоженные возможностью финансового банкротства Ирана. США, опасавшиеся, что финансовый крах повлечет за собой нежелательные политические изменения, в июле 1960 г. прямо заявили, что Иран не должен рассчитывать на получение американской помощи до тех пор, пока не будет утверждена приемлемая для МВФ программа «экономической стабилизации». Однако социально-экономическая база для осуществления этой программы и тем более для погашения недовольства в Иране отсутствовала. В связи с этим государство, обеспокоенное развитием демократического движения, в срочном порядке было вынуждено приступить к осуществлению уже давно назревших социально-экономических преобразований. Выполнение этой задачи было возложено на правительство Али Амини, в котором пост министра сельского хозяйства занял ревностный приверженец аграрной реформы Хасан Арсанджани. Оценивая приход к власти кабинета Али Амини, газета «Джахан» 7 мая 1961 г. отмечала, что он призван «приложить последние усилия для предотвращения свержения и падения своего класса. Он стремится спасти не только себя, но и всех, кто тонет».

Между тем эта задача была очень сложной и прежде всего потому, что программа социально-экономических преобразований, как и ранее, встречала мощную оппозицию в высших административных учреждениях и

особенно в парламенте — политическом оплоте крупных полуфеодалных помещиков, ханов племен и высшего духовенства. Доктору Амине, писала по этому поводу 18 июня 1961 г. газета «Санди Таймс», поручено совершить «мирную революцию», чтобы избежать «насильственной революции», но он должен сделать это, не опираясь на какую-либо массовую партию или прогрессивное течение, а как раз через те самые административные учреждения, которые он пытается реорганизовать¹¹⁴. Однако обстановка в Иране с каждым днем накалялась. И сторонники преобразований во главе с шахом, учитывая размежевание общественных сил и известную изсаяцию крупных помещиков и ханов племен по кардинальным проблемам иранской действительности, пошли на крутые меры. 9 мая 1961 г. правительство Амине с целью нейтрализовать помещиков и ханов племен — противников преобразований, а отчасти и демократические слои, выдвигавшие более радикальные требования, распустило парламент и провозгласило аграрную реформу основной социально-экономической политики. Программа предусматривала также ликвидацию финансового кризиса, поощрение экспорта, повышение жизненного уровня населения, усиление судебной власти и борьбу с коррупцией.

Программа правительства Амине и особенно решение о проведении аграрной реформы встретили одобрение западных держав, и прежде всего США, которые видели в ее осуществлении важное средство борьбы против коммунизма. Уже 19 июня 1961 г. Амине посетил глава Миссии экономического сотрудничества (бывшая администрация «4-го пункта») Берн и заявил о готовности предоставить Ирану помощь в проведении аграрной реформы¹¹⁵.

В то же время в Иране продолжалось и даже усиливалось движение за нейтралитет, за улучшение отношений с Советским Союзом. Воспользовавшись отменой правительством Амине цензуры печати, прогрессивная пресса открыто заявляла, что сотрудничество с США и участие в блоке СЕНТО поставили Иран на грань экономического банкротства, что единственный выход из положения — нейтралитет. С требованием пересмотра внешней политики выступили НФ, Иранское общество солидарности стран Азии и Африки и другие организа-

ции. 12 мая 1961 г. газета «Пейгам-е эмруз» писала: «Сегодня нам представилась возможность сказать то, о чем мы целый год говорили намеками... Мы считаем, что настало время открыто попросить МИД Ирана навсегда сдать дело о пакте СЕНТО в архив». Однако правительство Амини на большинство газет, настаивавших на проведении политики нейтралитета, наложило арест. Ахмед Арамеш, который 26 июня 1961 г. на пресс-конференции от имени группы «Прогрессисты» подверг критике внешнюю политику правительства и выступил за отказ от помощи США, выход из СЕНТО, нейтралитет и улучшение отношений с Советским Союзом, был взят под стражу по обвинению в «подрывной деятельности». 21 июля правительство запретило собрания НФ и арестовало часть его лидеров ¹¹⁶.

Активизировалось и демократическое движение, в котором важную роль играл НФ, настаивавший наряду с социально-экономическими преобразованиями на восстановлении в соответствии с конституцией личных и общественных прав иранского народа, немедленном проведении всеобщих и свободных выборов в меджлис. Эти требования, как и имя д-ра М. Мосаддыка, который считался идейным руководителем НФ и пользовался прочным авторитетом в народе, обеспечили НФ поддержку значительной части буржуазии, интеллигенции, студентов, служащих, ремесленников, рабочих. НФ объявил незаконным кабинет А. Амини, который отказывался пойти навстречу требованиям о проведении выборов в меджлис. Выполнение этого требования, однако, фактически противоречило нуждам капиталистического развития Ирана и отвечало интересам крупных полуфеодалов, помещиков, ханов племен и высшего духовенства, которые в условиях сохранения прежних общественных отношений имели веские основания рассчитывать на большинство депутатских мандатов в меджлисе, что дало бы им возможность или задержать осуществление преобразований, или добиться их проведения в очень урезанном виде. По инициативе НФ и под его лозунгами 18 мая 1961 г. состоялся 60-тысячный митинг в Тегеране. Массовая демонстрация в столице происходила 21 июля в честь девятой годовщины со дня свержения реакционного правительства Кавама ос-Салтане и восстановления у власти кабинета д-ра Мосаддыка.

Демонстрация была разогнана полицией и войсками, которые арестовали около 450 человек ¹¹⁷.

В то же время правительство встретило серьезную оппозицию справа, со стороны помещиков, которые, не довольствуясь поднятой ими шумихой в печати и действиями своих приверженцев в государственном аппарате, провоцировали беспорядки в принадлежавших им имениях. По словам Х. Арсанджани, «у отдельных помещиков предстоящее осуществление аграрной реформы вызывает страх. Они думают, что правительство намеревается лишить их всего имущества. Уже прошло несколько дней, как эти помещики начали резкие и достойные сожаления демонстративные выступления... Они ничего не поняли и подстрекают крестьян к действиям... Правительство, — предупредил министр, — силой обуздает смутьянов... Оно пресечет любое сопротивление со стороны как помещиков, так и крестьян» ¹¹⁸.

Такое обоюдоострое высказывание Х. Арсанджани отчасти было связано с тем, что приход к власти кабинета А. Амини совпал с усилением недовольства крестьян, возмущенных задержкой аграрной реформы. В конце мая — июне 1961 г. в Гиляне и Азербайджане наблюдались открытые выступления крестьян против помещиков ¹¹⁹.

Продолжалась борьба за свои права рабочих. В мае — сентябре 1961 г. состоялись забастовки текстильщиков Исфохана, Шираза, Месджеде-Солеймана и ряда других городов. Нередко острый характер приобретали выступления студентов, которые настаивали на возвращении к политике д-ра М. Мосаддыка, проведении всеобщих и свободных выборов в меджлис, отставке правительства А. Амини и т. д. Особенно усилилось движение студентов в декабре 1961 г. — январе 1962 г., когда их демонстрации и митинги, протекавшие обычно с участием членов НФ, зачастую заканчивались столкновениями с полицией и войсками.

В условиях роста демократического и освободительного движения государство в первую очередь с целью разрядить внутривластную обстановку в начале 1962 г. приступило к осуществлению довольно обширной программы общественных преобразований, открывших новую важную страницу в исторической эволюции Ирана.

¹ В 1955 г. было предоставлено 76 млн. долл., а в 1956 г. — 73 млн. долл.

² По данным Р. Энглера, в 1954 г. 1,7 млн. долл. из полученной у США «помощи» было распределено в качестве премий среди чинов армии, жандармерии и полиции (R. Engler, *The Politics of Oil, Chicago, 1969*, стр. 206).

³ Х. О'Коннор, *Империя нефти*, М., 1958, стр. 460.

⁴ Там же.

⁵ Л. Элвелл-Саттон, *Иранская нефть*, М., 1956, стр. 406.

⁶ См.: Х. О'Коннор, *Империя нефти*, стр. 466.

⁷ Л. Элвелл-Саттон, *Иранская нефть*, стр. 405.

⁸ E. Penrose, *The Growth of Firms. Middle East Oil and Other Essays, London, 1971*, стр. 175.

⁹ «Ройял Датч—Шелл» с точки зрения распределения акций является компанией международной. В 1966 г. 39% ее акций принадлежали английскому капиталу, 19% — американскому (США), 18% — голландскому, 12% — французскому, 10% — швейцарскому и 20% — капиталу других стран (см.: E. Penrose, *The Large International Firm in Developing Countries, London, 1968*, стр. 103).

¹⁰ R. Engler, *The Politics of Oil*, стр. 208.

¹¹ Там же, стр. 69.

¹² «Current Antitrust Problems», Washington, 1955, pt II, стр. 1559.

¹³ H. J. Frank, *Crude Oil Prices in the Middle East, New York, 1966*, стр. 129.

¹⁴ В ст. 35 (прил. 2) соглашения говорилось, что «чистые доходы... за любой срок будут состоять из разницы между валовыми доходами, полученными в Иране, и расходами, связанными с получением этих доходов». О произвольном характере определения «чистых прибылей» см.: А. Я. Эльянов, О так называемом «равном» разделе прибылей в нефтяной промышленности Ближнего Востока, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 6, стр. 47—59.

¹⁵ Текст соглашения см.: «Международная жизнь», 1955, № 7.

¹⁶ Данное соглашение, заключенное сроком на 25 лет, т. е. до 1979 г., утратило силу в связи с подписанием в мае 1973 г. между ИННК и МНК нового соглашения. С подписанием его ИННК стала не только формально-юридическим, как это вытекало из соглашения 1954 г., но и фактическим собственником нефтяной промышленности концессионной зоны МНК. Вместе с тем соглашение 1973 г. предоставляет членам МНК преимущественное право приобретения нефти.

¹⁷ А. З. Арабаджян, *Международный нефтяной консорциум и экономика Ирана*, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 62, 63.

¹⁸ «Доля той части условно-чистой продукции, которую вывозил МНК из Ирана в виде прибыли, составляла в валовом отечественном продукте в 1959/60 г. 7,07%; в 1962/63 г. — 7,23; в 1965/66 г. 7,32%, что, конечно, представляло собой величину очень большую» [«Развивающаяся Азия (Изменения в отраслевой структуре народного хозяйства)», М., 1973, стр. 404].

¹⁹ Ch. Issawi and M. Yeganeh, *Economics of Middle East Oil, New York, 1962*, стр. 91; H. J. Frank, *Crude Oil Prices in the Middle East*, стр. 144.

²⁰ Р. Н. Андреасян, А. Я. Эльянов, *Ближний Восток. Нефть и независимость*, М., 1962, стр. 102.

²¹ Позже, в 1957 г., шаху было предоставлено право отлагательного вето. По этому закону шах может передать принятые парламентом законопроекты, в том числе и по финансовым вопросам, на повторное рассмотрение.

²² Полный перевод текста пакта см.: В. Прокофьев, Агрессивный блок СЕНТО, М., 1963, стр. 97—99.

²³ «Documents on International Affairs», London, 1955, стр. 324.

²⁴ Т. Атаöv, Amerika, NATO ve Türkiye, Ankara, 1969, стр. 246—248.

²⁵ R. Engler, The Politics of Oil, стр. 261. Впоследствии США вошли в основные комитеты пакта.

²⁶ Переговоры о вступлении Ирана в пакт велись во время визита шаха в США и Великобританию в декабре 1954 г.—январе 1955 г.

²⁷ Руководитель организации Навваб Сафави в 1956 г. был казнен по приговору военного трибунала, а ряд других членов «Федаян-е ислам» были приговорены к тюремному заключению на длительные сроки.

²⁸ Mohammed Reza Shah Pahlavi, Mission for My Country, London, 1960, стр. 125.

²⁹ Там же, стр. 130.

³⁰ «New York Times», 22.VII.1958.

³¹ После выхода Ирака 25 июля 1959 г. из пакта он был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО).

³² Mohammed Reza Shah Pahlavi, Mission for My Country, 1960, стр. 121. В декларации экстренной сессии Совета Багдадского пакта в Лондоне (28 июля 1958 г.) говорилось о согласии США сотрудничать с членами Багдадского пакта в военных и других областях и их готовности войти с ними в соглашение (см.: J. C. Cambell, Defence of Middle East, New York, 1960, стр. 147.

³³ «Правда», 1.IX.1958.

³⁴ Bahman Nirumand, Iran, The New Imperialism in Action, New York, 1969, стр. 143.

³⁵ В. Прокофьев, Агрессивный блок СЕНТО, М., 1963, стр. 68.

³⁶ «Эттелаат», 10.VII.1958.

³⁷ Mohammed Reza Shah Pahlavi, Mission for My Country, стр. 107.

³⁸ «Report of a Study United States Foreign Aid in Ten Middle Eastern and African Countries. Submitted by Senator Gruening», Washington, 1963.

³⁹ «Development Loan Fund. Loan, No. 89, Loan agreement (Iran, Development Project)», 19.XI.1959.

⁴⁰ R. E. Benedic, Industrial Finance in Iran. A Study of Financial Practice in a Underdeveloped Economy, Boston, 1964, стр. 72.

⁴¹ «Бурсе махане», 1966, № 2, стр. 25.

⁴² R. E. Benedic, Industrial Finance in Iran, Exhibit., 12, стр. 525.

⁴³ «Техран экономист», 9.VII.1966, стр. 65.

⁴⁴ R. E. Benedic, Industrial Finance in Iran, Exhibit., 12.

⁴⁵ Там же, стр. 172.

⁴⁶ Большая часть иранской доли была приобретена Фондом Пехлеви и двумя иранскими капиталистами.

⁴⁷ Ю. М. Головин, Н. А. Карпов, Иран, — «Основные тенденции и перспективы развития импорта ОАР, Ирана, Турции», М., 1970.

⁴⁸ «Техран экономист», 8.V.1965, стр. 44.

⁴⁹ «A Market for U.S. (Department of Commerce)», 1966, April, стр. 4.

⁵⁰ «Бурсе махане», 1966, октябрь — ноябрь, стр. 35.

⁵¹ Ch. R. Deschera, Ente Nazionale Idrocarburi Profile of a State Corporation, Leiden, 1963, гл. IV. D. Votaw, The Six-Legged Dog-Mattei and Eni: A Study in Power, University of California Press, 1967, стр. 19. Э. Маттеи погиб в 1962 г. в авиационной катастрофе.

⁵² «New York Post», 14.VIII.1957.

⁵³ 16 июля 1958 г. Иран заключил соглашение с канадской компанией «Сепфайр Петролеум», однако это соглашение вскоре было расторгнуто.

⁵⁴ СИРИП и ИПАК начали экспорт нефти из Ирана в 1961 г.

⁵⁵ Ch. Issawi and M. Yeganeh, The Economics of Middle Eastern Oil, стр. 59.

⁵⁶ А. З. Арабаджян, Международный нефтяной консорциум и экономика Ирана, стр. 68.

⁵⁷ Там же, стр. 64, 69.

⁵⁸ Манучехр Эқбаль, занимавший ранее посты ректора Тегеранского университета и министра двора, выставлял себя сторонником реформ, и его назначение было воспринято многими как предвестие перемен. В своем выступлении в меджлисе 9 апреля 1957 г. Эқбаль объявил о намерении правительства форсировать выполнение «проектов благоустройства и развития производства в стране» («Эттелаат», 9.IV.1957).

⁵⁹ «Эттелаат», 20.III.1958.

⁶⁰ P. Avery, Modern Iran, London, 1965, стр. 464—465.

⁶¹ D. N. Wilber, Contemporary Iran, New York, 1963, стр. 117.

⁶² Правом назначения премьер-министра самовластно пользовался Реза-шах. После его отречения в 1941 г. было восстановлено право меджлиса обсуждать и ставить на голосование кандидатуру премьер-министра. Первым нарушением этого правила было назначение в 1950 г. по указу шаха премьер-министром генерала Размара.

⁶³ P. Avery, Modern Iran, стр. 470.

⁶⁴ «Land Economics», Madison, 1960, № 1, стр. 5—6.

⁶⁵ «Техран экономист», 1962, № 453, стр. 13.

⁶⁶ «Техран экономист», 1962, № 457, стр. 37; А. Ахмеди, 12 лет усилий на пути строительства нового Ирана, Тегеран, 1965, стр. 10 (на перс. яз.); «Сервет-е мелел», 1970, № 60, стр. 47.

⁶⁷ Мохаммед Реза-шах Пехлеви, Белая революция, Тегеран, 1967, стр. 41—42 (на перс. яз.); «Эттелаат», 10.III.1959; «Фарман», 28.VI.1959.

⁶⁸ Мохаммед Али Эбади, Аграрная реформа в Иране, Тегеран, 1961, стр. 34 (на перс. яз.).

⁶⁹ A. K. Lambton, Persia Today, — «The World Today», 1961, № 2, стр. 81.

⁷⁰ Первый семилетний план, из-за того что Иран в 1951—1953 гг. лишился поступлений от эксплуатации нефтяных месторождений и получил у западных держав отказ в займах, был выпол-

ней по ассигнованиям только на 19,5%, а принимая во внимание обязательства государства, — на 62,5%. («Review of the Second Seven Year Plan Program of Iran», Tehran, 1960, стр. 4—6). К тому же вплоть до 1951 г. значительная часть средств шла не на экономическое строительство, а на административные цели («Техран экономист салане», 22.III.1966, стр. 58).

⁷¹ А. З. Арабаджян, Иран, — «Планы-программы экономического развития Азии», М., 1966, стр. 220—221.

⁷² Насер Моатамади, Иран не только сельскохозяйственная страна, но и промышленная, Тегеран, 1965, стр. 59 (на перс. яз.).

⁷³ Ашраф Ахмеди, 12 лет усилий..., стр. 40.

⁷⁴ Приблизительно из 30 тыс. подземных каналов 8 тыс. вышло или было разрушено, а значительная часть из остальных 22 тыс. находилась в запущенном состоянии [Абу Талеб, Водные ресурсы Ирана, Тегеран, 1965, стр. 45 (на перс. яз.); «Техран экономист салане», 21.III.1965, стр. 7].

⁷⁵ «Аграрная реформа в Иране», Тегеран, 1962, стр. 242 (на перс. яз.).

⁷⁶ «Техран экономист», 1962, № 461, стр. 31; «Trade Year Book», 1962, стр. 100, 104.

⁷⁷ «National Income of Iran, 1962—67», Tehran, 1969, стр. 147.

⁷⁸ «Аграрная реформа в Иране», стр. 24.

⁷⁹ «Сохан», 1963/64, № 1, стр. 38, 41.

⁸⁰ «Техран экономист», 1962, № 467, стр. 20.

⁸¹ Али Мохаммед Изеди, Раздел земель не спасает положения, Шираз, 1960, стр. 40, 43 (на перс. яз.); «Донья», 1962/63, № 4, стр. 24.

⁸² «Monthly Bulletin of Agricultural (Economics and Statistics)», Rome, 1965, № 6, стр. 1—4.

⁸³ Казем Зарнегар, Будущее наших деревень и городов, Тегеран, 1959, стр. 14, 98 (на перс. яз.); «Land Economics», 1960, № 1, стр. 3; № 4, стр. 315.

⁸⁴ М. С. Иванов, Рабочий класс современного Ирана, М., 1969, стр. 79.

⁸⁵ Там же, стр. 98.

⁸⁶ Ш. М. Бади, Рабочий класс Ирана, М., 1967, стр. 24—25.

⁸⁷ Н. Агаси, Сахарная промышленность Ирана, — «Иран», М., 1963, стр. 4; «Facts about Iran», 20.VI.1962.

⁸⁸ «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 64.

⁸⁹ «Iran Almanac and Book of Facts, 1972», Tehran, стр. 319.

⁹⁰ М. С. Иванов, Рабочий класс современного Ирана, стр. 133.

⁹¹ «Сервет-е мелел», 1971, № 73, стр. 21.

⁹² «Iran Almanac... 1972», стр. 319.

⁹³ А. З. Арабаджян, Иран, стр. 265.

⁹⁴ «Статистика железных дорог государства Иран в 1962/63 г.», Тегеран, [б. г.], стр. 8—9 (на перс. яз.); А. З. Арабаджян, Иран, стр. 273—281.

⁹⁵ Недаром США, обеспокоенные тем, что развитие кризиса может вызвать нежелательные политические последствия в стране, видели в беспощадной борьбе с коррупцией одно из условий выхода Ирана из сложившегося положения («Le Monde», 18.II.1964).

⁹⁶ «Bank Markazi Iran Bulletin», 1962, № 1, стр. 32—33.

- ⁹⁷ «Техран экономист», 1961, № 408, стр. 11—12.
- ⁹⁸ И. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 38.
- ⁹⁹ «The Christian Science Monitor», 15.V.1961; «World Today», 1961, № 2, стр. 78.
- ¹⁰⁰ «The Wall Street Journal», 29.IV.1960.
- ¹⁰¹ W. E. Warner, Mission for Peace. Point 4 in Iran, Indianapolis—New York, 1956, стр. 203—204; «Land Economics», 1960, № 1, стр. 47.
- ¹⁰² «Эттелаат», 11.XI.1959.
- ¹⁰³ «Эттелаат», 20.I.1963; «Iran Almanac... 1962», Tehran, 1963, стр. 795.
- ¹⁰⁴ «Проблемы мира и социализма», 1964, № 9, стр. 42. Руководство НФ осуществляли члены партии «Иран», ядро которой составляли представители столичного университета, инженеры, преподающие предприниматели (D. N. Wilber, Contemporary Iran, 1963, стр. 150—151).
- ¹⁰⁵ М. С. Иванов, Новейшая история Ирана, М., 1965, стр. 226—227.
- ¹⁰⁶ «Сборник законов», Мешхед, 1965, стр. 3—140 (на перс. яз.).
- ¹⁰⁷ Текст законопроекта см.: «Эттелаат», 6—7.XII.1959.
- ¹⁰⁸ Помещики имели право в течение года со дня утверждения проекта передавать наследникам часть посевных земель и садов, причем общая площадь их не должна была более чем в 2 раза превышать установленный лимит.
- ¹⁰⁹ A. K. S. Lambton, Persia Today, — «The World Today», 1961, № 2, стр. 82.
- ¹¹⁰ Помещики имели право в течение двух лет со дня одобрения проекта передать наследникам часть посевных площадей и садов, причем общая площадь их должна была не более чем в 1,5 раза превышать установленный лимит.
- ¹¹¹ Текст законопроекта см.: «Эттелаат», 14.III.1960.
- ¹¹² A. K. S. Lambton, Persia Today, стр. 78.
- ¹¹³ «Эттелаат», 13.III.1960; «Le Monde», 18.II.1964.
- ¹¹⁴ Газета «Сетаре-йе Техран» 14 января 1962 г., в частности, отмечала, что противники преобразований имелись и в составе кабинета Амини. Так, министр финансов Бехния, писала газета, всячески задерживал ассигнования ведомству Арсанджани, а затем открыто выступил против аграрной реформы.
- ¹¹⁵ «Сетаре-йе Техран», 20.VI.1961.
- ¹¹⁶ D. N. Wilber, Contemporary Iran, стр. 150.
- ¹¹⁷ М. С. Иванов, Новейшая история Ирана, стр. 235—236.
- ¹¹⁸ «Сетаре-йе Техран», 28.V.1961.
- ¹¹⁹ «Атеш», 1.VI.1961; «Седа-йе мардом», 21.VI.1961.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАНА В 60-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАНА

Рассматриваемый период ознаменовался вступлением Ирана в новую фазу исторического развития, которая отличалась прежде всего осуществлением в стране обширного комплекса общественных преобразований, призванных, с одной стороны, обеспечить предпосылки для ускорения капиталистического переустройства Ирана и на этой базе форсированного и устойчивого экономического развития страны, а с другой — разрядить внутривнутриполитическую обстановку и на пути облегчения положения широких слоев населения в ходе этих преобразований избежать обострения социальных противоречий и повторения событий конца 50-х — начала 60-х годов. Выполнение этих взаимосвязанных задач предусматривало осуществление наряду с общественными преобразованиями тесно связанных с ними крупных экономических программ, социально-культурных проектов, внутри- и внешнеполитических мероприятий.

Известные в Иране под названием «белая революция» или «революция шаха и народа» общественные преобразования по масштабам, эффективности осуществления и социальным результатам, особенно если смотреть на их итоги сквозь призму итогов всей совокупности социально-экономических и социально-культурных мероприятий государства, заметно превзошли аналогичные преобразования в большинстве других стран Азии, идущих по капиталистическому пути развития.

Краеугольным камнем общественных преобразований в Иране стала аграрная реформа, которая весьма радикально ломала различные феодальные перегородки, препятствовавшие капиталистической эволюции деревни. К осуществлению аграрной реформы в стране приступили после одобрения шахом 14 января 1962 г. закона¹, ограничивавшего имения полуфеодальных помещиков землями одной деревни². Вместе с тем закон оставлял в руках помещиков фруктовые сады, питомники и чайные плантации, а также имения, которые обрабатывались с помощью сельскохозяйственных машин и наемных рабочих. Следует также добавить, что правительство 1 марта 1962 г. издало постановление, которое стимулировало помещиков, не подпадавших под действие закона об аграрной реформе, к разделу и продаже своих земель крестьянам в соответствии с положениями этого закона³.

Обязательным условием для получения участков арендаторами-издольщиками, обрабатывавшими эти участки до проведения аграрной реформы, было вступление крестьян в кооперативы, которые, по замыслу правительства, должны были не только выполнять кредитные и потребительско-снабженческие функции, но и выступать в роли организаторов производства. Новые собственники, не принимавшие участия в сельскохозяйственных работах и мероприятиях по благоустройству по программе кооперативов, подлежали исключению из этих обществ и лишению наделов. Закон, хотя и с оговорками, запрещал сгон крестьян с земли, а также увеличивал долю крестьян в урожае во всех имениях полуфеодальных помещиков на 5% на поливных и на 10% на богарных землях. Стоимость изымавшихся имений правительство предусматривало возместить помещикам в рассрочку в течение 10 лет. Крестьяне обязывались погасить эту задолженность государству в течение 15 лет с надбавкой в 10%, которую предполагалось израсходовать на мероприятия по благоустройству. Необходимость возместить помещикам стоимость их имений требовала крупных ассигнований. И правительство, испытывая нехватку средств и рассчитывая использовать предназначенные для выкупа суммы для осуществления различных экономических проектов, решило значительную часть платежей помещикам покрыть акциями госу-

дарственных предприятий. В соответствии с постановлением от 19 февраля 1962 г. Сельскохозяйственный банк должен был обеспечить помещикам — держателям акций — дивиденд минимум в 6% ⁴. Осуществление закона в настоящем виде включалось в программу первого этапа аграрной реформы.

Принятие закона от 14 января 1962 г. выражало стремление государства добиться роста сельскохозяйственной продукции путем поощрения капиталистических и мелкотоварных форм производства, а также в известной мере удовлетворить интересы крестьян за счет сужения сферы полуфеодального землевладения.

Основными противниками аграрной реформы по-прежнему выступали крупные и отчасти средние полуфеодальные помещики, ханы племен и высшее духовенство. Но если ранее в борьбе против ограничения частных имений они опирались прежде всего на своих сторонников в центральных органах власти, т. е. пытались затормозить проведение аграрных преобразований изнутри, то теперь перенесли основную деятельность во внешнюю сферу, хотя не гнушались и прежними методами. Полуфеодальные круги развернули в печати кампанию с целью доказать, что закон об аграрной реформе противоречит конституции и догмам ислама. Помещики подстрекали крестьян к выступлению против аграрной реформы, а для обострения положения в деревне усилили сгон издольщиков с возделывавшихся ими участков. Вместе с тем помещики, стараясь избежать раздела своих владений, заключали сделки на свои имения, датируя их задним числом. По словам Х. Арсанджани, лишь $\frac{1}{10}$ всех сделок на землю помещики совершили в соответствии с законом ⁵.

В борьбе против аграрной реформы помещикам, ханам племен и духовенству удалось заручиться содействием состоятельных лиц из других слоев населения, которые опасались лишиться своих богатств. Их тревога имела определенные основания, так как с проведением реформы в Иране получили распространения требования об установлении общественной справедливости. Так, газета «Эрадейе Асия» 26 мая 1962 г., отмечая огромную разницу в доходах различных групп городского населения, указывала на необходимость наряду с аграрной реформой разрешить вопрос об ограничении бо-

гатств. Усиление таких требований в известной мере обуславливалось и деятельностью министра сельского хозяйства и его сподвижников. Питер Авери писал, что речи Арсанджани, наполненные угрозами в адрес помещиков и комментированные прессой, вызвали тревогу у зажиточных городских слоев, которые опасались распространения преобразований на их собственность. И хотя государство и не думало о подобных мероприятиях, слухи о возможности их осуществления, видимо, находили немало «почитателей». Так или иначе, но глава иранского кабинета в обращении к народу «для успокоения умов» был вынужден заявить, что эти слухи не имеют под собой никакой реальной почвы⁶.

Как ни парадоксально звучит это, но правая оппозиция фактически получила поддержку НФ и примыкавших к нему лиц и организаций, выступавших не против самих преобразований, а против их осуществления в отсутствие парламента. Это было, несомненно, одной из главных причин мощной демонстрации студентов Тегерана, которая состоялась 21 января 1962 г. и была разгромлена полицией. В результате несколько сот студентов было ранено и убито. Ряд видных членов НФ был арестован. В Тебризе, Мешхеде, Ширазе, Исфахане состоялись митинги протеста против расправы в Тегеране⁷. Подвергая резкому осуждению действия властей, следует, однако, подчеркнуть, что государство имело серьезные основания противиться выборам в парламент, так как справедливо опасалось, что в их ходе победит реакционное большинство, враждебное преобразованиям. Тем не менее недовольство разгоном парламента было настолько велико, что уже правительство Асадолла Аляма, которое 21 июля 1962 г. сменило кабинет Амини, объявило о подготовке в ближайшем будущем выборов в меджлис и сенат⁸.

Все эти и подобные действия оппозиции вынудили государство принять ответные меры. Из Ирана был выслан лидер богатых землевладельцев генерал Тимур Бахтиар. Х. Арсанджани дал указание подвергать судебному преследованию лиц, совершивших сделки на свои земли вопреки закону. Принимались принудительные меры по изъятию земель у помещиков, отказывавшихся выполнить требования закона об аграрной реформе⁹.

Важную роль в преодолении сопротивления помещиков сыграло и последовательное осуществление самой аграрной реформы. Претворение ее в жизнь началось 12 марта 1962 г. в Мараге, а в конце августа 1962 г. она проводилась уже в 11 районах пяти останов¹⁰.

Довольно энергичное распределение частных имений способствовало расколу среди крупных помещиков, не ожидавших от государства таких решительных действий и считавших, что при известном сопротивлении с их стороны отобранные имения будут возвращены прежним собственникам. Однако надежды крупных помещиков не оправдывались, и группа богатых собственников, не желая вступать в конфликт с центральной властью, одобрила закон об аграрной реформе. Принятие ими такого решения обуславливалось отчасти тем, что имения многих помещиков, несмотря на обширность, давали сравнительно незначительный доход. Этим в значительной мере объяснялся и тот факт, что даже мелкие и средние помещики, чьи земли не подлежали действию закона об аграрной реформе, нередко передавали свои земли в распоряжение государства в соответствии с постановлением правительства от 1 марта 1962 г.

Расколу среди крупных помещиков содействовали также выступления общественности в защиту аграрной реформы и борьба крестьян, которая вопреки ожиданиям правительства не ослабевала и иногда принимала острые формы. Помещики, отмечал 2 марта 1962 г. Х. Арсанджани на пресс-конференции, зачастую осмеливались появляться в своих имениях лишь под охраной представителей властей. Газета «Эттехад-е мелли» еще 23 января 1962 г. предупреждала богатых собственников: «Если помещики сами не согласятся на распределение земель, то в дальнейшем могут возникнуть события, которые по своему значению превзойдут закон об аграрной реформе и заставят их пойти на раздел имений». По словам премьер-министра Ирана А. Амине, в случае отказа от проведения аграрной реформы помещикам грозит возможность оказаться, «с одной стороны, перед гневной массой крестьян, а с другой стороны, перед самым левым или самым правым правительством»¹¹. В связи с этим следует отметить, что летом 1962 г. крестьяне во многих районах, особенно в Азербайджане, прекращали нередко выплачивать помещи-

кам их долю в урожае, причем это происходило как в имениях, которые еще не подвергались распределению, так и в имениях, которые не были объектом раздела ¹².

В то же время другая группа крупных помещиков по мере распространения преобразований на новые районы усиливала сопротивление мероприятиям государства. Эта группа вступила в сговор с религиозными лидерами, которые ранее в общем воздерживались от решительных выступлений. Но как только аграрная реформа стала охватывать районы, где находилась основная масса вакфных имений, духовенство открыто присоединилось к противникам правительства ¹³. Росту недовольства духовенства во многом способствовала и разработка правительством законопроекта о предоставлении избирательных прав женщинам.

В октябре — ноябре 1962 г. в Тегеране и в религиозных центрах Куме и Мешхеде состоялись собрания представителей духовенства и их приверженцев, которые обвиняли кабинет Асадолла Аляма в том, что он является антиконституционным и правит страной путем издания декретов. Аятолла Хомейни, один из основных претендентов на пост главы шиитов, выпускал памфлеты, в которых говорилось о том, что аграрная реформа противоречит предписаниям ислама, обеспечивающего святость частной собственности ¹⁴. Помещики спровоцировали беспорядки в Хорасане и Керманшахе. Но наиболее упорное сопротивление мероприятию государства встретили в Фарсе. В этой провинции, в Фирузабаде, правая оппозиция 13 ноября 1962 г. организовала убийство Малека Абади — ответственного за проведение аграрной реформы в этом районе. В его убийстве были замешаны вожди племен и представители высшей администрации Фарса. По мнению печати, в провинции готовился серьезный заговор ¹⁵.

Эти события послужили как бы сигналом для решительного наступления государства на позиции крупных полуфеодаловых собственников. 14 ноября 1962 г. в Ширазе было введено военное положение. 15 ноября был объявлен Днем национального траура. Подозревавшие в связях с оппозицией должностные лица Фарса, в том числе генерал-губернатор, были смещены. Правительство приняло решение не назначать на такие посты лиц, чьи имения подлежали действию закона об аграр-

ной реформе¹⁶. Таким образом, крупным помещикам был нанесен еще один сильный удар, после которого они фактически перестали играть ведущую роль и в провинции, где ранее пользовались огромной властью.

Государство предприняло также шаги по углублению преобразований в деревне. Были разработаны и включены в программу второго этапа аграрной реформы дополнения к закону от 14 января 1962 г. Эти дополнения, одобренные правительством 18 января 1963 г., и инструкции по их выполнению от 8 февраля 1963 г. и 7 июля 1964 г. предусматривали дальнейшее сокращение полупфеодального землевладения (максимальный размер имений в зависимости от товарности хозяйства и климатических условий устанавливался в пределах от 30 до 150 га), ограничивали механизированные имения 500 га, повышали срок погашения помещикам платежей с 10 до 15 лет. В то же время помещикам предлагалось либо сдать земли в аренду крестьянам на срок в 30 лет, либо продать их издольщикам по обоюдному соглашению, либо разделить их с крестьянами на базе системы распределения урожая, которая господствовала в данной местности. Земли общественных вакфов предусматривалось сдать в аренду крестьянам на 99 лет, а частных — на 30 лет. Предусматривалось также создание помещиками и крестьянами так называемых акционерных единиц («вахедха-йе сахами»), которые должны были обеспечить совместное руководство сельскохозяйственными работами. Плата за аренду устанавливалась в денежной форме из расчета средних доходов помещиков за 1961/62—1963/64 гг.¹⁷, что фактически означало замену издольщины арендой с фиксированными ставками.

Этот курс правительства нашел отражение и в «программе шаха», которая объявила о распространении аграрной реформы на всю территорию страны, а также включала пункты о национализации лесов и пастбищ; продаже акций государственных фабрик и заводов для финансирования аграрной реформы; об участии рабочих в прибылях предприятий; о создании Корпуса просвещения для борьбы с неграмотностью; о внесении изменений в закон о выборах, включая предоставление избирательного права женщинам. Программа, естественно, вызывала резко отрицательное отношение со стороны правой оппозиции. И государственная власть с целью

укрепить свой авторитет и заручиться поддержкой общественного мнения, а тем самым нанести решительный удар оппозиции, поставила «программу шаха» на всенародное обсуждение.

Перед референдумом, который состоялся 26 января 1963 г., в стране сложилась напряженная обстановка. Духовенство и крупные помещики призывали народ бойкотировать референдум. В Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Куме состоялись демонстрации противников преобразований, а также контрдемонстрации сторонников реформ, в которых активное участие приняли крестьяне, рабочие, ремесленники. Против референдума выступал НФ и поддерживавшие его студенты. Накануне референдума власти арестовали почти всех из 35 членов ЦК НФ, а также ряд клерикальных лидеров¹⁸. Подавляющим большинством голосов «программа шаха» получила одобрение. Оппозиция потерпела сокрушительное поражение и в значительной мере подорвала свой престиж в стране.

Несмотря на серьезное поражение, которое потерпела правая оппозиция в референдуме, она не отказалась от борьбы. 21 марта 1963 г., в день ноуруза (иранского Нового года), в Тегеране, Мешхеде, Куме, Тебризе, Ширазе, Исфахане и других городах состоялись спровоцированные духовенством выступления против проведения аграрной реформы и предоставления избирательных прав женщинам. Эти выступления сопровождались столкновениями с «силами по охране порядка». В результате с обеих сторон были убитые и раненые¹⁹. Вместе с тем в связи с попытками властей разоружить южные племена за их выступления против преобразований подняли восстание четыре племени кашкайцев, отдельные племена мамасани и бойер-ахмеди. В стычках с вооруженными отрядами этих племен войска и жандармерия потеряли свыше 100 человек убитыми и ранеными²⁰.

Серьезный характер носили волнения в траурные дни месяца мохаррам, когда духовенству удалось вовлечь в выступления широкие слои городского населения. 4 июня 1963 г., в день памяти смерти имама Хосейна, Аятолла Хомейни приказал муллам читать в мечетях проповеди, которые в почти незавуалированной форме содержали угрозы в адрес монархии Пехлеви. Возбужденные проповедями верующие с криками «смерть диктатору» ринулись на улицы. Власти арестовали Хомей-

ни, а также 29 других религиозных лидеров. В ответ тысячи верующих вышли на улицы Кума с требованием освободить Хомейни. Демонстрации были расстреляны «силами по охране порядка». Массовые волнения, которые продолжались три дня и сопровождались столкновениями, состоялись в Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Ширазе и Кашане. Особенно бурными были волнения в Тегеране, где для подавления выступлений полиция и армейские части применили танки. Даже по официальным сведениям, было убито несколько сот человек. В антиправительственных выступлениях, происходивших по инициативе правой оппозиции, и прежде всего высшего духовенства, участвовали рабочие, ремесленники, представители буржуазии. Эти слои населения, особенно трудящиеся, однако, присоединялись обычно к этим выступлениям не с целью противодействия преобразованиям, а стихийно, удрученные дававшей себя знать экономической депрессией, сохранением тяжелого материального положения, политическим произволом.

Продолжалась борьба против преобразований в зоне южных племен, особенно в Фарсе и Хузестане. В этих останах ханы, используя свое положение патриархальных вождей и спекулируя на свободолюбивых чувствах рядовых членов племен, инспирировали вооруженные выступления. Между отрядами племен и силами «по охране порядка» происходили неоднократные столкновения, в результате которых войска и жандармерия несли значительные потери²¹. Тем не менее силам «по охране порядка» сравнительно легко удалось подавить лишённые поддержки населения выступления племен и приступить к их разоружению. Шесть вождей племен, возглавивших эти выступления, были приговорены военным трибуналом в Ширазе к смертной казни, а пять — к различным срокам тюремного заключения²².

Не ослабевала и борьба помещиков против аграрной реформы. Учитывая то обстоятельство, что во многих районах страны вода имеет более важное значение, чем земля, помещики приводили в негодность ирригационные сооружения, препятствовали поливу полей и тем самым сводили на нет практические результаты передачи земли крестьянам. Помимо того, сообщал журнал «Хуше» 19 апреля 1964 г., помещики приобретали тракторы и пытались выдавать свои имения за механизированные

хозяйства, которые не подлежали действию закона об аграрной реформе.

Активную деятельность правая оппозиция развернула в период подготовки к выборам в меджлис XXI созыва, которые состоялись 17 сентября 1963 г. Но несмотря на все старания оппозиции, в Иране впервые был избран меджлис, не ставший политическим оплотом крупных помещиков, ханов племен и духовенства. 150 из 196 мест в меджлисе принадлежало партии «Иран-е новин», о создании которой официально объявили на конференции 15 декабря 1963 г. Ядро партии составила основанная еще в феврале 1961 г. Хасан Али Мансуром группа Прогрессивный центр. Эта группа накануне выборов насчитывала около 300 членов, в значительной части довольно высокого ранга государственных служащих молодого поколения, которые в большинстве получили образование за границей. Генеральным секретарем партии стал Хасан Али Мансур, а его заместителем — Амир Аббас Ховейда. В своем манифесте партия, предварив изложение программы выражением полного доверия монархии, заявила, что она будет вести борьбу за осуществление социально-экономических преобразований, повышение уровня жизни народа, свободу слова, печати и собраний, за развитие отношений со всеми государствами и международными организациями на базе уважения национальных интересов и суверенитета в соответствии с принципами ООН. Мансур заявил, что появление на политической сцене «Иран-е новин» было продиктовано необходимостью «заполнить политический вакуум», образовавшийся с уходом с политической арены партий «Меллиун» и «Мардом»²³.

Основание «Иран-е новин» по сути дела означало отказ монархии от опоры в общественно-политической жизни на двухпартийную систему, которая потерпела крах еще в конце 50-х — начале 60-х годов и не отвечала сложившейся в Иране с осуществлением преобразований обстановке, и замену ее однопартийной системой, призванной объединить усилия «народа и правительства» с целью создания на пути проведения реформ неустанно рекламировавшегося официальными кругами «общества социальной справедливости». И хотя лозунги о создании такого общества в стране, идущей по капиталистическому пути развития, были не более как декла-

рациями, тем не менее эти лозунги, одобренные активной пропагандой и подкрепленные с осуществлением реформ уже вырисовывавшимися выгодами для самых различных слоев населения, находили широкую поддержку в стране. Используя непосредственную помощь государства, авторитет которого с проведением реформ резко возрос, и популярность преобразований, под флагом которых «Иран-е новин» развернула деятельность, партия, формально открыв доступ в свои ряды представителям всех слоев населения при условии принятия ее программы, вскоре превратилась в самую массовую политическую организацию страны. Более того, с 1964 г. на политической арене фактически наступила эра почти безраздельного господства «Иран-е новин», эффективность которого подпиралась «сращиванием» партии с административным аппаратом. Уже 7 марта 1964 г. лидер партии Хасан Али Мансур стал премьер-министром и сформировал кабинет, в котором все посты, за исключением постов министра обороны, иностранных дел и сельского хозяйства, заняли члены этой партии.

С выходом «Иран-е новин» на политическую арену значительная часть членов «Мардом» и «Меллиун» перешли в состав этой партии. В конце 1963 г. «Меллиун» фактически прекратила деятельность, а «Мардом», объявив о поддержке программы преобразований и политики правительства, в известной мере смогла сохранить положение. НФ, во многом дискредитировавший себя выступлениями против реформ и вместе с тем понесший серьезные потери в результате репрессий властей, перенес центр своей деятельности за границу. Народная партия Ирана, деятельность которой на территории страны по-прежнему находилась под строгим запретом, также была вынуждена вести борьбу за осуществление демократических прав иранского народа преимущественно из-за рубежа. В то же время следует сказать, что заметная часть представителей левой оппозиции, особенно с созывом меджлиса, встала на позиции поддержки преобразований и политики правительства. Это обстоятельство наряду с разгромом правой оппозиции, представители которой или отказались от борьбы, или покинули страну, или ушли в подполье и перешли к тактике индивидуального террора, во многом облегчало осуществление преобразований, прежде всего аграрной реформы.

Тем не менее выступления оппозиции наряду с опасениями государства (и это, пожалуй, имело основное значение) развязать революционную инициативу крестьян углублением преобразований несколько замедлили темпы осуществления аграрной реформы. Х. Арсанджани, который в своей деятельности по проведению реформы пытался пойти намного дальше, чем входило в намерения правящих кругов, в марте 1963 г. был заменен на посту министра сельского хозяйства генералом Риахи — приверженцем более умеренных преобразований. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что осуществление аграрной реформы не приносило пока заметных результатов в развитии производства в деревне. Это порождало неверие в необходимость направления основных усилий на развитие сельского хозяйства, что в известной мере нашло выражение в программе кабинета Хасана Али Мансура. Он уже 8 марта 1964 г. заявил в парламенте, что его правительство наряду с аграрной реформой основное внимание будет обращать на индустриализацию страны. Однако Мансуру не было суждено осуществить выдвинутую его кабинетом программу. 21 января 1965 г. на Мансура было совершено покушение членами религиозной организации «Федаян-е ислам», а 26 января он скончался от ран. Преемником Мансура стал его заместитель по партии министр финансов Ховейда, который почти полностью сохранил состав кабинета и заявил, что будет придерживаться намеченной предшествующим кабинетом программы²⁴.

Осуществление общественных преобразований во многом облегчалось улучшением со второй половины 1962 г. отношений между Ираном и СССР, которые длительный период были прохладными. Улучшение советско-иранских отношений не только сыграло важную роль в упрочении международного и внутривосточного положения Ирана и тем самым в создании благоприятных условий для проведения преобразований, но и открыло возможности для Ирана в получении помощи СССР, а затем и других социалистических стран в строительстве различных объектов, т. е. в обеспечении предпосылок для успешного выполнения намеченной программы. При этом следует отметить, что экономическая «помощь» США вопреки обещаниям официальных американских представителей даже уменьшилась. Так, со 105,7 млн.

долл. в 1961 г. она сократилась до 87,3 млн. в 1962 г. и 74,1 млн. долл. в 1963 г.²⁵

Каковы же были реальные результаты осуществления программы социально-экономической реконструкции Ирана, и прежде всего аграрной реформы?

Раздел основной массы земель (почти 15 тыс. селений), которые подлежали распределению на первом этапе аграрной реформы, был закончен в 1966/67 г.²⁶. Тем не менее завершение первого этапа реформы намного затянулось и фактически продолжалось вплоть до 1975 г. На конец октября 1974 г. мероприятия первого этапа охватили, по официальным данным, земли 16761 деревень и 1052 хуторов, из которых, однако, земли приблизительно 2 тыс. селений ранее принадлежали государству и шаху. Таким образом у полуфеодалных помещиков были изъяты земли около 14,8 тыс. селений. Учитывая, что земли значительной части названных селений не полностью подвергались распределению, у помещиков были отчуждены земли лишь несколько более 9 тыс. селений, или менее $\frac{1}{3}$ принадлежавших им деревень. Участки получили почти 800 тыс. крестьян²⁷.

23 февраля 1965 г. государство приступило к осуществлению программы второго этапа аграрной реформы, которая затрагивала интересы многочисленного слоя мелких и отчасти средних помещиков. В марте 1967 г. мероприятия второго этапа охватили земли около 53 тыс. селений и более 17,5 тыс. хуторов²⁸. В ноябре 1973 г. программа второго этапа была закончена на землях почти 55 тыс. деревень и около 22 тыс. хуторов. Эта программа затронула интересы свыше 2,5 млн. семей²⁹. Более 90% помещиков сдали свои земли крестьянам в долгосрочную аренду, что во многом предопределило на первых порах высокие темпы осуществления программы второго этапа. С февраля 1965 г. по октябрь 1974 г. 232,4 тыс. помещиков сдали земли в аренду 1264 тыс. крестьянам на срок в 30 лет³⁰. Вместе с тем 136,2 тыс. крестьян получили в аренду на 99 лет 14,7 тыс. имений общественных вакфов и 35,9 тыс. крестьян — 2410 имений частных вакфов — на 30 лет³¹. 41,6 тыс. помещиков и 81,3 тыс. крестьян создали «акционерные единицы» с совместным управлением. Распределению подверглось незначительное количество земель. Так 3,2 тыс. помещиков полностью продали земли 56 тыс. крестьянам на ба-

зе обоюдного соглашения, а 25,4 тыс. помещиков частично продали земли 157,6 тыс. крестьянам в соответствии с системой распределения урожая³².

Принимая во внимание распределение земель государства и шаха и приблизительно оценивая, что на втором этапе аграрной реформы крестьяне стали собственниками сельскохозяйственных угодий около 3 тыс. деревень, можно считать, что они в ходе преобразований получили земли несколько более 13 тыс. селений. Поскольку ранее крестьянам принадлежали земли 7,5 тыс. деревень, то после реформы в их руках сосредоточились земли свыше 20,5 тыс. селений, или ориентировочно 40% всех обрабатываемых площадей. На двух этапах аграрной реформы в собственников земли превратилось более 1 млн. крестьян. Учитывая же тех крестьян, которые имели участки до аграрной реформы, число крестьян-собственников в целом достигло почти 1,6 млн. при общем числе занятых в сельском хозяйстве в 3659 тыс. в 1972/73 г.³³ При этом, однако, следует отметить, что значительная часть крестьян-собственников, особенно из тех, кто имел участки и до реформы, была вынуждена прибегать к дополнительной аренде земли или иным побочным заработкам.

Тем не менее осуществление программ первого и второго этапов аграрной реформы сопровождалось заметным повышением реальных доходов крестьян. Рост их доходов, по авторитетному заключению английской исследовательницы Энн Ламбтон³⁴, был особенно ощутим в селениях, земли которых подвергались распределению в соответствии с программой первого и отчасти второго этапа аграрной реформы. Этот рост доходов был следствием прежде всего меньшего размера в большинстве случаев выкупных взносов за приобретенную землю государству в сравнении с арендными платежами помещикам; эффективного запрещения взимания натуральных повинностей и прекращения произвола помещиков, нередко расширения посевов различных культур и повышения урожайности³⁵.

Материальное положение крестьян на землях, перешедших в их распоряжение на условиях долгосрочной аренды, улучшалось в ходе аграрной реформы в заметно меньшей степени. Это объяснялось, в частности, тем, что платежи за пользование землей (не учитывая роста

доли крестьян на 5% на поливных землях и на 10% на богарных землях на первом этапе реформы) сохранялись в целом на прежнем уровне. Еще более важное значение имело то обстоятельство, что помощь со стороны кооперативов и соответственно государства оказывалась крестьянам прежде всего на распределенных землях. Тем не менее и на арендованных землях крестьяне получили осязаемые экономические выгоды. Это проявлялось в запрещении обременительных натуральных повинностей, в ликвидации произвольного повышения платежей за пользование землей и т. д. Но в основе улучшения материального положения крестьян в ходе осуществления программы второго этапа аграрной реформы лежали скорее, подчеркивала Энн Ламбтон, не прямые экономические выгоды, а те экономические результаты, которые крестьяне получали в итоге «социального освобождения» от власти полуфеодалных помещиков, повышения их материальной заинтересованности в возделывании своих участков³⁶. И все же, если на распределенных землях крестьяне высказывали обычно удовлетворение аграрной реформой, то на арендованных землях нередко наблюдались случаи недовольства. Это, по-видимому, было одной из причин осуществления третьего этапа аграрной реформы.

Программа третьего этапа аграрной реформы в соответствии с законом от 10 февраля 1969 г. предусматривала раздел и продажу земель помещиков и частных вакфов, которые обрабатывались крестьянами на базе аренды. Крестьяне должны были получать эти земли на условиях выплаты десятикратной ренты наличными или двенадцатикратной ренты в рассрочку. Закон не распространялся на имения, обрабатываемые машинами, а также на фруктовые сады и питомники, цитрусовые и пальмовые рощи, плантации чая и хны³⁷. Осуществление закона от 10 февраля 1969 г. вызвало серьезное сопротивление широкого слоя мелких помещиков, которые всячески саботировали выполнение закона. С целью пресечь сопротивление помещиков государство внесло 10 марта 1971 г. дополнительные статьи и изменения в этот закон, которые наряду с различными льготами помещикам предусматривали строгие принудительные санкции в случае уклонения от выполнения предписаний закона³⁸. На конец октября 1974 г. 320,2 тыс. мелких

помещиков продали свои земли 1163,3 тыс. крестьян, а 31,8 тыс. помещиков достигли соглашения со 111,3 тыс. крестьян о разделе своих имений. В то же время в соответствии с законом от 22 апреля 1971 г. 135,7 тыс. крестьян стали собственниками земель 5181 деревень и хуторов общественных вакфов³⁹.

Невзирая на то что аграрная реформа еще отчасти не закончена, ее довольно последовательное и широкое осуществление подвело иранскую деревню к полной ликвидации полуфеодальных хозяйств, способствовало превращению большинства крестьян, обрабатывавших земли помещиков и иных полуфеодальных собственников на базе различных видов докапиталистической аренды и испытывавших гнет натуральных повинностей, в крестьян-собственников, значительная часть которых ведет мелкотоварное хозяйство в составе кооперативов.

В прямой связи с завершением в целом программы распределения частных земель в Иране приступили к осуществлению плана перевода на оседлость полукучевых и кочевых племен, лишь в незначительной степени затронутых аграрными преобразованиями и иными мероприятиями «белой революции». В проведении этой кампании наряду с экономическими факторами немалую роль, по-видимому, играют и политические соображения, ибо племена всегда были постоянным очагом беспокойства для центрального правительства и в известной мере сохраняют это свое значение и в настоящее время. Разработанный план перевода полукучевых и кочевых племен на оседлость касается 50 районов Ирана, и прежде всего районов расселения племен Фарса, Керманшаха, Кохгилуйе, Бойерахмеди, Кермана, Белуджистана, Курдистана, Чахармахала, Бахтиарии, Поштекуха, Азербайджана, Хузестана. В 1974/75 г. предусматривался перевод на оседлость 100 тыс. членов племен⁴⁰, в том числе 15 тыс. членов племен Фарса⁴¹. Каждой семье, по словам генерал-губернатора провинции, будет предоставляться участок в размере 5 га и оказываться материальная помощь в развитии растениеводства и животноводства⁴².

Аграрные преобразования, сопровождаясь улучшением материального положения основной массы крестьян, резко сократили, но не приостановили процесс обнищания и разорения трудящихся деревни. Это особенно

касалось крестьян, которые имели земельные участки до проведения аграрной реформы и лишь в самой незначительной степени получали помощь от кооперативов и государства. Наиболее явственно процесс разорения крестьян прослеживался в районах, где ощущалась острая нехватка воды для орошения, в частности в Исфахане, Хамадане, Йезде, Куме. Так, в крупной иранской деревне Чермахин, расположенной в 70 км от Исфахана, в 1968 г. из-за недостатка воды вследствие постепенного высыхания подземных каналов под посевами различных культур находилось только 48 га и на 20 га были виноградники. Сравнительно многочисленное население деревни добывало средства к жизни главным образом отходничеством и скотоводством. Не миновал процесс разорения крестьян и на землях, затронутых аграрной реформой. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что на втором этапе реформы 13,4 тыс. крестьян продали помещикам права на пользование землей⁴³. Ежемесячные средние расходы сельских семей, несмотря на их рост в период проведения аграрной реформы, были в 1971/72 г. в два раза меньше затрат городских семей⁴⁴.

Особенно заметные трудности крестьяне испытывали в районах, где не развернули своей деятельности многоцелевые кооперативы, которым государство отводит ведущее место в развитии мелкотоварного хозяйства крестьян. По состоянию на 21 марта 1973 г. в иранской деревне функционировал 8361 кооператив с числом членов 2065 тыс. Кооперативы охватили своей деятельностью 30 685 сельских населенных пунктов⁴⁵, или около 40% их общего числа и почти 60% всех занятых в сельском хозяйстве. В связи с активизацией проводившейся уже несколько лет кампании по укреплению кооперативов их число к апрелю 1974 г. сократилось до 2717⁴⁶. В марте 1975 г., по официальным данным, число кооперативов составляло 2828. В то же время число членов кооперативов возросло до 2453,5 тыс. В марте 1974 г. кооперативы распространили свою деятельность на 36 657 сельских населенных пунктов, в августе — на 40,7 тыс.⁴⁷.

С 1963 по 1969 г. крестьяне получили через кооперативы 93 тыс. т химических удобрений, 1853 т пестицидов, 37,7 тыс. т сортовых семян различных культур, с

с помощью кооперативов они пробурили 1253 глубинных и полуглубинных колодца, осуществили ремонт и очистку около 800 подземных оросительных каналов⁴⁸.

В конце 60-х — начале 70-х годов в связи с завершением основных проектов аграрной реформы и активизацией деятельности государства по укреплению производства в иранской деревне масштабы потребительско-снабженческой деятельности кооперативов намного расширились. Так, только в одном 1972/73 г. крестьяне через кооперативы приобрели около 168 тыс. т минеральных удобрений, 204 т пестицидов, 20,3 тыс. т сортовых семян, 206 опрыскивателей. В 1972/73 г. 3301 магазин, принадлежавший кооперативам, реализовал среди крестьян промышленные товары на общую сумму более 2 млрд. риалов. Около 6 тыс. торговых точек вели через кооперативы продажу нефтепродуктов в деревне⁴⁹.

Тем не менее масштабы потребительско-снабженческой деятельности кооперативов, несмотря на ее систематическое расширение, еще сравнительно невелики. Основной формой деятельности кооперативов по-прежнему является предоставление кредитов. Но если в 1962/63 г. ссуды получили лишь 17,6% членов кооперативов⁵⁰, то в 1973/74 г. — около 52%. При этом средняя величина ссуд возросла с 3 тыс. до 10,5 тыс. риалов⁵¹. Однако в 1970/71 г. кооперативы обеспечивали только около 1/3 потребностей своих членов даже в краткосрочном кредите, а остальные 2/3 этих нужд членам кооперативов приходилось покрывать за счет займов у представителей торгово-ростовщического капитала и из иных источников⁵². Нередки были случаи использования ссуд кооперативов для возмещения этих займов⁵³. Значительная часть иранских крестьян вообще не имела возможности на получение кредитов от кооперативов.

В результате, по данным обследования 1968 г., в значительной части сельских районов по-прежнему наблюдалось широкое распространение продажи урожая вперед и иных форм торгово-ростовщической эксплуатации крестьян. В ходе торгово-ростовщических операций у крестьян зачастую изымалось до 50% их доходов⁵⁴, что создавало преграды для инвестиций в развитие производства. Такое положение в немалой степени сохранялось и в дальнейшем. Справочник «Иран альманах» за 1973 г., отмечая рост доходов крестьян в ходе аграр-

ных преобразований (особенно на землях, где действуют кооперативы и сельскохозяйственные акционерные общества), подчеркивал, что многие крестьяне испытывают серьезные финансовые трудности и находятся в зависимости от ростовщиков и покупателей урожая вперед. Взимаемые этими лицами высокие проценты (они достигают 60) поглощают зачастую, указывалось в справочнике, всю прибыль крестьян⁵⁵. В связи с этим в ноябре 1972 г. министерство кооперативов разработало законопроект, который предусматривал учреждение специального фонда в размере 10 млрд. риалов с целью освобождения крестьян от ростовщической задолженности путем предоставления ссуд на льготных условиях⁵⁶.

В то же время следует подчеркнуть, что рост деятельности кооперативов наряду с расширением операций финансовых и иных учреждений государства уже вызвал значительное сужение сферы ростовщической эксплуатации деревни. Доля ростовщического капитала в обеспечении нужд деревни в кредитах с 93,3% в 1961/62 г. понизилась до 51,4% в 1970/71 г., причем это сокращение сопровождалось заметным удешевлением ростовщического кредита⁵⁷. В селениях, в которых действовали кооперативы, наблюдалось резкое уменьшение задолженности крестьян и продажи урожая вперед⁵⁸.

Как и при проведении аграрной реформы, когда представители верхушки деревни зачастую получали в собственность или долгосрочную аренду уже возделываемые ими более обширные участки, наибольшие выгоды от деятельности кооперативов также попадали в руки зажиточных слоев крестьян⁵⁹. Верхушка деревни с успехом использовала кооперативы для укрепления своих хозяйств. Например, зажиточные крестьяне с помощью ссуд кооперативов приобретали тракторы и иные сельскохозяйственные машины, которые к тому же продавались им, как членам кооперативов, на льготных условиях.

Создание потребительско-снабженческих кооперативов не сопровождалось, однако, заметными сдвигами в развитии производства. И с этой точки зрения они не оправдывали надежд не только крестьян, но и государства. К тому же кооперативы не затрагивали непосредственно сферу деятельности мелких и средних помещиков, в перестройке полуфеодалных хозяйств которых

капиталистическое государство видело один из основных путей осуществления своей программы развития сельского хозяйства и расширения своей новой социальной опоры. В связи с этим государство в 1968/69 г. проявило инициативу в создании сельскохозяйственных акционерных обществ с участием помещиков и крестьян, а в 1972/73 г. — производственных кооперативов.

Создание сельскохозяйственных обществ предусматривает организацию крупных капиталистических ферм на площади не менее 400—500 га. Распределение акций в зависимости от владения основными средствами производства обеспечивает привилегированное положение в этих обществах помещикам, кулакам и зажиточным крестьянам, а рядовым крестьянам отводит подчиненную роль. Учитывая, что разрешается продажа и покупка акций, следует ожидать, что крестьяне — рядовые члены обществ — в скором времени лишатся своей доли акций и превратятся в наемных рабочих. Сельскохозяйственные общества освобождаются на 10 лет от всех налогов, вносимых другими акционерными обществами, получают безвозвратные ссуды и т. д. В конце апреля 1975 г. в различных районах Ирана было 75 сельскохозяйственных обществ с числом членов 26,3 тыс. и капиталом около 1139 млн. риалов. Общества охватили своей деятельностью сельскохозяйственные угодья общей площадью 326,6 тыс. га. Посевы осуществлялись на площади 110 тыс. га. С августа 1972 г. по апрель 1975 г. было основано 26 производственных кооперативов, которые объединили 7,8 тыс. семей крестьян — мелких собственников⁶⁰.

Вместе с тем государство законом от 24 апреля 1968 г. учредило Фонд сельскохозяйственного развития с капиталом 1 млрд. риалов для стимулирования инвестиций частных национальных и иностранных предпринимателей в создание крупных земледельческих и животноводческих хозяйств и агро-индустриальных комплексов. В 1972 г. капитал фонда возрос до 2 млрд. риалов. В начале 1974 г. фонд был реорганизован в банк, а его капитал увеличен до 4 млрд. риалов. В 1969/70—1973/74 гг. эта организация путем предоставления кредитов и прямыми инвестициями (в размере 6658 млн. риалов) принимала участие в осуществлении 603 проектов с общими капиталовложениями в 17 191 млн. риалов.

В 1974/75 г. наблюдался резкий рост кредитов и инвестиций банка. За 10 месяцев 1974/75 г. они в 5 раз превысили ассигнования за тот же период 1973/74 г.⁶¹

Иностранные монополии (США, Англии, ФРГ, Австралии и иных империалистических держав) проявили заметный интерес к инвестициям в сельское хозяйство Ирана, чему в немалой степени способствовало издание 27 мая 1968 г. закона об эксплуатации земель в районе крупных плотин с привлечением частного национального и иностранного капитала⁶². Основным районом приложения иностранного капитала стали земли, орошаемые при помощи ирригационной системы в районе плотины на р. Диз в Хузестане, где под создание агро-индустриальных комплексов в 1969—1971 гг. в распоряжение учрежденных с этой целью с участием иностранного капитала пяти компаний было передано 67,6 тыс. га поливных земель. В 1973 г. производство велось на 26,7 тыс. га⁶³. В Хузестане осуществляются и другие агро-индустриальные проекты. Помимо того, крупные агро-индустриальные проекты (как правило, с участием иностранного капитала и государства) осуществляются в районе плотины на р. Сефидруд в Гиляне, в Муганской степи, в районе Тегерана, в Казвине, в Хорасане, Фарсе и других провинциях Ирана.

Все эти и аналогичные проекты отражают ярко проявившийся в конце 60-х — начале 70-х годов и в настоящее время все более укрепляющий свои позиции в аграрной политике иранского правительства курс, направленный на решение задач развития производства в иранской деревне путем расширения деятельности крупных современных хозяйств. Эти идеи прослеживаются в большинстве выступлений официальных представителей Ирана по вопросу об экономических программах правительства. В 1972 г. на четвертом конгрессе защиты растений министр сельского хозяйства и природных ресурсов, в частности, заявил, что иранское государство, совершив «социальную революцию» путем уничтожения в деревне режима «арбаби-райати», встало перед проблемой осуществления структурных преобразований в области производства. Суть этих преобразований, отмечал министр, заключается в замене мелких хозяйств крупными как на базе создания агро-индустриальных комплексов, акционерных обществ и т. д., так и на базе раз-

вития производственных кооперативов, ибо мелкие хозяйства (и в финансовом, и в производственном аспекте) не дают возможности эффективно использовать современную технологию, новейшие методы агрикультуры и пр.⁶⁴

Мероприятия по реконструкции аграрного строя Ирана мало затрагивали одну из самых насущных проблем сельского хозяйства Ирана — проблему искусственного орошения, хотя в ходе аграрных преобразований, причем главным образом на землях, которые подверглись разделу, вопросы водовладения и водопользования во многом находили разрешение в пользу крестьян — новых собственников. Однако в значительной части источники воды и ирригационные сооружения оставались в руках помещиков, религиозных учреждений и иных состоятельных собственников, что создавало серьезные помехи для развития производства на землях крестьян и тем самым для развития сельского хозяйства в целом. Это обстоятельство, а также интересы развернувшегося в Иране широкого ирригационного строительства настоятельно требовали упорядочить использование водных ресурсов и добиться более эффективной их эксплуатации. Выполнению этой задачи был призван служить закон от 29 июля 1968 г., который предусматривал национализацию всех наземных и подземных водных источников⁶⁵. И хотя закон сохранял ирригационные сооружения в руках прежних собственников, он облегчал условия использования этих сооружений и способствовал росту производства в деревне.

Параллельно с аграрными преобразованиями и ирригационным строительством иранское государство с целью развития производства в деревне осуществляет программы борьбы с вредителями и болезнями растений и животных, внедрения передовых методов агрикультуры, расширения применения машин и химических удобрений. В результате проведения этих мероприятий, например, число тракторов в сельском хозяйстве возросло с 6 тыс. в 1961/62 до 24 тыс. в 1972/73 г.⁶⁶, а потребление химических удобрений с 39 тыс. т в 1961/62 г. до 440 тыс. т в 1972/73 г. и 480 тыс. т в 1973/74⁶⁷. С 1968/69 г. в иранской деревне на землях под рядом основных культур осуществляются проекты «развития производства», или проекты «зеленой революции».

В 1973/74 г. выполнение этих проектов, предусматривающее льготные поставки крестьянам минеральных удобрений и сортовых семян, предоставление льготных кредитов и иных привилегий, охватило на землях под пшеницей около 400 тыс. га, рисом — 285 тыс., хлопчатником — 230 тыс. га⁶⁸.

Все эти мероприятия носят пока, однако, весьма ограниченный характер и не сопровождаются сколько-нибудь серьезными сдвигами в развитии сельского хозяйства в целом. Тем не менее в своих довольно узких рамках осуществление этих мероприятий дает сравнительно высокие результаты.

Немалые заслуги в достижении этих результатов принадлежат созданному на основе закона от 18 января 1965 г. корпусу развития и благоустройства, на который отчасти возлагается осуществление названных мероприятий в местных масштабах. С мая 1965 г. по декабрь 1974 г. было 17 наборов в этот корпус, который формировался из призывников — сельскохозяйственных и технических специалистов и выпускников средних школ. После предварительной подготовки они направляются в деревню, где занимаются созданием опытно-демонстрационных участков различных культур, знакомят крестьян на краткосрочных курсах с современными методами агрикультуры, с применением сельскохозяйственных машин и химических удобрений, оказывают им содействие в строительстве и ремонте ирригационных сооружений, в санитарном обеспечении источников питьевой воды, в прокладывании проселочных дорог и т. д. В 1965—1974 гг. в деревне работало 24,9 тыс. членов корпуса, в том числе около 4,7 тыс. сельскохозяйственных и технических специалистов⁶⁹.

Наряду с осуществлением проектов, направленных на увеличение выхода продукции растениеводства и животноводства, государство проводит мероприятия по повышению культурного уровня и улучшению социального обеспечения деревни, что, в свою очередь, должно способствовать развитию производства в сельских районах, а также облегчению материального и бытового положения крестьян. Ведущее место среди этих мероприятий отводится борьбе с неграмотностью и налаживанию медицинского и санитарного обслуживания сельского населения. Выполнение этих задач возложено на два кор-

пуса — просвещения и здравоохранения, члены которых рекрутируются из призывников с профессиональным образованием и в значительной степени из выпускников средних школ, проходящих специальную предварительную подготовку.

В 1963—1973 гг. было 22 набора в мужской корпус просвещения, которые охватили 89,7 тыс. человек. Вместе с тем в деревне в 1969—1973 гг. работало около 14,7 тыс. членов женского корпуса просвещения (10 наборов)⁷⁰. При содействии членов корпусов в деревне в рассматриваемый период открылось более 15 тыс. школ⁷¹. За приблизительно 12 лет (к январю 1975 г.) в школах корпуса просвещения прошли курс обучения 1468,5 тыс. детей и подростков и 678,9 тыс. взрослых⁷². Помимо выполнения своих прямых обязанностей по борьбе с неграмотностью и развитию начального образования члены корпусов просвещения принимали участие в мероприятиях по благоустройству сельских районов и внедрению современных методов агрикультуры в иранской деревне. Следует отметить, что в конце 60-х — начале 70-х годов наблюдалось весьма быстрое расширение деятельности корпусов просвещения. Так, если в 1967/68 учебном году в иранской деревне было около 7 тыс. школ корпусов просвещения с 7,9 тыс. учителей и 269,4 тыс. учащихся, то в 1972/73 учебном году — 12,5 тыс. школ (16,7 тыс. классов) с 20,4 тыс. учителей и 483 тыс. учащихся⁷³.

К работе корпуса просвещения в известной мере примыкает деятельность сельских Домов культуры, которые открываются в соответствии с указом шаха от 15 сентября 1968 г. В задачи этих своеобразных клубов, которые обычно оборудуются небольшими библиотеками, входит ознакомление населения с национальной культурой и искусством, проведение спортивных мероприятий, пропаганда принципов «белой революции» и т. д. С крестьянами проводят беседы, показывают им кинофильмы и телепередачи, читают лекции⁷⁴. При Домах культуры действуют центры содействия борьбе с неграмотностью и профессиональные курсы. До апреля 1974 г. на этих курсах занималось около 18,5 тыс. крестьян. Вместе с тем при Домах культуры в конце ноября 1974 г. работало 619 детских садов⁷⁵. В ноябре 1972 г. в иранской деревне функционировало 776 Домов

культуры с числом членов 98,6 тыс.⁷⁶, в ноябре 1974 г.— 1008 Домов культуры с числом членов 161,7 тыс. Деятельность Домов культуры охватила районы с населением более 2 млн. человек⁷⁷.

С 1965 г. по 1973 г. в деревне работало 15 наборов (около 10 тыс. членов) корпуса здравоохранения (включая 2,7 тыс. специалистов). Члены корпуса разбиты на группы во главе с врачом, за каждой из которых закреплено от 20 до 40 деревень с населением от 8 тыс. до 20 тыс. человек. Члены этих групп на предоставленных в их распоряжение автомашинах посещают приписанные к их группам деревни и оказывают жителям медицинскую помощь. В случае надобности больных посылают в стационарные медицинские учреждения. Члены корпуса содействуют созданию в сельских районах поликлиник, диспансеров и аптек. Но наиболее важное значение имеет, пожалуй, профилактическая работа корпуса в деревне, где ранее свирепствовали эпидемические заболевания. Члены корпуса с января 1965 по август 1972 г. сделали предохранительные прививки около 17,5 млн. сельских жителей, способствовали сооружению 69 218 колодцев для удовлетворения нужд населения в чистой питьевой воде. С этой же целью они содействовали прокладке к 1974 г. в 230 деревнях водопроводов, подвергли санитарной обработке около 7 тыс. источников воды⁷⁸. Корпус здравоохранения сыграл серьезную роль в том, что в иранской деревне заметно сократилась смертность среди населения, в частности среди детей. Смертность среди детей в деревне уменьшилась с 250 на 1000 в 1962/63 г. до 160 на 1000 в 1972/73 г. Тем не менее она вдвое превышает смертность среди детей в городе⁷⁹. Таким образом, смертность среди детей сельских жителей (как и населения деревни в целом) еще очень велика, что во многом объясняется недостаточными масштабами борьбы с различными заболеваниями в рамках как корпуса здравоохранения, так и системы здравоохранения Ирана в общем. Так, в 1973 г. корпус здравоохранения охватил своей деятельностью лишь около 13 тыс. деревень с населением более 6 млн. человек, или приблизительно $\frac{1}{3}$ сельских жителей. Если в 1973 г. в Иране в целом один врач приходился на 3 тыс. жителей, то в сельской местности — на 16 тыс. жителей⁸⁰.

Для разрешения споров и конфликтов (особенно мно-

го их возникало в связи с осуществлением общественных преобразований) в деревне вместо самозванных судов помещиков и потворствовавших им чиновников с декабря 1963 г. открывались «дома справедливости», призванные играть роль низшей инстанции в перегруженной делами системе юстиции Ирана. В апреле 1974 г. их было 8209. Они охватили своей деятельностью около 14,9 тыс. селений. С 1964 по 1971 г. «дома справедливости» разобрали около 466,4 тыс. «дел»⁸¹. Члены «домов справедливости» избирались жителями деревни в присутствии представителей власти в составе пяти лиц, из числа по возможности грамотных «влиятельных» и «уважаемых» людей. Поскольку грамотных людей в деревне на первых порах встречались единицы, к работе «домов справедливости» привлекались члены корпуса просвещения. С созданием в 1970 г. юридического корпуса активную помощь «домам справедливости» оказывают члены этого корпуса⁸². В октябре 1972 г. в деревне, главным образом в «домах справедливости», работало 2400 членов юридического корпуса⁸³. Общее число членов «домов справедливости» в марте 1972 г. составляло 32,4 тыс.⁸⁴.

Государство провозглашало, что в противопоставление периоду до проведения преобразований, когда трудящиеся деревни были лишены средств защиты своих прав, «дома справедливости» стоят на страже интересов неимущих слоев населения⁸⁵. Однако в «домах справедливости» обычно верховодят зажиточные крестьяне и обуржуазившиеся помещики. Правда, прежнего произвола, который наблюдался в сельских районах в период господства там полуфеодалных собственников, уже не допускается.

Все эти и другие мероприятия иранского государства, сопровождавшиеся известным улучшением положения основной массы трудящихся деревни, обеспечили поддержку «белой революции» со стороны большинства сельского населения, привели к смягчению противоречий между государством и крестьянами, позволили властям весьма легко подавить сопротивление оппозиции в деревне, были одним из основных факторов относительной внутрисполитической стабилизации в стране.

Иранское государство параллельно с социально-экономическими преобразованиями в деревне осуществляет

мероприятия, преследующие цель ослабить недовольство трудящихся города, предотвратить развитие их экономической и особенно политической борьбы или в крайнем случае поставить эту борьбу под твердый контроль. В то же время государство, как и в деревне, путем проведения этих мероприятий стремится обеспечить поддержку и в определенном смысле «участие» трудящихся города в выполнении своей программы социально-экономической реконструкции Ирана. Иначе говоря, главной задачей этих и подобных мероприятий, осуществляемых под лозунгом создания «общества социальной справедливости» и сопровождаемых широкой пропагандистской кампанией, является обеспечение необходимых условий для ускоренного и по возможности безболезненного капиталистического переустройства иранского хозяйства и общества. Рост на этом пути экономического потенциала и повышение материального и культурного уровня широких слоев населения страны должен, как неоднократно подчеркивали представители официальных кругов Ирана и, в частности, шах, послужить залогом для успешной борьбы с распространением идей коммунизма.

В комплексе такого рода мероприятий, естественно, ведущее место занимают проекты, призванные воспрепятствовать развитию движения иранского пролетариата, численность которого с повышением темпов экономического строительства и капиталистического переустройства страны быстро возрастает и который превращается во все более мощную в экономической и общественной жизни Ирана силу. И надо сказать, что иранскому государству, достаточно умело и гибко использующему богатый опыт международной, и прежде всего западной, буржуазии, реализацией названных проектов, сочетаемых с акциями принуждения, удалось заметно подорвать рабочее движение.

Сразу же следует подчеркнуть, что в отличие от предшествовавшего периода, когда в борьбе против рабочего движения на первый план выдвигались методы принуждения, в 60-х годах в политике правительства по «умиротворению» иранского пролетариата и вместе с тем в целях более эффективного его использования в интересах экономической реконструкции страны на передовые позиции вышли социальные мероприятия. Это помимо

длительных бесплодных попыток подавить рабочее движение методами насилия отражает новые веяния в политике иранского государства, возникшие в значительной мере под прямым воздействием необходимости форсированного решения задач по капиталистическому переустройству иранского хозяйства и общества. Выполнение этих задач, сопряженное с быстрым ростом экономической и общественной роли рабочего класса, с неизбежностью поставило перед государством вопросы о «подготовленности» иранского пролетариата (как в политическом, так и в социально-культурном аспекте) к осуществлению программ капиталистической реконструкции. Эти вопросы, которые правительство стремится разрешить в значительной степени на пути осуществления серии социально-экономических и культурных мероприятий, постоянно находятся в сфере пристального внимания экономических, политических и общественных органов государства. Названные вопросы стояли в центре повестки дня на регулярно созываемых в Иране с 1969 г. конференциях по труду. На состоявшейся в Тегеране 22—27 апреля 1969 г. первой национальной конференции по труду в выступлениях представителей официальных кругов красной нитью проходила мысль, что осуществление социально-экономических и культурных мероприятий диктуется необходимостью создания «благоприятных условий для рабочего класса — класса-производителя ценностей», или, иными словами, для его рациональной и эффективной эксплуатации. Пренебрежение этими вопросами, подчеркивалось на конференции, может привести к замедлению темпов развития хозяйства⁸⁶, т. е. его капиталистической трансформации.

В то же время поворот в политике монархии Пехлеви по рабочему вопросу, как и в ряде других стран Азии и Северной Африки, идущих по капиталистическому пути развития, отражает общие социал-реформистские тенденции борьбы мировой буржуазии против международного пролетариата, которые в послевоенный период возобладали в политике западных держав по рабочему вопросу. В Отчетном докладе ЦК КПСС, сделанном на XXIV съезде партии ее Генеральным секретарем Л. И. Брежневым, говорилось: «В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой

борьбы в массовое революционное движение. Отсюда стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»⁸⁷.

С осуществлением в Иране общественных преобразований и относительной стабилизацией в стране к середине 60-х годов экономического и политического положения, оживлением деловой инициативы была создана довольно благоприятная почва для осуществления трудового законодательства и иных социальных мероприятий по рабочему вопросу. В ряду этих мероприятий видное место занимает закон об участии рабочих в прибылях предприятий, принятый правительством 7 января 1963 г. и одобренный на референдуме 26 января 1963 г. Этот закон распространяет свое действие на частные предприятия, а на государственных предприятиях вводится система премиального поощрения. Об основных целях закона (как фактически и системы премиального поощрения) недвусмысленно говорится в его преамбуле: во-первых, улучшение отношений между рабочими и предпринимателями; во-вторых, улучшение организации и рост производства. Иранские авторы в своих комментариях к тексту закона отмечают, что этот закон способствует установлению «дружественных отношений» между рабочими и предпринимателями и воздвигает преграды для забастовок, ибо закрытие предприятий уже не приносит выгоды рабочим⁸⁸. Участие рабочих в прибылях, говорил шах, приводит к повышению их материальной заинтересованности в развитии производства и росту эффективности труда. Вместе с тем осуществление закона, по словам шаха, должно вызвать у рабочих то же чувство «непосредственного участия в распределении доходов страны», какое возникает у крестьян-издольщиков, когда они становятся хозяевами земли и воды и приобретают чувство ответственности за их сохранение⁸⁹.

Рассматриваемый закон предусматривает распределение между рабочими части чистых доходов предприятий. Размер ее устанавливают в зависимости от выхода продукции, сокращения затрат, уменьшения брака и иных факторов, а также путем прямого определения до-

ли рабочих. Все эти условия оговаривают в коллективных договорах, которые заключают предприниматели и представители рабочих. Сумма распределяемой среди рабочих части чистой прибыли не должна превышать 20% ее общего объема. Распределение прибылей между рабочими должно происходить с учетом стажа, мастерства и заработной платы.

Основные положения закона свидетельствуют о стремлении государства добиться интенсификации труда рабочих и сокращения издержек производства, о попытках правительства, направленных на превращение квалифицированных кадров иранского пролетариата в своего рода рабочую аристократию. В то же время основные положения закона в принципе отражают вызванные воздействием на Иран научно-технической революции объективные потребности в квалифицированной рабочей силе, в которой хозяйство страны испытывает острый недостаток и которая нуждается для воспроизводства в сравнительно высоком уровне материальных и культурных благ. В процессе осуществления закона на частных предприятиях с новейшим оборудованием и передовой технологией обеспечиваются необходимые материальные предпосылки для разрешения рассматриваемого вопроса. «Дополнительное вознаграждение», приходившееся во второй половине 60-х годов на долю каждого занятого на этих предприятиях, нередко в 4—5 раз превышало «дополнительное вознаграждение» рабочих на предприятиях, оснащенных устаревшим оборудованием. Велика разница и в размере «дополнительного вознаграждения» на предприятиях различных отраслей. Так, на одном из сахарных предприятий Керманшаха с числом занятых 137 каждый рабочий в виде доли от участия в прибылях предприятия получал 5839 риалов, а на столичном автомобильном заводе, где осуществлялся монтаж автомашин марки «Джип», с числом занятых 152 эта же доля составляла в среднем 14 323 риала. Равным образом резкие градации наблюдались в размере добавочных сумм, которые выплачивались различным категориям рабочих. Например, на предприятиях Бехшахра в 1970/71 г. при средней величине «дополнительного вознаграждения» в 4830 риалов размер этого вознаграждения в целом колебался в пределах от 4025 до 8050 риалов⁹⁰.

Действие закона в 1963/64—1971/72 гг. распространилось на 2911 предприятий со 170 тыс. занятых⁹¹. Эти данные (если принимать во внимание, что на каждое из этих предприятий приходилось в среднем около 60 рабочих) косвенно свидетельствуют, что закон применялся в первую очередь на фабрично-заводских предприятиях. Учитывая, что в обрабатывающей и добывающей промышленности (без нефтяной) в марте 1972 г. было 5100 «крупных предприятий» с 350 тыс. рабочих⁹², закон охватил более 57% предприятий с числом рабочих более 10 и около 50% занятых на этих предприятиях. Аналогичное положение в общем наблюдалось и в последующие годы, хотя сфера действия закона заметно расширилась. Закон в марте 1975 г. охватил 6011 предприятий с 295,4 тыс. занятых. В то же время 120 тыс. рабочих и служащих государственных предприятий получили право на долю прибылей в ходе применения на этих предприятиях системы премиального поощрения⁹³.

Закон применялся главным образом в районах, где наблюдалась довольно сильная концентрация пролетариата, и прежде всего в Центральном остане (включая Тегеран). На этот остан приходилось около 60% всех рабочих, охваченных законом об участии в прибылях⁹⁴. Исключением являются Хузестан и отдельные районы других провинций Ирана, где сосредоточены основные предприятия нефтяной промышленности, на которых рабочим за счет огромных прибылей выдают довольно высокую заработную плату и применение закона в известном смысле теряет значение. Здесь его роль играет эта высокая заработная плата. Такое положение наблюдается в первую очередь на предприятиях нефтяной промышленности, где в связи с модернизацией производства и сокращением числа занятых намного возрос удельный вес квалифицированных рабочих, получающих сравнительно высокую заработную плату и фактически превратившихся в рабочую аристократию.

В 1971/72 г., по данным министерства труда и общественных дел, доля рабочих от участия в прибылях предприятий составляла в среднем 8 тыс. риалов, в 1972/73 г. — свыше 10 тыс. риалов⁹⁵.

Таким образом, «дополнительное вознаграждение» рабочих (за исключением различных категорий квалифицированных специалистов на фабриках и заводах, ос-

нащенных современным оборудованием) составляло, особенно учитывая высокую стоимость жизни в Иране и ее систематический рост, довольно незначительные размеры. Это в известной мере было следствием попыток предпринимателей уклониться от выполнения предписаний закона. Наряду со стремлением установить возможно меньшую долю участия рабочих в распределении прибылей практиковался испытанный во взаимоотношениях с государственными налоговыми органами способ представления заниженных сведений о своих доходах. В течение первых трех лет после выхода закона в свет рабочие обычно получали «дополнительное вознаграждение» в виде премиальных, размер которых устанавливался собственниками предприятий совершенно произвольно⁹⁶. Подобные случаи выдачи единовременного пособия вместо доли в прибылях, несмотря на официальное запрещение в 1966 г., имели значительное распространение и в дальнейшем, причем такая практика находила отражение в договорах между рабочими и владельцами предприятий⁹⁷. По сведениям министерства труда, только 12% договоров были заключены в соответствии с требованиями закона. Большинство же договоров предусматривало выплату рабочим премиальных или части заранее «скалькулированных» прибылей, или сумм, складывавшихся на базе использования этих двух методов. Все это, подчеркивали представители министерства, оказывало вредное влияние на развитие производства⁹⁸.

В то же время закон об участии рабочих в прибылях встречал благожелательный прием у части предпринимателей, ибо был важным орудием повышения производительности труда и прибылей. Такое отношение закон встретил, например, на Лушанском цементном заводе и заводе дорожно-строительных машин «Катерпилар». Остановившись в своем выступлении на страницах печати на успехах завода в росте выхода продукции, администрация завода «Катерпилар» подчеркивала, что секрет этих успехов кроется в том, что ей удалось заинтересовать рабочих в развитии производства путем предоставления им доли в прибылях, повышения заработной платы, расширения мероприятий по социальному обеспечению рабочих⁹⁹.

Согласно разработанным в конце 1973 — начале

1974 г. изменениям и дополнениям к закону об участии рабочих в прибылях предприятий сфера приложения этого закона намного расширяется. Если до сих пор действию закона подлежали преимущественно рабочие предприятий с числом занятых минимум 20 человек, то в соответствии с принятыми поправками право на долю в прибылях получали рабочие большинства предприятий ценовой промышленности. Вместе с тем поправки предусматривали решительные санкции против уклонения предпринимателей от выполнения предписаний закона. По официальным данным, доля каждого рабочего от участия в прибылях предприятий достигла 18 тыс. риалов в 1973/74 г. и 20,4 тыс. риалов в 1974/75 г.¹⁰⁰

Несмотря на то что «дополнительное вознаграждение» в среднем составляет незначительную сумму, оно в целом дает ощутимое пополнение в бюджет рабочей семьи и наряду с общим повышением уровня заработной платы (только за 1965—1971 гг. она увеличилась на 50%¹⁰¹ при заметном отставании роста индекса стоимости жизни) приводит к улучшению материального положения фабрично-заводского пролетариата. Однако доходы основной массы рабочих еще далеко не обеспечивают им более или менее удовлетворительного уровня жизни. По официальным данным, в 1968/69 г. заработная плата рабочих городской обрабатывающей промышленности (включая и долю рабочих от участия в прибылях) составляла в среднем 3500 риалов в месяц, или около 117 риалов в день¹⁰². По сведениям министерства информации, на каждого рабочего в 1965 г. приходилась заработная плата в размере 129,1 риала в день, в 1969 г. — 167,7 риала. Такая заработная плата была приблизительно в 2 раза ниже прожиточного минимума, который в 1965 г. оценивался в 264,5 риала в день, а в 1969 г. — в 343,2 риала. Далекое не достигла прожиточного минимума заработная плата рабочих даже в отраслях, отобранных для статистического обследования, где она в 1969/70 г. составляла в среднем 5545 риалов в месяц, или 185 риалов в день¹⁰³. Правда, в отдельных отраслях промышленности с очень высокими доходами она превосходила прожиточный минимум. Так, в табачной промышленности в 1968/69 г. она в среднем составляла 11 186 риалов в месяц, или около 396 риалов в день. Еще более высокую заработную плату рабочие

получали на отдельных частных предприятиях. На заводе «Катерпилар», например, при минимуме заработной платы в 12 тыс. риалов в месяц, или 400 риалов в день, на каждого занятого приходилось 22 тыс. риалов в месяц, или 733 риала в день ¹⁰⁴.

При сравнительно высоком уровне заработной платы рабочих на незначительной части предприятий и общем низком уровне ее наблюдались резкие отличия в оплате труда рабочих различных категорий. В сентябре 1968 г. заработная плата квалифицированных рабочих в среднем колебалась в пределах от 8333 до 9617 риалов в месяц (278—306 риалов в день), полуквалифицированных — от 5417 до 5833 (181—194), неквалифицированных — от 2917 до 3333 риалов в месяц (99—111 риалов в день) ¹⁰⁵. Такое положение в целом наблюдалось и в последующие годы ¹⁰⁶. В то же время был очень велик разрыв в заработной плате рабочих на «крупных» и «мелких» предприятиях. В 1966/67 г. на 3661 «крупном» предприятии городской промышленности с числом занятых 214 307 на каждого рабочего приходилось 4018 риалов в месяц, или 133,6 риала в день, а на 108 920 «мелких» предприятиях с числом занятых 335 410—1116 риалов в месяц, или 37 риалов в день ¹⁰⁷. Следует также сказать, что, по данным на 1969 г., заработная плата рабочих в современных отраслях промышленности превосходила в 3 раза заработную плату рабочих в традиционных отраслях ¹⁰⁸.

Серьезный разрыв в уровне заработной платы квалифицированных рабочих и остальной массы рабочих (как и в размере «вознаграждения», которое получали эти категории трудящихся в ходе осуществления закона об участии рабочих в прибылях предприятий), а также в уровне заработной платы рабочих на «крупных» и «мелких» предприятиях иранской промышленности достаточно отчетливо свидетельствует о стремлении государства и иранской буржуазии к созданию и укреплению в среде иранского пролетариата своей социальной опоры из числа квалифицированных кадров фабрично-заводских предприятий, своего рода рабочей аристократии, уже давно заслужившей в западных империалистических странах печальную известность предательством коренных интересов рабочего класса.

Тем же целям служит в известной части и продажа

акций промышленных предприятий рабочим и служащим. Материальные возможности для приобретения акций (без заметного напряжения для бюджета семьи) и тем самым возможности по своему приобщиться к эксплуатации иранского пролетариата в целом имеют лишь ограниченные группы рабочих, что само по себе в руках государства является дополнительным средством целенаправленного формирования рабочей аристократии.

В мае — июне 1972 г. иранское правительство в дополнение к закону об участии рабочих в прибылях разработало программу продажи населению акций промышленных предприятий. Намечается продажа от 33,33 до 49% акций частных и 99% акций государственных фабрик и заводов (за исключением предприятий нефтяной, металлургической и табачной промышленности). Приоритет отдается рабочим и служащим, причем предусматривается приобретение ими акций либо за счет вычетов в объеме месячной заработной платы из их доли в прибылях, либо выдачи им на льготных основаниях ссуд в том же размере ¹⁰⁹.

Представители официальных и деловых кругов Ирана, буржуазная пресса, приветствуя выход в свет этой программы, говорили о наступлении «новой эры в индустриализации» страны, о том, что осуществление названной программы будет способствовать мобилизации средств и сбережений населения, достижению «счастливого единства целей между противоположными социальными силами — рабочими и предпринимателями, производителями и потребителями» ¹¹⁰.

Программа продажи акций, осуществление которой предполагается в течение пяти лет, намечала реализацию акций 144 предприятий-компаний, на которые в 1972/73 г. приходилось около 60% всей продукции иранской частной промышленности ¹¹¹. На первом этапе предусматривалась реализация акций 86 предприятий-компаний с совокупным капиталом в 54 млрд. риалов и числом занятых 90 тыс. Продаже подлежали акции на общую сумму 18 млрд. риалов. В ноябре 1973 г. реализацией акций занималось 14 компаний, в июле 1974 г. — 25, в феврале 1975 г. — 27, включая «Иран насьональ» и Бехшахрскую промышленную группу ¹¹². В то же время началась реализация акций ряда крупных государственных предприятий, в том числе машиностро-

ительного завода в Тебризе, нефтеперерабатывающего завода в Ширазе и т. д.¹¹³.

В соответствии с изданным в 1975 г. фирманом шаха все предприятия (частные и государственные) с инвестициями в 100 млн. риалов и выше подлежат действию программы о продаже акций населению и прежде всего рабочим и служащим этих предприятий. Таких предприятий в Иране в начале 1975 г. было около 350¹¹⁴.

Осуществление в Иране программы широкой продажи акций — по сути дела перенесение на иранскую почву теории и практики распространенного в США и других западных державах «народного капитализма», приспособленного к выполнению задач «белой революции» и в отличие от закона об участии рабочих в прибылях, намного более отвечающего интересам иранской буржуазии, и особенно представителей ее верхушки. Поэтому не удивительно, что на состоявшемся в июне 1972 г. заседании Торговой и промышленной палаты Ирана, на котором присутствовало около 500 иранских бизнесменов, программа встретила полное одобрение¹¹⁵.

Учитывая, что продажа акций (как во многом и предшествующие проекты иранского государства по рабочему вопросу) касается прежде всего и главным образом фабрично-заводского пролетариата, нельзя недооценивать (хотя и в перспективе) осуществления этой новой программы и особенно вырисовывающиеся ее социально-политические последствия. Здесь не следует забывать и о весьма последовательном и целенаправленном осуществлении прошлых проектов по рабочему вопросу, что сопровождалось улучшением материального положения фабрично-заводского пролетариата, особенно в сравнении с той беспросветной нуждой, которую он испытывал до проведения общественных преобразований. Это уже принесло государству и буржуазии вполне зримые социально-политические результаты.

В достижении этих итогов немалую роль сыграли социально-культурные мероприятия, призванные, с одной стороны, подготовить иранский пролетариат к восприятию современных форм и методов производства, а с другой стороны, обеспечить предпосылки для более или менее нормального функционирования рабочей силы. Эти мероприятия, которые также проводятся при активном участии и под контролем государства, включают

проекты расширения социального страхования рабочих, улучшения их медицинского обслуживания, борьбы с неграмотностью, подготовки кадров и т. д.

В ходе осуществления этих и других проектов наблюдалось быстрое расширение социального страхования рабочих, которое охватило не только фабрично-заводской пролетариат, но и значительную часть рабочих кустарных мастерских и сферы обслуживания. Число застрахованных рабочих и служащих по линии медицинского обслуживания с 295 тыс. в феврале 1963 г. увеличилось до 1072 тыс. (с членами семей — 4,3 млн.) в октябре 1973 г. Страхование распространилось на 89,5 тыс. предприятий¹¹⁶. Организация социального страхования в феврале 1974 г. располагала 17 больницами с 5088 койками и 189 аптеками, имела договоры с 84 больницами¹¹⁷. Министерство труда и общественных дел создало фонд по безработице, деятельность которого к концу пятого плана развития должна охватить 100 тыс. человек¹¹⁸. Это отражает неуверенность правящих кругов в возможности решения проблемы занятости в стране.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов с расширением программ капиталистического переустройства и особенно индустриализации страны намного возросли усилия государства по борьбе с неграмотностью среди рабочих и развитию профессионально-технического обучения. На первой национальной конференции по труду, где вопросы профессиональной подготовки рабочих занимали очень важное место, подчеркивалось, что удельный вес неграмотных среди занятых в различных отраслях промышленности достигал в 1966/67 г. 72%, и это наряду с нехваткой лиц с высшим и средним техническим образованием оказывало неблагоприятное воздействие на экономическое развитие страны. По данным министерства труда, в январе 1972 г. даже среди городских рабочих в возрасте от 23 до 35 лет было 600 тыс. неграмотных¹¹⁹.

Едва ли надо говорить, что такой уровень грамотности (при недостатке преподавателей и т. д.) ставит перед системой профессионального обучения рабочих серьезные преграды и делает нереальным (во всяком случае в короткий срок и в удовлетворительных формах) решение проблемы обеспечения промышленности и иных от-

раслей иранского хозяйства квалифицированными кадрами. Это ни в коей мере не отрицает сдвигов, которые наблюдались в системе профессионального обучения иранских рабочих. Об этом косвенно свидетельствует рост числа учащихся в профессионально-технических учебных заведениях, в которых ведется подготовка как среднего технического персонала, так и квалифицированных рабочих. При значительной части этих учебных заведений функционируют курсы переподготовки рабочих¹²⁰.

Ведущую роль в подготовке квалифицированных рабочих играет министерство труда, которое осуществляет свою программу профессионального обучения в тесной связи с кампанией борьбы за ликвидацию неграмотности среди рабочих. С 1971 г. оно приступило к выполнению восьмилетней программы, которая, совмещая борьбу с неграмотностью и профессиональное обучение, предусматривает охватить 1 млн. рабочих¹²¹. В 1971—1974 гг. по этой программе занималось около 96 тыс. рабочих.

В развитии профессионально-технического обучения Иран использует помощь международных организаций, социалистических и капиталистических стран. Высокой оценки заслужила в Иране помощь в подготовке кадров, которую оказывал ему Советский Союз в соответствии с соглашениями о строительстве металлургического комбината в районе Исфахана, машиностроительного завода в Араке и трансиранского газопровода. Помимо обучения в процессе производства советские специалисты занимались подготовкой иранских квалифицированных кадров в пяти учебных центрах. Учебные центры при металлургическом комбинате к 1973 г. охватили обучением 3,5 тыс. человек. Помимо того, 756 рабочих и 206 технических специалистов, необходимых для обслуживания металлургического комбината, проходили подготовку в СССР, несколько сот — в Индии. Открытый в 1970 г. при машиностроительном заводе в Араке учебный центр к концу сентября 1972 г. завершил подготовку 309 рабочих 20 различных профилей. Все более практикуется отправка иранских рабочих для обучения за границу, преимущественно в западные страны. Так, в 1971/72 г. министерство труда направило за границу 1883 рабочих¹²³.

К мероприятиям государства по социальному обеспечению рабочих примыкает деятельность разного рода городских, и прежде всего рабочих, кооперативов, которые функционируют при финансовой помощи и под надзором государства. Это главным образом потребительские кооперативы, которые ограничивают эксплуатацию рабочих торгово-ростовщическим капиталом в сфере обращения; жилищные и кредитные кооперативы, призванные способствовать улучшению бытовых условий жизни рабочих. В январе 1973 г. общее количество рабочих кооперативов составляло 876 (188 — потребительских, 561 — кредитный, 122 — жилищных, 5 — производственных) с числом членов 214,3 тыс. и капиталом 166,3 млн. риалов. В марте 1975 г. в Иране было 1292 рабочих кооператива¹²⁴. Банк социального обеспечения рабочих с 1961 (год его учреждения) по 1973 г. выдал 132,2 тыс. рабочим ссуды на улучшение жилищных условий на сумму около 13,3 млрд. риалов¹²⁵. В 1963—1972 гг. 113 тыс. рабочих стали собственниками новых или лучших домов и квартир¹²⁶.

Расширение деятельности банка — прямое следствие попыток правительства ослабить жилищную проблему, которая с ростом городского населения и особенно с развитием старых и складыванием новых индустриальных центров превращается во все более важный фактор экономического (в рамках Ирана капиталистического) развития страны. Обострение жилищной проблемы (как показывают выборочные обследования материального положения городских семей) сопровождается прогрессирующим повышением квартирной платы, что наиболее тяжело ударяет по интересам городских жителей с низким уровнем доходов, и в том числе рабочих. Это, в свою очередь, создает серьезные трудности для «нормального функционирования рабочей силы», нередко обуславливает ее текучесть и т. д., что в известном смысле воздвигает дополнительные препятствия для успешного выполнения программ, направленных на «форсирование» и «безболезненное» осуществление капиталистической реконструкции страны. И неудивительно, что жилищный вопрос в последние годы не сходит со страниц иранской печати, а иранское государство (оставляя фактически в стороне нужды рабочих мелких предприятий) намечает и отчасти уже осуществляет раз-

личные проекты облегчения жилищных условий рабочих фабрично-заводской промышленности. Это касается прежде всего городских центров, где расположены узловые предприятия иранской промышленности. Идет и предусматривается строительство домов для рабочих Тегерана, Исфахана, Арака, Тебриза, Шираза, Керманшаха, Ахваза, Казвина, Мешхеда¹²⁷.

В довольно эффективном осуществлении различных мероприятий по рабочему вопросу важную роль играет то обстоятельство, что государство, видя во внутриполитической стабилизации одно из основных условий капиталистического переустройства хозяйства и общества, весьма энергично пресекает попытки уклониться от выполнения предписаний правительственных органов со стороны предпринимателей, стремится не допустить обострения противоречий между рабочими и предпринимателями. Закон о труде предусматривает создание арбитражных комиссий, которые при возникновении споров между рабочими и предпринимателями должны приложить все усилия к быстрому урегулированию конфликтов. При обострении разногласий предполагается вмешательство правительственной комиссии, на которую возлагаются обязанности любыми средствами разрешить спор «мирным путем» и не допустить развития конфликта до закрытия предприятия со стороны владельцев или забастовки со стороны рабочих. В случае невозможности разрешить конфликт путем переговоров правительственная комиссия имеет право взять управление предприятием в свои руки. Аналогичные в принципе полномочия получило министерство труда и по закону об участии рабочих в прибылях, причем в соответствии с одобренными в конце 1969 г. дополнениями к этому закону возможности министерства в предотвращении и урегулировании конфликтов возросли¹²⁸.

В серии мероприятий, направленных на ослабление рабочего движения, видное место занимают и проекты, преследующие цель подчинить строгому контролю властей деятельность профсоюзов. Запрещая Народную партию Ирана и фактически демократические профсоюзы, государство, будучи не в состоянии преодолеть тягу рабочих к организации, поощряет и способствует основанию профсоюзов под надзором подведомственных ему учреждений. Следует подчеркнуть, что такого рода

попытки предпринимались государством и ранее, но они не приносили сколько-нибудь заметных успехов. Однако в середине и особенно во второй половине 60-х годов сложились благоприятные условия для проведения социал-реформистской политики, которые обеспечивались, с одной стороны, разгромом левых организаций и установлением жестких рамок для предотвращения их деятельности, а с другой — известным улучшением положения рабочих, и прежде всего фабрично-заводского пролетариата, в ходе преобразований.

В 1964 г. министерство труда и общественных дел опубликовало постановление, которое подтверждало провозглашенное в 1959 г. законом о труде право рабочих на создание профсоюзов. Закон предусматривал регистрацию профсоюзов в министерстве, причем она разрешалась лишь в том случае, если их уставы не будут противоречить закону и приведены в соответствие с подготовленным министерством примерным уставом. Таким образом, легальное создание демократических профсоюзов фактически исключалось. В то же время «права и обязанности» профсоюзов по сути дела ограничивались защитой экономических интересов рабочих. Политическая деятельность допускалась лишь в рамках высказывания рекомендаций и сотрудничества с политическими партиями, а фактически с «Иран-е новин», которая вплоть до марта 1975 г. почти безраздельно господствовала на политической арене страны.

Кульминационным моментом деятельности государства по подчинению профсоюзов было создание в 1968 г. Организации рабочих Ирана, которая под девизом «бог — шах — родина» объединяла все «рабочие синдикаты», связанные с партией «Иран-е новин», т. е. большинство профсоюзов страны. Устав предусматривает вступление Организации в Международную конфедерацию профсоюзов, в руководстве которой преобладают лидеры западных профсоюзов, проводящих социал-реформистскую политику. Задачи, которые поставила перед профсоюзами первая конференция по труду, проходившая при активном участии представителей официальных кругов, сводили борьбу рабочих за свои права к борьбе за улучшение условий жизни и труда. Вместе с тем конференция призывала рабочих содействовать осуществлению программы «белой революции» и установ-

лению дружественных отношений между рабочими и предпринимателями¹²⁹. Деятельность профсоюзов охватывала, однако, в 1968 г. главным образом районы Тегерана. Но в дальнейшем в Иране наблюдался рост «рабочих синдикатов», и их число в конце 1970 г. достигло 322, в середине 1971 г. — 463, в октябре 1972 г. — 519, в мае 1973 г. — 531, в апреле 1974 г. — 610, что косвенно свидетельствует о расширении деятельности профсоюзов и в провинции. В конце 1974 г. число профсоюзов (они стали называться тред-юнионами) достигло 620. Было основано также 20 рабочих профсоюзных федераций¹³⁰.

Таким образом государство, сочетая методы принуждения и поощрения, захватило инициативу в основании профсоюзов.

Невзирая на известное улучшение материального, социального и культурного обеспечения рабочих в ходе буржуазных преобразований, их политические права (как и крестьян) по-прежнему сводятся к минимуму. Это находит наглядное выражение не только в запрещении политических организаций пролетариата, но и в том, что государство фактически почти полностью закрыло доступ представителям трудящихся в средние и высшие звенья административного аппарата и особенно в органы центральной власти. Об этом, в частности, свидетельствует утвержденный на референдуме 26 января 1963 г. закон о выборах в меджлис¹³¹. Закон, декларируя трудящимся права на участие в деятельности парламента, предъявлял к кандидатам в депутаты такие требования (внесение солидного денежного залога, ценз грамотности и т. д.), которые превращали для подавляющего большинства рабочих и крестьян возможность получить мандат депутата меджлиса в фикцию.

В итоге подавления демократических организаций и строгого подчинения рамкам закона рабочего движения, с одной стороны, и улучшения положения трудящихся в ходе реформ — с другой, массовое движение иранского пролетариата фактически потеряло боевой характер и в целом не выходило за рамки экономической борьбы. Во всяком случае, сколько-нибудь крупных выступлений пролетариата, выдвигавших политические лозунги, не наблюдалось.

Перспективы роста рабочего движения и возрожде-

ния революционных традиций иранского пролетариата связаны с неизбежным обострением противоречий капиталистического производства. Не меньшее значение в усилении рабочего движения может иметь повышение политической сознательности рабочего класса, четкое понимание им истинной природы и последствий всей совокупности мероприятий государства, проводимых в интересах капиталистического развития и сохранения на этом пути в стране строя, покоящегося на частной собственности и эксплуатации. Однако уяснение пролетариатом своей роли в настоящем развитии иранского общества сопряжено с серьезными трудностями, ибо это развитие протекает в сложных условиях многоукладного хозяйства, находящегося в состоянии трансформации, разнохарактерного влияния борьбы двух мировых систем, в обстановке экономического роста и социальных преобразований, при поддержке большинством населения страны этих преобразований. Нельзя также забывать, что иранские правящие круги, по сути дела отдавая себе отчет в невозможности устранения противоречий капиталистического общества, пытаются не допустить их обострения и перерастания в революционное движение. Здесь еще раз следует подчеркнуть, что иранское государство в своем стремлении превратить рабочих в «благопристойных членов буржуазного общества» и полнее использовать их как «производителей богатств» постоянно держит в поле зрения вопросы материального положения рабочего класса и его идеологической обработки.

Эти вопросы приобретают особенно важное значение в связи с усилением в странах «третьего мира» альтернативы капиталистическому пути развития, в связи с тем, что «борьба за национальное освобождение, — как подчеркивалось в сделанном Л. И. Брежневым Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений как феодальных, так и капиталистических», в связи с тем что «сегодня в Азии и Африке уже немало стран, вставших на некапиталистический путь развития, то есть взявших курс на строительство в перспективе социалистического общества»¹³².

Заключала программу общественных преобразований

административная реформа, провозглашенная шахом в тронной речи на открытии сессии парламента 6 октября 1967 г. Основные задачи этой реформы, намеченные в речи шаха, состояли в стремлении повысить эффективность административного аппарата и приспособить его к нуждам «белой революции», или, другими словами, к потребностям укрепляющего свои позиции в Иране в ходе общественных преобразований капиталистического общества.

Административная реформа, которую в Иране зачастую рекламируют как «административную революцию», осуществляется в органической связи с реконструкцией системы просвещения, призванной, с одной стороны, обеспечить административный аппарат, общественно-политические и экономические органы государства достаточным количеством высококвалифицированных кадров и тем самым повысить их дееспособность, а с другой — подготовить широкие слои населения Ирана к освоению и использованию современных форм и методов производства и тем самым к участию в капиталистическом переустройстве иранского общества.

Созванный во имя «административной революции» национальный конгресс, который состоялся в конце января — начале февраля 1968 г. и протекал под руководством представителей официальных кругов и лидеров партии «Иран-е новин», разработал рекомендации об основных направлениях административной реформы, которые коснулись самых различных сторон общественно-политической и экономической жизни страны. Рекомендации конгресса, в частности, предусматривали создание более гибкой административной системы и известную децентрализацию управления экономической и общественно-политической жизнью страны, борьбу с злоупотреблениями и административной волокитой, замену устаревшего законодательства и т. д. В то же время конгресс намечал шаги, призванные предотвратить распространение «вредных веяний» среди молодежи. В этой связи конгресс считал необходимым установить строгий контроль над прессой, кинопрограммами, передачами радио и телевидения, а вместе с тем обращать особенное внимание на организацию «здорового отдыха» и проведение спортивных мероприятий¹³³.

В соответствии с решениями конгресса для руковод-

ства административной реформой под эгидой шаха и во главе с премьер-министром был учрежден Совет «административной революции». 21 мая 1968 г. меджлис одобрил закон о создании коронной инспекции, которая взяла под контроль осуществление программы преобразований на всей территории страны¹³⁴. Административная реформа, рассчитанная на длительный срок, уже достигла заметных успехов. В большинстве провинциальных и районных центров функционируют административные советы, организации по благоустройству и т. д. В иранской деревне в конце декабря 1973 г. было около 27 тыс. сельских советов, которые охватили своей деятельностью более 38 тыс. сельских населенных пунктов¹³⁵. Значительные сдвиги наблюдались в составе административного персонала, и особенно его высших слоев. В 1971 г. основную массу постов директоров и глав департаментов государственных учреждений занимали лица с высшим образованием и в возрасте моложе 40 лет¹³⁶. Происходит обновление и средних, и низших звеньев административного аппарата, но этот процесс еще далек от завершения и помимо всего прочего в значительной мере зависит от успехов реконструкции системы просвещения и ее возможностей подготовить нужное количество высококвалифицированных кадров.

Реформа системы просвещения охватила все уровни образования, причем особенное внимание уделялось развитию высшего технического образования, расширению сети профессиональных школ и технических училищ, подготовке учащихся средних школ к практической деятельности.

В области начального образования, которое является бесплатным и обязательным, срок обучения в 1971/72 г. сократили с 6 до 5 лет и еще в середине 60-х годов предприняли шаги для распространения начального обучения на всей территории страны, и в том числе в зонах племен. В 1969 г. в зонах расселения племен Фарса, кохгилуйе, бойер-ахмеди и луров была 731 начальная школа для кочевников, где обучалось около 29,5 тыс. учащихся. Занятия в этих школах вели преподаватели — выходцы из племен, закончившие специальное педагогическое училище в Ширазе¹³⁷. Общее число учащихся начальных школ (включая учащихся школ корпусов про-

свещения и частных школ¹³⁸) с 1,7 млн. в 1962/63 г. возросло до 2,4 млн. в 1967/68 г. и 3,5 млн. в 1972/73 г.¹³⁹ Начальное обучение в 1971/72 г. охватило около 53% детей в возрасте от 6 до 12 лет¹⁴⁰. Это свидетельство того, что Ирану, несмотря на высокие темпы роста начального обучения, потребуется еще немало лет для осуществления своей программы обязательного начального образования. Тем не менее быстрое развитие системы начального образования в совокупности с деятельностью учрежденного в 1965 г. Национального комитета всемирной борьбы с неграмотностью и особенно корпусов просвещения уже привело к заметному повышению уровня грамотности населения¹⁴¹. Грамотность среди населения в возрасте 7 лет и старше с 15,4% в 1956/57 г. возросла до 29,4% в 1966/67 г. и 36,9% в 1967/72 г.¹⁴² С 1962/63 по 1972/73 г. уровень грамотности среди населения в возрасте от 10 до 44 лет возрос с 24 до 50%¹⁴³. Шах, выступая в сентябре 1972 г. на пятой конференции по образованию и отмечая успехи в борьбе с неграмотностью населения, подчеркнул, что неграмотность уже не представляет такой серьезной проблемы в Иране и следует акцентировать внимание на профессиональной подготовке кадров в городе и деревне¹⁴⁴.

Приведенные слова шаха, касающиеся итогов борьбы с неграмотностью, по меньшей мере являются преждевременными. С известным основанием эти слова можно отнести лишь к населению города, где уровень грамотности среди жителей в возрасте 7 лет и старше поднялся с 33,4% в 1956/57 г. до 50,4% в 1966/67 и 58,6% в 1971/72 г. (68,7% — среди мужчин и 48,1% — среди женщин)¹⁴⁵. В деревне же, несмотря на успехи, достигнутые в результате интенсивного развития начальной школы и активной деятельности корпусов просвещения, дело обстоит еще весьма неблагоприятно. Правда, следует учитывать, что накануне общественных преобразований деревня отличалась почти сплошной неграмотностью населения и в этой связи трудно было рассчитывать на крутой перелом в области ликвидации неграмотности и развития образования. Нельзя забывать и о необычайной живучести в деревне различных социальных предрассудков (что особенно давало себя знать в области женского образования), материальной необеспеченности значительной части сельского населения и т. д.,

и т. п. Так или иначе, но уровень грамотности населения иранской деревни остается очень низким. В 1966/67 г., по данным переписи населения, из общего числа жителей иранской деревни в возрасте 7 лет и старше было 15,1% грамотных (25,4% — среди мужчин и 4,3% — среди женщин), в 1968/69 г. — 18,3% (29,8% — среди мужчин и 5,8% — среди женщин). Как свидетельствуют итоги выборочных обследований сельских районов, за пять лет (1966/67—1971/72) число грамотных мужчин в иранской деревне увеличилось на 593,5 тыс., женщин — на 270,7 тыс. В результате уровень грамотности среди мужчин возрос до 33,1%, женщин — до 8,5%. Общий уровень грамотности населения иранской деревни составлял в 1971/72 г. 21,1%. При этом надо сказать, что из числа грамотных мужчин только 9,3%, а из числа грамотных женщин лишь 6,2% имели среднее и высшее образование ¹⁴⁶.

Еще более значительный рост наблюдался в системе среднего образования. При участии частного сектора ¹⁴⁷ число учащихся средних школ с 327 тыс. в 1962/63 г. увеличилось до 674 тыс. в 1967/68 г. и 1,2 млн. в 1972/73 г. ¹⁴⁸ При этом в средней школе (6—8-е классы — неполная и 9—12-е классы — полная средняя школа) резко возросла политехнизация обучения. Увеличивалось число школ повышенного типа — с математическим, литературным и естественнонаучным уклоном. В 1974/75 г. в неполной средней школе введено бесплатное обучение ¹⁴⁹.

Усиление политехнизации среднего образования в заметной степени облегчало выполнение насущной задачи подготовки кадров для различных отраслей иранского хозяйства, но, естественно, не разрешало проблему. В прямой связи с этим государство во второй половине 60-х годов предприняло решительные шаги для расширения сети профессионально-технических школ. Число учащихся этих школ с 9,2 тыс. в 1962/63 г. возросло до 16,3 тыс. в 1967/68 г. и до 64 тыс. в 1972/73 г. Вместе с тем число учащихся в педагогических училищах и центрах по подготовке преподавателей увеличилось с 5,8 тыс. в 1962/63 г. до 44 тыс. в 1972/73 г. ¹⁵⁰

Резко увеличилась и подготовка необходимых для развития иранского хозяйства квалифицированных кадров в системе высшего образования, где с каждым го-

дом возрастает удельный вес студентов технических и естественно-научных дисциплин при высоких темпах роста общего числа учащихся высших учебных заведений. Число студентов университетов и институтов с 24,5 тыс. в 1962/63 г. возросло до 37,5 тыс. в 1967/68 г. и до 115 тыс. в 1972/73 г., причем 25% студентов занималось в высших учебных заведениях, которые полностью или частично финансировались частным сектором¹⁵¹.

Невзирая на крупные сдвиги в развитии системы высшего и среднего профессионально-технического образования, сеть высших учебных заведений Ирана еще во многом не удовлетворяет все повышающиеся потребности иранского хозяйства в инженерах, агрономах и других специалистах. К тому же уровень знаний, которые дают иранские учебные заведения, нередко не соответствует современным мировым стандартам. Это приводит к тому, что Ирану по-прежнему приходится восполнять пробелы в подготовке кадров путем посылки молодежи для продолжения образования за границу, а также путем приглашения иностранных специалистов для выполнения различных проектов. Естественно, с расширением сети высшего и среднего профессионально-технического образования, улучшением системы обучения, с приобретением опыта национальными кадрами масштабы привлечения иностранных специалистов имеют тенденции к сокращению. Однако в то же время внедрение и освоение новых для Ирана видов производства выдвигает контртенденцию к росту привлечения иностранных специалистов и расширению направления иранской молодежи для продолжения образования за границу. Так или иначе, но число официально зарегистрированных иранских студентов в высших учебных заведениях различных, преимущественно западных, стран возросло. Если в 1962/63 г. в высших учебных заведениях различных стран обучалось 16 тыс. иранских студентов, то в 1967/68 г. — 19,4 тыс., в 1972/73 г. — 18 тыс., при этом свыше 40% иранских студентов обучалось в университетах и институтах США¹⁵². В 1973/74 г. в американских высших учебных заведениях было около 8 тыс. иранских студентов¹⁵³. Вместе с тем государство приняло меры к возвращению на родину иранских подданных — выпускников западных учебных заведений, ибо из-за лучших условий труда, а нередко из-за политических соображе-

ний иранские студенты зачастую после окончания курса обучения не торопились с возвращением в Иран и оседали в западных странах. С осуществлением программы общественных преобразований правительству удалось убедить значительную часть их вернуться на родину. Тем не менее в западных странах, и особенно в США, остается еще немало число иранских специалистов. По мнению иранского посла в США А. Захеда, в 1973 г. их там было 10—12 тыс. По другим оценкам, которые газета «Кейхан Интернешнл» считает более совершенными, число иранских специалистов в США и Европе не превышает 8—9 тыс.¹⁵⁴ Судя по этим оценкам, о сколько-нибудь точном определении числа иранских специалистов за границей не приходится говорить, но ясно одно, что их число довольно велико. В связи с этим с началом осуществления пятого плана развития (1973/74—1977/78), претворение в жизнь которого требует крупных дополнительных контингентов высококвалифицированных кадров¹⁵⁵, в Иране активизировалась кампания за возвращение иранских специалистов на родину с целью использования их знаний для осуществления внушительной программы этого плана¹⁵⁶. Однако пока для удовлетворения самых неотложных нужд развития хозяйства Ирану приходится прибегать к помощи иностранных технических специалистов с высшим и средним образованием и расплачиваться за их услуги крупными суммами иностранной валюты. В 1973 г. в различных отраслях иранского хозяйства работало около 26 тыс. иностранных технических специалистов¹⁵⁷.

В начале сентября 1974 г. на очередной конференции по образованию в Рамсаре был одобрен проект введения бесплатного обучения в полной средней и высшей школе. Этот проект предусматривает обязательства учащихся отработать после окончания курса обучения на предприятиях и в учреждениях государственного или частного сектора один год за каждый год обучения в полной средней школе и два года за каждый год обучения в высшем учебном заведении. В случае отказа от таких обязательств учащиеся оплачивают расходы по обучению. Эти правила распространяются и на иранских студентов, посланных для продолжения образования за границу. В непосредственной связи с программой правительства, направленной на последовательное введение

всеобщего бесплатного обучения (или, точнее, распространения его на подавляющее большинство учащихся на всех уровнях образования), намечалось провести национализацию частных начальных и неполных средних школ и приступить к постепенной национализации полных средних школ¹⁵⁸.

Издание настоящего проекта выражает прежде всего озабоченность правительства нехваткой квалифицированных кадров, необходимых для выполнения обширных программ экономического, социального и культурного развития страны. Осуществление проекта во многом создает предпосылки для выполнения этих задач или во всяком случае для облегчения их решения. Оно, в частности, позволяет заметно расширить контингент учащихся за счет представителей малоимущих слоев населения, проявивших способности, и тем самым наряду с повышением качества преподавания в значительной мере способствовать улучшению подготовки достаточно квалифицированных кадров. Вместе с тем осуществление названного проекта призвано содействовать использованию квалифицированных кадров в соответствии с их профессиональной подготовкой, а также предотвратить утечку специалистов за границу, что до сих пор, как уже говорилось, имеет весьма широкое распространение в Иране.

Параллельно с осуществлением широких мероприятий по развитию системы просвещения и подготовке кадров предприняты весьма энергичные шаги по улучшению бытовых условий населения и тем самым нормального функционирования рабочей силы.

Ведущее место среди этих мероприятий занимало осуществление серии проектов по линии здравоохранения, из которых наиболее важное значение придавалось борьбе с эпидемиями. В ходе этой кампании, включавшей массовые прививки, осуществление мероприятий по снабжению населения чистой питьевой водой и иных профилактических проектов, в Иране в значительной мере была искоренена малярия, почти не наблюдалось поражений оспой и холерой, заметно сократилось число заболеваний и, главное, смертность от дифтерии, коклюша, столбняка, туберкулеза. Весьма успешное проведение этой кампании послужило одной из причин общего сокращения смертности среди населения Ирана — с 25

на 1 тыс. человек в 1962/63 г. до 16 на 1 тыс. человек в 1972/73 г. В то же время в результате улучшения медицинского обслуживания в городе и деревне (главным образом благодаря расширению деятельности корпуса здравоохранения) смертность среди детей в возрасте до 12 месяцев уменьшилась с 216 на 1 тыс. до 120 на 1 тыс. Средняя продолжительность жизни за рассматриваемый период увеличилась в Иране с 41 до 51 года¹⁵⁹.

Тем не менее уровень смертности среди населения Ирана является еще довольно высоким, что наряду с тяжелым материальным и бытовым положением значительной части населения обуславливается весьма низким уровнем развития здравоохранения в стране, хотя оно и добилось успехов в ходе общественных преобразований.

За период с 1962/63 по 1972/73 г. число поликлиник возросло с 1558 до 2600, аптек — с 1000 до 1510¹⁶⁰. В то же время число больниц и санаториев увеличилось с 352 (24 тыс. коек) в 1963/64 г. до 399 (27 тыс. коек) в 1967/68 г. и 519 (39,5 тыс. коек) в 1972/73 г. Если в 1963/64 г. на каждые 10 тыс. человек приходилось 9,7 больничной койки, то в 1972/73 г. — 13,6¹⁶¹. Такое количество медицинских учреждений (учитывая, что среди них преобладали мелкие) было не в состоянии удовлетворить не только нужды населения страны в целом, но даже города. К тому же распределение этих учреждений было крайне неравномерным. Так, на долю Тегерана в 1967/68 г. приходилось 40% больничных коек, тогда как в нем проживало 13% населения. Если в центральных районах одна койка приходилась на 363 человека, то в районах расселения племен бойер-ахмеди и кохгилуйе — на 21 тыс. человек¹⁶². Следует также отметить, что в системе министерства здравоохранения было только 154 больницы с 6052 койками. Остальные больницы находились в ведении или принадлежали военному министерству, Организации социального страхования, нефтяным компаниям, банкам и т. д.¹⁶³

Аналогичное во многом положение наблюдалось и в распределении медицинских кадров, хотя здесь с расширением деятельности корпуса здравоохранения наблюдалось быстрое повышение удельного веса врачей, обслуживающих сельских жителей¹⁶⁴. В целом в стране один врач в 1970/71 г. приходился на 3700 жителей, в

1973/74 г. — на 3100 жителей, но при этом по-прежнему наблюдались резкие диспропорции в распределении медицинского персонала по отдельным областям, крупным городам и сельским районам. В Центральном остане в 1970/71 г. один врач приходился на 1600 жителей, в Западном Азербайджане — на 9 тыс., в Зенджане — на 15 тыс. жителей¹⁶⁵. При этом, однако, следует отметить, что в 1973/74 г. свыше 50% всех врачей сосредоточивалось в Тегеране и почти 30% в других крупных городах с общим населением около 7,5 млн. человек. В сельских районах и мелких городах один врач приходился на 15—16 тыс. жителей¹⁶⁶. Принимая во внимание то обстоятельство, что большинство врачей работало не в системе министерства здравоохранения, а занималось частной практикой¹⁶⁷ или работало в различных ведомствах, обществах и компаниях, то станет совершенно очевидным, что даже значительная часть населения крупных городов не имела еще фактически возможности пользоваться медицинской помощью. По данным недавних обследований организаций здравоохранения, 50% населения Ирана пока полностью лишено медицинского обслуживания¹⁶⁸.

Явно неблагоприятное положение с медицинским обслуживанием населения вызывает беспокойство у представителей официальных кругов, которые видят в этом серьезные препятствия для переустройства иранского общества на капиталистический лад. В связи с этим наряду с расширением контингента учащихся медицинских учебных заведений предпринимаются шаги по предотвращению утечки выпускников этих учебных заведений за границу. Однако, как сообщала 19 августа 1974 г. газета «Аяндеган», утечка медицинских кадров не только не уменьшается, но даже возрастает. Если в 1966 г. Иран, по сведениям газеты, покинуло 80 выпускников медицинских учебных заведений, то в 1972 г. — 300.

В то же время иранское правительство осуществляет меры по возвращению на родину врачей иранского происхождения, работающих в других странах, и прежде всего в США. Врачам обещают льготы в вопросах военной службы, ссуды для открытия частных медицинских учреждений, высокую заработную плату при поступлении в государственные организации здравоохранения¹⁶⁹. Иранское правительство предпринимает также попытки

восполнить острую нехватку медицинских специалистов за счет привлечения их главным образом из стран Азии — Индии, Пакистана, Таиланда, Филиппин. Иностраных специалистов предполагается использовать преимущественно для улучшения медицинского обслуживания в сельских местностях ¹⁷⁰.

Осуществлением этих и иных мероприятий, особенно расширением подготовки медицинских кадров в национальных учебных заведениях и за рубежом, иранское правительство рассчитывает покрыть неотложные потребности системы здравоохранения, которая нуждается в дополнительном привлечении в 1973/74—1977/78 гг. не менее 16 тыс. врачей ¹⁷¹. Между тем в Иране в 1972/73 г. было только 9,6 тыс. врачей (против 4,5 тыс. в 1963/64 г.), 1,7 тыс. стоматологов (782), 9,1 тыс. медсестер и фельдшеров (1000) ¹⁷².

Из прочих общественных преобразований, призванных ослабить демократическое движение и стимулировать активное участие населения в осуществлении проектов реконструкции Ирана, важное значение придается мероприятиям по эмансипации женщин, повышению их роли в социально-экономической жизни страны. Среди этих мероприятий, встретивших упорное сопротивление реакционных кругов, и особенно высшего и среднего духовенства, следует отметить три основных: предоставление женщинам в соответствии с одобренным на референдуме 26 января 1963 г. законом избирательных прав наравне с мужчинами; принятие в июне 1967 г. меджлисом закона о защите прав женщин в семье; издание в июле 1968 г. закона об общественной службе женщин ¹⁷³.

Эти и другие мероприятия вызвали серьезные сдвиги в положении женщин в Иране, что проявилось прежде всего в повышении их удельного веса в составе самодеятельного населения. Число занятых среди женщин за период с 1956 по 1966 г. возросло с 573 тыс. до 910 тыс., или почти на 60%, а число занятых среди мужчин — только на 11,5%. В 1972/73 г. число занятых среди женщин оценивалось в 1382 тыс. По предварительным подсчетам, за счет увеличения использования труда женщин предполагается покрыть свыше 50% потребностей иранского хозяйства в дополнительной рабочей силе в период пятого плана ¹⁷⁴.

Значительный рост числа занятых женщин, однако, не сопровождается в достаточной мере ликвидацией дискриминации при оплате их труда. По признанию иранских официальных органов, невзирая на провозглашенную законом равную оплату за равный труд, на большинстве предприятий эта статья закона не соблюдается. Зачастую рабочий день женщин длится 12 час. На ряд участков трудовой деятельности под влиянием религиозных предрассудков, традиций и обычаев женщины не допускаются¹⁷⁵. Особенно проявляется дискриминация женщин при назначении на более или менее значительные должности, при выборах в различные общественные учреждения. Тем не менее наблюдаются сдвиги и в этом направлении, хотя эти сдвиги касаются лишь представительниц состоятельных слоев населения. На выборах в парламент в 1963 г. 4 женщины стали депутатами меджлиса и 2 — членами сената, в 1967 г. — соответственно 7 и 2. В январе 1973 г. 17 женщин были депутатами меджлиса, 4 — членами сената. 159 женщин было в составе городских советов и региональных советов просвещения. В августе 1968 г. появилась первая в истории Ирана женщина-министр — д-р Фаррохру Парса, которая получила назначение на пост министра просвещения. В январе 1973 г. 3 женщины занимали посты заместителей министров, 20 — посты директоров предприятий или учреждений, 9 — издателей и редакторов, 12 — судей, 20 — адвокатов. Встречаются женщины на службе в полиции, члены «домов справедливости», члены в значительной мере аналогичных с ними по своим задачам и структуре арбитражных советов в городах, члены правлений сельскохозяйственных кооперативов и т. д.¹⁷⁶ Не приходится, однако, говорить, что число женщин, которых в той или иной степени можно отнести к руководящему звену в политической и социально-экономической жизни Ирана, в целом пока ничтожно мало. Это обуславливается, по-видимому, как тем, что кампания по эмансипации женщин еще не получила в Иране достаточной силы и размаха, так и особенно тем, что в стране сохраняется еще уничижительное отношение к роли женщин в политической и социально-экономической жизни. Конечное изменение этих взглядов, оберегаемых мусульманскими традициями и обычаями, — вопрос длительного времени. Тем же

менее с весьма бурным развитием системы просвещения в Иране, и в том числе образования среди женщин, и под воздействием ряда других факторов складываются предпосылки для ускорения ликвидации этого ненормального положения.

В 60-х годах в Иране наряду с быстрым ростом числа женщин-учащихся наблюдалось заметное повышение удельного веса женщин среди учащихся на всех уровнях образования. Вместе с тем, если в 1957/58 г. из 47,3 тыс. учителей начальных школ было 14,5 тыс. женщин, то в 1968/69 г. из 115,8 тыс. — 44,1 тыс. женщин. В 1961/62 г. в высших учебных заведениях была 81 женщина-преподаватель, в 1967/68 г. — 132, а в 1972/73 г. — 438 женщин-преподавателей с полной нагрузкой и 339 — с неполной нагрузкой¹⁷⁷.

Важную роль в приобщении женщин к общественно полезной деятельности играет основанная 20 августа 1966 г. Организация женщин Ирана, объединившая во главе с сестрой шаха — Ашраф Пехлеви большинство женских обществ страны. Созданием этой организации государство, как и в прочих областях общественно-политической жизни, взяло фактически под контроль женское движение. Организация в 1973 г. имела в провинции 186 филиалов. Общее число членов организации в 1970 г. составляло 70 тыс.¹⁷⁸. Деятельность организации сводилась главным образом к проведению мероприятий по улучшению бытовых и семейных условий женщин, к борьбе с неграмотностью среди женщин и распространению среди них профессиональных знаний¹⁷⁹. Женская организация в 1971/72 г. имела 1248 классов по ликвидации неграмотности (в том числе 500 классов в Тегеране). К 1973 г. эти классы закончили около 30 тыс. женщин. Тем не менее уровень грамотности среди женщин, по итогам выборочной переписи 1968/69 г., был в 2 раза ниже, чем среди мужчин. В деревне же уровень грамотности среди женщин составлял только 5,8% и был более чем в 5 раз ниже, чем среди мужчин¹⁸⁰.

Сравнительно низкий уровень грамотности среди женщин, сохраняющаяся во многом дискриминация женщин в области трудовой и общественной деятельности, продолжающееся в значительной мере ограничение женщин в области семейного права и т. д. позволяет ска-

зять, что женский вопрос в Иране еще далек от своего разрешения. В то же время весьма прочно сохраняющиеся мусульманские предрассудки, традиции и обычаи (они отчасти культивируются властями путем поощрения деятельности различных исламских институтов) не оставляют надежд на удовлетворительное разрешение женского вопроса и в дальнейшем, во всяком случае в ближайшем будущем.

Успешное проведение общественных преобразований создало благоприятные условия для претворения в жизнь программы индустриализации и иных проектов развития хозяйства, которые осуществлялись в 60-х — начале 70-х годов в соответствии с третьим и четвертым планами развития страны. Эти планы были призваны сделать крупный шаг вперед на пути переустройства Ирана по капиталистическому образцу, добиться укрепления экономического потенциала страны и высоких и устойчивых темпов роста хозяйства и национального дохода.

В отличие от первого и второго семилетних планов рассматриваемые программы, особенно четвертый план, в известных пределах сами были органической частью общественных преобразований, отражали потребности этих реформ. Здесь фактически использовался опыт осуществления второго плана, когда экономические мероприятия, не подкрепленные общественными преобразованиями не только не принесли намеченных результатов, но в заметной степени стали одной из причин разразившегося в Иране в конце 50-х — начале 60-х годов экономического кризиса.

Необходимые (и в ряде аспектов решающие) предпосылки для осуществления намеченных в третьем и четвертом планах проектов (прямо или косвенно) складывались и в итоге нормализации отношений Ирана с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Это позволило Ирану обеспечить себе финансовое и техническое содействие социалистических стран, прежде всего СССР, в строительстве важных объектов, что в свою очередь в определенной степени стимулировало западные державы, стремившиеся к упрочению своего влияния в стране, к участию в выполнении проектов третьего и четвертого планов. Вместе с тем нормализация отношений с Советским Союзом и другими социалисти-

ческими странами, которая привела к укреплению положения Ирана на международной арене, способствовала созданию условий для проведения иранским государством внешнеполитического курса, содействующего упрочению суверенитета страны. Это, в частности, неоднократно проявлялось в переговорах Ирана с западными нефтяными монополиями.

В ходе этих переговоров Ирану, в условиях роста освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке и действия ряда иных благоприятных факторов, удалось добиться заметного увеличения своей доли от эксплуатации западными монополиями иранских нефтяных месторождений и других важных уступок. Доходы государства от эксплуатации нефтяных месторождений (они являются главным источником финансовых поступлений в бюджет долгосрочных программ социально-экономического развития) в 60-х и особенно в начале 70-х годов резко возросли. Поступления Ирану от разработки нефтяных ресурсов Хузестана (на эти отчисления приходится подавляющая часть доходов государства от эксплуатации нефтяных месторождений страны) с 291,1 млн. долл. в 1961/62 г. увеличились до 715 млн. в 1967/68 г., 2,3 млрд. в 1972/73 г. и до 3,4 млрд. долл. в 1973/74 г. Общие доходы Ирана от разработки нефтяных ресурсов достигли 2,6 млрд. долл. в 1972/73 г. и 5 млрд. долл. в 1973/74 г. В связи с резким повышением цен на нефтяную продукцию в 1974/75 г. поступления Ирану от эксплуатации нефтяных месторождений поднялись до 19,8 млрд. долл. Предполагается, что в валовом национальном продукте доля доходов от разработки нефтяных ресурсов с 19,5% в 1972/73 г. возрастет до 48,7% в 1977/78 г.¹⁸¹

Значительную роль сыграло улучшение отношений Ирана с Советским Союзом и другими социалистическими странами в привлечении к осуществлению проектов экономического строительства частного сектора, что проявлялось прежде всего в открытии для иранских товаров надежного и емкого рынка этих стран. Постепенное утверждение на рынке социалистических стран, благоприятно относящихся к размещению экспортной продукции иранской промышленности и сельского хозяйства, имеет для экономического развития Ирана, пожалуй, не меньшее значение, чем непосредственное участие этих

стран в экономическом строительстве. Дело заключается в том, что проблема реализации продукции (при жесткой конкуренции империалистических держав и недостаточно емком внутреннем рынке, связанном, в частности, с низким платежеспособным спросом широких масс трудящихся) является одной из самых острых проблем иранского хозяйства и вызывает серьезное беспокойство в стране. С эволюцией иранского хозяйства по буржуазному пути развития в условиях резкого усиления борьбы на мировом капиталистическом рынке разрешение проблемы сбыта не только не облегчается, но скорее затрудняется. У иранских официальных и особенно деловых кругов еще свеж в памяти кризис, который в конце 50-х — начале 60-х годов буквально поразил хозяйство и привел к разорению часть предпринимателей и купцов. Между тем рост сотрудничества с социалистическими странами создает благоприятные возможности для успешного решения проблемы реализации. Это наряду с иными факторами обеспечивает государству необходимые предпосылки для эффективного привлечения к экономическому строительству средств частных лиц и компаний, что является мощным рычагом выполнения долгосрочных программ.

На выполнение третьего плана государство предусматривало ассигнования в объеме 230 млрд. риалов, что более чем в 2,7 раза превышало ассигнования, установленные для осуществления второго семилетнего плана (84 млрд. риалов). Ежегодный прирост валового продукта намечался в размере 6%. В действительности затраты государства по третьему плану составили 204,6 млрд. риалов, из которых 180,9 млрд. риалов пошло на капиталовложения и 23,7 млрд. риалов — на «текущие расходы»¹⁸². Тем не менее период третьего плана характеризовался необычайно высокими для Ирана темпами экономического развития, когда рост валового национального продукта (в постоянных ценах) достиг 8,5%¹⁸³. Такие успехи во многом обуславливались активизацией частного сектора, капиталовложения которого в этот период намного превзошли инвестиции государства и составили 246,1 млрд. риалов вместо ожидавшихся 132 млрд. риалов¹⁸⁴. Из 204,6 млрд. риалов ассигнований государства на выполнение третьего плана 53,8 млрд. риалов пошло на развитие транспорта и связи;

47,3 млрд. — сельского хозяйства и ирригации, 32 млрд. — электроэнергетической, нефтяной и газовой промышленности, 17,1 млрд. — обрабатывающей и добывающей, 12,2 млрд. — строительства, 7,2 млрд. — благоустройство городов, 17,5 млрд. — просвещения, 13,2 млрд. — здравоохранения и 4,3 млрд. риалов — на прочие затраты¹⁸⁵. Распределение ассигнований государства, однако, лишь в незначительной степени отражало размещение общих капиталовложений, что обуславливалось чрезвычайной неравномерностью в распределении частных инвестиций. Главный поток их наблюдался в строительстве, промышленности и торговле, а капиталовложения частного сектора в сельское хозяйство составляли сравнительно незначительную сумму, что послужило одной из основных причин очень слабой технической оснащенности, медленного роста и неустойчивого развития этой отрасли¹⁸⁶.

Капиталовложения на осуществление четвертого плана устанавливались (без учета дополнительных инвестиций) в 810 млрд. риалов, что почти в 2 раза превышало инвестиции государства и частного сектора в период третьего плана. 443,5 млрд. риалов (54,8%) из этой суммы предусматривалось покрыть за счет государства и 366,5 млрд. риалов (45,2%) — частного сектора. Из капиталовложений государства 380,2 млрд. риалов приходилось на долю Плановой организации и 63,3 млрд. риалов — компаний, учреждений и муниципалитетов. Плановая организация выделяла 34,9 млрд. риалов на кредиты частному сектору и 64,9 млрд. риалов на «текущие затраты»¹⁸⁷. В 1971 г. общие ассигнования Плановой организации с 480 млрд. риалов увеличились до 577,4 млрд. риалов¹⁸⁸.

В соответствии со взятым еще в 1964 г. курсом на индустриализацию хозяйства ведущее место в капиталовложениях государства по четвертому плану в отличие от предшествующих долгосрочных программ занимали инвестиции в обрабатывающую и добывающую промышленность. Эти капиталовложения (без инвестиций в нефтяную и газовую промышленность) более чем в 5 раз превышали капиталовложения государства в эти отрасли в период третьего плана и составляли 86,7 млрд. риалов, или около 20% всех инвестиций государства. Свыше 80% капиталовложений (отражая переход Ира-

на на более высокую ступень социально-экономического развития) направлялось на строительство крупных предприятий в металлургической (37 млрд. риалов), машиностроительной (11 330 млн.) и химической, главным образом нефтехимической (20 182 млн. риалов), отраслях. Учитывая частные инвестиции, которые (включая кредиты государства) предусматривались в размере 120,3 млрд. риалов, капиталовложения в промышленность устанавливались в объеме 207 млрд. риалов, или более $\frac{1}{4}$ всех инвестиций. Из частных капиталовложений 53,5 млрд. риалов направлялось в машиностроительную и 32,9 млрд. риалов в химическую промышленность. Плановая организация выделяла также 6 млрд. риалов на «текущие расходы». В 1971 г. ее общие ассигнования на развитие промышленности повысились с 99 млрд. до 116,2 млрд. риалов.

Инвестиции в нефтяную промышленность ожидалось в объеме 69,8 млрд. риалов, из которых 75% предполагалось покрыть за счет частного сектора в лице МНК и различных компаний с участием иностранных монополий и 25% — государства, главным образом в лице ИННК. Капиталовложения в газовую промышленность предусматривались в 24,8 млрд. риалов, которые полностью осуществляло государство. В 1971 г. Плановая организация направила на развитие этих отраслей дополнительные ассигнования в размере 40,7 млрд. риалов. Получила добавочные денежные вливания от Плановой организации и электроэнергетика, ассигнования на развитие которой увеличились с 38 млрд. до 44,4 млрд. риалов.

В то же время Плановая организация сократила ассигнования на развитие сельского хозяйства с 65 млрд. до 51,3 млрд. риалов, а ирригации — с 48,5 млрд. до 43,9 млрд. риалов. Между тем капиталовложения в сельское хозяйство и так не шли ни в какое сравнение с инвестициями в промышленность. Они устанавливались в 66,1 млрд. риалов, из которых 25 млрд. приходилось на долю государства и 41,1 млрд. — частного сектора. При этом 21 млрд. риалов частных инвестиций осуществлялось за счет кредитов Плановой организации, которая, помимо того, выделяла 20 млрд. риалов на «текущие расходы». В то же время государство направляло 53 050 млн. риалов на

развитие ирригации. В отличие от прошлых лет рост производства предусматривалось достигнуть главным образом не распашкой пустующих земель и увеличением поголовья скота, а интенсификацией производства путем расширения и улучшения системы орошения, применения современных методов агрикультуры и агротехники, повышения породности скота, активизации борьбы с вредителями и болезнями растений и животных. В результате этих мероприятий предполагалось, что продукция растениеводства при расширении ежегодно обрабатываемых площадей с 7,1 млн. до 7,55 млн. га возрастет на 43,3%, а животноводства — на 36,7%.

Второе место после промышленности в общих затратах по четвертому плану занимали ассигнования на развитие транспорта и связи, в реконструкции которых на современной базе с оживлением экономической жизни и ростом внешнеэкономических связей Иран испытывал довольно острую нужду. Ассигнования на осуществление различных проектов в области транспорта определялись в 107,4 млрд. риалов, из которых 87,5 млрд. приходилось на долю государства и 20 млрд. — частного сектора. Государство также направляло 20 млрд. риалов на развитие связи. В 1971 г. Плановая организация выделила 4,7 млрд. риалов дополнительных ассигнований на развитие транспорта и 25 млрд. риалов — связи.

Значительное место в четвертом плане уделялось строительству, причем капиталовложения частного сектора в этой отрасли (66,4 млрд. риалов) более чем в 3 раза превосходили инвестиции государства (20,1 млрд. риалов). В непосредственной связи с инвестициями в строительство осуществлялись капиталовложения в благоустройство городов — 17,7 млрд. риалов, а отчасти и деревень — 13,4 млрд. риалов, из которых 5,3 млрд. риалов приходилось на частный сектор. Плановая организация по этим двум статьям выделила также 15,1 млрд. риалов на «текущие расходы». В 1971 г. Плановая организация увеличила ассигнования на строительство на 17,2 млрд. риалов, на благоустройство городов и деревень — на 2,5 млрд. риалов.

Невиданные в истории Ирана ассигнования направлялись на развитие социальной инфраструктуры, и в первую очередь на расширение и укрепление системы просвещения, на которую возлагается проведение серии

мероприятий по борьбе с неграмотностью, расширению и совершенствованию школы, сети среднего профессионального и высшего образования. Затраты на развитие системы просвещения устанавливались в размере 43 млрд. риалов, из которых 35 млрд. предусматривалось покрыть за счет Плановой организации и 8 млрд. — частного сектора. Ассигнования на развитие системы здравоохранения определялись в 25 950 млн. риалов, из которых 20 750 млн. риалов приходилось на государство и 5,2 млрд. — на частный сектор. В 1971 г. Плановая организация сократила на 1,3 млрд. риалов ассигнования по линии системы просвещения и увеличила на 2,75 млрд. риалов ассигнования на развитие здравоохранения. Специальный раздел в четвертом плане в отличие от прошлых долгосрочных программ предусматривал ассигнования государства и частного сектора в размере 6,05 млрд. риалов на цели социального обеспечения. Выделение такого раздела, в значительной мере вызванное сдвигами в общественной структуре Ирана, вместе с тем свидетельствует о стремлении государства взять под контроль организации социального обеспечения, играющие немаловажную роль в общественной жизни страны.

С реализацией намеченных в 1968 г. на осуществление четвертого плана ассигнований предусматривалось, что ежегодный рост валового внутреннего продукта составит 9,4%. Но крупные дополнительные ассигнования со стороны государства и рост участия частного сектора в экономическом строительстве позволили заметно превысить эту цифру. Ежегодный прирост валового внутреннего продукта достиг в период четвертого плана 12,7%, национального продукта — почти 12%. Намеченные показатели были превзойдены в большинстве отраслей, за исключением сельского хозяйства и строительства¹⁸⁹.

Опираясь на систематический и быстрый рост доходов от эксплуатации нефтяных месторождений, используя финансовое и техническое содействие СССР и других социалистических стран, увеличивая привлечение для осуществления различных экономических проектов западные монополии, всячески поощряя участие в экономическом строительстве частного сектора, Иран в 60-х — начале 70-х годов сумел добиться серьезных успехов в

повышении экономического потенциала страны, и особенно в области промышленности и различных областей инфраструктуры.

Среднегодовой темп прироста валового продукта в обрабатывающей и добывающей промышленности (исключая нефтяную) составлял в 1959/60—1970/71 гг. 11%¹⁹⁰. В период четвертого плана рост достигал 14% при ежегодном увеличении валового национального продукта на 11,9%. Доля обрабатывающей и добывающей промышленности в валовом внутреннем продукте с 9,8% в 1962/63 г. возросла до 11,2% в 1967/68 г. и 13,4% в 1972/73 г.¹⁹¹.

Названные изменения не отражали характера основных сдвигов в развитии промышленности. В Иране в конце 60-х — начале 70-х годов при финансовом и техническом содействии Советского Союза вступили в строй металлургический комбинат в районе Исфахана и машиностроительный завод в Араке, Чехословакии — машиностроительный завод в Тебризе, Румынии — тракторный завод в Тебризе. В то же время при содействии и нередко прямом участии западных монополий приступили к выпуску продукции нефтехимические комплексы в Бендер-Шахпуре, Абадане и на о-ве Харк, алюминиевый завод в Араке, два трубопрокатных завода в Ахвазе и ряд иных крупных предприятий. Пуск в эксплуатацию этих и других крупных предприятий тяжелой промышленности, закладывающих наряду с осуществлением обширных проектов развития инфраструктуры экономическую базу для реконструкции иранского хозяйства, составил суть основных сдвигов в развитии промышленности в период третьего и особенно четвертого плана. Однако пока даже в области промышленности современные формы производства не получили достаточного распространения и в определенном смысле как бы растворяются в массе мелких капиталистических, различных переходных и даже докапиталистических форм производства.

По приблизительным данным иранских статистических органов, количество «крупных предприятий» (с числом рабочих свыше 10), с марта 1962 г. по март 1972 г. возросло в промышленности с 2839 до 5100, или почти в 1,8 раза, а число занятых на этих предприятиях рабочих со 150 тыс. до 350 тыс., или более чем в 2,3 раза.

При этом общее число занятых в обрабатывающей и добывающей промышленности с 1061 тыс. в 1962/63 г. увеличилось до 1750 тыс. в 1972/73 г. Из этого количества рабочих 700 тыс. обслуживали предприятия, применяющие механические или электрические двигатели. В этом заключается очень важный сдвиг в развитии промышленности, где в 1962/63 г. механические или электрические двигатели использовались лишь на предприятиях с общим числом занятых 131,5 тыс.¹⁹². В то же время более 1 млн., или около 60% занятых в промышленности, приходилось в марте 1972 г. на расположенные в значительной части в сельских районах кустарные мастерские, в которых производство велось вручную или при помощи примитивных станков. Однако следует подчеркнуть, что кустарные матерские преобладали в отраслях, удовлетворяющих преимущественно специфические нужды экспорта и внутреннего потребления. Ведущую роль в этих отраслях играет ковроделие, на которое в 1965/66 г. приходилось 748 тыс. занятых (379 тыс. в сельской и 369 тыс. в городской промышленности)¹⁹³. Спрос городского и сельского населения Ирана на изделия промышленности все более удовлетворяется за счет продукции фабрично-заводских предприятий. В 1971/72 г. 5100 «крупных предприятий» выпустили продукцию на сумму свыше 240 млрд. риалов, или 57% всей продукции иранской промышленности. 190 млрд. риалов приходилось на частные предприятия, причем 60% названной суммы на 144 предприятия и компании с числом занятых 120 тыс. человек¹⁹⁴.

Непосредственным следствием названных изменений был рост производительности труда в промышленности. В период третьего плана она повысилась более чем на 50%. И все же производительность труда в промышленности оставалась очень низкой. Такое положение, которое в значительной мере сохраняет свое значение и в настоящее время, во многом обуславливается тем, что почти 55% занятых в обрабатывающей промышленности приходилось в 1972/73 г. на текстильное производство, отличавшееся резким преобладанием мелких предприятий и ручного труда и дававшее лишь около 27% валовой продукции рассматриваемой отрасли. Это ни в коей степени не отрицает сдвигов, которые наблюдались как в самой текстильной промышленности, так и особенно в

других отраслях по производству товаров широкого потребления. Наиболее рельефно эти сдвиги наблюдались в производстве культурно-бытовых и хозяйственных товаров длительного пользования, спрос на которые в конце 50-х — начале 60-х годов был невелик, но удовлетворялся почти исключительно путем импорта. В 1962/63—1972/73 гг. производство кондиционеров возросло с 1,6 тыс. до 99 тыс., холодильников — с 0,2 тыс. до 187 тыс., телевизоров — с 0,6 тыс. до 170 тыс., радиоприемников — с 8,6 тыс. до 222 тыс. В 1972/73 г. иранская промышленность также выпустила 95 тыс. телефонных аппаратов для личного пользования и 52 тыс. телефонных коммутаторов. 3 млн. электрических ламп для освещения, 700 тыс. аккумуляторов и значительное количество других изделий, производство которых она освоила в период третьего и четвертого планов. Производство легковых автомашин в 1962/63—1972/73 гг. увеличилось с 1526 до 49 400, автобусов — с 212 до 3050, грузовых автомашин — с 238 до 3094. При этом надо отметить, что если на первой стадии своей деятельности автомобильные заводы, которые в большинстве создавались с участием иностранного капитала, осуществляли сборку автомашин преимущественно из доставлявшихся из-за границы узлов и деталей, то в начале 70-х годов значительная часть этих узлов и деталей изготовлялась внутри страны¹⁹⁵.

Очень важные сдвиги в Иране наблюдались в развитии нефтяной промышленности, на которую в 1968/69 г. приходилось 24,4%, а в 1972/73 г. — 27,3% валового внутреннего продукта¹⁹⁶. Добыча нефти в Иране с 63,5 млн. т в 1962 г. возросла до 226,3 млн. в 1971 г., 252,3 млн. в 1972 г. и 293,4 млн. т в 1973 г.¹⁹⁷. Свыше 90% добычи давали предприятия МНК, который вплоть до недавнего времени играл главную роль в разработке нефтяных месторождений Хузестана и реализации нефтяной продукции. Однако во второй половине 60-х — начале 70-х годов в отношениях иранского государства с консорциумом наблюдался весьма крутой перелом, что проявлялось в сужении сферы деятельности МНК, повышении отчислений в пользу Ирана от разработки нефтяных месторождений, в постепенном установлении полного контроля ИННК над разведкой, эксплуатацией и сбытом нефтяных ресурсов. 21 марта 1973 г. Иран в ли-

це ИННК официально взял в свои руки управление нефтяными предприятиями Хузестана, оставив за компаниями — членами МНК на срок в 20 лет преимущественное право на приобретение продукции этих предприятий ¹⁹⁸. Таким образом, фактически был претворен в жизнь принятый еще в 1951 г., в разгар освободительной борьбы, закон о национализации нефтяной промышленности.

Тем не менее развитие нефтяной промышленности, которая обеспечивает львиную долю средств на осуществление долгосрочных программ, по-прежнему протекает в тесном контакте с иностранными монополиями. К тому же в 60-х — начале 70-х годов деловые связи иранского государства в лице ИННК с зарубежными монополиями в известном смысле еще более укрепились, что получило выражение в создании совместно с иностранными фирмами смешанных компаний по разведке и эксплуатации иранских нефтяных месторождений. На предприятия этих смешанных компаний (СИРИП, ИПАК, ИМИНОКО, ЛАПКО) приходится около 10% добычи нефти в Иране. Заключаются новые соглашения о создании смешанных компаний для разведки и эксплуатации иранских нефтяных месторождений. Однако решающим голосом во всех этих компаниях пользуется ИННК.

Укрепление суверенитета Ирана в области разведки, эксплуатации и реализации нефтяных ресурсов сопровождалось быстрым повышением доходов государства от разработки нефтяных месторождений. Этому во многом способствовал разразившийся мировой энергетический кризис, вызвавший резкое повышение цен на продукцию нефтяной промышленности. Используя сложившуюся с наступлением энергетического кризиса благоприятную обстановку, страны Персидского залива — члены ОПЭК в октябре 1973 г. добились повышения справочных цен на сырую нефть с 3 до 5,1 долл. за баррель, а в декабре 1973 г. подняли ее до 11,65 долл. ¹⁹⁹. В итоге доходы Ирана с каждого барреля нефти, которую он продавал компаниям МНК увеличились с 1,75 до 7 долл., или в 4 раза ²⁰⁰. И если ранее Иран в период пятого плана (1973/74—1977/78) намеревался в виде доходов от разработки нефтяных месторождений получить 23,4 млрд. долл., то после повышения цен он стал рассчитывать на сумму более 100 млрд. долл. ²⁰¹.

ИННК в 60-х — начале 70-х годов постепенно превращалась в крупную государственную и международную монополию, которая не только обеспечивает внутренние потребности страны в нефтепродуктах, но и ведет обширные операции за рубежом. Эти операции включают как сбыт нефтепродуктов в различные страны, так и участие ИННК в строительстве нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий за границей. Так, при финансовом и техническом содействии ИННК в 1969 г. вступил в строй нефтеперегонный завод в Мадрасе (Индия), в 1971 г. — нефтеперерабатывающий завод в Сасолбурге (ЮАР). Доля ИННК в капитале этих предприятий составляет соответственно 13 и 17,5% ²⁰². ИННК принадлежит также 24,5% акций завода по производству минеральных удобрений в Мадрасе ²⁰³. В 1972—1975 гг. велись переговоры о строительстве с помощью ИННК нефтеперерабатывающих предприятий в других странах, в том числе в европейских. Участие ИННК в сооружении нефтеперегонных заводов в других странах в качестве обязательного условия предусматривает поставки иранскими компаниями сырья для этих заводов. Осуществление названных проектов и заключение соглашений о поставках нефтепродуктов социалистическим государствам Восточной Европы и ряду иных стран являются звеньями в единой цепи мероприятий, объективно направленных на ослабление роли империалистических монополий в национальной нефтяной промышленности и на превращение Ирана в главного распорядителя (не формально, а по сути) нефтяных богатств страны и тем самым на рост его доходов от эксплуатации нефтяных месторождений. В цепи этих мероприятий обеспечение бесперебойного сбыта нефти (в обстановке роста конкуренции на мировом капиталистическом рынке) занимает одно из ведущих мест и в значительной степени служит залогом повышения доходов от нефти, что, в свою очередь, создает необходимые финансовые предпосылки для выполнения обширных планов развития.

Тем же целям расширения экспорта нефти и особенно увеличения доли ИННК в доходах от этого экспорта служат мероприятия иранского государства по реконструкции и строительству портов, и прежде всего порта на о-ве Харк, через который идет основная масса экс-

порта нефти. Пропускная способность порта составляет 40 тыс. т в час, он может принимать танкеры грузоподъемностью в 500 тыс. т. Иранское государство предпринимает также шаги по увеличению национального нефтеналивного флота (со 183,5 тыс. т в 1972/73 г. до почти 1 млн. т в 1977/78 г.)²⁰⁴, строительству нефтепроводов.

В то же время ИННК проводит мероприятия по расширению сети нефтепроводов в пределах страны, что обусловливается быстрым ростом потребления нефтепродуктов как в городе, так и в деревне. Для удовлетворения внутренних нужд Ирана в нефтепродуктах в 1968 г. в районе Тегерана был открыт нефтеперерабатывающий завод мощностью 4 млн. т²⁰⁵. Осуществляется расширение этого завода, что предусматривает повышение его мощности до 5 млн. т. 15 марта 1975 г. в районе Тегерана вступил в строй новый нефтеперегонный завод мощностью 5 млн. т. Мощность нефтеперерабатывающего завода в Керманшахе была увеличена с 400 тыс. до 750 тыс. т. Ее намечается довести до 1 млн. т. В 1973 г. было завершено строительство нефтеперерабатывающего завода в районе Шираза мощностью 2 млн. т. Идет строительство нефтеперерабатывающего завода в Тебризе мощностью 4 млн. т.²⁰⁶

В Иране в ближайшее десятилетие предусматривается сооружение еще нескольких нефтеперерабатывающих предприятий. Принимаются меры к повышению выхода продукции на нефтеперерабатывающем заводе в Абадане — одном из самых крупных нефтеперерабатывающих предприятий мира. Все это помимо выполнения задач по обеспечению высоких темпов роста потребления нефтепродуктов в Иране отражает отчетливо проявляющийся в экономической политике иранского государства курс, направленный на замену экспорта сырья вывозом готовой продукции и тем самым на укрепление промышленной самостоятельности страны и увеличение инвалютных поступлений в казну.

В прямой связи с этим с середины 60-х годов активную деятельность в Иране развернули дочерние компании ИННК — Национальная нефтехимическая и Национальная газовая компании. Они предприняли энергичные шаги для создания фактически новой для Ирана отрасли промышленности — нефтехимической, одним из

основных источников сырья для которой служат огромные запасы попутного газа, пригодного, по мнению французских специалистов, для производства любых видов нефтехимической продукции. Этот газ используется как на уже упомянутых нефтехимических предприятиях Абадана, Бендер-Шахпура и о-ва Харк, так и на открытом еще в 1963 г. заводе по производству минеральных удобрений в районе Шираза. В 1972—1975 гг. Национальная нефтехимическая компания заключила с монополиями США, Японии, ФРГ и Франции ряд соглашений о сооружении в Иране крупных нефтехимических предприятий. Ожидается участие в развитии нефтехимической промышленности в Иране Италии и других стран²⁰⁷.

Вместе с тем наблюдается быстрый рост использования газа для нужд населения и различных предприятий, а прежде всего для экспорта в Советский Союз и другие страны. Ведущую роль в этом росте сыграло вступление в строй 1 октября 1970 г. трансиранского газопровода, проложенного при финансовой и технической помощи СССР. По этому газопроводу (протяженность 1106 км) в Советский Союз с конца 1970 по 1974 г. перекачали 32,7 млрд. куб. м газа. Наряду с этим 3,2 млрд. куб. м газа по ответвлениям от трансиранского газопровода поступили на нужды населения и промышленности в Исфахан, Тегеран, Шираз и ряд других городов²⁰⁸. В то же время в 1973 г. внутри страны было реализовано 205 тыс. т сжиженного газа, полученного на нефтеперерабатывающих заводах Абадана, Тегерана, Керманшаха и Шираза. Сжиженный газ на бытовые нужды использовало около 1 млн. семей²⁰⁹. Тем не менее 60% попутного газа в 1971 г. еще не находило применения и сжигалось²¹⁰. В связи с этим Иран в 1972—1975 гг. заключил соглашения с монополиями США, Японии и ФРГ об осуществлении крупных проектов расширения экспорта газа в эти страны, что предусматривает строительство ряда предприятий по производству сжиженного газа.

Рост экономического строительства, сооружение современных фабрик и заводов в различных отраслях хозяйства, осуществление мероприятий по благоустройству неизбежно сопровождается быстрым ростом потребностей в электроэнергии. Государство уделяет очень серь-

езное внимание развитию этой отрасли хозяйства, которое отличается очень высокими темпами роста производства (18% в 1962/63—1972/73 гг.). Благодаря главным образом усилиям государства мощность электростанций с 650 тыс. *квт* в 1962/63 г. возросла до 3 млн. *квт* в 1972/73 г., в том числе до 2094 *квт* на электростанциях государства. Общее потребление электроэнергии увеличилось с 1,8 млрд. до 8,2 млрд. *квт·ч*²¹¹. При ускоренном росте потребления электроэнергии в стране основная масса ее использовалась по-прежнему в Тегеране и ряде других крупных городов, а в мелкие города и особенно деревню она поступала в ничтожных количествах.

В противовес форсированному развитию различных отраслей промышленности в сельском хозяйстве темпы роста производства в 60-х — начале 70-х годов отставали от намеченных показателей. Так, в период третьего плана средний рост валового продукта в сельском хозяйстве составлял только 2,5% вместо намеченных 4%, а в период четвертого плана 3,9% вместо 4,4%. Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте сократилась с 21% в 1967/68 г. до 16,6% в 1972/73 г.²¹². Учитывая сравнительно быстрый рост потребления в Иране, разрыв между возможностями сельского хозяйства в удовлетворении нужд населения в продовольствии и их действительном обеспечении не только не сократился, но, пожалуй, даже возрос. Это в концентрированном виде наглядно проявляется в систематическом росте импорта продукции сельского хозяйства, в котором продовольствие или сырье для его производства занимают преобладающее место. При этом рост импорта опережает рост экспорта продукции сельского хозяйства, в котором ведущее место занимает сырье для промышленности. Так, если экспорт продукции сельского хозяйства в 1967/68—1970/71 гг. увеличился с 8419 млн. до 11363 млн. риалов, то импорт — с 7758 млн. до 13725 млн. риалов. В итоге в Иране, стране, где в деревне проживало около 60% населения и на сельское хозяйство приходилось в 1972/73 г. 40,1% всех занятых, в 1970/71 г. импорт продукции сельского хозяйства на 2362 млн. риалов превысил ее экспорт. В 1971/72 г., когда в стране сложились особенно неблагоприятные погодные условия и сельское хозяйство потерпело очень серь-

езный ущерб, эта разница подскочила до 7932 млн. риалов²¹³.

Нельзя не согласиться с иранскими экспертами в том, что значительная доля вины за низкие (даже сравнительно с намеченными) темпы производства в сельском хозяйстве падает на стихийные бедствия, и прежде всего на засуху, которая с неумолимой последовательностью не менее пяти раз поражала в период третьего и четвертого плана сельское хозяйство с его заметным преобладанием богарных посевов и недостаточно эффективной системой орошения.

Огромные потери, которые сельское хозяйство Ирана несло от постоянно повторявшихся засух, отчасти свидетельствуют о том, что ирригационное строительство, которое проводилось в Иране во второй половине 50-х — начале 70-х годов, не вызвало достаточных изменений в ирригационной базе сельского хозяйства. Вместе с тем в Иране в рассматриваемый период вступило в строй 12 крупных гидротехнических сооружений с проектной способностью к орошению в 821 тыс. га²¹⁴. Однако пока эти способности (во многом из-за незавершенности работ по строительству соответствующих ирригационных систем) в значительной части еще не реализуются. Серьезные сдвиги наблюдаются и в области орошения, которое покоится на использовании подземных вод. В этой области орошение при помощи подземных каналов — кяризов или канатов — постепенно заменяется более эффективной системой орошения при помощи глубинных и полуглубинных колодцев. В марте 1972 г. в Иране было более 3,6 тыс. глубинных и около 20 тыс. полуглубинных колодцев²¹⁵. В 1970/71 г. на их долю проходило 1/3 подземных вод, которые использовались в иранской деревне²¹⁶. Все это и ряд других мероприятий позволили увеличить площадь поливных земель до 3,4 млн. га, но в общем фонде посевных земель их удельный вес составлял в начале 70-х годов те же 40%²¹⁷.

При таких условиях, естественно (учитывая то, что значительная часть водных источников питается во многом за счет осадков, и ряд иных факторов), сельское хозяйство Ирана в засушливые сезоны в целом оказывалось очень слабо защищенным перед лицом стихийных бедствий. Неспособность иранского сельского хозяйства в сколько-нибудь устойчивой степени противостоять пе-

риодическим натискам засухи во многом объясняется и низким уровнем развития научно-технической базы производства, что, в свою очередь, находится в тесной зависимости от притока инвестиций в иранскую деревню. Капиталовложения государства и особенно частного сектора в развитие сельского хозяйства совершенно не соответствуют его потребностям. Авторы отчета о выполнении третьего плана справедливо видели в этом одну из главных причин невыполнения плана в области сельского хозяйства. Такое положение в основных чертах сохранялось и в период четвертого плана. По мнению иранских специалистов, острая нехватка инвестиций в сельское хозяйство даже в благоприятные в погодном отношении сезоны не дает возможности этой отрасли удовлетворять внутренние нужды страны. Журнал «Техран экономист» подчеркивал, что сельское хозяйство остается тормозом для развития других отраслей, и прежде всего промышленности, как с точки зрения обеспечения ее сырьем, так и особенно снабжения занятых в этой отрасли людей продовольствием. Соглашаясь с министром сельского хозяйства и природных ресурсов в том, что для удовлетворения насущных нужд Ирана сельское хозяйство должно добиться темпов роста не менее 6%, журнал отмечал, что для производства продовольствия темпы роста должны составлять 7,5—9%²¹⁸.

Однако реальные возможности для достижения таких темпов развития производства в иранской деревне, принимая во внимание в первую очередь отсталость научно-технической базы сельского хозяйства, в Иране пока отсутствуют. Вместе с тем следует подчеркнуть, что благодаря прежде всего усилиям государства в иранской деревне постепенно складываются предпосылки для ускорения темпов развития сельского хозяйства. Эти предпосылки наряду с ирригационным строительством обеспечиваются систематическим проведением и во все возрастающих размерах мероприятий по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, болезнями растений и животных, по распространению улучшенных семян, удобрений и т. д.

Важные предпосылки для развития сельского хозяйства, роста обмена между городом и деревней, вовлечение в интенсивный товарооборот удаленных районов складывались в ходе весьма быстрого расширения сети

коммуникаций и роста использования современных средств транспорта. В 1962/63—1972/73 гг. в Иране было проложено свыше 8 тыс. км магистральных асфальтированных дорог и их протяженность достигла 12,5 тыс. км. В этот период было также завершено сооружение около 12 тыс. км второстепенных дорог, обслуживающих центры сельскохозяйственного производства и добывающей промышленности²¹⁹. Автомобильный парк namного увеличился и оценивался к июню 1975 г. в 729 тыс. легковых автомашин, 73 тыс. грузовых автомашин и 29,2 тыс. автобусов. На автотранспорт приходилось свыше 80% всех внутренних грузовых перевозок²²⁰.

В рассматриваемый период (в значительной мере в связи со строительством металлургического завода в районе Исфахана) было проложено 1,1 тыс. км железных дорог, что довело их общую протяженность до 4,4 тыс. км с подвижным составом в 287 дизельных локомотивов и 7070 вагонов²²¹.

В 1962/63—1972/73 гг. в Иране вступили в строй 17 аэродромов и их число достигло 24. Перевозки пассажиров самолетами национальной авиационной компании «Иран Эйр» с 1962/63 по 1974/75 г. возросли по внутренним линиям со 131,5 тыс. до 700 тыс. человек, а по внешним линиям — с 34,2 тыс. до 250 тыс. человек²²².

С развитием внешней торговли мощность иранских коммерческих портов в результате реконструкции старых и строительства новых портов возросла с 1,9 млн. т в 1962/63 г. до 7 млн. т в 1972/73 г.²²³ С основанием в 1967 г. национальной судоходной компании «Арья» постепенно все более заметная часть грузовых перевозок осуществляется на кораблях этой компании. В 1972/73 г. она располагала 18 судами общей грузоподъемностью 1,2 млн. т. В 1973/74—1977/78 гг. намечается приобретение за границей 72 судна общей грузоподъемностью 6,8 млн. т. В Бендер-Аббасе предусматривается сооружение судостроительного завода, на первом этапе строительства которого предполагается сдать в эксплуатацию судоремонтную верфь. Она будет обслуживать коммерческие суда, а затем танкеры грузоподъемностью в 250—500 тыс. т²²⁴.

Развитие сети коммуникаций и транспорта сопровождалось расширением современной системы связи. Наиболее примечательным сдвигом в этой отрасли было уста-

новление микроволновой связи между Тегераном и большинством других крупных городов страны, а также между Тегераном и столицами Турции и Пакистана ²²⁵. Передачами радио и телевидения была охвачена значительная часть населения Ирана.

Расширение деловой деятельности, рост населения городов, развитие социальной инфраструктуры, осуществление программ, претендующих на обеспечение трудящимся сносных условий жизни и придание основным городам современного облика, — все это вызвало повышение темпов строительства жилых, общественных и административных зданий и т. д. В строительстве наблюдался интенсивный приток частных инвестиций, которые только в период третьего плана составили почти 100 млрд. риалов и более чем в 5 раз превзошли ассигнования государства (19,4 млрд. риалов) на строительство и благоустройство городов. Свыше половины частных вложений, как, впрочем, и значительная часть ассигнований государства, использовались в Тегеране ²²⁶. Аналогичная картина наблюдалась и в период четвертого плана. Столица Ирана в начале 70-х годов превратилась во вполне современный город с обширным коммунальным хозяйством и с населением около 3,6 млн. человек. На Тегеран в 1972 г. приходилось около 60% мощностей обрабатывающей промышленности, почти 70% всех средств автотранспорта, более 50% потребления электроэнергии и т. д. ²²⁷

Наряду с Тегераном особенно в период четвертого плана, когда был взят курс на рассредоточение экономической деятельности, обширное строительство происходило и в других крупных городах Ирана, в шести из которых (Исфахане, Ширазе, Мешхеде, Тебризе, Абадане и Реште) число жителей превысило 300 тыс. человек ²²⁸. В ряде областей создаются новые индустриальные центры. Мероприятия в области строительства, которые являются важным показателем сдвигов в социально-экономической эволюции страны, однако, лишь в незначительной степени (за исключением отдельных районов) охватили мелкие города и сельские местности.

Подводя итоги социально-экономической эволюции Ирана в 60-х — начале 70-х годов, нельзя не отметить, что Иран в ходе общественных преобразований и осуществления долгосрочных программ развития добился

серьезных успехов в укреплении своего хозяйства, особенно различных отраслей промышленности и экономической инфраструктуры. Однако сельское хозяйство, несмотря на радикальные изменения в общественном строе деревни, по-прежнему остается узким местом и в заметной степени тормозом для экономического развития страны в целом.

Сложившееся в сельском хозяйстве довольно тяжелое положение, как неоднократно подчеркивалось в выступлениях представителей официальных кругов, будет в значительной мере устранено в ходе осуществления пятого плана, который предусматривает резкий рост ассигнований государства на развитие производства в иранской деревне.

Общая сумма капиталовложений на выполнение пятого плана в одобренном в начале 1973 г. первом варианте этого плана устанавливалась в объеме 2461,4 млрд. риалов (36,5 млрд. долл.), из которых 1549 млрд. риалов (около 63%) предусматривалось покрыть за счет государства и 912,4 млрд. риалов — за счет частного сектора. Эти капиталовложения более чем в 3 раза превышали инвестиции государства и частного сектора в период четвертого плана. Кроме того, Плановая организация (с начала 1973 г. Плановая и бюджетная организация) выделяла 261,9 млрд. риалов на «текущие расходы». Среднегодовой темп прироста валового национального продукта (в постоянных ценах 1972/73 г.) намечался в размере 11,4% при росте условно-чистой продукции в сельском хозяйстве в 5,5%, промышленности (обрабатывающей и добывающей, строительстве, электроэнергетике, водоснабжении) — 15%, нефтяной и газовой промышленности — 11,8%, сфере услуг — 11,5%²²⁹.

В непосредственной связи с резким повышением доходов Ирана от эксплуатации нефтяных месторождений и появлением на этой базе широких возможностей для крупных добавочных инвестиций в развитие различных отраслей хозяйства, а отчасти также вследствие быстрого расширения сотрудничества с иностранными государствами в середине 1974 г. была разработана и осуществляется новая программа пятого плана. Эта программа намечает общий рост капиталовложений до 4698,8 млрд. риалов (69,6 млрд. долл.), в том числе увеличение инвестиций государства до 3188,57 млрд. риалов.

лов (66,4%) и частного сектора до 1580,23 млрд. риалов (33,6%). «Текущие расходы» Плановой организации, которые направляются преимущественно на развитие просвещения и здравоохранения, сельского и водного хозяйства, повышаются до 520,68 млрд. риалов. Намного возрастают ассигнования государства на развитие различных отраслей народного хозяйства и особенно социальной инфраструктуры и по обычному бюджету. При этом следует отметить, что из общей суммы частных инвестиций в размере 1580,2 млрд. риалов капиталовложения в объеме 179,6 млрд. риалов осуществляются за счет кредитов государства и инвестиций в размере 189,3 млрд. риалов за счет средств иностранных компаний²³⁰. Такое распределение ассигнований на выполнение программы пятого плана лишний раз свидетельствует о все ускоряющемся укреплении позиций государства в социально-экономической жизни Ирана, что объективно постепенно обеспечивает создание реальных материальных предпосылок для важных общественных перемен в стране.

Ежегодный средний прирост валового национального продукта в период пятого плана устанавливается в 25,9%. Однако такие необычайно высокие темпы экономического роста во многом являются искусственными, ибо они в значительной мере выведены не исходя из развития национального производства, а исходя из резкого увеличения в формировании валового национального продукта доли нефтяной промышленности в результате прежде всего невиданного повышения цен на ее продукцию во второй половине 1973/74 г. Так, прирост валового национального продукта (в постоянных ценах 1972/73 г.) достиг 32,8% в 1973/74 г., а в 1974/75 г. ожидался в 51,1%. Вместе с тем прирост валового национального продукта в 1975/76 г. предполагается в размере 16,4%, в 1976/77 г. — в 16,6%, в 1977/78 г. — в 16,4%. Эти цифры и отражают в значительной степени действительные темпы экономического роста в период пятого плана. Их предусматривается добиться за счет повышения (в сравнении с первым вариантом плана) темпов роста во всех основных отраслях хозяйства: промышленности (без нефтяной и газовой) — с 15 до 18%, сфере услуг — с 11,5 до 16,4%, сельском хозяйстве — с 5,5 до 7%. При этом темпы прироста нефтяной

и газовой промышленности (опять-таки за счет первых двух лет плана) намечаются в размере 51,5%. В результате при увеличении удельного веса нефтяной и газовой промышленности в формировании валового национального продукта в 1972/73—1977/78 гг. с 19,5 до 48,7% предполагается сокращение доли промышленности с 22,3 до 16,1%, сферы услуг — с 40,1 до 27,2%, сельского хозяйства — с 18,1 до 8% ²³¹.

Программа пятого плана, оставляя за промышленностью ведущее положение в ассигнованиях государства, отличается необычайно высоким ростом затрат на развитие сельского хозяйства. Ассигнования Плановой организации по этому разделу устанавливаются в 296,74 млрд. риалов, что более чем в 4,5 раза превышает намеченные ассигнования по четвертому плану. Вместе с тем государство увеличивает расходы на развитие сельского хозяйства из средств обычного бюджета с 26 млрд. риалов ²³² до 72,7 млрд. риалов. Инвестиции частного сектора в сельское хозяйство возрастают с 41,1 млрд. риалов до 132,4 млрд. риалов. Однако 70 млрд. риалов из этой суммы предполагается покрыть за счет намеченных на развитие сельского хозяйства ассигнований государства. По пятому плану (учитывая 3,5 млрд. риалов расходов по обычному бюджету и 4 млрд. риалов инвестиций частного сектора) выделяется 171,74 млрд. риалов на цели ирригационного строительства, обеспечение сельского хозяйства водой для орошения, населения города и деревни питьевой водой и т. д. ²³³.

Свои основные усилия в области сельского хозяйства государство направляет на обеспечение научно-технической базы производства, разрешение проблемы сбыта продукции сельского хозяйства, на начатое еще в период четвертого плана переустройство производства в деревне на основе создания и развития крупных современных хозяйств. Пятый план предусматривает расширение площади поливных земель, используемых агро-индустриальными комплексами, на 300 тыс. га; рост числа сельскохозяйственных акционерных обществ до 143 с общим фондом сельскохозяйственных угодий в 420 тыс. га; создание 60 производственных кооперативов; значительное увеличение числа механизированных коммерческих ферм. С осуществлением этих мероприятий (они предполагают широкое участие национального и иностран-

ного частного капитала) ожидается, что в конце пятого плана из приблизительно 4,1 млн. га поливных земель 8% будет обрабатываться агро-индустриальными предприятиями, свыше 12% сельскохозяйственными акционерными обществами и производственными кооперативами и 30% механизированными коммерческими фермами. В результате осуществления этих проектов и различных мероприятий по повышению урожайности предусматривается, что среднегодовой темп прироста условно-чистой продукции в растениеводстве составит 5,95% ²³⁴.

В то же время соответствующий показатель в животноводстве намечается в размере 8,33%. Таких высоких темпов прироста государство намеревается добиться как за счет развития промышленного птицеводства, так и улучшения положения скотоводства, которое в 60-х годах во многом из-за истощения пастбищ (основной кормовой базы иранского скотоводства) находилось в состоянии перманентного кризиса. В связи с этим пятый план предусматривает осуществление весьма обширных мероприятий по восстановлению пастбищ, увеличению производства кормовых культур, использованию отходов промышленности, открытию комбикормовых предприятий и т. д. Предусматривается создание значительного числа мясо-молочных комплексов, где намечается использование 300 тыс. голов завезенных из-за границы высокопродуктивных и гибридных пород скота ²³⁵.

Осуществление этих и других проектов развития сельского хозяйства, ведя к улучшению продовольственного баланса страны в целом, не избавляет Иран, однако, от импорта различных продовольственных товаров. Учитывая быстрый рост потребления в стране, пятый план предусматривает ввоз крупных партий мяса, масличных семян и т. д.

В отличие от сельского хозяйства в обрабатывающей промышленности и жилищном строительстве инвестиции частного сектора по пятому плану намного превосходят капиталовложения государства. В обрабатывающей промышленности из общей суммы инвестиций в 780,14 млрд. риалов на долю частного сектора (включая 100 млрд. риалов кредитов Плановой организации) приходится 503 млрд. риалов, а государства — 277,14 млрд. риалов. Правда, государство выделяет также 4,95 млрд. риалов

на «текущие расходы» и 11 млрд. риалов из средств обычного бюджета. В жилищном строительстве за счет частного сектора предполагается покрыть 685 млрд. риалов (39,7 млрд. риалов кредиты Плановой организации) из общей суммы капиталовложений на жилищное строительство в размере 925 млрд. риалов. Инвестиции государства в жилищное строительство 240 млрд. риалов. Вместе с тем государство выделяет 319 млрд. риалов на инвестиции в общественное строительство. В нефтяной промышленности, где ранее ведущую роль играли иностранные монополии, капиталовложения государства в отличие от предшествующего периода намного превышают инвестиции иностранных частных компаний. Капиталовложения государства в нефтяной промышленности устанавливаются в объеме 535,9 млрд. риалов, а ~~частных~~ компаний — в 87,8 млрд. риалов. В газовой промышленности инвестиции государства предусматриваются в размере 120 млрд. риалов, частных компаний — 47,5 млрд. риалов. Государство полностью возмещает капиталовложения в электроэнергетику (310,5 млрд. риалов) и почти на 93,2% инвестиции в добывающую промышленность (61,8 млрд. из 66,3 млрд. риалов) ²³⁶.

Выделение огромных ассигнований на развитие различных отраслей промышленности и прежде всего отраслей тяжелой промышленности недвусмысленно свидетельствует о стремлении иранского государства (оно неоднократно выражалось в заявлениях иранских официальных лиц) к превращению Ирана в недалеком будущем в индустриально-аграрную страну. Во всяком случае можно сказать, что при успешном осуществлении проектов пятого плана, которые предусматривают высокие темпы роста металлургической, машиностроительной, нефтехимической и других отраслей, будет сделан важный шаг вперед в обеспечении фундаментальных предпосылок для такого переустройства и преодоления экономической отсталости страны. В период пятого плана при финансовом и техническом содействии СССР намечается повышение мощности металлургического завода в районе Исфохана с 600 тыс. т до 1,9 млн. т. С помощью западных монополий предусматривается приступить к строительству заводов прямого восстановления железа, работающих на газе, общей мощностью 10 млн. т. Предполагается увеличение мощности маши-

ностроительного завода в Араке с 30 тыс. т до 75 тыс. т, машиностроительного завода в Тебризе — с 8 тыс. т до 30 тыс. т. Намечается рост мощности нефтеперегонных заводов в 2,7 раза, сооружение новых и расширение мощности функционирующих нефтехимических предприятий и осуществление иных крупных проектов. При этом основная масса инвестиций в обрабатывающую промышленность осуществляется за пределами Тегеранского района. Потребление электроэнергии предусматривается поднять с 8,2 млрд. квт·ч. до 32 млрд. квт·ч. С помощью США, Франции и ФРГ в Иране намереваются приступить к строительству атомных электростанций. В период пятого плана предполагается ввести в строй 1050 тыс. новых жилищных единиц²³⁷.

В осуществлении своих замыслов, направленных на превращение Ирана в индустриально-аграрную страну, государство по-прежнему важное место отводит развитию транспорта, расширению и совершенствованию сети коммуникаций, пригодных для использования самыми современными средствами транспорта и тем самым для обеспечения бесперебойного сообщения как между внутренними районами страны, так и между Ираном и другими государствами. Этот вопрос приобретает особенно серьезное значение с проведением мероприятий по деконцентрации промышленности и иных сфер экономической деятельности, а также с быстрым ростом связей с внешним рынком. В целях выполнения названных задач иранское правительство по пятому плану предусматривает инвестиции в объеме 492,2 млрд. риалов, из которых 402,2 млрд. риалов приходится на долю государства. Помимо того, правительство выделяет на развитие транспорта 25,6 млрд. риалов из средств обычного бюджета. В ходе реализации этих ассигнований намечается расширение сети магистральных асфальтированных дорог с 12,5 тыс. км до 15,4 тыс. км, второстепенных дорог — с 12 тыс. км до 24 тыс. км, строительство линий железных дорог Бендер-Аббас — Сирджан и Йезд — Керман, электрификация и перевод значительной части железных дорог на двойную колею. Предусматривается строительство четырех крупных внутренних аэродромов, международного аэропорта в районе Тегерана (пуск в эксплуатацию в 1981 г.), увеличение на 15 единиц коммерческого воздушного флота, включая приобретение

двух лайнеров типа «Конкорд». Предполагается рост мощности коммерческих портов с 7 млн. т до 29 млн. т и увеличение мощности коммерческого флота с 1,2 млн. т до 8 млн. т²³⁸. Нельзя не отметить, что в Тегеране в период пятого плана намечается приступить к строительству первой очереди метро.

В период пятого плана предусматривается резкое увеличение ассигнований государства на развитие современных средств связи. Общие ассигнования на эти цели (включая 11,9 млрд. риалов из средств обычного бюджета) устанавливаются в 109,9 млрд. риалов. Выполнение разработанной в этой области программы предполагает охватить радиовещанием все население Ирана и передачами телевидения 50—65% жителей страны. Намечается увеличение числа телефонных номеров с 430 тыс. до 2 млн.²³⁹.

Рост ассигнований на экономическое строительство, во все возрастающих масштабах использующее современные формы и методы производства и достижения научно-технической революции, сопровождается в Иране невиданно высоким для развивающихся стран ростом ассигнований на расширение и укрепление системы просвещения и подготовки кадров. Если в период четвертого плана на нужды системы просвещения государство израсходовало 134 млрд. риалов (44,5 млрд. за счет средств Плановой организации и 89,5 млрд. риалов за счет средств обычного бюджета), то в период пятого плана на эти цели предусматриваются затраты в объеме 551,24 млрд. риалов (216,8 млрд. и 234,4 млрд. риалов). Инвестиции частного сектора ожидаются в размере 4,8 млрд. риалов, включая 2,1 млрд. риалов кредитов государства. Следует также сказать, что на цели образования (главным образом профессионального) намечаются значительные затраты и по линии других ведомств и организаций.

Программа пятого плана в области образования и подготовки кадров в своих основных аспектах предусматривает развитие заложенных еще в период четвертого плана тенденций, которые наряду с усилением борьбы с неграмотностью и развитием образования на всех его ступенях проявляются в преимущественном внимании к развитию профессионально-технического образования.

Пятый план намечает охватить начальным обучением всех детей в городе и деревне. В результате расширения сети начальных школ (число учащихся в них возрастет с 3466 тыс. до 5500 тыс.), курсов по ликвидации неграмотности и школ корпусов просвещения ожидается, что уровень грамотности среди населения в возрасте от 10 до 44 лет повысится с 50 до 80%. Рост числа учащихся в неполных средних школах (в них выявляются способности учащихся и определяются их возможности к продолжению образования или профессионально-техническому обучению) устанавливается: с 571 тыс. до 1670 тыс., в полных средних школах — с 617 тыс. до 904 тыс., профессионально-технических училищах — с 64 тыс. до 331 тыс., высших учебных заведений (включая педагогические колледжи и училища) — со 115 тыс. до 190 тыс. Вместе с тем предусматривается довести число учащихся в центрах профессионально-технического обучения и на краткосрочных курсах, где ведется подготовка квалифицированных и полуквалифицированных рабочих, с 31 тыс. до 229 тыс.²⁴⁰.

Все эти и другие мероприятия не решают, однако, проблемы подготовки квалифицированных кадров, необходимых для осуществления обширной программы пятого плана. По словам представителей официальных кругов Ирана и, в частности, руководителя Плановой организации А. Маджиди, нехватка квалифицированных кадров является одной из главных трудностей на пути выполнения пересмотренной программы пятого плана²⁴¹. В связи с этим в Иране предпринимаются довольно решительные шаги для привлечения квалифицированной рабочей силы из-за рубежа и особенно из стран Азии.

В период пятого плана в 9,7 раза в сравнении с четвертым планом (с 16,5 млрд. риалов до 160,11 млрд. риалов) увеличиваются ассигнования по бюджету развития на цели здравоохранения и в 5,6 раза (с 5,5 млрд. риалов до 30,56 млрд. риалов) на нужды социального обеспечения. По этим разделам из средств обычного бюджета выделяются соответственно 76,63 млрд. и 50,44 млрд. риалов. В области здравоохранения ожидаются также инвестиции частного сектора в объеме 3,65 млрд. риалов. Программа пятого плана в области здравоохранения намечает расширение профилактических мероприятий и борьбы с эпидемиями, осуществле-

ние крупных проектов по улучшению медицинского обслуживания населения. Предусматривается увеличение числа больничных коек в расчете на 1 тыс. жителей с 13,6 до 17,2, а также значительный рост медицинского персонала как за счет расширения подготовки национальных кадров, так и привлечения большого числа иностранных специалистов. В деревне намечается открытие 500 медицинских центров и их общее число достигнет 800. Пятый план предусматривает рост социального страхования по линии медицинского обслуживания с 3,6 млн. до 7,9 млн. человек в городе и с 0,1 млн. до 4 млн. человек в деревне. Намечается и значительное расширение других видов социального страхования. В области социального обеспечения государство также предусматривает оказание помощи в создании и оборудовании сельских домов культуры, в развитии профессионального обучения, в расширении деятельности кооперативов и т. д. ²⁴².

В улучшении социального обеспечения жителей городов и деревни важное место отводится в Иране проектам, которые осуществляются на средства, выделяемые государством на благоустройство городов (78,5 млрд. риалов, в том числе 1,4 млрд. риалов из средств обычного бюджета) и деревень (66,4 млрд. риалов, включая 4,6 млрд. риалов из средств обычного бюджета). В соответствии с этими ассигнованиями предусматривается осуществление мероприятий по снабжению населения питьевой водой, улучшению местных путей сообщения, созданию современного коммунального хозяйства в городах, оказанию помощи комитетам борьбы с неграмотностью, развитию профессионального обучения в деревне и т. д. ²⁴³.

Специальный раздел в пятом плане предусматривает ассигнования государства в размере 32,75 млрд. риалов (в том числе 6,15 млрд. риалов из средств обычного бюджета) на развитие физического воспитания и спорта, движения бойскаутов и на работу с молодежью ²⁴⁴. Рост внимания государства к молодежи, в 60-х — первой половине 70-х годов не раз выражавшей открытое недовольство нарушением конституционных свобод, является одним из проявлений усиления за последние годы контроля государством над общественно-политической жизнью страны.

Таковы основные проекты пятого плана, призванные, используя резкое увеличение ассигнований государства и частного сектора на развитие промышленности и сельского хозяйства, экономической и социальной инфраструктуры, добиться упрочения и расширения сложившихся в значительной мере в ходе общественных преобразований и осуществления третьего и четвертого планов предпосылок для форсированного преодоления экономической отсталости на пути развития современных форм и методов производства.

Успешное осуществление двух предшествующих долгосрочных программ, сопровождавшееся серьезными сдвигами в развитии иранского хозяйства, и особенно промышленности и различных отраслей инфраструктуры, при последовательном проведении общественных преобразований, повышении платежеспособного спроса населения и его все увеличивающемся участии в экономическом строительстве, при росте сотрудничества Ирана с СССР и другими социалистическими странами, обеспечивающего ему финансовое и техническое содействие этих стран и емкий рынок для отечественных товаров, при расширении экономического сотрудничества с капиталистическими и развивающимися странами позволяет с известной долей уверенности утверждать, что имеются аргументы в пользу выполнения пятого плана.

Однако такую уверенность можно высказать лишь в отношении выполнения пятого плана в целом — этой очень крупной по масштабам Ближнего и Среднего Востока программы, охватывающей почти все области экономической и общественной жизни Ирана.

Если говорить о сельском хозяйстве (40,1% самостоятельного населения в 1972/73 г. и 34,1% — в 1977/78 г.²⁴⁵) с его преобладанием маломощных крестьян в земледелии и кочевого скотоводства при истощении пастбищ в животноводстве, с его отсталостью научно-технической базы и тесной зависимостью от погодных условий, с его слабым притоком частных инвестиций и т. д., то в этой отрасли, невзирая на резкое увеличение ассигнований на развитие крупных современных хозяйств, осуществление проектов «зеленой революции» и пр., трудно пока рассчитывать на сколько-нибудь крупные сдвиги и тем самым создание устойчивой базы для выполнения плана. Во всяком случае, при сохранении отсталости

производства в иранской деревне масштабы мероприятий в области сельского хозяйства еще не столько велики, чтобы в период пятого плана даже при благоприятных погодных условиях привести к удовлетворению нужд страны в продовольствии и сырье за счет собственного производства. Определенным основанием для такого утверждения служат как итоги первых двух лет выполнения плана в области сельского хозяйства, так и импорт крупных партий продовольствия. В 1974/75 г. Иран, не говоря об импорте значительного количества мяса и иной продукции животноводства, фруктов и овощей, закупил за границей (правда, отчасти в счет 1975/76 г.) 3 млн. т пшеницы, 100 тыс. т муки, 400 тыс. т сахара, 300 тыс. т сырого растительного масла²⁴⁶. В связи со всем этим и по ряду других причин намеченные темпы роста валового продукта сельского хозяйства представляются завышенными. Это, в свою очередь, во многом ставит под сомнение выполнение неоднократно провозглашаемой официальными кругами задачи значительного повышения уровня доходов сельского населения и сокращения его разрыва с уровнем доходов городских жителей.

Осуществление общественных преобразований, сопутствовавшие им высокие темпы развития хозяйства, которые сопровождалась улучшением крайне тяжелого ранее положения основной массы трудящихся и вызвали поддержку «белой революции» большинством населения Ирана, привели к смягчению социальных противоречий, что дало возможность властям сравнительно легко подавить сопротивление оппозиции (как правой, так и левой). Сколько-нибудь серьезных массовых политических выступлений в Иране в середине 60-х — первой половине 70-х годов не прослеживалось. Тем не менее в этот период наблюдались неоднократные выступления различных мелкобуржуазных групп, имевших преимущественно экстремистский характер и вносивших известное напряжение во внутривнутриполитическую обстановку страны. Основой недовольства служит фактическое отсутствие возможности реализации конституционных свобод.

В достижении внутривнутриполитической стабилизации в Иране очень важную роль сыграла социал-реформистская политика. Ведущие принципы этой политики на современном этапе исторической эволюции стран Азии

и Северной Африки, идущих по капиталистическому пути развития, в сочетании с методами принуждения во все возрастающих масштабах используются правительствами и буржуазией этих стран. Социал-реформистская политика в Иране в отличие от большинства названных стран достигла гораздо более заметных итогов. Истоки этого лежат в более целеустремленном проведении иранским государством комплекса социально-экономических и социально-культурных мероприятий. Проведение этих мероприятий в сочетании со строгим контролем над общественным движением и запрещением оппозиционных политических партий, и прежде всего политических организаций рабочего класса, обусловило результативность этой политики.

В проведении социал-реформистской политики чрезвычайно важное место отводилось партии «Иран-е новин», которая при поддержке шаха захватила руководство в большинстве высших и низших административных и экономических учреждениях страны и наряду с двором взяла под строгий контроль все массовые общественные организации страны. С 1965 г. Ховейда, председатель политического бюро ныне распущенной «Иран-е новин», является бессменным главой правительства. Подавляющее большинство мест в правительстве занимали члены «Иран-е новин». 229 из 268 депутатов меджлиса XXIII созыва²⁴⁷ и 27 из 30 избираемых депутатов в сенат VI созыва составляли фракцию партии в парламенте. Члены партии, как правило, осуществляли руководство провинциями и генерал-губернаторствами. «Иран-е новин» в 1972 г. имела большинство в 307 из 329 энджументов городов и шахрестанов. Общее число членов партии оценивалось в 1973 г. в 300 тыс. человек. Учитывая же примыкавшие или входившие в партию в качестве коллективных членов общественные организации (90% членов рабочих синдикатов, значительную часть членов «корпусов революции», женских, молодежных и других организаций), можно с известными оговорками сказать, что «Иран-е новин» объединяла в 1973 г. деятельность почти 1 млн. человек, включавших представителей самых различных слоев населения страны²⁴⁸. Это обстоятельство в немалой степени обуславливало эффективность социал-реформистской деятельности «Иран-е новин», которая фактически от лица госу-

дарства совместно с другими подведомственными двору учреждениями установила контроль над общественной жизнью страны. Таким образом «Иран-е новин» в известном смысле внесла важный вклад в расширение социальной опоры монархии Пехлеви.

Свою лепту в проведение социал-реформистской политики вносили и легальные «оппозиционные» партии: «Мардом» (она была основной «оппозиционной» партией и имела 37 мест в меджлисе и 2 избираемых депутатов в сенате), «Паниранисты» и функционировавшая с января 1971 г. «Ираниан» (1 депутат в меджлисе). Программы всех этих партий покоились на безусловном признании «белой революции»²⁴⁹.

В начале марта 1975 г. в Иране были распущены все политические партии и объявлено о создании партии «Растахиз-е мелли-йе Иран» («Национальное возрождение Ирана»). Генеральным секретарем партии назначили премьер-министра А. А. Ховеиду. Основание новой партии (ее устав и программа, гласившие о безоговорочной поддержке «белой революции», были приняты на состоявшемся в конце апреля — начале мая 1975 г. первом съезде партии) знаменовало окончательное оформление однопартийной системы и усиление контроля государства над общественно-политической жизнью.

В изменениях во внутривластном положении Ирана немаловажную роль играла агитационно-пропагандистская кампания государства, которое через органы печати, радио и телевидение настойчиво внушало иранскому народу мысль, что его судьба неразрывно связана с судьбой монархии Пехлеви. В этой кампании наряду с партией «Иран-е новин» активное участие принимали члены «корпусов революции» и другие общества и организации, которые наряду с выполнением своих прямых обязанностей занимались прославлением шаха и программы реформ. Для этой же цели в определенной степени использовались даже функционирующие под надзором властей кооперативы и находящиеся под контролем государства профсоюзы, одной из основных задач которых является стремление отвлечь рабочих и крестьян от политической борьбы, а экономическую борьбу трудящихся направить в русло «закона», т. е. разрешать все спорные вопросы с помощью представителей властей. Тем же задачам в значительной мере служили и пышные

празднества, состоявшиеся в Иране в 1971 г. в честь 2500-летия иранской монархии и в январе 1973 г. в связи с 10-летием «белой революции».

Охарактеризованные выше изменения в социально-политической жизни иранского общества относятся к периоду, когда, как подчеркивалось на состоявшемся в 1970 г. 14-м пленуме ЦК НПИ, руководство отдельными организациями партии в Иране из-за ослабления контроля ЦК над их деятельностью попало в руки левацких элементов. Руководство этими организациями, отмечалось также на пленуме, под предлогом того, что в Иране якобы сложилась революционная ситуация и будто бы «стоит вопрос о немедленном свержении режима», вступило в тесный контакт с лидером крайне правой группировки Тимуром Бахтиаром и втянуло местные организации партии в ряд авантюристических операций, «идущих вразрез с интересами иранского народа» и подрывающих престиж НПИ. Пленум подверг самому резкому осуждению деятельность этих организаций. С целью быстрой ликвидации этих и ряда других недостатков он предпринял решительные шаги для укрепления центрального аппарата партии. Пленум утвердил решение исполнительного бюро ЦК НПИ об освобождении Реза Радманеша с поста генерального секретаря партии и избрал на этот пост Ираджа Искандери. 14-й пленум наряду с мерами, направленными на укрепление руководства ЦК НПИ организациями партии в Иране, одобрил взятый еще в 1969 г. курс на усиление борьбы с оппортунистическими извращениями как внутри самой НПИ, так и в коммунистическом движении в Иране в целом ²⁵⁰.

В непосредственной связи с этим член исполнительного бюро ЦК НПИ Э. Табари на состоявшейся 19—21 ноября 1969 г. в Праге международной теоретической конференции подверг резкой критике левацкие и правые группировки в демократическом движении Ирана, наносящие своей деятельностью серьезный вред делу создания единого фронта борьбы за осуществление национально-демократической революции. По словам Э. Табари, в определении своей позиции по вопросу о социальной революции в Иране НПИ исходит из того, что «все реформы, которые осуществляет государство (в том числе аграрная реформа), направлены на ускорение процесса капиталистического развития» в условиях тесного

сотрудничества с империализмом. Но, «как всякие буржуазные реформы, мероприятия иранского правительства, громко разрекламированные как беспрецедентная „белая революция“, как „революция шаха и народа“... отнюдь не в состоянии решить глубоких противоречий, раздирающих наше общество...» Однако «реформы эти могут на определенное время стабилизировать положение в пользу правящих кругов, временно задержать, затормозить или замедлить освободительное движение народа, вызвать у него иллюзии, способствовать развитию оппортунистических взглядов». Э. Табари подчеркивал: «Мы знаем, что все это временно, что новая волна революционного движения наступит, что буржуазный и половинчатый характер реформ вскоре выявится. Однако в ежедневной борьбе мы не можем исходить из тех предпосылок, которые ныне не существуют. Налицо отлив революционного движения, потерпевшего жестокое поражение и потерявшего немало своих героических сыновей в кровавой борьбе. Задача состоит в восстановлении разрушенной врагами организации, в подготовке масс к новым политическим и экономическим боям. Задача состоит в воспитании новых революционных кадров в духе революционной стойкости, творческого марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. Все это требует спокойной, настойчивой, инициативной работы без крика. Именно в таких условиях левацкие элементы призывают к немедленным вооруженным действиям, а правые элементы утверждают, что прошло время классических революционных боев и что настал период легальной эволюционной борьбы»²⁵¹.

В опубликованном в фарвардине 1352 г. (21 марта — 20 апреля 1973 г.) проекте новой программы НПИ, нацеливая рабочий класс и другие прогрессивные слои населения Ирана на осуществление национально-демократической революции, подтвердила свою линию, направленную на усиление борьбы с различными оппортунистическими извращениями (ревизионизмом, догматизмом, сектантством, авантюристическими настроениями и т. д.), воздвигающими преграды на пути создания национально-демократического фронта. Подчеркивая, что победа революции невозможна без участия широких народных масс и что создание национально-демократического фронта — необходимое условие для этой

победы, НПИ указывала, что костяком фронта должен стать союз пролетариата и крестьянства, опорой — рабочий класс и его партия. Основное условие организации национально-демократического фронта — «единство в рядах партии и единство рабочего класса». Сформированное в результате победы революции национально-демократическое правительство, опирающееся на рабочий класс, крестьянство, ремесленников, прогрессивные слои интеллигенции и буржуазии, говорится в проекте программы, возьмет курс на устранение влияния иностранных монополий и строительство в перспективе социалистического общества²⁵².

Не приходится говорить, что НПИ на пути ее упорной и мужественной борьбы за укрепление влияния партии среди народных масс, за осуществление национально-демократической революции ожидают огромные трудности, связанные прежде всего с результатами социал-реформистской политики иранского государства.

Помимо того, важную роль здесь по-прежнему играют «силы по охране порядка», пресекающие всяческие «подрывные действия» как со стороны правой, так и особенно левой оппозиции. При этом основное внимание обращается на борьбу с Народной партией Ирана — носителем коммунистических идей в стране. В 60-е годы в Иране состоялся ряд судебных процессов над представителями НПИ, обвинявшимися в подстрекательской деятельности против государства.

В 1974—1975 гг. наблюдалось усиление и без того жесткого надзора властей за общественно-политической жизнью страны, усиление официальной пропаганды, стремящейся представить иранское общество как «общество социальной справедливости». Однако эти утверждения опровергаются самой действительностью. Это, в частности, получает выражение в неоднократных выступлениях пролетариата, борьба которого нередко выходит за рамки разрешенных «форм» и «направлений» и становится открытой забастовочной борьбой. При этом чисто экономические требования перемежаются с требованием улучшить социальное положение рабочих. Так, с сентября 1974 г. по март 1975 г. бастовали рабочие и служащие Региональной организации энерго- и водоснабжения в г. Реште, рабочие упаковочного предприятия в Махмуд-Абаде (в результате применения полици-

ей оружия несколько рабочих были ранены), рабочие сталепрокатного завода «Навард» в Ахвазе, горняки шахты «Дех-Молла», рабочие ситценабивной фабрики в г. Рее, машиностроительного завода в г. Араке, завода по выпуску продовольственных товаров для армии. Имели место и другие забастовки. Все это свидетельствует о растущем классовом сознании иранских рабочих и о более решительном противопоставлении ими своих классовых интересов интересам капиталистического государства.

Подводя итоги развитию иранского общества и его хозяйства в 60-х — начале 70-х годов, следует подчеркнуть, что рассматриваемый период является переломным в истории Ирана и знаменует собой наступление заключительной фазы переходного от феодального к капиталистическому способу производства этапа, начальная фаза которого обозначилась еще в конце прошлого и на заре нашего столетия. Основные особенности изучаемого периода в общем проявляются в более интенсивном и широком развитии капиталистических отношений, которые в значительной мере в ходе общественных преобразований ускоренными темпами утверждаются не только в городе, но и в деревне, охватывают новые отрасли производства, экономической и социальной инфраструктуры, упрочивают свое положение в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

Процесс социально-экономической эволюции развивающихся государств, в том числе и Ирана, а также научно-техническая революция на рубеже 50-х—60-х годов настоятельно вели к расширению их экономических и научно-технических связей с другими странами. Поэтому понятие «внешние связи» на современном этапе все более включает в себя экономические и научно-технические связи, которые из года в год растут. Теснейшая взаимозависимость между внешней политикой и экономикой — одна из важнейших особенностей современного Ирана.

Внешние отношения Ирана в 1954—1961 гг. имели односторонний, проимпериалистический характер. Они способствовали проникновению в хозяйство страны монополий США, Англии, ФРГ, Японии, Франции, Италии, усилению политической и военной зависимости от империалистических держав. Этот проимпериалистический курс не дал возможности правящим кругам разрешить финансово-экономические проблемы, вставшие перед страной, равно как и сгладить острые социально-политические противоречия, охватившие иранское общество. Более того, идя в фарватере политики США и Англии, Иран резко ухудшил отношения со своими соседями — Советским Союзом, а впоследствии с теми арабскими странами, в которых у власти стоят прогрессивные, антиимпериалистические силы.

Антисоветские и антикоммунистические выступления иранской реакции, политика репрессий в отношении прогрессивных и демократических организаций, политическая ориентация на империалистический Запад, вступление в военно-политический союз с США и Англией, активное участие в «холодной войне» не могли способствовать относительной стабилизации существующего режима и не в состоянии были упрочить международное положение Ирана.

В результате Иран все более оказывался в изоляции от движения солидарности стран Азии, Африки и Латинской Америки, что нанесло серьезный ущерб его международному престижу. Совершенно не случайно прозападный курс в области внешней политики с самого начала не только вызывал активный протест прогрессивных кругов и широких слоев общественности, но и был критически оценен рядом политических деятелей — правых националистов (Хаери-заде, Макки и др.).

Особенное недовольство у патриотически настроенных иранцев вызывало то, что мероприятия Советского Союза, направленные на улучшение отношений со своим южным соседом, не встречали понимания со стороны правящих кругов, отстаивавших свои узкоклассовые интересы. В ряде случаев шаги, предпринятые Советским Союзом для восстановления добрососедских отношений с Ираном, дали определенные результаты, способствующие нормализации отношений между двумя странами, однако в целом существенных изменений в

межгосударственных отношениях СССР и Ирана не произошло.

Правящие круги США, Англии, ФРГ и других западных держав принимали меры, чтобы не допустить развития добрососедских отношений Ирана с СССР. Под непосредственным давлением США Иран в 1959 г. сорвал переговоры о заключении договора о ненападении с Советским Союзом и подписал двустороннее ирано-американское военное соглашение²⁵³. Ирано-советские отношения вступили в новую полосу кризиса.

В 1960—1961 гг. между СССР и Ираном сохранялись натянутые отношения, которые препятствовали развитию экономических связей между ними, создавая неблагоприятную обстановку для осуществления подписанных соглашений. Таким образом, идя на уступки империалистическим державам, отказываясь от тех возможностей, которые открывало для Ирана сотрудничество с СССР, иранские правящие круги пренебрегали национальными интересами страны.

Кризисные явления в области экономики и финансов в конце 50-х — начале 60-х годов были вызваны в значительной степени прозападной внешнеэкономической и торговой политикой, а также ростом военных расходов, обусловленных участием Ирана в военном блоке СЕНТО.

Тем не менее в начале 60-х годов, в период валютно-финансового кризиса в Иране, США, как и другие страны Запада, уменьшили размеры предоставляемых Ирану субсидий и займов. Сетую по поводу подобной политики США, шах в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» говорил о необходимости увеличения американской помощи Ирану ради собственных интересов Запада, напоминая о том, какую важную стратегическую позицию занимает Иран²⁵⁴.

Не найдя необходимой финансовой и экономической поддержки у США и других западных держав для выхода из надвигающегося социально-экономического и политического кризиса, руководители иранской политики были вынуждены обратить еще более серьезное внимание на внутренние проблемы. Проводимые с 1962 г. иранским правительством социально-экономические преобразования, самым значительным среди которых была аграрная реформа, потребовали значительных

средств. Это вновь вызвало необходимость обратиться за финансовой помощью к Западу, который, однако, продолжал проявлять «непонимание» интересов иранского режима.

В этих условиях руководители иранской политики, приступая к осуществлению «белой революции», оказались вынужденными основательно пересмотреть свою внешнеполитическую концепцию. Иранское правительство стало отходить от односторонней ориентации на Запад, от строго проимпериалистического курса в области внешней и внешнеэкономической политики, известной в Иране под названием «позитивного национализма». Иранские лидеры стали говорить о выгодности сотрудничества со всеми государствами, что свидетельствовало о желании Ирана перейти на новый внешнеполитический курс.

Наиболее важной особенностью провозглашенного Ираном нового внешнеполитического курса стало то, что, продолжая в принципе сохранять и расширять свои тесные экономические и военно-политические связи с империалистическими государствами, иранское руководство пошло на установление широких связей с социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом. Одновременно Иран стал добиваться улучшения и расширения своих отношений с развивающимися странами.

Появление нового курса было вызвано многими факторами, как внутренними, так и внешними, в том числе стремлением воспользоваться в целях осуществления внутренних реформ преимуществами экономического сотрудничества с социалистическими странами и в определенной мере освободиться от пагубных последствий экономической экспансии империалистических держав, превративших Иран в рынок сбыта своих товаров. Наряду с этим новое направление во внешней политике было уступкой широким слоям иранской общественности, включая определенные прослойки торговой и промышленной буржуазии, страдавших от засилья иностранного капитала и требовавших отказа от односторонней проимпериалистической внешней и внешнеэкономической политики. Серьезные шаги со стороны Ирана для улучшения взаимоотношений с СССР и другими социалистическими странами были предприняты

тогда, когда внутренние политические и социальные противоречия приняли угрожающие масштабы. Таким образом, то, что улучшение ирано-советских отношений началось в период осуществления аграрной реформы и других преобразований было явлением не случайным.

В сентябре 1962 г. состоялся обмен нотами между правительствами Советского Союза и Ирана по вопросу об обязательстве Ирана не допускать на своей территории создания иностранных ракетных баз. В своей ноте иранское правительство заверило СССР, что «оно не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы всех видов на территории Ирана». Правительство СССР, как это подчеркивалось в ответной ноте, с удовлетворением приняло к сведению ноту иранского правительства от 15 сентября 1962 г. При обмене нотами в Тегеране министр иностранных дел Ирана от имени своего правительства сделал устное заявление о том, что «правительство Ирана никогда не разрешит, чтобы Иран стал средством агрессии против территории Советского Союза»²⁵⁵.

Обмен нотами и заявлениями между СССР и Ираном стал переломным моментом в отношениях между двумя государствами. Этот политический акт, которому предшествовали терпеливые и настойчивые переговоры, положил конец существовавшей в ирано-советских отношениях напряженности и послужил укреплению основ добрососедских отношений между СССР и Ираном, интересам мира и безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока. Большой вклад в дело улучшения ирано-советских отношений внес обмен визитами между Л. И. Брежневым, посетившим Иран осенью 1963 г., и шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви, побывавшим в Советском Союзе в июне — июле 1965 г.

Встречи государственных деятелей способствовали установлению сотрудничества между Ираном и СССР. Создавались условия для реализации ирано-советского транзитного соглашения и для расширения торговли между странами. 30 мая 1963 г. в Тегеране было подписано соглашение на 1963/64 г., согласно которому объем подлежащих обмену товаров увеличился на 70%²⁵⁶. В 1967 г. товарооборот между СССР и Ираном по стоимости достиг 4,5 млрд. риалов.

Улучшение советско-иранских политических отношений создало условия для налаживания экономического сотрудничества между двумя странами. 27 июля 1963 г. в Тегеране было подписано первое значительное советско-иранское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В преамбуле соглашения указывалось, что СССР и Иран заключили данное соглашение, руководствуясь взаимным стремлением к развитию экономического и технического сотрудничества, основанного на принципах равенства, невмешательства во внутренние дела и полного уважения национального суверенитета обеих стран, и в целях оказания Ирану содействия в развитии его экономики.

Соглашение предусматривало сотрудничество в строительстве ряда объектов, имеющих большое значение для обеих стран: гидротехнических сооружений на пограничной реке Аракс — плотины, водохранилища, двух гидроэлектростанций, Мильско-Муганской плотины, осетрового рыбопроизводного завода; зернохранилища, а также осуществления мелиорации Пехлевийского (Мурдабского) залива Каспийского моря и др. Финансирование работ, связанных со строительством гидротехнических сооружений, предусматривалось проводить на паритетных началах.

В январе 1966 г. было подписано советско-иранское соглашение о сотрудничестве в строительстве промышленных и других предприятий. Соглашение предусматривало участие Советского Союза в строительстве Исфаханского металлургического завода мощностью 500—600 тыс. т стали в год. СССР и Иран обязались, кроме того, сотрудничать в строительстве машиностроительного завода, а также северного участка трансиранского магистрального газопровода протяженностью около 500 км, отвода в Тегеран — 112 км и восьми компрессорных станций.

Решение иранского правительства о создании собственной тяжелой промышленности имело важное значение для уменьшения зависимости страны от империалистических монополий Запада. Еще в начале 60-х годов такие деятели, как премьер-министр Дж. Шариф-Имами и заменивший его на этом посту Али Амини, выступали против создания Ираном собственной тяжелой промышленности²⁵⁷. Этой же точки зрения придерживались

представители монополистического капитала Запада ²⁵⁸. Поэтому совершенно не случайно иранское правительство для создания первого в стране металлургического завода, заложившего основы черной металлургии Ирана, обратилось за помощью к СССР.

Если принять во внимание, что предоставленный Советским Союзом кредит в сумме 260 млн. руб. для строительства металлургического и машиностроительного заводов, а также северного участка трансиранского газопровода подлежал погашению поставками природного газа (ранее сжигавшегося в факелах), то станут очевидными те выгоды, которые принесли Ирану экономическое и техническое сотрудничество с СССР. Предусматривалось, что по трансиранскому газопроводу (вступил в строй в октябре 1970 г. ²⁵⁹) в течение первых пяти лет будет поставляться от 6 до 9 млрд. куб. м газа, а в последующие годы — 10 млрд. куб. м природного газа. После оплаты предоставленного кредита СССР в обмен на поступающий из Ирана газ будет поставлять промышленное оборудование и строительные материалы.

В 1967—1970 гг. политические, экономические и культурные отношения между Ираном и СССР получили дальнейшее развитие. Этому способствовали, в частности, поездка премьер-министра Ирана Амир Аббаса Ховеиды в Советский Союз летом 1967 г., визит Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в апреле 1968 г. в Иран, приезд осенью 1968 г. в Советский Союз шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, ответный визит в Иран Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в марте 1970 г. ²⁶⁰. Во время этих визитов особое внимание уделялось дальнейшему развитию торгово-экономических отношений.

Подписание в 1967 г. долгосрочного торгового соглашения способствовало быстрому росту торгового обмена между двумя странами. С 1968 г. машины, техническое оборудование, промышленные товары стали занимать особенно видное место в экспорте товаров из СССР в Иран ²⁶¹.

Советский Союз доказал, что он является большим и надежным рынком для реализации иранских товаров. С 1968 г. СССР помимо традиционных товаров иранского экспорта стал закупать в Иране большие партии руд и продукции национальной промышленности.

Важным этапом в развитии экономического и технического сотрудничества между Ираном и СССР явилось заключение летом 1968 г. нового соглашения. По этому соглашению стороны договорились сотрудничать в сооружении ряда важных объектов, предусмотренных IV пятилетним планом развития Ирана (март 1968 — март 1973 гг.): в расширении металлургического завода в Исфахане, в строительстве свинцово-цинкового завода, в реконструкции железной дороги Джульфа — Тебриз и т. д.²⁶². Для расширения существующих взаимовыгодных экономических и технических связей в 1968 г. была создана Постоянная советско-иранская комиссия.

С середины 60-х годов Иран существенно расширил политические и технико-экономические отношения с европейскими социалистическими странами. С ними были подписаны договоры и соглашения, имеющие важное значение для развития иранской экономики.

Между Ираном и Чехословакией в 1966 г. было достигнуто соглашение о строительстве в Тебризе крупного машиностроительного завода, вступившего в строй в 1972 г. В 1969 г. было подписано соглашение о предоставлении ЧССР Ирану кредита на сумму 200 млн. долл. для закупки промышленного оборудования, строительных и других материалов. Иран поставлял ЧССР промышленные и сельскохозяйственные товары. По подписанному в 1969 г. между Ираном и ЧССР торговому и платежному соглашению в течение пяти лет (начиная с июля 1969 г.) торговый оборот между двумя странами должен был составить 267 млн. долл.²⁶³. Торговый обмен между двумя странами в 1971/72 г. в стоимостном выражении составил 33 млн. долл.

В 1965 г. Иран заключил с Румынией соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве сроком на десять лет. По этому соглашению в обмен на геологоразведочное, нефтебуровое и портовое оборудование, а также суда, Иран обязался поставлять Румынии нефть на сумму 100 млн. долл. В августе 1966 г. было подписано соглашение о поставках Ирану из Румынии в течение пятилетнего срока 14 тыс. тракторов и 10 тыс. плугов²⁶⁴. Соглашение же 1967 г. предусматривало постройку в Иране тракторосборочного (в последующем тракторного) завода, взамен чего Румыния должна была получать иранскую нефть.

4 сентября 1969 г. в Тегеране было подписано соглашение о предоставлении Ирану Румынией кредита на сумму 100 млн. долл.²⁶⁵. В обмен на содействие в строительстве деревообрабатывающего комбината, создание сельскохозяйственной фермы и на поставки 5 тыс. тракторов «Универсал», около 500 железнодорожных вагонов, 5 тыс. плугов и промышленного оборудования иранская сторона обязалась поставить Румынии нефть на сумму 85 млн. долл., а также промышленные и сельскохозяйственные товары на 15 млн. долл.²⁶⁶. В сентябре 1971 г. был подписан ирано-румынский протокол о расширении экономического сотрудничества. В октябре 1972 г. было заключено новое торговое соглашение, по которому стороны решили увеличить свой торговый обмен в течение следующих пяти лет до 386 млн. долл. и построить совместный нефтеперерабатывающий завод, нефтехимический комплекс и т. д.

Широкое развитие получило экономическое и техническое сотрудничество, а также торговые отношения с Болгарией и Польшей. В 1967 г. иранский парламент ратифицировал соглашение об экономическом сотрудничестве с Болгарией. В том же году было подписано соглашение о закупке Болгарией иранской нефти. В 1972 г. был подписан новый болгарско-иранский торговый договор. В совместном заявлении отмечалось, что торговый обмен между двумя сторонами в течение пяти лет (март 1973 — март 1978) достигнет по стоимости 200 млн. долл.

Торгово-платежные соглашения между Ираном и Польшей заключены в 1965 г. на три года и в 1968 г. на пять лет. В июне 1972 г. Польша предоставила Ирану кредит на сумму 75 млн. долл. для закупки железнодорожных цистерн и промышленного оборудования. Кроме того, Иран закупает в Польше торговые суда в обмен на нефть и промышленные товары.

Активно развивается экономическое сотрудничество Ирана также с ВНР и Югославией.

Коммерческие отношения Ирана с социалистическими странами с 1963 г. стали быстро прогрессировать. Если в 1963/64 г. торговый обмен Ирана с СССР, ЧССР, Польшей, Венгрией, Румынией и Болгарией в стоимостном выражении равнялся 70,1 млн. долл., то в 1967/68 г. — 125,9 млн. долл.²⁶⁷ Из этой суммы около

половины приходилось на долю СССР. Уже к середине 60-х годов иранский экспорт в страны Восточной Европы составил почти седьмую часть всего экспорта страны²⁶⁸. Во второй половине 60-х годов из социалистических стран Европы наибольший товарооборот Иран стал иметь с ЧССР, Югославией и Румынией. Особенно возросло значение Румынии в иранском импорте с 1967 г.²⁶⁹. Подобно советско-иранским торговым соглашениям, соглашения Ирана с другими социалистическими странами предусматривают систематическое увеличение товарооборота.

Деловые круги Ирана признают, что торговое и технико-экономическое сотрудничество со странами социалистического содружества является для Ирана более выгодным, чем сотрудничество с Западом. Во-первых, кредиты СССР, Польши, Венгрии выдаются в большинстве случаев из расчета 2,5% годовых, а кредиты Международного банка реконструкции и развития и других финансовых учреждений Запада — зачастую выше 5%. Во-вторых, кредиты социалистических стран оплачиваются товарами, а не валютой. В-третьих, в соглашениях о кредитах, заключенных с социалистическими странами, например с Венгрией в 1965 г., проценты взимаются лишь с той части кредита, которая реализуется иранской стороной²⁷⁰. Имеет также большое значение, как подчеркивают иранские экономисты, долгосрочный характер кредитов, выдаваемых социалистическими странами.

Торгово-экономические отношения со странами социализма являются фактором, стимулирующим развитие иранской промышленности. Осуществление в Иране IV пятилетнего плана развития, в котором большое место отводилось промышленному строительству, нашло полную поддержку социалистических стран. Соглашения о долгосрочных кредитах, заключенные с СССР, ЧССР, Венгрией и Болгарией в 1968—1969 гг., наряду с ранее заключенными соглашениями, оказали значительную помощь в осуществлении этого первого плана индустриализации в Иране. Всего к 1972 г. при техническом содействии социалистических стран Европы (без СССР) в Иране было построено 42 промышленных объекта. Около 30 из них было осуществлено при помощи ЧССР²⁷¹.

С середины 60-х годов значительно оживились также культурные и научные связи с СССР и другими социалистическими странами. Расширился обмен учеными, деятелями кино и театра. 22 августа 1966 г. в Тегеране было подписано ирано-советское соглашение о культурных связях, а 25 февраля 1971 г. — соглашение о научно-техническом сотрудничестве. В соответствии с этими соглашениями стороны обязались содействовать контактам между учеными, обмениваться научно-технической информацией, поощрять обмены в области науки, высшего образования и просвещения, театра и музыки. В 1963—1968 гг. Иран подписал соглашения о научно-культурных связях и с другими социалистическими странами: в 1963 г. с Югославией, в 1967 г. с Болгарией, Чехословакией и Румынией, в 1968 г. с Венгрией и Польшей.

Большую роль в расширении и укреплении дружественных отношений между СССР и Ираном играют Общество культурной связи Ирана с Советским Союзом в Тегеране (создано в 1943 г.) и Общество культурной связи с Ираном в Москве (создано в марте 1963 г.). Иранское общество с сентября 1958 г. вновь начало издавать на персидском языке ежемесячный литературно-общественный журнал «Паям-е новин» («Новая весть»), который знакомит иранских читателей с достижениями СССР в различных областях жизни, с литературой и культурой народов Советского Союза.

Расширение торгово-экономических связей и научно-технического сотрудничества между Ираном и социалистическими странами играет важную роль и в укреплении доверия между государствами и служит делу сохранения мира между народами. После улучшения межгосударственных отношений между Ираном и странами социализма правящие круги Ирана отказались от доктрины «позитивного национализма». Новый курс в области внешней политики, осуществляемый с 1962 г. и названный иранскими руководителями «независимой национальной политикой», предполагает развитие всесторонних отношений не только с развитыми капиталистическими странами, но и с социалистическими государствами. Придается большое значение расширению связей с развивающимися странами.

Во внешней политике Ирана и после перехода к

курсу «независимой национальной политики» сохраняются ярко выраженные прозападные черты, вытекающие из классовых (официально оформленных) союзнических отношений иранского режима с правящими кругами развитых капиталистических стран. Тем не менее новое позитивное направление с начала 60-х годов давало о себе знать не только в политике установления сотрудничества с социалистическими странами, но и в отношении ряда важных актуальных международных проблем.

В принятых во время встреч главы иранского государства с руководителями социалистических стран в 1965—1973 гг. документах особое внимание уделялось важным международным проблемам. Еще в ирано-болгарском коммюнике, опубликованном в сентябре 1965 г., говорилось: «Они (руководители Ирана и Болгарии.— *Авт.*) подчеркивают, что вьетнамская проблема может быть разрешена на основе Женевских соглашений, путем предоставления возможности вьетнамскому народу самому решать свою судьбу без иностранного вмешательства». В коммюнике подчеркивалось значение контролируемого международной организацией разоружения, говорилось о необходимости запрещения ядерного оружия и создания безатомных зон для установления реального и продолжительного мира во всем мире. Стороны указывали на необходимость расширения экономического сотрудничества со всеми странами, что будет служить делу прогресса и индустриализации развивающихся стран²⁷². В начале 70-х годов Иран установил дипломатические отношения с ГДР, ДРВ, КНДР, МНР и КНР

Улучшение и расширение политических, торгово-экономических и культурных отношений с социалистическими странами способствуют росту экономической и политической самостоятельности Ирана, сужают экономическую основу эксплуатации Ирана империалистическими державами, основная цель которых — удержать Иран в рамках мирового капиталистического хозяйства в качестве объекта неокOLONиалистской эксплуатации.

Расширение экономического и научно-технического сотрудничества с социалистическими странами, прежде всего с СССР, создали условия для проведения Ираном относительно суверенной политики, которая в значительной мере отличается от той, которой иранское пра-

вительство следовало в годы осуществления курса одно-сторонней ориентации на Запад, когда характер политических и торгово-экономических отношений Ирана, даже по признанию представителей официальных кругов, не отвечал национальным интересам страны.

Структура иранского экспорта в течение десятилетнего периода (1953—1962) тесного сотрудничества с развитыми капиталистическими странами почти не изменилась. Так, по данным ООН, даже в 1964 г. промышленные товары составляли лишь 3,5% всего экспорта Ирана²⁷³. Основными статьями иранского экспорта (за исключением нефти) к середине 60-х годов оставался хлопок, ковры ручного производства и сухофрукты²⁷⁴.

Развитые капиталистические страны в условиях осуществления в Иране (с 1964 г.) курса на индустриализацию продолжали расширять свою торговую экспансию на иранский рынок, широко используя для этой цели предоставление крупных займов, субсидий и т. д. Этому способствовали также инвестиции западных монополий в иранскую экономику (банки, промышленность). Поэтому характерной чертой внешней торговли Ирана с развитыми капиталистическими странами остается резкое превышение импорта над экспортом. Начиная с 1960 г. свыше 50 — 60% иранского рынка находилось в руках западных стран: США, Англии и ФРГ²⁷⁵. В 1964/65 г. ФРГ экспортировала в Иран товаров на 10,91 млрд. риалов, США — 9,93 млрд., Англия — 7,76 млрд., Япония — 3,6 млрд. риалов. В то же время ФРГ вывозила из Ирана товаров на сумму 1,51 млрд. риалов, США — 1,48 млрд., Англия — 9,59 млрд. риалов²⁷⁶. В 1968/69 г. 75% импорта Ирана приходилось на долю стран Западной Европы, США и Японии²⁷⁷. Однако в течение 60-х годов произошли значительные сдвиги в структуре иранского импорта из развитых капиталистических стран, выразившиеся в значительном увеличении доли машин и оборудования производственного назначения²⁷⁸.

Правящие круги Ирана добиваются от развитых капиталистических стран увеличения объема вывоза ими товаров из Ирана. Однако это требование не встречает понимания со стороны монополий. В этом плане характерны взаимоотношения Ирана со странами «Общего рынка», Японией, США и Канадой.

С созданием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1958 г. внешнеторговые связи Ирана со странами Западной Европы вступили в новую фазу. Тарифные барьеры, воздвигнутые странами «Общего рынка», вызвали беспокойство в коммерческих кругах Ирана. На страны «Общего рынка» во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов приходилось 50% экспорта иранских ковров и изюма. Однако повышение таможенных тарифов уже в 1962 г. привело к сокращению иранского экспорта в Западную Европу.

Это обстоятельство вынудило Иран 14 октября 1963 г. вступить в ЕЭС в качестве ассоциированного члена. На Иран стал распространяться ряд привилегий в виде снижения таможенных тарифов на такие товары иранского экспорта, как ковры и изюм. Взамен Иран обязался смягчить условия ввоза ряда товаров из стран «Общего рынка». Тем не менее иранские торгово-промышленные круги по-прежнему проявляли недовольство экспансионистской политикой стран ЕЭС, особенно ФРГ. Во время встречи с представителями ЕЭС в 1964 г. иранская сторона добивалась дальнейшего сокращения тарифов. Этот вопрос обсуждался и во время пребывания в Иране в апреле 1965 г. бывшего в то время председателем Совета ЕЭС В. Хальштейна, когда с ним вели переговоры премьер-министр А. Ховейда и министр экономики Али-Наги Алихани.

По возвращении в ФРГ В. Хальштейн, указывая на то, что в прошлом иранское правительство «проводило четкий прозападный курс и его отношения с ЕЭС были действительно сердечными», выразил недовольство политикой иранского государства²⁷⁹. Подобными заявлениями В. Хальштейн и его единомышленники выражали по существу отрицательное отношение к тем новым тенденциям, проявление которых во внешней политике Ирана стало способствовать расширению торговли и экономического сотрудничества со странами социалистического содружества. Брюссельское соглашение, заключенное 14 октября 1965 г., хотя и смягчило, но не разрешило противоречий между Ираном и странами «Общего рынка»²⁸⁰.

Недовольство торговых и политических кругов Ирана вынудило представителей ЕЭС во второй половине 60-х годов пойти на некоторые уступки. В связи с исте-

чением срока Брюссельского соглашения в Тегеране 15 июля 1967 г. было подписано новое торговое соглашение, предусматривающее некоторое новое снижение таможенных тарифов на ковры, изюм и некоторые другие статьи иранского экспорта. Иран добился также обязательства со стороны ЕЭС закупать часть продукции алюминиевого завода в Араке²⁸¹.

Новое соглашение не разрешило противоречий в области торговли между Ираном и странами ЕЭС, особенно между Ираном и ФРГ. Как писала «Кейхан Интернейшнл» от 14 октября 1969 г., министр экономики Хушанг Ансари в беседе с членом комиссии ЕЭС Альбертом Коме сказал, что странам «Общего рынка» необходимо пересмотреть структуру своих отношений с Ираном, с тем чтобы увеличить экспорт иранских товаров в страны «шестерки».

Тем не менее в начале 70-х годов дефицит торгового баланса Ирана со странами ЕЭС приобрел еще более внушительные размеры. В июне 1971 г. глава иранского правительства заявил, что торговля со странами ЕЭС в «традиционных» формах продолжаться не может. В «Зеленой книге» министерства иностранных дел Ирана, опубликованной летом 1973 г., указывалось, что «дефицит во внешней торговле Ирана с Европейским общим рынком растет изо дня в день» — в течение девяти месяцев 1972/73 г. он достиг 520 млн. долл., а с Англией в первой половине 1972/73 г. — 147 млн. долл. Дефицит в торговле с США и Канадой в том же году был в два раза больше, чем в 1971/72 г. (с США в первой половине 1972/73 г. он составил свыше 206 млн. долл.).

Монополии и правящие круги развитых капиталистических государств (недавно открыто выступавшие против индустриализации Ирана), принимая во внимание установление заметного по своим масштабам экономического и технического сотрудничества между социалистическими странами и Ираном, в 60-х годах изменили свое отношение к данному вопросу и стали принимать активное участие в создании ряда промышленных предприятий в Иране. В немалой мере эти сдвиги явились результатом научно-технической революции.

Монополии развитых капиталистических государств стали оказывать Ирану содействие в создании сравни-

тельно крупных промышленных предприятий, особенно активно проникая в новые отрасли промышленности. Особая роль в этом принадлежит монополиям США, Англии, ФРГ, Франции и Японии. Хотя в течение 1963/64—1967/68 гг. монополии восьми развитых стран Запада направили в иранскую промышленность инвестиций всего на сумму 2971 млн. риалов (из них 1609 млн. риалов приходится на долю США)²⁸², темп их роста весьма велик. Только в 1967/68 г. объем таких инвестиций в сравнении с предыдущим годом возрос в 10 раз.

Американский частный капитал вместе с иранским государственным капиталом осуществил в конце 60-х—начале 70-х годов строительство таких крупных промышленных объектов, как трубопрокатный завод в Ахвазе, нефтехимический комплекс в Бендер-Шахпуре²⁸³, завод по производству каустической соды в Абадане (74% акций принадлежит Ирану, 26% — «Б. Ф. Гудрич Компани»), завод в Бендер-Мезшуре, завод по производству серы на о-ве Харк (ИННК и «Америкен Интернейшнл») ²⁸⁴.

В целом на протяжении 60-х годов произошли существенные изменения в ирано-американских экономических отношениях. Если до середины 60-х годов (помимо экспансии в нефтяную промышленность) основной областью финансовой экспансии США были государственные займы, то во второй половине 60-х годов вывоз государственного капитала США в Иран значительно уменьшился. Во второй половине 50-х и начале 60-х годов увеличились размеры и масштабы проникновения американского частного капитала в финансовые и промышленные учреждения Ирана.

В области предоставления Ирану американской финансовой помощи в течение 60-х годов произошли значительные перемены. Основная доля субсидий США с 1953 г. шла на частичное покрытие дефицита бюджета. Эти субсидии, как и военная помощь и займы, были важнейшими средствами, призванными содействовать усилению в стране политических и экономических позиций США. Однако в связи с ухудшением состояния платежного баланса США и увеличением доходов Ирана от нефти американское правительство после 1961 г. сократило размеры безвозмездной помощи, а с 1967 г. она была полностью прекращена.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов государственные учреждения Ирана получили значительные займы у частных банков США, у МБРР и других международных финансовых институтов. За этот же период увеличились масштабы экспансии монополий США в Иране. В конце 1972 г. там действовало около 1600 американских промышленно-торговых фирм. С целью поощрения американских предпринимателей на увеличение своих инвестиций в Иране были проведены специальные конференции в Тегеране (1970 г.) и Нью-Йорке (1972 г.).

Во второй половине 60-х и особенно с начала 70-х годов в связи с переоснащением иранской армии и флота новейшей боевой техникой очень тесными стали связи иранского государства с военно-промышленным комплексом США, а также Англии. На несколько миллиардов долларов были размещены заказы в США, Англии и отчасти в ФРГ на новейшие самолеты, военные корабли, ракеты, танки и т. п.

Английские фирмы продолжают расширять свое сотрудничество с автомобильной промышленностью Ирана, сотрудничают в строительстве машиностроительных заводов и ряда других объектов.

Во второй половине 60-х годов активизировали свою деятельность промышленные монополии ФРГ. В мае 1967 г. в Тегеране бизнесменами двух стран была создана Ирано-западногерманская ассоциация. В том же месяце иранский парламент ратифицировал заключенное в ноябре 1965 г. между Ираном и ФРГ соглашение о совместном привлечении и защите капиталовложений²⁸⁵. Этому способствовали также встречи государственных деятелей двух стран (визит шаха летом 1967 г. в ФРГ, поездка канцлера К. Кизингера в Иран осенью 1968 г., поездка в ФРГ премьер-министра А. Ховеиды весной 1969 г. и т. д.).

При участии западногерманских фирм в Тебризе построен завод дизельных моторов. Промышленно-финансовые круги ФРГ принимали и принимают широкое участие в кредитовании и строительстве трансиранского газопровода, радиотехнического, трансформаторного, алюминиевого заводов, электростанций и ряда других объектов²⁸⁶. Промышленные монополии ФРГ в сотрудничестве с фирмами США принимали активное участие также в строительстве вступивших в строй в 1967—1973 гг.

в Ахвазе трубопрокатного завода, металлопрокатных заводов и др.

К середине 60-х годов стали расширять свои связи с Ираном частные промышленные фирмы Франции, Италии и других развитых капиталистических стран. Важную роль в расширении экономических отношений названных стран с Ираном играют их государственные учреждения.

Характерная черта внешнеэкономической деятельности правящих кругов Ирана с середины 60-х годов — стремление широко привлечь иностранный капитал для создания промышленных предприятий и улучшения инфраструктуры. В одних случаях речь идет о создании смешанных (ирано-иностраных) предприятий, в других — о кредитовании, оборудовании или проектировании строящихся в Иране предприятий иностранными промышленно-финансовыми фирмами. Иранские руководители одобительно относятся к политике правительственных и монополистических кругов США, ФРГ, Франции и других развитых капиталистических государств, направленной на расширение деятельности иностранного частного капитала в строительстве промышленных предприятий в Иране.

В политических и экономических взаимоотношениях Ирана с развитыми капиталистическими странами во второй половине 60-х—начале 70-х годов нефтяной вопрос продолжал занимать важнейшее место. 1966 год явился важной вехой в истории взаимоотношений Ирана с нефтяными монополиями Запада. В августе 1966 г. ИННК заключил качественно новое соглашение с группой французских государственных компаний ЭРАП. По этому соглашению ЭРАП должна была выполнять роль подрядчика, вести разведку и добычу нефти для ИННК. Все капиталовложения для разведки и добычи нефти осуществляет ЭРАП на условиях предоставления кредита. Вся добываемая нефть и сооружения будут принадлежать ИННК. Однако в течение 25 лет ЭРАП сможет закупать часть (от 17,5 до 22,5%) добываемой нефти по низкой цене. Расходы ЭРАП на разведку возмещаются лишь в случае обнаружения промышленных ресурсов нефти. ИННК будет получать от 89 до 91,5% прибылей²⁸⁷. По этому соглашению Иран выступал как полноправный хозяин собственной нефти. Не случайно

нефтяные монополии США и Англии пытались умалить значение этого соглашения, объявляя его нереальным ²⁸⁸.

Для ЭРАП заключение этого соглашения было выигрышным не только в том смысле, что она в течение многих лет могла иметь доступ к дешевой нефти. Важным моментом является и то, что реализация подобных соглашений, заключенных с Ираном и Ираком, дает Франции возможность в вопросе о топливе и важнейшем сырье для химической промышленности быть менее зависимой от англо-американских монополий. Заключение этого соглашения свидетельствовало также об усилении борьбы между англо-американской «большой семеркой» и западноевропейскими государственными и частными нефтяными компаниями. Недаром французская газета «Монд» в августе 1966 г. охарактеризовала заключение соглашения ЭРАП с ИННК как проникновение «в сердце американо-английской нефтяной империи».

Весной 1968 г. по инициативе Франции в Париже был создан консорциум западноевропейских нефтяных фирм, которым удалось 3 марта 1969 г. заключить новое соглашение о разведке и добыче нефти на юге провинции Фарс (площадь участка 27 260 кв. км). Акции распределены между фирмами, входящими в консорциум, следующим образом: ЭРАП—32%, итальянская ЭНИ—28, испанская «Хиспанойл»—20, бельгийская «Петрофина»—15, австрийская «ОМВ»—5% ²⁸⁹. Условия этого соглашения очень близки к условиям соглашения, заключенного между ИННК и ЭРАП в 1966 г.

Еще одно соглашение, основные условия которого во многом соответствуют соглашению 1966 г., ИННК подписала с американской фирмой «Континентал Ойл» в апреле 1969 г. Район действия контракта находится к северу от Бендер-Аббаса (площадь 12 861 кв. км).

Новый вид взаимоотношений с иностранными фирмами, впервые нашедший официальное выражение в соглашении между ИННК и ЭРАП, начал ставить под угрозу концессионное соглашение, заключенное между Ираном и Международным нефтяным консорциумом (МНК) в 1954 г. Именно супермонополиям — «большой семерке» — принадлежало 89% акций в МНК, на долю которого во второй половине 60-х годов приходилось 95% добываемой в Иране нефти ²⁹⁰.

Отсюда понятно, что взаимоотношения Ирана с этими монополиями и государствами, которые фактически представляют интересы этих нефтяных компаний, приобрели особое значение. Не только прогрессивные организации, но и ряд представителей либеральной буржуазии и правых националистов еще в 1954 г. выступили против соглашения с МНК, отмечая, что оно ущемляет национальные интересы Ирана. Однако лишь в конце 50-х годов, когда МНК снизил цены на иранскую нефть, что вызвало значительное уменьшение доходов Ирана, впервые представители правящих кругов подвергли соглашение с МНК острой критике. Указывая на то, что соглашение дает возможность нефтяным монополиям по своему определять политику цен, сенатор Матин Дафтари в феврале 1958 г. призвал подписавших это соглашение иранских деятелей приложить «все усилия для того, чтобы восстановить попорченную справедливость»²⁹¹. Лишь в начале 60-х годов иранские власти стали требовать от входящих в МНК монополий не только выполнения принципов соглашения, но и соблюдения экономических интересов Ирана в некоторых важных вопросах.

Особое недовольство иранской общественности и властей вызвало, как было отмечено, предпринятое нефтяными монополиями в конце 50-х годов двукратное снижение справочных цен на нефть²⁹². В результате этого снижения доходы Ирана и других нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока от нефти значительно упали. В ответ Иран и другие нефтедобывающие страны в 1960 г. основали Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК), основной целью которой была защита интересов членов этой организации перед лицом нефтяного империализма, и прежде всего восстановление ранее существовавшего уровня цен на сырую нефть.

В начале 60-х годов общими усилиями членов ОПЕК, был подготовлен проект дополнительного соглашения. Чтобы воспрепятствовать объединению усилий членов ОПЕК нефтяной картель добивался отдельных переговоров с ними относительно этого проекта²⁹³. Одним из первых подобное соглашение было заключено в 1964 г. между МНК и Ираном, одним из наиболее «лояльных» в отношении картеля нефтедобывающих стран. Суть этого соглашения состояла в том, что прибыли по прин-

ципу 50 : 50 отныне должны были распределяться после вычета арендной платы²⁹⁴. Осуществление этого соглашения давало возможность Ирану, как было заявлено представителем ИННК в апреле 1969 г., получить не 50%, как раньше, а 56,2% прибылей²⁹⁵.

Вслед за заключением дополнительного соглашения осенью 1966 г. Иран выдвинул новые требования к МНК. Основными были требования об увеличении добычи нефти и повышении цены на нефть. Первые переговоры, несмотря на противодействие МНК, завершились принятием некоторых требований Ирана. Во-первых, консорциум должен был увеличивать добычу и экспорт нефти ежегодно не менее чем на 12%; во-вторых, к марту 1967 г. МНК лишился 25% своей концессионной территории (64 тыс. кв. км); в-третьих, МНК обязался передавать ИННК в течение 1967—1971 гг. по льготным ценам дополнительное необходимое ей количество нефти для экспорта в социалистические страны²⁹⁶.

В январе 1968 г. началась новая серия переговоров между ИННК и МНК, пятый тур которых завершился лишь в марте 1969 г. Одним из основных спорных пунктов на этих переговорах было требование иранской стороны об увеличении ежегодной добычи и экспорта нефти на 16,8%. Такой рост добычи нефти на территории, эксплуатируемой МНК, и экспорта ее был в состоянии обеспечить, по мнению иранских руководителей, необходимые для экономического развития страны доходы²⁹⁷. Выдвигая требование об ежегодном увеличении добычи нефти на 16,8%, Иран исходил из резолюции, принятой ОПЕК в 1965 г. Эта квота нефтедобычи была основана ОПЕК на оценках роста потребления нефти в мире²⁹⁸.

Эти переговоры, как и предыдущие, были весьма напряженными, о чем свидетельствовали, в частности, те полные злобы статьи в отношении Ирана, которые появлялись время от времени в печати США и Англии. Но деятельность супермонополий ограничивалась не только этим. Одна из них, американская «Мобил Ойл», зная о требованиях Ирана относительно выделения МНК дополнительного количества нефти ИННК для экспорта в социалистические страны Европы, до завершающего этапа переговоров предложила внешнеторговым организациям Венгрии нефть по сниженным ценам. Однако, как с удовлетворением отмечал иранский полуофи-

циоз «Кейхан», правительство Венгрии не скрыло от Ирана этого маневра американской компании. Газета особо подчеркивала, что «действия, предпринятые компанией „Мобил Ойл“, являются лишь одним из маневров американских нефтяных корпораций, держащих 40% акций Международного нефтяного консорциума»²⁹⁹.

В результате этих переговоров было достигнуто компромиссное решение. Иран в 1969 г. получил от МНК требуемую сумму — 1012 млн. долл. Доходы от нефти в этой сумме составляли 932 млн. долл., а 80 млн. долл. Ирану было предоставлено в виде займа³⁰⁰.

О росте добычи и экспорта иранской нефти в последующие годы никаких решений не было принято. Стороны согласились для решения этого вопроса провести новую серию переговоров³⁰¹.

Хотя переговоры были секретными, ряд статей, появившихся в зарубежной печати, свидетельствовал о том, что в ходе переговоров обсуждались и другие весьма важные вопросы. Так, «Файнэншл Таймс» 6 мая 1969 г. опубликовала беседу шаха с корреспондентом газеты, во время которой глава иранского государства заявил, что в консорциум входят такие компании, основные интересы которых связаны с другими районами. «Мы предлагаем им, — сказал шах, — продать свои акции». Покупателями доли этих компаний, по словам шаха, могли быть фирмы Японии, ФРГ и других стран. Лондонский «Экономист» в мае 1969 г. с раздражением отмечал, что такими компаниями, которым шах предлагает уйти из МНК, являются «Бритиш Петролеум» и «Галф Ойл» (первой принадлежат 40% акций консорциума, а второй — 7%). На переговорах также обсуждалось требование Ирана о возвращении ИННК нефтеносного района Марун, входящего в зону деятельности МНК.

В октябре 1969 г. в Лондоне начался новый тур переговоров между руководителями ИННК и МНК, во время которых иранская сторона первостепенное значение придавала увеличению доходов от нефти. По мнению иранских руководителей, они должны были составить в 1970/71 г. 1156 млн. долл.³⁰² Иранская сторона добивалась также согласия МНК на строительство нефтепровода от Ахваза до Искендерона, турецкого порта на Средиземном море.

В результате этих переговоров нефтяные концерны — члены МНК удовлетворили требования ИННК и иранского правительства об увеличении добычи нефти в 1970/71 г.

В 1970 г. переговоры между ИННК и представителями МНК приобрели еще большее значение в связи с опережающим ростом спроса над предложением на мировом капиталистическом рынке нефти. Члены ОПЕК решили воспользоваться благоприятной конъюнктурой для достижения тех целей, ради которых была создана их организация. XXI сессия ОПЕК (Каракас, декабрь 1970 г.) предъявила требования нефтяным трестам Запада отчислить минимум 55% прибылей от продажи сырой нефти, а также повысить справочные цены на нефть, на основе которых производятся отчисления странам-экспортерам. В декабре 1970 г. МНК согласился выплачивать ИННК не 50% прибыли от продажи сырой нефти, а 55%. Таким образом, окончательно пришел конец системе 50:50, установленной в Иране в 1954 г.

В соответствии с принятыми на XXI сессии ОПЕК решениями в январе 1971 г. в Тегеране начались переговоры между представителями шести государств Персидского залива и Международным нефтяным картелем, к которым присоединились еще 15 американских, западноевропейских и японских компаний. Во время этих переговоров Иран, Ирак, Саудовская Аравия и другие страны региона потребовали от крупнейших нефтяных компаний развитых капиталистических стран удовлетворения всех требований, изложенных в резолюции XXI сессии ОПЕК. Когда представители нефтяных монополий отвергли эти требования, переговоры были прерваны.

В начале февраля 1971 г. в Тегеране была созвана чрезвычайная XXII сессия ОПЕК. Она единодушно приняла решение, в котором говорилось, что страны Персидского залива — члены ОПЕК предпримут с 15 февраля практические шаги для достижения целей, поставленных XXI сессией. В случае если какая-либо нефтяная компания в течение семи дней не согласится с требованиями ОПЕК об отчислении нефтедобывающим странам минимум 55% прибылей от продажи сырой нефти и о повышении «справочных» цен на нефть, правительство страны-экспортера предпримет соответствующие санкции, включая прекращение подачи нефти этой компании.

Нефтяные монополии развитых капиталистических стран были вынуждены принять все основные требования. 14 февраля 1971 г. в Тегеране было подписано соглашение между нефтяными монополиями и шестью странами Персидского залива (Абу-Даби, Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Катар) об увеличении на 20—25% справочных цен на нефть (на 35—40 центов за баррель) сроком на пять лет в портах залива с последующим ежегодным повышением их на 5 центов за баррель. Для компенсации возможных последствий инфляционных процессов эти цены должны были ежегодно повышаться на 2,5%³⁰³.

Это крупное сражение было выиграно странами — членами ОПЕК, в том числе Ираном, благодаря единству их действий и решительности в переговорах с нефтяными монополиями, поддерживаемыми империалистическими государствами.

Обострение противоречий между нефтяным картелем и нефтедобывающими странами и усиление топливного кризиса в США и Западной Европе подтолкнуло руководителей иранской политики на новое наступление на позиции МНК.

В июне 1972 г. шах в своем выступлении на пресс-конференции в Лондоне заявил, что иранское правительство решило продлить срок соглашения с МНК, истекавший в 1979 г., еще на три пятилетних срока. Выступая за сохранение «надежных отношений» с МНК, глава иранского государства отметил, что Иран считает соглашение с МНК выгодным для себя и не намерен добиваться участия в капиталах и операциях консорциума. Было отмечено, однако, что иранское правительство будет добиваться некоторых изменений в условиях расчета³⁰⁴. Таким образом, Иран не стал поддерживать линию Саудовской Аравии, Кувейта и других стран, которые добивались участия в основном капитале нефтяных монополий.

Однако в январе 1973 г., в день десятилетия «белой революции», шах заявил, что в 1979 г. Иран не пролонгирует свое соглашение с МНК. Если члены консорциума, отметил он, не пожелают вложить капиталы, необходимые для того, чтобы повысить добычу нефти в «зоне соглашения» с 5 млн. до 8 млн. баррелей в сутки, Иран сам сделает необходимые капиталовложения и само-

стойательно будет сбывать значительное количество нефти³⁰⁵.

Усиление конкурентной борьбы между МНК, с одной стороны, и западногерманскими, французскими, японскими и итальянскими нефтяными фирмами — с другой, а также обострение в 1973 г. в развитых капиталистических странах топливного кризиса создавали благоприятные предпосылки для реализации подобного плана. Желание Ирана самостоятельно выйти на мировой нефтяной рынок и установить прямые коммерческие контакты с главными потребителями иранской нефти (Япония, ФРГ и др.) вызвали сильное раздражение в связанных с МНК монополистических кругах США, Англии и Нидерландов³⁰⁶. Нефтяным компаниям — членам МНК пришлось выдержать еще одно столкновение с Ираном.

Вслед за январским заявлением в феврале шах высказался за пересмотр соглашения 1954 г., заключенного между ИННК и МНК, а в начале марта 1973 г. глава иранского государства подтвердил намерение его страны «установить контроль» над деятельностью компаний МНК в Иране.

3 марта 1973 г. в Лондоне начались переговоры между представителями МНК и ИННК, которые завершились 24 мая подписанием в Тегеране нового соглашения о нефти между ИННК и МНК. По соглашению, фактически вступившему в силу уже 21 марта, действие соглашения 1954 г. частично было приостановлено. ИННК стал полновластным владельцем всех запасов нефти, нефтепромыслов, Абаданского нефтеперегонного завода, нефтяного порта Махшехр и других сооружений в бывшей концессионной зоне, находившейся под контролем МНК.

По соглашению, однако, ИННК обязуется в течение 20-летнего периода большую часть добываемой в бывшей концессионной зоне нефти сбывать компаниям, входящим в МНК. Определенная часть нефти указанной зоны будет идти на внутреннее потребление, а часть — экспортироваться самостоятельно ИННК. Так, по намеченному плану в течение 20 лет общий объем добываемой в зоне нефти составит 5780 млн. т, из которых 3944 млн. т будет поставляться компаниям — членам МНК, 979 млн. т — экспортироваться ИННК, остальные потребляются в Иране³⁰⁷.

С подписанием соглашения о нефти с МНК Иран восстановил свой суверенитет над богатейшими нефтяными месторождениями страны, что предусматривалось еще законом об осуществлении национализации нефти, утвержденным обеими палатами иранского парламента в 1951 г. Однако следует принять во внимание то, что соглашение о нефти фактически не полностью обеспечивает права Ирана на нефть в концессионной зоне, так как ИННК лишен права сбывать бóльшую часть добываемой в зоне нефти по своему усмотрению в течение 20-летнего периода.

Таким образом, соглашение о нефти фактически сохраняет некоторые преимущественные права компаний МНК, ущемляя национальные интересы Ирана. По существу без какой-либо компенсации Абаданский нефтеперерабатывающий завод обслуживает МНК. Это касалось также цен на нефть: в январе 1974 г. в зоне Персидского залива справочные цены на каждый баррель сырой нефти были установлены в размере 11,5 долл., ИННК же получал с МНК за каждый баррель около 7 долл.

Новая расстановка сил на Ближнем и Среднем Востоке, которая характеризуется ростом национально-освободительного движения арабских народов и ослаблением позиций империализма, создает весьма благоприятные условия для полного восстановления прав иранского народа на собственные природные ресурсы.

Новый курс в области внешней политики отразился и в отношении Ирана к пакту СЕНТО. К середине 60-х годов впервые иранские лидеры в известной мере подвергли публичной критике деятельность пакта. Появление этой новой тенденции было вызвано различными факторами внутреннего и внешнего порядка. Правящим кругам Ирана все труднее становилось игнорировать политику мира, осуществляемую СССР и другими социалистическими странами, тем более что иранские общественные организации, например популярный Национальный фронт и другие оппозиционные организации, активно выступали за нейтралитет, указывая на проимпериалистический характер СЕНТО. Немаловажное значение для некоторой переоценки ценностей в отношении пакта имел рост антиимпериалистического движения на Арабском Востоке, и особенно иракская революция

1958 г., показавшая, что участие в проимпериалистических блоках не может гарантировать сохранение реакционного режима. Сильное впечатление на общественность Ирана оказала публикация в 1961 г. секретных документов СЕНТО, раскрывшая явный проимпериалистический характер этого блока ³⁰⁸.

Военно-политические кризисы на Ближнем и Среднем Востоке в первой половине 60-х годов еще больше выявили прозападную сущность СЕНТО. Как во время кипрского кризиса 1963—1964 гг., когда Турция искала поддержку у США и Англии, так и в период индо-пакистанского конфликта 1965 г., когда Пакистан обратился за помощью к своим западным союзникам по СЕНТО и СЕАТО, США и Англия заявляли, что СЕНТО создан для того, чтобы «оказывать сопротивление любой коммунистической угрозе и не может быть использован против региональных противников». Иран не нашел поддержку у западных союзников в отношении своих претензий на Бахрейнские острова. Таким образом, в первой половине 60-х годов рельефно выявились разногласия между англо-американским империализмом, с одной стороны, и Пакистаном, Турцией и Ираном — с другой. Совсем не случайно пакистанский автор охарактеризовал СЕНТО как орудие США и Англии. Имея в виду отношение США и Англии к кипрской проблеме ³⁰⁹ и индо-пакистанскому конфликту, он писал: «Турция и Пакистан ясно поняли, что СЕНТО был средством для достижения целей Запада» ³¹⁰.

Близкая к правящим кругам иранская газета «Кейхан Интернейшнл», объясняя причину недоверия иранского правительства к СЕНТО, писала, что индо-пакистанский кризис показал иранским лидерам, что «ни Британия, ни Соединенные Штаты не придут на помощь Ирану, если для него возникнет угроза со стороны любой некоммунистической страны региона» ³¹¹. Одновременно газета признавала отсутствие какой-либо угрозы Ирану со стороны социалистических стран. Газета «Кейхан», отмечая причины, вызвавшие изменения в отношении Ирана к СЕНТО, писала: «Опыт прошлого, изменения в международной обстановке, а также следование независимому национальному курсу во внешней политике привели к тому, что в настоящее время чувствуется необходимость в пересмотре СЕНТО и ему подоб-

ных пактов»³¹². Противоречия между империалистическими державами и азиатскими членами СЕНТО, которые впервые отчетливо проявились на VIII сессии СЕНТО в апреле 1965 г. в Тегеране, в дальнейшем несколько обострились. В то время как США и Англия добивались укрепления военного союза СЕНТО под флагом антикоммунизма, Иран, Турция и Пакистан стали выдвигать на первый план развитие регионального экономического и культурного сотрудничества, считая укрепление обороноспособности каждой страны задачей национальной³¹³.

В июле 1964 г. во время встречи руководителей трех стран в Стамбуле было объявлено о создании организации «Региональное сотрудничество для развития» (РСР) с участием Турции, Ирана и Пакистана. Главная цель РСР — содействие экономическому и культурному развитию региона посредством тесного сотрудничества. Важнейшими областями сотрудничества стран — членов РСР являются развитие региональной и в целом внешней торговли, создание совместных промышленных и инфраструктурных объектов. Среди промышленных объектов, строительство которых находится на завершающем этапе или закончено, — алюминиевые заводы в Араке (Иран) и Сеидшехире (Турция), металлургический завод в Искендероне (Турция), завод по производству ткацких станков в Карачи (Пакистан), фабрика по производству бумаги (Иран) и др. Для обслуживания морских перевозок между странами — членами РСР, а также между регионом и США создана специальная организация — «Конференция судоходных линий РСР». В целом РСР призван способствовать развитию экономической интеграции в регионе. Наблюдается также сотрудничество стран — членов РСР в области выработки единой позиции по некоторым важным международным вопросам.

Восприняв создание РСР как угрозу существованию СЕНТО, США и Англия стали прилагать большие усилия, особенно с 1966 г., с целью дать «второе дыхание» этому пакту, переживавшему глубокий кризис. Для этого стали использовать как прямое давление, так и содействие тех правительств или политических кругов региона, которые заинтересованы в сохранении военных союзов.

Как отмечала турецкая газета «Джумхуриет», во время встречи в Рамсаре в конце июля 1967 г. руководителей Ирана, Турции и Пакистана, премьер-министр Турции Сулейман Демирель «безнадежно пытался убедить Иран и Пакистан в необходимости СЕНТО»³¹⁴. Еще ранее, в 1966 г., во время своих визитов в Иран и Пакистан глава турецкого правительства восхвалял союз трех государств³¹⁵. Министр иностранных дел Пакистана Аршад Хусейн подобные заявления объяснял тем, что Турция, будучи членом НАТО, получает от США военную помощь, лишаться которой не хочет. Он прямо заявил, что «мы остаемся в СЕНТО по настоянию Турции». Приводя эти слова пакистанского министра, иранская газета «Аяндеган» 11 июля 1968 г. отмечала, что членство в СЕНТО не служит национальным интересам страны.

Иранская политика в отношении СЕНТО в течение второй половины 60-х и начала 70-х годов была, однако, непоследовательной. Если в 1965—1966 гг. иранские деятели неоднократно подвергали СЕНТО конструктивной критике, то в дальнейшем в официальных заявлениях стали звучать иные нотки. Англо-американскому империализму в определенной мере удалось предотвратить развал этого пакта.

В январе 1967 г. министр иностранных дел Ирана Ардешир Захеда заявил, что «мы до сих пор являемся членами СЕНТО. Но, может быть, мы не получаем от него того, что хотели бы иметь». Тогдашний генеральный секретарь СЕНТО Халатбари, развивая эту мысль, говорил в феврале 1967 г. о необходимости реорганизации пакта, так как появились «новые опасности, угрожающие трем региональным членам».

Пособничество и поддержка Соединенными Штатами агрессивных действий Израиля во время и после арабско-израильской войны 1967 г. вызвали недовольство восточных членов СЕНТО политикой США и Англии. Тем не менее в интервью австрийскому корреспонденту в июле 1968 г. Ардешир Захеда заявил, что «до тех пор, пока одни военные организации (имеются в виду НАТО и Организация стран Варшавского договора. — Авт.) существуют, нет оснований для ликвидации других»³¹⁶.

Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви на пресс-кон-

ференции в Нью-Дели 4 января 1969 г. вновь повторил свою мысль, высказанную им осенью 1966 г. корреспонденту «Гардиан», о том, что СЕНТО «родился беззубым с самого начала», подразумевая под этим военно-политическую слабость пакта. «Как вы сами знаете,— отметил шах,— пакт СЕНТО превратился в клуб, где мы собираемся и обсуждаем технические и экономические проблемы»³¹⁷. В заявлениях шаха подчеркивалось, что Иран остается членом СЕНТО³¹⁸.

США и Англия добивались сохранения СЕНТО и не прекращали своих усилий, направленных не только на преодоление охватившего пакт кризиса, но и на восстановление пакта в качестве активного орудия своей политики на Ближнем и Среднем Востоке. Председатель комитета начальников штабов США генерал Уилер после двухдневного заседания военного комитета СЕНТО в марте 1969 г. вновь заговорил о советской угрозе членам СЕНТО³¹⁹, совершенно не считаясь с тем, что этот американский миф отвергнут азиатскими членами пакта³²⁰.

В коммюнике о завершении тегеранской сессии СЕНТО (26—27 мая 1969 г.) экономическое сотрудничество выдвигалось как важный инструмент взаимоотношений по линии пакта³²¹.

Несмотря на определенные противоречия, охватившие блок к середине 60-х годов, СЕНТО сохранил свой военно-политический характер и является орудием в борьбе с национально-освободительным, социалистическим и демократическим движением. С начала 70-х годов иранское руководство придает особенно важное значение действиям по активизации пакта и боевой подготовке своих вооруженных сил путем активного участия в учениях и маневрах по линии СЕНТО и ирано-американского военного соглашения 1959 г. С 20 ноября по 2 декабря 1973 г., например, в зоне Персидского и Оманского заливов происходили самые крупные в истории региона военные маневры с участием ВВС и ВМС Ирана, США, Англии и Турции³²².

С 19 по 30 ноября 1974 г. в северной части Индийского океана состоялись военно-морские и военно-воздушные маневры стран — участниц СЕНТО под кодовым названием «Мидлинк-74». Это были самые крупные из когда-либо проводившихся в Индийском океане

маневров с участием ВМС США, Англии, Ирана, Пакистана и Турции.

США и Англия подыскивают новые средства для сохранения и укрепления своих позиций в Иране и в ряде других стран Ближнего и Среднего Востока. С этой целью со времени арабо-израильской войны 1967 г. империалистические державы проявляют склонность к более активному использованию в своих интересах региональных противоречий. Большое внимание они стали придавать отношениям Ирана с теми арабскими странами, где у власти стоят антиимпериалистические силы (Ирак, Сирия и др.).

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов политика в отношении стран Арабского Востока стала одной из актуальных проблем иранской внешней политики. В связи с подъемом национально-освободительного движения народов Арабского Востока и появлением новых арабских государств в системе взаимоотношений Ирана с соседними арабскими странами, а также с Англией, особое значение стал приобретать вопрос о Персидском заливе. Этому в значительной мере способствовало также открытие новых богатых месторождений нефти в зоне залива.

Еще с середины XIX в. между Ираном и Англией и некоторыми подвластными англичанам феодальными правителями зоны Персидского залива существовали определенные территориальные споры.

Через два года после объявления Реза-хана шахом в ноте от 22 ноября 1927 г. иранское правительство официально объявило Англии о своих претензиях на острова Бахрейн, которые были вновь подтверждены в нотах, направленных английскому правительству в августе 1928 г., а также в 40-х и 50-х годах. В иранских нотах выдвигался тезис о том, что эти острова были насильственно отторгнуты от Ирана. В 1957 г. иранский парламент утвердил законопроект, по которому Бахрейн был формально включен в состав Ирана.

К этому периоду относятся также некоторые шаги иранского правительства, направленные на расширение своих морских границ в зоне Персидского залива. Это было вызвано тем, что в начале 50-х годов в недрах Персидского залива были обнаружены большие запасы нефти, которые привлекли внимание монополий За-

пада. 12 апреля 1959 г. Иран, как и Саудовская Аравия и Ирак, объявил своими территориальными водами 12-мильную зону³²³. США и Англия, нефтяные монополии которых не были заинтересованы в расширении территориальных вод Ирана в Персидском заливе, так же как и других стран региона, заявили официальный протест против этого законного акта иранского правительства³²⁴. Еще ранее (19 июня 1955 г.) был принят закон для обеспечения прав Ирана в отношении континентального шельфа³²⁵.

Часть территорий, на которых в 1957—1958 гг. стали действовать смешанные компании ИННК и нефтяных монополий США и Италии, представляла собой морское дно Персидского залива. Западные и японские монополии получили такую возможность в районах континентального шельфа Саудовской Аравии, Кувейта, княжеств Договорного Омана, Бахрейна и Катара. Однако разграничение континентального шельфа Ирана и других стран региона официально проведено не было, что вызывало временами острые противоречия между их правительствами. Когда в апреле 1963 г. ИННК объявила торги еще на два участка в северной части Персидского залива, это вызвало официальные протесты со стороны Ирака, Саудовской Аравии и Кувейта³²⁶. Эти три страны считали объявление торгов нарушением их территориального суверенитета в районе залива.

Для решения спорных вопросов в октябре 1963 г. в Женеве состоялась встреча представителей Ирана, Ирака, Саудовской Аравии и Кувейта, во время которой никаких важных решений принято не было. Однако во время двусторонней встречи между представителями Ирана и Ирака в ноябре 1963 г. была принята резолюция о «совместной эксплуатации нефти в спорных участках с соблюдением интересов обеих сторон»³²⁷.

Одновременно в результате переговоров между Ираном и Саудовской Аравией было достигнуто соглашение о разграничении континентального шельфа между двумя странами в зоне Персидского залива, которое было парафировано во время визита короля Фейсала в декабре 1965 г. в Иран. Это соглашение устанавливает суверенитет Ирана и Саудовской Аравии соответственно над двумя островами — Фарси и Эль-Арабия. Соглашение разграничивает на основе принципа медианы

континентальный шельф в зоне залива между Ираном и Саудовской Аравией.

Это соглашение было ратифицировано иранским парламентом лишь в октябре 1968 г. Такая отсрочка была вызвана отчасти тем, что Ирак и Кувейт, с которыми Иран и Саудовская Аравия вели с 1963 г. переговоры относительно разграничения континентального шельфа, отрицательно реагировали на заключение сепаратного соглашения. Одновременно эта отсрочка была вызвана также некоторым ухудшением ирано-саудовских отношений, чему способствовали, в частности, политические маневры Англии.

Оказавшись вынужденной эвакуировать военные силы из Адена, Англия опасалась за будущее своих экономических и политических позиций в зоне залива. Для сохранения этих позиций Англия в своих планах с середины 60-х годов стала отводить особое место военно-политическому союзу с Ираном и Саудовской Аравией. Поэтому не случайно Англия и США выступили с поддержкой призыва короля Саудовской Аравии и шаха Ирана о созыве совещания мусульманских стран в верхах в 1965 г. Дипломатическая активность короля Фейсала в этом вопросе была охарактеризована прогрессивной печатью Сирии, Ливана, Турции и других стран как попытка сколачивания нового прозападного блока.

Одновременно правящие круги Англии, пугая Иран «коммунистической и арабской» опасностью, стремились вовлечь его в осуществление своих неокOLONиалистских планов. В сентябре 1965 г. Дж. Томсон, государственный министр по иностранным делам Англии, посетил Иран. После переговоров с иранскими руководителями он заявил, что в зоне Персидского залива и на всем Среднем Востоке Англия и Иран имеют «твердые совместные и сходные интересы»³²⁹. Впоследствии теме Персидского залива и англо-иранского сближения были посвящены новые встречи в Лондоне и Тегеране. Политические контакты сопровождались подписанием соглашения (август 1966 г.) о покупке Ираном в Англии современного оружия (ракеты, военные корабли и т. д.) на сумму 62,3 млн. ф. ст.

Одновременно сессии СЕНТО и другие встречи использовались политическими кругами Англии и США для обострения отношений Ирана с арабскими страна-

ми из-за якобы возможных угроз со стороны Египта. Так, в феврале 1967 г. тогдашний лидер консерваторов Алек Дуглас-Хьюм заявил, что после ухода англичан из Адена, «если Египет захватит Аден, вход в Персидский залив окажется под угрозой, Иран и Саудовская Аравия столкнутся с необходимостью действовать немедленно». Он заявил, что Советский Союз, видимо, использует создавшуюся обстановку для распространения коммунизма на Ближнем и Среднем Востоке³³⁰. Подобные подстрекательские заявления были сделаны также министром обороны США Р. Макнамарой.

В этой обстановке Иран разместил в Англии новые заказы на строительство военных кораблей на сумму 35 млн. ф. ст. В феврале 1967 г. английские банки выдали Ирану кредит на сумму 13,6 млн. ф. ст. для покупки четырех эскадренных миноносцев.

Политические контакты продолжались. В конце февраля 1967 г. в Иран был приглашен герцог Эдинбургский. В ноябре 1967 г. в Иран с официальным визитом прибыл новый министр иностранных дел Англии Робертс. Во время своего пребывания в Тегеране он объявил о желании Англии сохранить свои сухопутные, военноморские и военно-воздушные базы в зоне Персидского залива³³¹.

В первой декаде января 1968 г. Робертс вновь совершил поездку в зону Персидского залива. В Тегеране он вел с шахом и министром иностранных дел Ирана секретные переговоры. Вскоре, когда 16 января английский премьер-министр Вильсон выступил в палате общин с заявлением о плане отвода британских войск к концу 1971 г. «к востоку от Суэца»³³², стало ясным, чего добивалась английская дипломатия. Вынужденная заговорить о ликвидации своих военных баз «к востоку от Суэца» в связи с валютно-финансовым кризисом³³³, Англия стремилась переложить роль стража своих интересов в зоне залива на Иран, Саудовскую Аравию и другие прозападные страны.

Уже 19 января 1968 г. заместитель государственного секретаря США Юджин Ростоу публично заявил о намерениях английской дипломатии создать новый военный блок в зоне залива. Подобная откровенность, на которую тут же последовала отрицательная реакция почти во всех странах Ближнего и Среднего Востока, при-

шласть не по душе английским политикам. «Своими разговорами о распространении мер безопасности не только на Саудовскую Аравию и Иран, но и на Турцию и Пакистан, — писал „Экономист“, — Юджин Ростоу подлил масла в огонь в связи с постоянными обвинениями Египтом Америки в тайных намерениях заполнить „вакуум“ в зоне залива»³³⁴.

Придавая первостепенное значение в планах создания прозападного блока в зоне Персидского залива Ирану и Саудовской Аравии, английская печать объясняла это наличием «большой заинтересованности» глав этих двух государств в предотвращении влияния Египта в зоне залива и якобы боязнью возможной угрозы со стороны советского военно-морского флота³³⁵.

Несмотря на отрицательную реакцию стран региона на империалистические происки, английские власти не оставили своих авантюристических планов. В феврале 1968 г. была формально создана Федерация княжеств Персидского залива³³⁶. Однако в силу разногласий между входящими в федерацию княжествами и в значительной степени в результате противодействия Ирана федерация развалилась, не успев образоваться.

Политические маневры Англии вызвали ухудшение отношений Ирана с Саудовской Аравией, Кувейтом и Ираком. Иран продолжал претендовать на Бахрейнские острова, а арабские государства стремились распространить свое влияние на арабские княжества и добивались сохранения «арабского характера» зоны залива³³⁷. Однако как Иран, так и арабские государства выступали против Англии. Глава иранского государства назвал в 1968 г. попытки создания под эгидой Англии федерации «колониальным и империалистическим трюком». Он сказал, что Англия, объявив об эвакуации своих войск, таким путем желает через заднюю дверь вновь проникнуть в Персидский залив³³⁸.

Опасаясь роста национально-освободительного движения и распространения влияния Египта, руководители иранской политики не без давления со стороны Англии решили пойти на компромисс и стали добиваться улучшения отношений с монархическими режимами Саудовской Аравии и Кувейта.

Иран при посредничестве короля Марокко Хасана II смог преодолеть кризис в своих отношениях с Саудов-

ской Аравией и Кувейтом. В результате 21 августа 1968 г. было одобрено соглашение о демаркации зоны континентального шельфа в Персидском заливе между Ираном и Саудовской Аравией. В сентябре 1969 г. Иран подписал подобное соглашение с Катаром. Иранское правительство продолжало отвергать всякие планы присутствия вооруженных сил Англии или США под каким-либо предлогом в зоне залива после 1971 г.³³⁹ Поэтому решение английского правительства консерваторов, победивших на выборах 1970 г., о сохранении военных баз Англии в зоне Персидского залива вызвало недовольство как иранского правительства, так и арабских стран в зоне залива.

В марте 1971 г. премьер-министр Англии Э. Хит вынужден был объявить о том, что английские вооруженные силы к концу года покинут зону Персидского залива. Тем не менее англичане путем различных уловок добивались сохранения части вооруженных сил в зоне залива, используя свои «особые» отношения с княжествами Договорного Омана, Бахрейном и другими территориями³⁴⁰. Эта политика не одобрялась иранскими властями³⁴¹.

Учитывая желание населения Бахрейна и стремясь улучшить свои отношения с Саудовской Аравией, правительство Ирана согласилось в марте 1970 г. вместе с Англией обратиться к помощи ООН для определения политического статуса Бахрейна³⁴². Представители различных групп населения Бахрейна высказались за полный суверенитет. В мае 1970 г. Совет Безопасности ООН в своей резолюции поддержал требование народа Бахрейна о предоставлении этой стране статуса суверенного государства³⁴³.

В августе — сентябре 1971 г. Бахрейн и Катар стали независимыми государствами. 2 декабря 1971 г. шесть арабских княжеств бывшего Договорного Омана (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Фуджайра, Умм-эль-Кайвайн и Аджман) объявили о создании нового государства — Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Княжество Рас-эль-Хайма присоединилось к ОАЭ 10 февраля 1972 г.

Образование ОАЭ было приурочено к официальному уходу английских вооруженных сил из зоны залива. 30 ноября 1972 г. Иран, не без предварительной договоренности с англичанами, осуществил высадку десанта

на три небольших острова в Ормузском проливе — Абу-Муса, Большой и Малый Томб, на которые претендовал еще раньше. Эти острова, находившиеся до конца 1971 г. под юрисдикцией эмиратов Шарджа и Рас-эль-Хайма, расположены в важнейшем центре коммуникаций в Персидском заливе. Иранская акция вызвала протест многих арабских государств и временно создала припятствия на пути установления дипломатических отношений между Ираном и ОАЭ. Тем не менее 28 октября 1972 г. Иран, не без посредничества Англии, установил дипломатические отношения на уровне посольств с ОАЭ. Этому в значительной мере содействовали противоречия между ОАЭ и Саудовской Аравией.

Иранское правительство с начала 70-х годов прилагает усилия, направленные на установление тесных отношений с некоторыми государствами в зоне залива. Подобные отношения были установлены с пришедшим в результате дворцового переворота 23 июля 1970 г. к власти главой государства Оман — Кабусом ибн Саидом. В августе 1972 г. был подписан договор, по которому Иран обязался оказать Оману военную, политическую и экономическую помощь.

Иранское руководство стремилось установить тесные экономические и политические отношения с Катаром, ОАЭ и Бахрейном. Однако дружественная Ирану Саудовская Аравия с подозрением относилась к активизации иранской дипломатии в зоне залива. В начале 1973 г. под воздействием Саудовской Аравии Бахрейн, а за ним Катар попросили Иран отложить запланированный на март 1973 г. официальный визит в эти страны иранского премьер-министра. Этот визит должен был по идее стать важной вехой в осуществлении планов, направленных на сколачивание военного союза государств зоны Персидского залива, вопрос о котором был одним из основных во время переговоров министра иностранных дел Саудовской Аравии Омара Саккафа в Тегеране в декабре 1972 г.³⁴⁴

Правящие круги Ирана, исходя из собственных экономических интересов, продолжали прилагать вместе с Саудовской Аравией усилия для создания военного и политического союза стран Персидского залива, в который должны были войти Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман, Бахрейн и Катар. Однако иранские поли-

тики стремились при создании такого союза обеспечить за собой руководящую роль, что вызывало противодействие Саудовской Аравии. Тем не менее в декабре 1972 г. Иран и Саудовская Аравия договорились о создании совместного комитета «по поддержанию стабильности в зоне залива и борьбе с подрывными элементами». Этот союз был направлен против «Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива»³⁴⁵ и Ирака.

Отношения с Иракской Республикой в 60-х и в начале 70-х годов стали занимать во внешней политике Ирана особое место. Односторонний прозападный курс в области внешней политики, которому следовал Иран в течение многих лет, а также интриги империалистических держав в зоне Персидского залива³⁴⁵ способствовали тому, что после объявления Ирака республикой (особенно в 60-е годы) между двумя соседними государствами стали все чаще проявляться разногласия по некоторым региональным проблемам, обострялись территориальные и пограничные споры. Так, в 1961 и 1965 гг. возникли споры в отношении условий навигации на реке Шатт-эль-Араб. Временами возобновлялись пограничные конфликты и стычки в нефтеносных районах Нефтшах и Нефтхане, где оставалась неуточненной пограничная линия между двумя государствами.

Особое место во взаимоотношениях двух стран, особенно с 1961 г., играл курдский вопрос, так как иранские курды проявляли активность в оказании помощи своим братьям по ту сторону границы, которые вели вооруженную борьбу за свои национальные права. Временами, когда межгосударственные отношения ухудшались, иранские официальные круги не только не препятствовали этой помощи, но и содействовали ей. 4 января 1966 г. министр обороны Ирака обвинил Иран в оказании помощи курдским повстанцам.

Все эти факты, однако, не стали помехой для значительного укрепления связей между двумя странами, экономические интересы которых требовали нормализации их взаимоотношений. После встречи министров иностранных дел Ирана и Ирака 19 декабря 1966 г. в Тегеране и Багдаде было опубликовано совместное коммюнике, свидетельствующее об улучшении отношений между Ираном и Ираком. В коммюнике указывалось

на желание обеих сторон разрешить все спорные территориальные и пограничные вопросы путем переговоров и на основе международного права. Для этой цели было предложено создать смешанную комиссию. Обе стороны выступили в защиту законных прав палестинского народа³⁴⁷. В марте 1967 г. состоялся официальный визит в Иран тогдашнего президента Иракской Республики Арефа. В течение первой половины 1967 г. между Ираном и Ираком были заключены торговые и транзитные соглашения³⁴⁸, отвечающие интересам обеих стран. Закрытие Суэцкого канала в июне в результате «шестидневной войны» 1967 г. и участие Ирана в Багдадской ярмарке осенью того же года способствовали расширению экономических связей между двумя странами³⁴⁹.

Во время официального визита премьер-министра Ирака в Иран в июне 1968 г. было достигнуто соглашение о создании специальных смешанных комиссий для выработки предложений по спорным и некоторым другим вопросам (определение сухопутных границ, разграничение континентального шельфа, навигация по реке Шатт-эль-Араб и т. д.).

Однако переговоры государственных деятелей двух государств в декабре 1968 и феврале 1969 г. оказались безрезультатными³⁵⁰.

19 апреля 1969 г. иранское правительство в одностороннем порядке объявило о денонсации договора 1937 г. о южных границах двух стран и о правилах навигации по реке Шатт-эль-Араб³⁵¹. Условия этого договора, по которому иранские суда были лишены права плавать на определенных участках Шатт-эль-Араба под иранским флагом, издавна вызывали возражения Ирана. Официальным поводом для односторонней денонсации договора 1937 г. послужил пограничный конфликт. Однако египетская газета «Аль-Ахрам» главную причину ухудшения ирано-иракских отношений и денонсации Ираном договора видела в политическом соперничестве между Ираком и Ираном в зоне Персидского залива (в частности, в установлении тесных контактов между Ираком и некоторыми княжествами залива³⁵²). Симптоматично, что кризис между Ираном и Ираком возник буквально через несколько дней после того, как Ирак официально признал Германскую Демократическую Рес-

публику. Через месяц с лишним после кризиса, 22 мая, Иран порвал свои неофициальные торговые отношения с ГДР, объясняя это тем, что представители ГДР поддерживали в ирано-иракском споре сторону Ирака.

Эмир Кувейта и ряд других правителей стран зоны Персидского залива предложили свое посредничество для урегулирования разногласий между Ираном и Ираком, на что от шаха был получен положительный ответ³⁵³. Тем не менее предпринятые в этом направлении шаги оказались безрезультатными. В конце августа 1969 г. Иран и Ирак приостановили действие торговых и транзитных соглашений, заключенных в 1967 г. 22 января 1970 г. иракское правительство объявило «персона нон грата» иранского посла в Багдаде и четырех сотрудников иранского посольства, обвинив их в связях с антиправительственными элементами. Один из сотрудников посольства был арестован. В тот же день МИД Ирана потребовал, чтобы посол Ирака и еще четыре сотрудника посольства в течение 24 часов покинули иранскую территорию³⁵⁴. Вслед за высадкой иранских вооруженных сил на три острова в Ормузском проливе дипломатические отношения между государствами в декабре 1971 г. были разорваны³⁵⁵. Ухудшение отношений между Ираном и Ираком в апреле 1972 г. привело к серьезному пограничному вооруженному конфликту. В 1973 г. по предложению Ирака дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены, хотя напряженность в межгосударственных отношениях была устранена лишь в марте 1975 г.

В целом во взаимоотношениях Ирана с государствами Арабского Востока рельефно выступают два непримиримых направления, характерных для его нового внешнеполитического курса. Военно-политические и экономические интересы иранской верхушки не только препятствуют основательному улучшению отношений Ирана с прогрессивными, антиимпериалистическими силами региона, но временами способствуют и возникновению острых кризисов между Ираном и прогрессивными арабскими силами.

США и Англия подогревают гегемонистские устремления определенных иранских кругов, склонных распространить свое военное присутствие на зону Индийского океана.

При поддержке США и Англии Иран прилагает большие усилия в союзе с Саудовской Аравией для сколачивания прозападного военно-политического союза консервативных режимов Персидского залива, призванного сыграть эффективную роль в борьбе с ростом антиимпериалистического и национально-освободительного движения в зоне залива. Такой блок объективно должен не только стать орудием гегемонистских устремлений Ирана и Саудовской Аравии в зоне залива и Индийского океана, но и быть стражем экономических интересов монополий США и Англии в богатейшем нефтяном районе мира.

Наиболее открытым проявлением подобной политики явилось отправление в Оман в декабре 1973 г. иранских экспедиционных войск для вооруженной борьбы против оманских патриотов и поддержки режима султана Кабуса.

27 декабря 1974 г. Центральный исполнительный комитет Народного фронта освобождения Омана опубликовал заявление в связи с исполнившейся 20 декабря годовщиной военной интервенции Ирана в Омане. В заявлении осуждалось участие иранских войск в борьбе против оманских патриотов и подчеркивалось, что, несмотря на поддержку извне, реакционный режим султана Кабуса не смог добиться существенных успехов³⁵⁶.

Однако защита национальных интересов толкает Иран на сотрудничество с антиимпериалистическими силами на Арабском Востоке. Иранское правительство неуклонно выступает за выполнение резолюции ООН о палестинских беженцах. Если буржуазные авторы акцентировали внимание на том, что в выступлении министра иностранных дел Ирана от 21 июля 1967 г. Израиль не был объявлен агрессором, то в 1969—1971 гг. иранское правительство заняло по этому вопросу более ясную позицию. Особенно важно, что иранское правительство в начале 1971 г. целиком поддержало инициативу президента Египта А. Садата по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Правительство Ирана выступает за немедленное выполнение резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г. В 1970 г. Иран восстановил дипломатические отношения с Египтом и признал Йеменскую Арабскую Республику.

С начала 70-х годов заметно активизировалась иран-

ская политика в отношении его восточных соседей — Пакистана и Афганистана. Эта дипломатическая активность была вызвана событиями в Пакистане, приведшими к образованию в конце 1971 г. Народной Республики Бангладеш.

В 1970 г. и особенно с конца 1971 г. оживилось национальное движение белуджей Пакистана. Руководители иранской политики опасаются, что победа сторонников образования самостоятельного белуджского государства в Пакистане может взбудоражить белуджей в Иране, где их численность достигает примерно 1 млн. Во второй половине мая 1972 г. Кветту, центральный город пакистанского Белуджистана, посетила принцесса Ашраф Пехлеви, которая имела встречу с белуджскими лидерами.

Вопросы укрепления политических отношений между двумя государствами были объектом ирано-пакистанских переговоров на высшем уровне во время трехдневного визита в Тегеран в июне 1972 г. З. Бхутто, бывшего в то время президентом Пакистана.

Одновременно иранское руководство решило способствовать улучшению афгано-иранских и афгано-пакистанских отношений. В мае 1972 г. с этой целью в Кабул был направлен в качестве личного представителя шаха министр иностранных дел А. Захеда. 13 марта 1973 г. в Кабуле было подписано ирано-афганское соглашение об условиях распределения вод пограничной реки Гильменд. Этот вопрос с давних пор вызывал разногласия между двумя соседними государствами, порою угрожая существующим между ними мирным отношениям.

Таким образом, внешняя политика Ирана сохраняет весьма сложный характер. Сильное воздействие на нее оказали весьма противоречивые факторы.

С одной стороны, узкоклассовые интересы бюрократической и крупной иранской буржуазии, ее «естественный союз» с развитыми капиталистическими странами продолжают играть важную роль в формировании проимпериалистической линии внешнеполитического и внешнеэкономического курса современного Ирана. Негативное воздействие на иранскую политику оказывают западные державы, имеющие сильные позиции в иранской экономике, особенно в нефтяной промышленности,

а также в области финансов, внешней торговли и промышленности. Именно наличие этих позиций дало возможность империалистическим державам, и прежде всего США, временно заблокировать развал агрессивного блока СЕНТО и добиваться сохранения двустороннего ирано-американского военного договора 1959 г.

Империалистические круги США и Англии во имя сохранения своих экономических и политических позиций в Иране и в зоне Персидского залива активно способствуют обострению противоборства Ирана и Саудовской Аравии с прогрессивными силами на Арабском Востоке. При этом придается особое значение гегемонистским устремлениям иранских руководителей, которые в 70-е годы стали выдвигать концепцию, в соответствии с которой «параметры безопасности» Ирана ныне перемещаются из района Персидского залива в зону Индийского океана. Подобная линия, так же как и линия на усиление экономической интеграции и политического союза с Западом, за которую ратуют влиятельные круги крупной и бюрократической буржуазии, может подвести Иран к новому кризису в общественно-политической жизни.

Резкое увеличение доходов Ирана от нефти³⁵⁷ (2,4 млрд. долл. в 1972 г., свыше 5 млрд. долл. в 1973 г., 20 млрд. долл. в 1974 г.) стало важнейшим фактором, оказывающим воздействие как на внутреннюю социально-экономическую политику иранского государства, так и на его внешнеполитическую линию. Поскольку экономическая структура иранского общества оказалась не в состоянии в настоящее время поглощать такие огромные валютные поступления, иранские правящие круги часть этих доходов инвестируют в промышленность разных стран: в 1974 г. было приобретено 25% привилегированных акций компании «Фрид Крупп Хюттенверке АГ» в Бохуме (ФРГ); Иран предложил значительный кредит американской фирме «Лонг Айленд Грумман», предоставляет значительные по размерам кредиты Франции, Англии, Италии, Египту и другим государствам. Большие масштабы приобретают торгово-экономические отношения с США. В марте 1975 г. было сообщено о том, что США будут строить в Иране крупные атомные электростанции общей мощностью 800 мегаватт, на сумму 7 млрд. долл. Эта новая тенденция в области

внешнеэкономической деятельности преследует не только экономическую, но и, в не меньшей мере, политическую цель. В активной интеграции с государственными и частными монополиями развитых капиталистических стран придворные круги видят залог укрепления существующего режима, а кредиты арабским странам и иным государствам Ближнего и Среднего Востока, по замыслам руководителей иранской политики, призваны содействовать реализации гегемонистических устремлений иранского руководства.

Пропорционально резкому увеличению государственных доходов и повышению роли государства в целом иранская внешняя политика в зоне Персидского залива и в северной части Индийского океана к середине 70-х годов приобретает все более проимпериалистические черты. Усиление этих тенденций свидетельствует о качественных сдвигах государственного капитализма в Иране.

Иран со второй половины 60-х годов стал тратить огромные средства для приобретения военной техники и снаряжения. Журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт» в номере от 15 октября 1973 г. сообщал, что с 1965 по 1972 г. Иран израсходовал на приобретение в США военной техники 3,7 млрд. долл., а в 1973 г. заключил сделку на поставку американского оружия еще на 1,9 млрд. долл. По сообщению журнала, значительные по стоимости военные заказы размещены Ираном и в Англии.

В начале января 1975 г. член палаты представителей американского конгресса К. Лонг опубликовал доклад главного учетного управления США, в котором отмечается, что в 1973—1974 гг. Соединенные Штаты направили Ирану новейшее вооружение на сумму 6,8 млрд. долл. В докладе говорится, что были поставлены, в частности, новейшие реактивные истребители «F-14», противотанковые ракеты и др. В письме К. Лонга президенту США Дж. Форду указано, что вся эта военная программа осуществлялась в условиях строжайшей секретности, без обсуждения конгрессом³⁵⁸

Оснащая вооруженные силы современными видами оружия, в том числе и стратегического значения, иранские руководители, при активной поддержке США, выступают за гальванизацию СЕНТО. Использование Ираном

доходов от нефти на вооружение, как отмечает английский еженедельник «Экономист» (17—23 мая 1975 г.), «отвечает стратегическим интересам западного мира».

С другой стороны, после 1962 г. Иран стал осуществлять такой курс в области внешней политики, который был направлен на улучшение политических отношений с социалистическими и развивающимися странами и расширение с ними экономического и культурного сотрудничества.

Заключенные в середине 60-х годов советско-иранские экономические соглашения заложили основу долгосрочного экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами, способствуя улучшению межгосударственных отношений. Благодаря этому новому позитивному направлению во внешней политике Иран получил возможность значительно укрепить свои внешнеполитические позиции и создать благоприятные экономические условия для решения задачи преодоления отсталости, в первую очередь для проведения намеченных реформ и осуществления планов индустриализации.

Помимо внутренних социально-экономических и политических факторов, способствующих появлению нового позитивного направления в области внешней политики, следует принимать во внимание сильное воздействие на иранскую общественность проводимой СССР политики мира, а также впечатляющих выгод, которые получает ряд стран Ближнего и Среднего Востока (Египет, Сирия и др.) в результате сотрудничества со странами социалистического содружества.

Улучшение политических отношений с социалистическими государствами, установление и расширение экономического и научно-технического сотрудничества с ними, развитие многосторонних связей с развивающимися странами, поддержка дипломатической активности Египта и других арабских государств, направленной на политическое урегулирование ближневосточного конфликта, осуждение иностранного вмешательства в Индокитае, требование об освобождении оккупированных Израилем в 1967 г. территорий арабских стран³⁵⁹, поддержка национальных прав народа Палестины и ряд других внешнеполитических акций иранского руководства, принятых после 1962 г., свидетельствуют о том, что правящие круги Ирана в состоянии в известной мере отме-

жеваться от политического курса империалистических кругов США и Англии в области международных отношений. Совместное выступление Ирана и арабских государств зоны Персидского залива против крупнейших нефтяных монополий развитых капиталистических стран в конце 1970 — начале 1971 г., которое завершилось победой стран — экспортеров нефти, явилось еще одним свидетельством того, что национальные интересы убедительно требуют проведения Ираном политики сотрудничества с прогрессивными антиимпериалистическими силами.

Именно улучшение политических отношений и расширение взаимовыгодного экономического сотрудничества с социалистическими странами, новая экономическая политика, направленная на создание металлургической, машиностроительной, нефтехимической промышленности, расширение регионального экономического сотрудничества, определенные шаги в области покровительства национальной промышленности создают важные предпосылки для проведения Ираном более независимой внешней политики. Экономическое сотрудничество с социалистическими странами дает возможность Ирану укрепить свои международные позиции и заставить империалистические монополии в ряде случаев изменить свою экономическую политику в отношении Ирана. Не случайно после заключения соглашения с СССР о строительстве Исфаханского металлургического комбината и некоторых других промышленных объектов, а также после подписания ряда важных экономических соглашений с другими социалистическими странами монополии развитых капиталистических государств заключили с Ираном соглашения о строительстве крупных промышленных объектов.

Соглашения о строительстве промышленных предприятий с помощью стран социалистического содружества выгодно отличаются от тех, которые заключил Иран с монополиями США, Англии, ФРГ и других капиталистических стран. Создаваемые в сотрудничестве с СССР, ЧССР, Румынией промышленные предприятия являются полностью иранскими государственными предприятиями, в то время как западные монополии добиваются создания частных предприятий со смешанным капиталом (иранский и иностранный).

Значение сотрудничества с социалистическими странами признается многими. Так, профессор экономики Колумбийского университета Шарль Иссави в статье, посвященной современному Ирану, одной из главных причин роста экономики страны после 1963 г. считает «улучшение отношений с советским блоком, что не только расширило рынок для иранских промышленных товаров, но и открыло огромный источник капитала для новых отраслей промышленности»^{359а}.

Расширение торговли с социалистическими странами также способствует укреплению экономических позиций Ирана. В марте 1967 г. в Тегеране было подписано долгосрочное соглашение между Ираном и СССР, предусматривавшее увеличение товарооборота в 2,5 раза. Иран, кроме традиционных товаров своего экспорта — хлопка, сухофруктов, кожевенного сырья, начал поставлять в СССР промышленные товары — обувь, трикотажные и швейные изделия. Имея в виду неравноправную торговую политику империалистических держав в отношении развивающихся стран, иранская газета «Пейгам-е эмруз» в марте 1967 г. писала: «Советско-иранское торговое соглашение должно послужить примером для других стран в их политике торговых отношений». Подписанное в 1970 г. пятилетнее торговое соглашение между Ираном и СССР предусматривает еще большее увеличение торгового обмена между двумя странами.

Иранская общественность критически оценивает дискриминационную внешнеторговую политику империалистических монополий в отношении Ирана. Так, газета «Эттелаат» во время переговоров между Иранской национальной нефтяной компанией и Международным нефтяным консорциумом в 1969 г. указывала, что те валютные поступления, которые Иран имеет в виде доходов от нефти, а также от внешней торговли, возвращаются в страны Запада. «В основном это те страны, — отмечала газета, — которые обладают акциями консорциума»³⁶⁰.

Успешное развитие экономических и научно-технических связей между Ираном и социалистическими странами раскрыло еще более широкие перспективы для дальнейшего сотрудничества. В советско-иранском комюнике в связи с официальным визитом правительственной делегации СССР во главе с Председателем Со-

вета Министров А. Н. Косыгиным в апреле 1968 г. в Иран говорилось: «Достигнутый уровень отношений между обеими странами представляет собою хорошую основу для их дальнейшего расширения... Советский Союз и Иран располагают большими возможностями для углубления взаимовыгодного сотрудничества в духе добрососедства»³⁶¹.

В советско-иранском коммюнике о пребывании в СССР шаха Ирана (10—21 октября 1972 г.) вновь подчеркивалось, что позиции двух стран «по многим международным проблемам близки или совпадают». В коммюнике отмечалось, что обе стороны выступают за прекращение гонки вооружений, за скорейшую ратификацию всеми государствами Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³⁶².

Результатом встреч государственных деятелей двух стран в конце 60-х — начале 70-х годов явился Договор о развитии экономического и технического сотрудничества между СССР и Ираном, подписанный в Москве 12 октября 1972 г. сроком на 15 лет. Договор определил принципы и основные направления экономического и технического сотрудничества между двумя странами. Сотрудничество будет развиваться в области черной и цветной металлургии, нефтяной, газовой и химической промышленности, машиностроения, сельского хозяйства, ирригации и рыболовства, проектирования и строительства электростанций, линий электропередач и других энергетических сооружений, проведения геологоразведочных работ, подготовки кадров и защиты окружающей среды³⁶³.

Между Советским Союзом и Ираном достигнута договоренность о сотрудничестве в дальнейшем расширении Исфahanского металлургического комбината до мощности 1,9 млн. т стали в год к 1978 г. и о последующем доведении ее до 4 млн. т к 1980 г.³⁶⁴ Недалеко от Исфahanского комбината идет строительство города Арьяшехр, проект которого разработан советскими архитекторами. Советско-иранскими соглашениями и конт-

рактами предусмотрено оказание Ирану содействия в строительстве и выполнении работ более чем по 90 объектам и темам. К маю 1973 г. были выполнены обязательства по 39 объектам и темам.

Таким образом, советско-иранское экономическое и научно-техническое сотрудничество в конце 60-х — начале 70-х годов вступило в новую полосу своего развития, когда дальнейшее расширение экономических и технических связей между двумя государствами находит отражение в государственных хозяйственных планах развития СССР и планов развития Ирана.

Как отмечают иранские экономисты, кредиты социалистических стран (СССР, ЧССР, СРР, СФРЮ и др.), общий объем которых составил свыше 1 млрд. долл., явились одним из основных источников финансирования новых отраслей промышленности в годы осуществления IV пятилетнего плана развития Ирана.

Установление и расширение отношений в политической, экономической и культурной областях с Советским Союзом и другими социалистическими странами Европы явилось важнейшим фактором, позволившим Ирану сузить степень его неокOLONиалистской эксплуатации развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами и создавшим условия для осуществления относительно самостоятельной линии в области его внешней и внешнеэкономической политики. От того, в какой мере иранское руководство станет придерживаться этой позитивной линии, будет зависеть соответствие внешней политики страны жизненным интересам народов Ирана.

¹ Текст закона об аграрной реформе см.: «Эттелаат», 15.I.1962.

² По словам Х. Арсанджани, каждый из помещиков, подлежащих действию закона, сохранял в своих руках минимум 300—400 га обрабатываемых площадей. При необходимости для обеспечения этого минимума за тем или иным помещиком оставлялись земли нескольких деревень («Эттелаат», 17.I.1962).

³ A.K.S. Lambton, *The Persian Land Reform, 1962—1966*, Oxford, 1969, стр. 71.

⁴ «Кейхан», 15.I, 27.II.1962.

⁵ «Кейхан», 5 и 22.II.1962; «Эттелаат», 12.II.1962.

⁶ P. Avery, *Modern Iran*, London, 1965, стр. 103; «Эттелаат», 5.XI.1962.

⁷ «Кейхан», «Эттелаат», «Мехр-е Иран», 21—29.I.1962.

⁸ «Эттелаат», 22.VII.1962. Официальным поводом для смещения Амнини была неспособность его кабинета свести бюджет без дефицита. Однако, как отмечал П. Авери, причины отставки Амнини лежали намного глубже. Амнини своей «слишком энергичной борьбой» с коррупцией, усилением валютного контроля и т. д. вызывал недовольство высокопоставленных чиновников. В то же время он вступил в разногласия с шахом по вопросу об иностранных займах и военных расходах (P. Avery, *Modern Iran*, стр. 494—495).

⁹ «Кейхан», 8.II, 24.IV.1962; «Эттелаат», 28.VIII.1962.

¹⁰ «Кейхан», 13.III.1962; «Эттелаат», 28.III.1962.

¹¹ «Кейхан», 30.I.1962.

¹² A.K.S. Lambton, *The Persian Land Reform...*, стр. 100—101.

¹³ «The Revolutionizing of Iran», Tehran, 1973, стр. 22.

¹⁴ M. Zonis, *The Political Elite of Iran*, Princeton, 1971, стр. 44.

¹⁵ «Эттелаат», 15.XI.1962; «Кейхан», 22.XI.1962.

¹⁶ «Эттелаат», 15.IX.1962; «Мард-е мобарез», 22.XI.1962.

¹⁷ «Эттелаат», 19.I, 9.II.1963; 28.VII.1964.

¹⁸ «The Revolutionizing of Iran», стр. 25.

¹⁹ «Мехр-е Иран», 30.III.1963; «Iran Almanac and Book of Facts, 1963», Tehran, 1964, стр. 433.

²⁰ «Кейхан», 23.III.1963; М. С. Иванов, *Новейшая история Ирана*, М., 1965, стр. 240—241.

²¹ «The Revolutionizing of Iran», стр. 27. Так, натолкнувшись на одну из засад отрядов племен в Фарсе, сообщала 11 августа 1964 г. газета «Кейхан интернешнл», войска и жандармерия только убитыми потеряли 64 человека.

²² «Кейхан», 5.II.1964; «Эттелаат», 8.VIII.1964.

²³ «Iran Almanac ... 1964—1965», 1965, стр. 189—196.

²⁴ «Кейхан», 27.I, 7.II.1965.

²⁵ «Техран экономист», 1964, № 517, стр. 17

²⁶ «Бурс», 7.II.1974; «Ханданиха», 1971, № 45, стр. 52—54.

²⁷ «Аграрная реформа», Тегеран, 1973, стр. 15 (на перс. яз.); «Iran Almanac... 1975», стр. 605.

²⁸ «Bank Markazi Iran, Annual Report and Balance Sheet as at March, 20, 1968», Tehran, 1968, стр. 119.

²⁹ «Бурс», 7.II.1974.

³⁰ «Iran Almanac... 1975», стр. 605—606.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ «Iran Tribune», 1973, March, № 102, стр. 35.

³⁴ Э. К. Ламбтон — виднейший западный специалист по аграрному вопросу в Иране. Она посещала Иран в 1962, 1964—1966 и 1968 гг. и составила данное заключение в значительной мере на базе личных контактов с крестьянами самых различных областей страны.

³⁵ Так, доходы семьи одного из крестьян Верамина после передачи ему в собственность участка площадью 10 га увеличились (из расчета на одного члена семьи) с 3286 риалов (43,7 долл.) до 6896 риалов (91,5 долл.), т. е. более, чем вдвое. Такой рост доходов был итогом главным образом сокращения платежей за землю с 22,3 тыс. до 14 тыс. риалов, расширения ежегодно обрабатываемой площади с 6,5 до 8,8 га за счет увеличения посевов товарных культур (хлопчатника, бахчевых), повышения урожайности путем

применения при содействии кооператива химических удобрений, борьбы с вредителями и болезнями растений и т. д. («Ханданиха», 1970, № 60, стр. 18, 51—53).

³⁶ A.K.S. Lambton, *The Persian Land Reform...*, стр. 216—240, 255—256.

³⁷ Текст закона см.: «Iran Almanac... 1969», стр. 637—645.

³⁸ «Аграрная реформа», 1973, стр. 15; «Эттелаат», 26.XI.1972.

³⁹ «Iran Almanac... 1975», стр. 606; «Бурс», 7.II.1974.

⁴⁰ «Эттелаат», 16.I.1974.

⁴¹ «Kauhan International (Weekly)», 18.V.1974.

⁴² «Кейхан», 12.I.1974.

⁴³ М. С. Иванов, *Иран сегодня*, М., 1969, стр. 72—73; «Iran Almanac... 1975», стр. 606.

⁴⁴ «Техран экономист», 1973, № 981, стр. 42; № 985, стр. 4.

⁴⁵ «Iran Almanac... 1973», стр. 647.

⁴⁶ «Центральный банк Ирана. Ежегодный отчет и баланс, 1973/74», Тегеран, 1974, стр. 163 (на перс. яз.).

⁴⁷ «Техран экономист», 1974, № 1031, стр. 58; «Кейхан», 22.VIII.1974.

⁴⁸ «Техран экономист», 1970, № 836, стр. 44; К. Вадии, *Введение к изучению сельского хозяйства Ирана*, Тегеран, 1969, стр. 153—154 (на перс. яз.).

⁴⁹ «Аяндеган», 22.VII.1973.

⁵⁰ Н. М. Мамедова, *Кооперация в Иране*, М., 1973, стр. 63.

⁵¹ «Ханданиха», 1971, № 46, стр. 51—54; «Центральный банк Ирана. Ежегодный отчет и баланс, 1973/74», Тегеран, 1975, стр. 168. (на перс. яз.).

⁵² Н. М. Мамедова, *Кооперация в Иране*, стр. 64.

⁵³ «Сервет-е мелел», 1968, № 45, стр. 9.

⁵⁴ «Техран экономист», 1972, № 944, стр. 18; № 945, стр. 10.

⁵⁵ «Iran Almanac... 1973», стр. 408.

⁵⁶ «Kauhan International (Weekly)», 2.XII.1972.

⁵⁷ Н. М. Мамедова, *Кооперация в Иране*, стр. 66.

⁵⁸ A.K.S. Lambton, *The Persian Land Reform...* стр. 363.

⁵⁹ М. С. Иванов, *Иран сегодня*, стр. 80.

⁶⁰ «Аграрная реформа», 1973, стр. 22; «Эттелаат», 9.II.1974; «Техран экономист», 1974, № 1025, стр. 46.

⁶¹ «Центральный банк Ирана. Ежегодный отчет и баланс, 1973/74», стр. 168; «Техран экономист», 1975, № 1083, стр. 88.

⁶² Текст закона см.: «Iran Almanac... 1969», стр. 668—669.

⁶³ «Iran Almanac 1973», стр. 216.

⁶⁴ «Техран экономист», 1972, № 953, стр. 45.

⁶⁵ Текст закона см.: «Iran Almanac... 1969», стр. 656—668.

⁶⁶ «Iran Almanac 1972», стр. 378.

⁶⁷ «Техран экономист», 1973, № 971, стр. 53; «Бурс», 14.III.1974.

⁶⁸ «Бурс», 1.IV.1973; 11.II.1974; «Кейхан», 22.IX.1974.

⁶⁹ «Decade of the Revolution», Tehran, 1973, стр. 110—113; «Basic Facts about Iran», Tehran, 1974, стр. 45; «Кейхан», 26.I.1975.

⁷⁰ «Basic Facts about Iran», стр. 42. «Кейхан», 26.I.1975.

⁷¹ «Корпус просвещения», Тегеран, 1973, стр. 7 (на перс. яз.).

⁷² «Кейхан», 26.I.1975.

⁷³ «Нашрийе данешкеде-йе адабият ва олум-е ансани Тебриз», 1973/74, № 108 (зима), стр. 554.

- 74 «Техран экономист», 1970, № 859, стр. 38—39; «Бурс», 12.II.1974.
- 75 «Сервет-е мелел», 1974, № 108, стр. 23; «Бурс», 10.XII.1974.
- 76 «Аграрная реформа», 1973, стр. 23.
- 77 «Сервет-е мелел», 1974, № 108, стр. 23; «Бурс», 10.XII.1974.
- 78 «Basic Facts about Iran», стр. 43; «Корпус здравоохранения», Тегеран; 1973, стр. 5—8 (на перс. яз.).
- 79 «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 81.
- 80 «Basic Facts about Iran», стр. 43; «Kayhan International (Weekly)», 9.III.1974; «Бурс», 6.V.1974.
- 81 «Basic Facts about Iran», стр. 47; «Iran Almanac 1973», стр. 110; «Kayhan International (Weekly)», 3.II.1973.
- 82 «Iran Almanac . . 1971», стр. 519.
- 83 «Decade of the Revolution», стр. 126.
- 84 «Iran Almanac . 1973», стр. 110.
- 85 «House of Equity», London, 1967, стр. 6.
- 86 «Первая национальная конференция по труду и 50-я годовщина МОТ», Тегеран, 1969, стр. 166 (на перс. яз.).
- 87 «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 15.
- 88 М. Шамлу, Влияние белой революции на экономическое развитие Ирана, Тегеран, 1969, стр. 83, 89 (на перс. яз.); «Кейхан», 4. IX. 1965.
- 89 Мохаммед Реза-шах Пехлеви, Белая революция, Тегеран, 1967, стр. 95—96 (на перс. яз.); «Техран экономист», 1972, № 837, стр. 34.
- 90 М. Шамлу, Влияние белой революции... стр. 91; «Техран экономист», 1970, № 837, стр. 34, 62; «Кейхан», 23.VII.1970.
- 91 Али Мохаммед Бехташ, Исследование влияния и результатов белой революции Ирана, Тегеран, 1973, стр. 68 (на перс. яз.).
- 92 «Iran Trade and Industry», Tehran, 1972, № 6, стр. 6.
- 93 «Техран экономист», 1973, № 986, стр. 8; 1975, № 1094, стр. 43.
- 94 «Iran Almanac 1973», стр. 576.
- 95 «Техран экономист», 1975, № 1094, стр. 43.
- 96 «Kayhan International (Weekly)», 9.II.1974.
- 97 «Техран экономист», 1972, № 934, стр. 33; № 943, стр. 7; «Кейхан», 19.XII. 1973.
- 98 «Kayhan International (Weekly)», 9.II.1974.
- 99 «Кейхан», 29.III.1971; «Бурс», 30.VII.1972.
- 100 «Кейхан», 19, 20.X.1973; «Техран экономист», 1975, № 1094, стр. 43.
- 101 «Техран экономист», 1972, № 923, стр. 8.
- 102 «Статистика промышленности», 1968/69, стр. «Ч».
- 103 «Iran», Tehran, 1971, стр. 212; «Сервет-е мелел», 1971, № 71, стр. 8.
- 104 «Статистика промышленности 1968/69», стр. «Ч»; «Бурс», 30.VII.1972.
- 105 «Investors Guide to Iran», Tehran, 1969, стр. 109.
- 106 «Iran Almanac. 1973», стр. 338.
- 107 «Iran Almanac. . 1972», стр. 307.
- 108 «Kayhan International (Weekly)», 29.VI.1974.
- 109 «Сервет-е мелел», 1972, № 89, стр. 27—28.
- 110 «Iran Tribune», Tehran, 1972, № 94, стр. 43.
- 111 «Кейхан», 22.XI.1973; «Kayhan International», 29.VII.1974.

- ¹¹² «Kayhan International (Weekly)», 31.VIII.1974.
- ¹¹³ «Кейхан», 22.XI.1973; «Техран экономист», 1973, № 1015, стр. 45.
- ¹¹⁴ «Бурс», 27.V.1975.
- ¹¹⁵ «Iran Tribune», 1972, № 94, стр. 43.
- ¹¹⁶ «Сервет-е мелел», 1974, № 106, стр. 110.
- ¹¹⁷ «Техран экономист», 1974, № 1031, стр. 99.
- ¹¹⁸ «Iran Almanac... 1973», стр. 412.
- ¹¹⁹ «Iran Almanac... 1972», стр. 573.
- ¹²⁰ О. К. Дрейер, Культурные преобразования в развивающихся странах, М., 1972, стр. 134.
- ¹²¹ «Международный день борьбы с неграмотностью», Тегеран, 1972, стр. 21—22 (на перс. яз.).
- ¹²² «Техран экономист», 1975, № 1075, стр. 45.
- ¹²³ «Iran Almanac... 1972», 323; «Кейхан», 29.IX.1972; «Техран экономист», 1972, № 925, стр. 6.
- ¹²⁴ «Iran Almanac 1973», стр. 289; «Техран экономист», 1975, № 1090, стр. 41.
- ¹²⁵ «Техран экономист», 1974, № 1031, стр. 43.
- ¹²⁶ «Iran Almanac... 1973», стр. 412.
- ¹²⁷ «Кейхан», 23.IX.1972; «Бурс», 30.VII. 16 и 22.VIII.1972; «Сервет-е мелел», 1973, № 93, стр. 45—47.
- ¹²⁸ «Сборник законов», Мешхед, 1965, стр. 36—45 (на перс. яз.); «Рузнаме-йе расми кешвар-е шахиншахи-йе Иран», 30.XII.1969.
- ¹²⁹ «Устав Организации рабочих Ирана», связанной с партией «Иран-е новин», Тегеран, 1968 (на перс. яз.).
- ¹³⁰ «Аяндеган», 20.III.1971; «Талаш», 1971, № 30, стр. 90; «Сервет-е мелел», 1973, № 97, стр. 18, «Iran Almanac... 1975», стр. 421.
- ¹³¹ Текст закона см.: М. Шамлу, Влияние белой революции..., стр. 103—115.
- ¹³² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 18.
- ¹³³ М. Шамлу, Влияние белой революции..., стр. 219—224.
- ¹³⁴ «Фарман» (специальный выпуск), 22.VIII.1972, стр. 20.
- ¹³⁵ «Техран экономист», 1974, № 1025, стр. 49.
- ¹³⁶ «Decade of the Revolution», стр. 155.
- ¹³⁷ «Техран экономист», 1969, № 810, стр. 46.
- ¹³⁸ В 1962/63 г. в частных начальных школах насчитывалось 124,5 тыс. учащихся, в 1972/73 г. — 240 тыс.
- ¹³⁹ «Фарман» (специальный выпуск), 22.VIII.1972, стр. 46; «Iran Almanac... 1973», стр. 396.
- ¹⁴⁰ «Центральный банк Ирана. Ежегодный отчет и баланс, 1971/72 г.», Тегеран, 1972, стр. 162.
- ¹⁴¹ В 1965—1971 гг. классы ликбеза (включая классы школ корпусов просвещения) закончило почти 2 млн. детей и взрослых. Национальный комитет издает различные учебные пособия, а с 1968 г. выпускает еженедельную газету «Руз-е ноу», на страницах которой публикуются тексты общеобразовательного характера с ограниченным словарным запасом с целью форсировать обучение в классах ликбеза и закрепить приобретенные в них знания. В 1974 г. тираж газеты составлял 130 тыс. экземпляров [«Международный день борьбы с неграмотностью», стр. 20, 25; «Kayhan International (Weekly)», 14.IX.1974].
- ¹⁴² «Iran Almanac... 1974», стр. 415.
- ¹⁴³ «Сервет-е мелел», 1973, № 93, стр. 9.

- ¹⁴⁴ «Kayhan International (Weekly)», 16.IX.1972.
- ¹⁴⁵ «Iran Almanac... 1974», стр. 415.
- ¹⁴⁶ «Нашри-йе данешкеде-йе адабиат ва олум-е ансани Тебриз», 1973/74, № 108, стр. 551—552.
- ¹⁴⁷ В 1968/69 г. на частные школы приходилось около 22% всех учащихся средних школ («Iran Almanac... 1971», стр. 541).
- ¹⁴⁸ «Сервет-е мелел», 1973, № 93, стр. 9; «Iran Almanac... 1973», стр. 396.
- ¹⁴⁹ О. К. Дрейер, Культурные преобразования..., стр. 130—132; «Пеям-е новин», 1974, № 8, стр. 1—4.
- ¹⁵⁰ «Kayhan International (Weekly)», 3.II.1973; «Iran Almanac... 1973», стр. 396.
- ¹⁵¹ «Tehran Economist», 1972, № 964, стр. 13; «The 5th Plan (Revised and Summarized Version)», Tehran, 1975, стр. 132.
- ¹⁵² «Iran Almanac... 1974», стр. 555—556.
- ¹⁵³ «Kayhan International (Weekly)», 20.VII.1974.
- ¹⁵⁴ «Kayhan International (Weekly)», 14.IV.1973.
- ¹⁵⁵ «Iran Tribune», 1973, № 102, стр. 35.
- ¹⁵⁶ «Kayhan International (Weekly)», 14.IV.1973.
- ¹⁵⁷ «Кейхан», 21.VIII.1973.
- ¹⁵⁸ «Kayhan International (Weekly)», 7.14.IX.1974.
- ¹⁵⁹ «Decade of the Revolution», стр. 101; «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 81.
- ¹⁶⁰ «Iran Almanac 1973», стр. 392.
- ¹⁶¹ «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 81.
- ¹⁶² «Bank Markazi Iran. Annual Report... 1968», стр. 208.
- ¹⁶³ М. С. Иванов, Иран сегодня, стр. 143.
- ¹⁶⁴ По официальным данным, правда, страдающим известным преувеличением, если в 1962/63 г. в деревне работало лишь 3% врачей, то в 1970/71 г.— 22% («Bank Markazi Iran. Annual Report 1971», стр. 78).
- ¹⁶⁵ «Bank Markazi Iran. Annual Report... 1971», стр. 78.
- ¹⁶⁶ «Эттелаат», 14.V.1973; «Кейхан», 21.IV.1973; «Keyhan International (Weekly)», 9.III.1974.
- ¹⁶⁷ В 1970/71 г. из общего числа 7780 врачей 4558 занималось частной практикой («Decade of the Revolution», стр. 103).
- ¹⁶⁸ «Kayhan International», 9.III.1974.
- ¹⁶⁹ «Kayhan International», 14.XI.1972.
- ¹⁷⁰ «A Tehran Journal», 22.I.1973; 6.IV.1975; «Эттелаат», 7.VI.1975.
- ¹⁷¹ «Iran Tribune», 1973, № 102, стр. 35.
- ¹⁷² «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 81.
- ¹⁷³ «Ханданиха», 1967, № 93, стр. 3; «Техран экономист», 1968, № 744, стр. 39; 1970, № 834, стр. 39.
- ¹⁷⁴ «Сервет-е мелел», 1971, № 77, стр. 16; 1973, № 97, стр. 27.
- ¹⁷⁵ «Сервет-е мелел», 1973, № 97, стр. 27—29.
- ¹⁷⁶ «Decade of the Revolution», стр. 76—77; «Iran Almanac 1973», стр. 410.
- ¹⁷⁷ «Iran Almanac 1973», стр. 410; «Decade of Revolution», стр. 78.
- ¹⁷⁸ «Iran Almanac 1973», стр. 409.
- ¹⁷⁹ «The Revolutionizing of Iran», стр. 105—106.
- ¹⁸⁰ «Iran Almanac... 1973», стр. 398, 409.
- ¹⁸¹ «National Income of Iran, 1962—67», Tehran, 1969, стр. 185;

«Kayhan International (Weekly)», «Техран экономист», 1975, № 1083, стр. 78.

¹⁸² Основные показатели экономического развития Ирана во время третьего плана, который продолжался пять с половиной лет, в соответствии с данными иранской статистики приводятся за период в шесть лет (1962/63—1967/68).

¹⁸³ «Bank Markazi Iran. Annual Report ... 1968», стр. 228—229; «Bank Markazi Iran. Annual Report ... 1971», стр. 118.

¹⁸⁴ «Отчет о выполнении третьего плана...», стр. 11—12.

¹⁸⁵ «Bank Markazi Iran. Annual Report ... 1968», стр. 228—229.

¹⁸⁶ «Техран экономист», 1968, № 733, стр. 7; № 737, стр. 18.

¹⁸⁷ Основные данные о распределении ассигнований Плановой организации и капиталовложений государства и частного сектора заимствованы из текста закона о четвертом плане развития, опубликованного в 1968 г. журналом «Талаш» в приложениях 13 и 14.

¹⁸⁸ «Iran Today», Tehran, 1973, стр. 53.

¹⁸⁹ «Iran Almanac ... 1973», стр. 413; «Талаш», 1973, № 41, стр. 23.

¹⁹⁰ «Сервет-е мелел», 1972, № 88, стр. 56.

¹⁹¹ «Техран экономист», 1973, № 971, стр. 45; № 972, стр. 8; «National Income of Iran, 1962—67», стр. 45.

¹⁹² «Iran Almanac ... 1972», стр. 319, 512; «Iran Trade and Industry», 1972, № 6, стр. 6;

«Техран экономист», 1973, № 971, стр. 45; «Сервет-е мелел», 1971, № 73, стр. 21.

¹⁹³ Ф. Са'адат и А. Х. Амини, Экономическая география Ирана, Тегеран, 1971, стр. 354 (на перс. яз.).

¹⁹⁴ «Iran Trade and Industry», 1972, № 6, стр. 6.

¹⁹⁵ «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 20, 63—64.

¹⁹⁶ «Iran Almanac ... 1973», стр. 213.

¹⁹⁷ «Iran Almanac ... 1964—1965», стр. 298; БИКИ, 15.I.1974, № 6, стр. 6.

¹⁹⁸ В соответствии с соглашением, заключенным 24 мая 1973 г. Ираном с компаниями МНК, ИННК обязалась продавать западным монополиям 80% добываемой на южных промыслах нефти («Kayhan International», 24.V.1973).

¹⁹⁹ «Kayhan International (Weekly)», 3.VIII.1974.

²⁰⁰ 2 июля 1974 г. ИННК подняла цену 1 барреля нефти до 7,1 долл. («Эттелаат», 2.VII.1974).

²⁰¹ «Kayhan International (Weekly)»; 10.VIII.1974.

²⁰² «The Revolutionizing of Iran», стр. 94.

²⁰³ «Сервет-е мелел», 1974, № 108, стр. 28.

²⁰⁴ «The Revolutionizing of Iran», стр. 92. «The 5th Plan...» стр. 82.

²⁰⁵ «Iran Almanac ... 1971», стр. 332.

²⁰⁶ «Сервет-е мелел», 1974, № 108, стр. 27; «Бурс», 4.VII.1974.

²⁰⁷ «The Revolutionizing of Iran», стр. 97—98; «Бурс», 15.VII.1974.

²⁰⁸ «Бурс», 4.IV.1973; 10.IV.1974; «Сервет-е мелел», 1974, № 108, стр. 27; «Техран экономист», 1975, № 1083, стр. 79.

²⁰⁹ «Эттелаат», 31.VII.1974; «Бурс», 11.II.1974.

²¹⁰ «Iran Oil Journal», 1971, № 158, стр. 19.

²¹¹ «Decade of the Revolution», стр. 176; «A Tehran Journal Special», 1973, стр. 25; «Талаш», 1973, № 41, стр. 23.

- 212 «Отчет о выполнении третьего плана...» стр. 29; «Техран экономист», 1973, № 971, стр. 12; № 972, стр. 11.
- 213 «Техран экономист», 1972, № 955, стр. 32; «Iran Tribune», 1973, № 102, стр. 35.
- 214 «Decade of the Revolution», стр. 131.
- 215 «Национализация водных источников», Тегеран, 1973, стр. 10 (на перс. яз.)
- 216 «Iran Almanac... 1972», стр. 391.
- 217 «Бурс», 20.II.1973.
- 218 «Техран экономист», 1972, № 950, стр. 47.
- 219 «Талаш», 1973, № 108, стр. 24.
- 220 «Iran Almanac... 1972», стр. 489—490; 1975, стр. 311—312.
- 221 «Сервет-е мелел», 1973, № 93, стр. 42; «Кейхан», 5.I.1974; «Iran Almanac... 1972», стр. 793.
- 222 «Техран экономист», 1973, № 973, стр. 23. «Iran Almanac. 1975», стр. 302.
- 223 «Техран экономист», 1973, № 988, стр. 5.
- 224 «Iran Trade and Industry», 1972, № 7, стр. 11—12; «A Tehran Journal», 26.VIII.1974; «The 5th Plan...», стр. 74, 106.
- 225 «Iran Today», стр. 73; «Талаш», 1973, № 41, стр. 24.
- 226 «Bank Markazi Iran. Annual Report... 1968», стр. 177, 179, 182, 188; «National Income of Iran, 1962—67», стр. 3.
- 227 «Техран экономист», 1972, № 948, стр. 5.
- 228 «The Revolutionizing of Iran», стр. 131.
- 229 «Техран экономист», 1973, № 972, стр. 11, 61.
- 230 «Kayhan International (Weekly)», 10.VIII.1971; «The 5th Plan...», стр. 13—21.
- 231 Там же.
- 232 «Техран экономист», 1973, № 971, стр. 54.
- 233 «The 5th Plan...», стр. 20, 60—61, 68.
- 234 Там же, стр. 53—58.
- 235 Там же, стр. 57—60.
- 236 Там же, стр. 13, 20—21, 75—76, 127.
- 237 Там же, стр. 73—74, 81—82, 88, 125.
- 238 Там же, стр. 20—21, 93—109.
- 239 Там же, стр. 111—114.
- 240 Там же, стр. 131—138.
- 241 «Эттелаат», 13.VIII.1974.
- 242 «The 5th Plan...», стр. 143—153.
- 243 Там же, стр. 115—121.
- 244 Там же, стр. 150—157.
- 245 «Iran Press», 1973, № 4, стр. 13.
- 246 «Бурс», 13.X.1974; «Кейхан», 9.II.1975.
- 247 Накануне выборов в меджлис XXIII созыва, состоявшихся 9 июля 1971 г., число мандатов в меджлис в связи с ростом населения увеличили с 219 до 268.
- 248 «Iran Almanac 1973», стр. 97; «Бурс», 17.XII.1972.
- 249 «Iran Almanac... 1973», стр. 97; «Эттелаат», 28.I.1973.
- 250 «Мардом», 1971, № 67.
- 251 Эхсан Табари, В. И. Ленин и вопросы социальной революции,— «Проблемы мира и социализма», 1970, № 3, стр. 27—29.
- 252 «Проект программы Народной партии Ирана», 1973, стр. 31—33.
- 253 См. гл. III данной работы.

- 254 «The New York Times», 5.XI.1961.
- 255 «Правда», 16.IX.1962.
- 256 «Правда», 30.V.1963; «Эттелаат», 10.VI.1963.
- 257 См. «Кейхан», 19.VII.1961.
- 258 Весьма характерным в этом плане было выступление Эрхарда на открытии индустриально-коммерческой выставки ФРГ в Тегеране в 1962 г. (Iran Almanac and Book of Facts Tehran, 1962, стр. 341).
- 259 Официальное открытие трансиранского магистрального газопровода состоялось 27 октября 1970 г., на его открытии по приглашению шаха Ирана присутствовал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный («Правда», 28.X.1970).
- 260 «Ведомости Верховного Совета СССР», № 11, 18.III.1970, стр. 35—38.
- 261 В 1968 г. импорт Ирана из СССР составлял по стоимости 79,3 млн. руб. (из них свыше 51 млн. руб.—машины и оборудование), 1969 г.—145,4 млн. руб. (из них машины и оборудование—свыше 118 млн. руб.) (см. «Внешняя торговля СССР за 1969 г. Статистический обзор», М., 1970, стр. 224—226).
- 262 «Ведомости Верховного Совета СССР», № 11, 18.III.1970, стр. 107—113.
- 263 «Echo of Iran», 19.II.1969; 13.II.1969; «Кейхан», 4.I.1969.
- 264 «Keyhan International», 10.IX.1966.
- 265 «Iran Press», 29.I.1968.
- 266 «Эттелаат», 4.IX.1969.
- 267 «Bank Markazi; Iran, Annual Report and Balance Sheet as at March 20, 1968», Tehran, 1968, стр. 346.
- 268 «Эттелаат», 8.VI.1965.
- 269 Romania Socialista si cooperarea Internationala, Bucuresti, 1969, стр. 267.
- 270 «Bank Markazi; Iran, Annual Report as at March 20, 1968», стр. 191.
- 271 У. З. Шарипов, Экономическое сотрудничество Ирана с социалистическими странами Восточной Европы,— «Иран», сб. статей, М., 1973, стр. 37.
- 272 «Kayhan International», 10.IX.1965.
- 273 «Economic Survey of Asia and Far East». U.N., 1966, Bangkok, 1967, стр. 140.
- 274 Там же, стр. 262.
- 275 «A Market for U.S. Products in Iran» (A Supplement to «International Commerce») U.S., 1966, стр. 4.
- 276 «Бурс», 2.VI.1965.
- 277 «Echo of Iran», 2.VIII.1969.
- 278 Ю. М. Головин, Н. А. Карпов, Иран,— «Основные тенденции и перспективы развития импорта ОАР, Ирана, Турции», М., 1970, стр. 110—114.
- 279 «Kayhan International», 22.IV.1965.
- 280 См. Н. И. Палюкайтис, Экономическое развитие Ирана, стр. 267—268.
- 281 Текст соглашения см. «Iran Press», 24.VII.1967.
- 282 «Bank Markazi Iran, Annual Report», 1968, стр. 134.
- 283 Промышленный комплекс в Бандар-Шахлуре самый крупный среди построенных нефтехимических предприятий. Строительство его обошлось в 240 млн. долл. Акции делятся поровну между ИННК и «Аллейд Кемикалс»

- ²⁸⁴ «Iran Press», 28.VIII.1967; 25.V.1970.
- ²⁸⁵ «Recueil des Traités Bilatéraux (en vigueur) du Gouvernement Imperial de l'Iran. 1902—1970», vol. I, Tehran, 1970, стр. 24—26.
- ²⁸⁶ «Echo of Iran», 17.IX.1968.
- ²⁸⁷ «Kayhan International», 1.VIII.1966.
- ²⁸⁸ «Plats Oilgram», 30.XII.1966.
- ²⁸⁹ «World Petroleum Report, 1969», New York, 1969, стр. 83.
- ²⁹⁰ «Bank Markazi Iran, Annual Report», 1968.
- ²⁹¹ Цит. по: А. З. Арабаджян, Международный нефтяной консорциум и экономика Ирана, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 62.
- ²⁹² Это решение было принято «большой семеркой», которые являются членами Международного нефтяного консорциума.
- ²⁹³ «Справочная» или «объявленная» цена — это такая цена, на базе которой определяется размер налога или отчислений государству — хозяину нефти.
- ²⁹⁴ Р. Андреасян, Новое в нефтяной политике ближневосточных стран, — «Международная жизнь», 1968, № 9, стр. 44.
- ²⁹⁵ «Echo of Iran», 19.IV.1969.
- ²⁹⁶ «Этгелаат», 13.XII.1966.
- ²⁹⁷ «Кейхан», 7.III.1968.
- ²⁹⁸ «Международная жизнь», 1969, № 5, стр. 123.
- ²⁹⁹ «Кейхан», 7.III.1968.
- ³⁰⁰ «Аяндеган», 29.V.1969.
- ³⁰¹ «Правда», 19.V.1969.
- ³⁰² «Кейхан», 8.X.1969.
- ³⁰³ «Международная жизнь», 1971, № 4, стр. 114.
- ³⁰⁴ Д. Пензин, Нефть и независимость, — «Международная жизнь», 1972, № 9, стр. 53.
- ³⁰⁵ «Кейхан», 26.I.1973.
- ³⁰⁶ «Christian Sciences Monitor», 3.I.1973.
- ³⁰⁷ «Кейхан», 24.VI.1973; «Этгелаат», 24.V.1973.
- ³⁰⁸ См. Г. М. Акопов, И. А. Сухарьков, Империалистические блоки, реальность и перспективы, М., 1969.
- ³⁰⁹ Президент США Л. Джонсон в своем письме от 5 июня 1964 г. премьер-министру Турции И. Инёню сообщал, что для использования полученных у американцев по линии помощи вооружений в иных целях, помимо тех, ради которых они предоставлены, Турция должна испрашивать разрешения у правительства США.
- ³¹⁰ Sheel K. Asopa, Pakistan-Turkish Relation, — «Afro-Asian and World Affairs», 1964, № 2, стр. 138.
- ³¹¹ «Kayhan International», 1.IX.1966.
- ³¹² «Кейхан», 17.X.1966.
- ³¹³ Г. М. Акопов и И. А. Сухарьков в своей книге в разделе СЕНТО несколько преувеличивают противоречия между азиатскими членами СЕНТО, в то время как основные противоречия между США и Англией, с одной стороны, Ираном, Пакистаном и Турцией — с другой, показывают слабо (см. Г. М. Акопов и И. А. Сухарьков, Империалистические блоки, реальность и перспективы, стр. 156—168).
- ³¹⁴ «Cumhuriyet», 21.VIII.1967.
- ³¹⁵ Там же.
- ³¹⁶ «Аяндеган», 11.VII.1968.

- ³¹⁷ См. «Талаш», 1347, № 14.
- ³¹⁸ «Iran Tribune», 25.V.1968.
- ³¹⁹ «Известия», I.IV.1969.
- ³²⁰ «Pakistan Times», 6.III.1967.
- ³²¹ «Echo of Iran», 28.V.1969.
- ³²² «Донья», 1974, № 3, стр. 50.
- ³²³ В принятом в 1934 г. законе территориальные воды Ирана были определены в пределах 6 морских миль.
- ³²⁴ «The International and Comparative Law Quarterly», 1960, стр. 179.
- ³²⁵ H. M. Al-Baharna, The Legal Status of the Arabian Gulf States. A study of their Treaty Relations and their International Problems. Manchester University Press, London, 1968, стр. 279—280.
- Согласно ратифицированной СССР и еще 21 государством Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г., вступившей в силу 10 июня 1964 г., к континентальному шельфу относятся поверхность и недра морского дна подводного района, примыкающие к материковому берегу (или к острову), но находящиеся вне зоны территориальных вод, до глубины 200 м или за этим пределом до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет вести разработку естественных богатств («Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», XXIII, М., 1970, стр. 101).
- ³²⁶ «Middle East Economic Survey», Beirut, 10.V.7 и 14.VI.1963.
- ³²⁷ «Middle East Economic Survey», Beirut, 22.XI.1963.
- ³²⁸ Фейсал посетил Иран в декабре 1965 г. В 1966 г. с этой же целью он совершил поездки в Иорданию, Судан, Пакистан, Турцию, Марокко и другие страны (см. Ahmed Assah, Miracle of Desert Kingdom, London, Johnson, 1969, стр. 76—122).
- ³²⁹ «Kayhan International», 1.IX.1966.
- ³³⁰ «Orient», 1967, № 2, стр. 66.
- ³³¹ «Правда», 14.XII.1967.
- ³³² «The Times», 17.I.1968.
- ³³³ В 1965 г. на содержание своих вооруженных сил на базах «к востоку от Суэца» Англия истратила 100 млн. ф. ст. (David P. Calleo, Britain's Future, London, 1968, стр. 38).
- ³³⁴ «The Economist», 10—16.II.1968, стр. 25.
- ³³⁵ «The Economist», 20.I.1968, стр. 36.
- ³³⁶ Г. Драмбянц. Персидский залив между прошлым и будущим, — «Международная жизнь», 1970, № 9, стр. 91—99; W. D. Brewer, Yesterday and Tomorrow in the Persian Gulf, — «Middle East Journal», 1969, Winter, стр. 149—158.
- ³³⁷ «Аль-Ахрам», 3.V.1969.
- ³³⁸ «Guardian», 25.V.1968.
- ³³⁹ См. «Заявления, сделанные премьер-министром Ирана А. А. Ховейдой в августе 1968 г., министром иностранных дел Захеდი в мае 1969 г. и шахом в сентябре 1969 г.», — см. «Внешние отношения Ирана в 1348 г. [1969/70 г.]», Тегеран, 1970 (на перс. яз.).
- ³⁴⁰ В. Кобыш, Уход по-английски, — «Известия», 10.III.1971.
- ³⁴¹ Еще в начале 1969 г. шах Ирана заявил: «Если они (англичане. — Авт.) хотят уйти, то их эвакуация из зоны Персидского залива должна быть действительной и основательной», — «Талаш» 1347, № 14, стр. 5.

- 342 «Внешние отношения Ирана в 1348 г.», стр. 63—69 (на перс. яз.).
- 343 «Международная жизнь», 1970, № 7, стр. 155.
- 344 «Kayhan International», 28.XII.1972.
- 345 «Народный фронт освобождения Омана и Персидского залива» создан в декабре 1971 г. в результате слияния двух организаций «Народного фронта освобождения оккупированной зоны Персидского залива» и «Национально-демократического фронта освобождения Омана» (в августе 1974 г. переименовано в «Народный фронт освобождения Омана»).
- 346 Характерно заявление «Экономиста» о том, что ликвидация военных баз Запада приведет к росту влияния Египта и Ирака в зоне залива и к усилению «арабского революционного движения» (см. «The Economist», April 12, 1969, стр. 36).
- 347 «Эттелаат», 19.XII.1966.
- 348 «Iran-Press», 8.V, 26.VI.1967.
- 349 «Iran-Press», 9.X.1967, «Кейхан», 22.II.1968.
- 350 «Kayhan International», 11.XII.1968.
- 351 «Эттелаат», 19.IV.1969.
- 352 «Аль-Ахрам», 3.V.1969; см. также: «Mid-East», 1969, May — June, стр. 22.
- 353 «Рай-аль-ам» (Кувейт), 4.V.1969.
- 354 «Внешние отношения Ирана в 1348 г.», стр. 55—56 (на перс. яз.).
- 355 «Kayhan International (Weekly)», 18.XII.1971.
- 356 «Правда», 28.XII.1974.
- 357 Обострение топливного (энергетического) кризиса в связи с арабо-израильской войной в октябре 1973 г. вызвало новое повышение цен на нефть.
- 358 «Правда», 4.I.1975.
- 359 В советско-иранском коммюнике от 21 октября 1972 г. говорится: «Было также отмечено, что освобождение Израилем оккупированных в 1967 году территорий является главным условием урегулирования этого кризиса» («Известия», 21.X.1972).
- 359a «The Middle East Journal», 1967, № 4, стр. 453.
- 360 Только в течение 1963/64—1967/68 гг. этот дефицит составил 3,5 млрд. долл.
- 361 «Известия», 8.IV.1968.
- 362 «Известия», 21.X.1972.
- 363 Текст договора см. «Правда», 13.X.1972.
- 364 См. текст: «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Шахиншахского правительства Ирана о сотрудничестве в расширении металлургического завода „Ария Мехр“ в Исфахане», — «Ведомости Верховного Совета СССР, № 23, 5. VI. 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. З. Арабаджян)	3
Иран в период монархии Реза-шаха (1925—1941)	15
Социально-экономические и политические предпосылки установления монархии Пехлеви (А. И. Демин)	15
Внутренняя и внешняя политика монархии Пехлеви в 1925—1928 гг. (А. И. Демин, В. В. Трубецкой)	40
Иран в годы мирового экономического кризиса (1929—1933) (А. И. Демин, В. В. Трубецкой)	89
Иран накануне второй мировой войны (А. И. Демин, В. В. Трубецкой)	120
Антиимпериалистическое и демократическое движение 1949—1953 гг. (С. М. Алиев)	167
Борьба за национализацию нефтяной промышленности	167
Начальный период движения	168
Англо-американский империализм в борьбе за иранскую нефть	194
Внутренняя и внешняя политика правительства Мосаддыка. Дальнейший рост антиимпериалистического и демократического движения	206
Обострение классовых противоречий и проимпериалистический переворот 19 августа 1953 г.	234
Иран в 1953—1961 гг.	262
Последствия августовского переворота (С. М. Алиев)	263
Социально-экономический и политический кризис конца 50-х — начала 60-х годов (А. И. Демин)	290
Основные направления общественно-политического и экономического развития Ирана в 60-х — первой половине 70-х годов	319
Общественные преобразования и основные тенденции социально-экономического и внутривластного развития Ирана (А. И. Демин)	319
Два направления во внешней политике Ирана (С. М. Алиев)	409

ИРАН
Очерки новейшей истории

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор С. В. Полтавская
Младший редактор Н. Н. Комарова
Художник Н. Власик
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры К. Н. Драгунова и Р. Ш. Чемерис

•

Сдано в набор 24/1 1975 г. Подписано к печати
6/II 1976 г. А-68С29. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 14,75. Усл. печ. л. 24,78. Уч.-изд. л. 26,98.
Тираж 6000 экз. Изд. № 3462. Зак. № 105. Цена
1 р. 75 к.

•

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
1-я тип. «Профиздат»
Москва, Крутицкий вал, 18.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫШЛИ:

Иран. Экономика, история, историография, литература.
14 л.

*Орлов Е. А. Внешняя политика Ирана после второй
мировой войны.* 14 л.

*Экономическое развитие стран Ближнего и Среднего
Востока.* 8 л.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов
и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичу-
ринский проспект, 12, магазин № 3 (Книга — почтой) «Академкнига».*